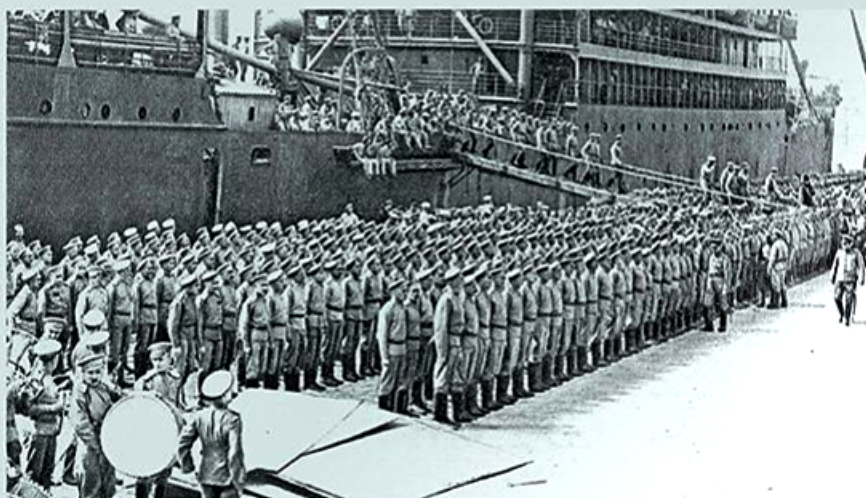

Алексей Владимирович Олейников
Россия – щит Антанты

А. Олейников

РОССИЯ – щит Антанты

Аннотация

Первая мировая война до сих пор является практически неизвестной широким массам российской общественности. Виной тому трагедия русской смуты XX века. Её ужасы заслонили от нас героизм русского солдата, который на полях Великой войны защищал «Веру, Царя и Отечество». Книга А. Олейникова «Россия – щит Антанты» поможет каждому разложить эту войну «по полочкам». Чтобы понять, что решающий клад в общую победу внесла именно русская армия. В книге представлены: подробнейший рассказ о всех битвах Первой мировой; ясная и понятная хронология событий, причин и следствий. Бережное отношение к России, бережное отношение к русскому солдату – вот главный урок Первой мировой войны для нас. Мы должны знать, что произошло в 1914–1917 годах с нашей страной, армией и народом. Знать, чтобы снова не повторить ту ошибку, которая была совершена царем и его окружением. Россия пошла защищать братьев сербов, в итоге потеряв свою собственную государственность и растеряв земли, которые наши предки собирали веками. В первую очередь думать о России – вот главная заповедь патриота...

А. Олейников Россия – щит Антанты

Первая мировая война до сих пор является практически неизвестной широким массам российской общественности. Войну с Наполеоном у нас знают куда лучше. Виной тому трагедия русской смуты, что в ходе мирового конфликта охватила Россию. Гражданская война и ее ужасы заслонили от нас героизм русского солдата, который на полях Великой войны защищал «Веру, Царя и Отечество».

Говорить, что такое отношение к героям Первой мировой несправедливо – значит не сказать ничего. Только в последнее время в нашей стране стали появляться памятники, посвященные той героической и трагической эпохе.

Почему так важно разобраться в битвах этой войны, что отстоит от нас на одно столетие? Потому что в ней мы найдем ответы на вопросы, которые помогут прояснить дальнейшие события в России.

Почему союзники России по Антанте не восстановили после своей победы территорию своего русского союзника и его государственность? Разве так поступают настоящие союзники? Отчего Россия, за которую мир с Германией в Бресте подписали большевики, не была представлена на подписании мирного договора в Версале никем? А Румыния, которая также заключила с немцами свой сепаратный мир, была туда приглашена даже раньше России? Почему румыны забрали себе российскую Бессарабию, хотя в войне мы воевали на одной стороне?

Вопросов может быть очень много. Книга А. Олейникова «Россия – щит Антанты» поможет каждому разложить Первую мировую войну «по полочкам» и понять, что решающий вклад в общую победу внесла именно русская армия.

Сильная сторона данной книги – это подробный рассказ обо всех военных операциях, оценка достижений и потерь нашей армии в той, невиданной по силе и ужасу, войне. Первая мировая – это страшный дебют не только самолетов и дирижаблей, но также танков и пулеметов. И отравляющих газов, которые не решился использовать во Второй мировой даже Адольф Гитлер. Возможно, потому что боялся их ответного применения, а может, потому что, будучи ефрейтором немецкой армии, был в 1918 году отравлен ядовитыми газами сам.

Эта книга о Первой мировой войне, о ходе боевых действий. И она не рассказывает о генезисе той войны, о том, кто и зачем ее организовал. Не говорит книга и о последующих событиях смуты и революции. Это и понятно – в рамках одного произведения невозможно охватить все.

Но тому, кто хочет понять Первую мировую, понять странное поведение союзников России по Антанте, нужно знать политическую подоплеку того, что произошло тогда.

Она такова.

Британская империя столкнула между собой двух своих конкурентов – Германию и Россию, чтобы остаться главной доминирующей силой.

В то время как Россия боролась за победу над Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, союзники старались ослабить Россию и Германию. Их задачей была не скорейшая победа над врагом, а затягивание конфликта с целью ослабления Берлина и Петрограда. Чтобы потом вызвать революцию, свергнуть монархов, а сами страны ввергнуть в хаос. «Претерпев военные лишения и возложив свой весомый вклад на алтарь общей победы Антанты над германским блоком, Россия так и не попала на “пир победителей”. Кровь лучших солдат и офицеров, напряжение экономики, смена социальной формации и политического режима – все оказалось зря», – пишет автор книги, который, не вдаваясь в политические вопросы и уделяя внимание лишь военным, затрудняет понимание причин русской трагедии 1917 года. Но зато о ВОЙНЕ А. Олейников написал совершенно исчерпывающе. Сложно что-либо добавить – четкая и ясная хронология сражений и описание постоянно «странного» поведения наших союзников.

«Успехи русского оружия на Кавказе встревожили англичан, которые уже предвидели захват русскими Константинополя. С целью опередить союзника английский Высший военный совет решил приступить 19 февраля к Дарданелльской операции», – пишет автор. На практике это означало, что без уведомления России англичане и французы ВДРУГ решили высадить десант у турецких проливов. Цель – захватить их раньше русских, по крайней мере сделать невозможным их захват со стороны России.

А до этого было затягивание вступления Франции и Англии в войну, после того как Германия уже объявила войну нам. Потом «случайный» прорыв благодаря англичанам через проливы в Турцию немецких боевых кораблей «Гебен» и «Бреслау», на которых сразу подняли турецкие флаги. Через несколько месяцев эти корабли уже стреляли по Севастополю, и Россия получила фронт на Кавказе против Турции. Далее вступление в войну на стороне Антанты других стран, каждое из которых лишь... ухудшало положение русской армии. Мы оказывались вынужденными спасать не только Париж осенью 1914 года ценой гибели армии генерала Самсонова, но и Италию, и Румынию ценой удлинения фронта и потери стратегических резервов.

Мы должны знать, что произошло в 1914–1917 годах с нашей страной, армией и народом. Знать, чтобы снова не повторить ту ошибку, которая была совершена царем и его окружением. Россия пошла защищать братьев сербов, в итоге потеряв свою собственную государственность и растеряв земли, которые наши предки собирали веками. А сербы по итогам войны получили Югославию. Которую в свою очередь потеряли, когда перестали быть нужными англосаксам.

Бережное отношение к России, бережное отношение к русскому солдату – вот главный урок Первой мировой войны. Ведь Февраль 1917 года, будучи классической «цветной» революцией, смог случиться только на фоне ослабления государства в страшной войне. Не

было бы войны – не было бы и революции, и гражданской войны.

Вот почему нашим геополитическим противникам война была очень нужна...

Введение

Вооруженное противоборство между Россией и странами Четверного союза (германского блока) в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., а также российский вклад в победу над Германией и ее союзниками – одна из интереснейших страниц истории. Однако она изобилует белыми пятнами и фальсификациями. Претерпев военные лишения и возложив свой весомый вклад на алтарь общей победы Антанты над германским блоком, Россия так и не попала на «пир победителей». Кровь лучших солдат и офицеров, напряжение экономики, смена социальной формации и политического режима – все оказалось зря. Усилия России в той Великой войне недооцениваются и поныне. Среднестатистический россиянин мало знаком с этим эпохальным событием и вспомнит в лучшем случае поражение армии А. В. Самсонова в Восточной Пруссии да Брусиловский прорыв. Между тем память наших героических предков заслуживает гораздо большего внимания.

Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась знаковым событием для всего человечества, приведшим к краху европейской модели цивилизации в историческом, культурном, демографическом аспектах, положившим начало доминированию «атлантической» модели мира.

В историографии на участие России в Первой мировой войне сложились три достаточно устойчивые точки зрения.

Первая – западная – утверждает, что крупных боевых действий на Востоке не было. Германцы якобы легко продвигались вперед, темпы их наступления определялись исключительно возможностями людей и боевой техники. В то же время слабая царская армия постоянно отступала, а если русские и вели какие-то заметные операции, то исключительно в узкоэгоистических интересах, без увязки с общими интересами союзников. Вообще, войну на Востоке представляют порой лишь бледной тенью операций на Западе. Так, Э. Вест писал: «Немцы одерживали постоянные победы на просторах востока, но, быстро наступая, они до предела растягивали линии материально-технического снабжения». ¹ А британский исследователь Дж. Уоллах вообще считал, что в рамках Антанты Россию, в отличие от Великобритании и Франции, можно причислить к равным партнерам своих западных союзников лишь *формально*.²

Вторая точка зрения – большевистская. Ее апологеты (например, М. Д. Бонч-Бруевич) рассматривали Великую войну исключительно как одну из предпосылок (в самом широком понимании) социалистической революции и Гражданской войны. Драматические события 1914–1917 гг., по сути, оказались в тени того, что произошло вслед за ними. Катастрофа российской государственности заслонила произошедшее до 1917 г., а потери Гражданской войны превысили потери русской армии в ходе боевых действий в составе Антанты. Да и вспоминать Первую мировую поначалу было не принято, поскольку многие герои войны связали свои судьбы с белым движением, а военспецы – бывшие офицеры в составе РККА – были «вычищены» из рядов Красной армии в 1920–1930-е гг. в ходе политических репрессий (так называемых офицерских призывов). Наиболее устойчивые штампы, присущие приверженцам данной точки зрения, следующие: военно-техническая отсталость России; бездарность царских генералов; их полное раболепие перед англо-французскими союзниками. Якобы привязывая свои боевые операции к требованиям Антанты, русские «расплачивались кровью» за оказанную материальную помощь.

¹ Вест Э. Иллюстрированная история. Первая мировая война. – М., 2005. С. 85.

² Wallach J. L. Uneasy Coalition. The Extended Experience in World War I. Westport, 1993.

Наконец, приверженцы третьей – современной российской – точки зрения признают определенную роль Русского фронта и заслуги России в годы Первой мировой войны. Одновременно они утверждают, что русские могли побеждать лишь турок и австрийцев, которые были слабее их (хотя Галицийская битва 1914 г. выявила, что австрийцы оказались равноценным противником, свидетельством чего являлись, в частности, сражения под Томашовым и Красником, и заслуга русской армии состояла как раз в том, что она «сломала хребет» австро-венгерской армии). Германцы же якобы оказались не по зубам русским. Возникло даже мнение, что немцы показали себя сильнее, искуснее русских, а действия германской армии – череда сплошных побед над ними: «Россия так и не смогла сражаться на равных со своим главным врагом».³

Однако реальность была такова, что Восточный (Русский) фронт являлся одним из ключевых в течение всей войны, что заметно как по составу войск германского блока, задействованных на нем, так и по уровню их потерь. Вооруженные силы одного государства (России) в течение 3,5 года удерживали фронт от Балтики до Черного моря протяженностью 1934 км (не считая 1,1 тыс. км Кавказского фронта) против совокупной боевой мощи Германской, Оттоманской и Австро-Венгерской империй. В то же время на Западном (французском) театре военных действий (от Ла-Манша до Швейцарии) на 630 км фронта против одной германской армии были сосредоточены объединенные вооруженные силы Бельгии, Франции и Британской империи, которые с 1917 г. были усилены американской армией (и это не считая иных контингентов). Если в начале войны войска коалиции Центральных держав насчитывали на Русском фронте свыше 50 пехотных и 13 кавалерийских дивизий, а на Французском фронте – 80 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, то к сентябрю 1915 г. 107 пехотных (без Кавказского фронта) и 24 кавалерийские дивизии – на русском, 90 пехотных и одну кавалерийскую дивизии – на Французском фронте. Союзники в 1915 г. (ко времени, когда главный удар Центральные державы наносили по российской армии) имели полную возможность заняться модернизацией экономики на военный лад, а также реформировать как с материальной, так и с тактической точки зрения артиллерийские средства огневого поражения. Да и в 1916–1917 гг. количество пехотных дивизий Центральных держав на Восточном фронте также превышало 100, имея тенденцию к возрастанию.

Некоторые западные историки пытались умалить роль России в поражении Германии и ее союзников. Одни заявляли, что победа была достигнута в результате операций 1918 г., когда Россия уже не участвовала в войне. Другие утверждали, что разгром Германии был вызван экономической блокадой и материальным перевесом Антанты, мобилизовавшей огромные сырьевые и промышленные ресурсы. Однако и те и другие умышленно умалчивали о том, что русская армия в течение трех лет неоднократно спасала своих союзников от военного разгрома, оттягивая на себя большие силы противника, перемалывая в ожесточенных боях его отборные войска, создавая тем самым условия для накопления сил Англии и Франции и совершенствования их боевой эффективности.

В то же время боеспособность⁴ русских войск была значительно выше боеспособности французских и других войск. Германский генерал Г. Блюментрит, во время Первой мировой войны служивший офицером на Русском фронте, следующим образом высказывался о боеспособности русской армии и армий, воевавших на Западном фронте: «Среди немецких солдат еще в Первую мировую войну широкой известностью пользовалась поговорка: “На Востоке воюет храбрая армия, на Западе стоит пожарная команда”». Еще один фронтовик В.

³ Уткин А. И. Первая мировая война. – М., 2001. С. 102.

⁴ Под боеспособностью понимаем не только пригодность войск к широкомасштабным боевым действиям (включая вооружение, укомплектованность, боевую выучку и моральный дух войск), но и возможность восстанавливаться после тяжелых потерь и боевых потрясений при сохранении моральной упругости частей и соединений, нанося при этом значительный урон противнику.

Бекман писал: «Тем удивительнее представляется та низкая оценка, которая давалась фронтовиками Запада Восточному фронту. Конечно, колоссальные по применению военной техники сражения у Вердена, на Сомме, у Шемен-де-Дам или во Фландрии, изматывающие душу и нервы бойцов, слишком были отличны от боев на Востоке, разыгрывавшихся еще по привычным рецептам прежних войн “с развевающимися знаменами и с барабанным боем”. Предвзятое мнение о легкости Восточного фронта почти не изменилось на всем протяжении войны, хотя все более и более полков, начавших войну на Западе, перекидывалось на Русский фронт, причем, как правило, это сопровождалось внезапным и резким увеличением цифры потерь».⁵

Без участия России в войне союзники не располагали бы временем для мобилизации своих ресурсов. Тем самым Россия облегчала создание материального превосходства стран Антанты, что имело большое значение для хода и исхода Первой мировой войны. Убитые и раненые на Русском фронте солдаты противника были, возможно, теми, которых не хватило германо-австрийскому командованию, чтобы промаршировать по улицам Парижа гораздо раньше 1940 г.

Русский фронт отнял у стран германского блока не только материальные и людские ресурсы, но и интеллектуальные. Лучшие представители германского (Э. Людендорф, П. фон Гинденбург, А. фон Макензен, А. фон Линзинген, Г. фон дер Марвиц, Р. фон Войрш, О. фон Белов, О. фон Гутьер) и австрийского (В. Данкль, М. фон Ауффенберг, С. Бороевич фон Бойна, Г. Кевесс фон Кевессгаза) генералитета воевали в основном против русской армии. Высший командный состав Центральных держав на других фронтах был, как правило, совершенно бесцветен. Более того, например, генерал-полковник А. фон Крук, считавшийся одним из самых талантливых военачальников кайзеровской армии и командовавший в начале войны 1-й армией на Западном фронте, допустил просчеты, которые привели к проигрышу Марнского сражения. Г. Блюментрит отмечал: «Россия явилась истинным испытанием для наших войск. Это была тяжелая школа. Человек, который остался жив после встречи с русским солдатом... знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать».⁶

Но налицо нарочитая предвзятость некоторых западных авторов при характеристике боевых действий на Русском фронте, неточности и искажения, допущенные ими. Качество работ, посвященных Французскому фронту, отличается от тех, в которых рассматривается Русский фронт. Наиболее заметно это при исследовании потерь и результативности боевых действий. Если на Французском фронте потери сторон высчитывались ежемесячно и погрешности таких подсчетов в целом невелики, то относительно Русского фронта приходится вычлнять крупницы информации, выверять данные и заниматься дополнительными подсчетами. В целом, в зарубежной историографии роль и место России в войне принижаются, что заметно как на примере объема материала, касающегося Русского фронта, так и из оценок некоторых авторов.

На основе анализа совокупности операций, осуществляемых вооруженными силами нашего государства в 1914–1917 гг., мы попытались доказать, что без усилий России не было бы победы Антанты и вклад нашего государства в победу над Германией и ее союзниками – *решающий*. Мы попытались развенчать некоторые мифы, касающиеся результативности русской армии и флота в этой войне, мифы, созданные адептами пропаганды и информационной войны Германии и Австро-Венгрии.

Первая мировая война воспринималась (и воспринимается) в нашей стране как бессмысленная, осуществляемая Россией исключительно в интересах западных союзников.

Но государь император Николай II был неплохим стратегом и прекрасно понимал

⁵ Бекман В. Немцы о русской армии. – Прага, 1939. С. 10.

⁶ Блюментрит Г. Роковые решения. – М., 1958. С. 73.

сущность коалиционных и глобальных войн. В них имеют значение не непосредственные противоречия между государствами, а перспективы дальнейшего цивилизационного развития.

Очевидно, что без наличия в 1914 г. Русского фронта англо-французы были бы быстро разгромлены – и тогда германский блок всей своей мощью стал бы решать свои проблемы на Востоке. И тогда наступило бы расчленение России. Известно о притязаниях Германии на прибалтийские губернии России и о мечтах Османской империи о «Великой Турции». На определенном этапе истории любая империя стремится не присоединять новые территории, а удержать то, что имеет. Остаться великой державой, не вступив в войну в 1914 г., Россия просто не могла. Россия – не Америка, и быть в стороне от глобального европейского конфликта, вступив в войну, когда захочется, ей бы просто не дали. Речь шла о сохранении статуса великой державы. Именно поэтому война – великая.

Вопрос стоял о том, на стороне какого блока воевать. Как показывает история, союз России с Германией – явление временное и им в любом случае придется воевать. Вопрос только в том, какова стартовая позиция в этой борьбе за гегемонию в Европе, кто союзники. Воевать с Германией один на один России было бы так же тяжело, как и Франции (события 1940–1941 гг. это полностью подтвердили).

Но и непосредственные цели войны были очевидны. Россия выполняла союзнический долг перед Францией и оказывала помощь Сербии, подвергшейся агрессии. С середины же 1915 г., когда боевые действия пришли на российскую землю, война стала Второй Отечественной – в защиту своей Родины.

Система послевоенного устройства, организуемая императорским правительством, оказывалась достаточно стройной.

В случае победы вдоль наших границ выстраивалась цепочка дружественных государств-сателлитов (если угодно, в чем-то схожая с системой безопасности Восточной Европы после Второй мировой войны). Это дружественная и получившая независимость из рук нашего государя Польша, Чехия (во главе с королем из дома Романовых), Югославия (где знаковую позицию занимала спасенная Россией Сербия) и Великая Армения (мало кто знает, например, что высочайшим приказом от 1 января 1917 г. из армян и добровольцев было образовано Евфратское казачье войско). Возможно, в эту систему вошла бы демилитаризованная Германия или ее часть.

А вот если бы Российская империя в условиях коалиционной войны уклонилась от выполнения союзнического долга, то она была бы растерзана победоносными германо-австро-турецкими войсками, которые ПОЛНОСТЬЮ после разгрома Франции и Сербии оказались на границах России со всеми вытекающими последствиями. Так что русский солдат в 1914 г. воевал за СОХРАНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ нашей Родины и ее статус великой державы Европы и мира.

Первая мировая война, одно из ключевых событий мировой истории, не должна быть «забытой и неизвестной», в том числе усилиями российских историков.

Последний российский император Николай II совершенно справедливо отмечал, что «написание истории этой кампании потребует титанических усилий»,⁷ но это не должно останавливать отечественных исследователей.

Глава первая. Россия спасает союзников от разгрома и срывает план молниеносной войны германского блока (кампания 1914 г.)

§ 1. Россия и Антанта – место Российской империи в коалиции держав Согласия

⁷ Sir John Hanbury-Williams. The Emperor Nicholas II. As I knew him. London, 1922. P. 73.

Мировую войну 1914–1918 гг. принято считать вооруженным столкновением двух могущественных коалиций европейских стран – Антанты и Центрального (Тройственного) блока за передел уже поделенного мира, колонии, сферы влияния и приложения капитала. Это не совсем и не только так – различные государства имели различные жизненные интересы, далеко не все из них обладали колониями. Фактически это была первая тотальная война в Европе против германской гегемонии (лишь несколько европейских стран не были вовлечены в мировую войну).

Германия еще в 1879 г. заключила военный союз с Австро-Венгрией, направленный против России и Франции, к которому в 1882 г. присоединилась Италия. Образовался Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, положивший начало разделу Европы на враждебные коалиции. В ответ Россия и Франция в 1891–1893 гг. создали свой союз. В 1904 г. Англия заключила соглашение с Францией; образовалась англо-французская Антанта (от франц. *entente* – согласие), а в 1907 г. – с Россией. Так, в 1907 г. в противовес блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии был создан союз Англии, Франции и России, именуемый Тройственным соглашением, или Антантой.

Создание Антанты было реакцией на сколачивание Тройственного союза и усиление Германии и одновременно попыткой не допустить германской гегемонии на Европейском континенте. Впоследствии в связи с распадом Тройственного союза (Италия в 1915 г. присоединилась к Антанте) оформился германский блок, или Четверной союз (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария).

Стоит отметить фактическое отсутствие крупных русско-германских противоречий и существование значительных русско-австрийских противоречий на Балканах (во многом именно это способствовало тому, что Австрийский фронт считался в России главным). Каждая из держав, вступившая в войну, преследовала свои интересы. Россия стремилась отреагировать на германские намерения ослабить ее влияние среди европейских держав с возможным изъятием Польши, Прибалтики и части Украины (это носило скорее теоретический характер), сдержать экспансию Австро-Венгрии на независимые государства на Балканах (Сербию, Боснию, Герцеговину) и укрепить свои позиции среди славянских народов Балкан. Кроме того, Россия стремилась овладеть черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, имевшими важнейшее экономическое и политическое значение. Последнее – главная стратегическая задача, гораздо более важная для России, чем все прочие.

Следует напомнить основные вехи формирования Антанты: в 1891 г. было подписано соглашение между Российской империей и Французской республикой о создании франко-русского союза, 5 августа 1892 г. заключена военная конвенция между Россией и Францией, в 1904 г. было подписано франко-английское соглашение, а в 1907 г. – русско-английское.

Великобритания перед лицом угрозы германской гегемонии была вынуждена оставить традиционную политику «блестящей изоляции» и перейти к политике блокирования самой сильной на тот момент державы континента – Германии. Важным стимулом для подобного выбора Англии послужила немецкая военно-морская программа, а также колониальные притязания Германии. В 1908 г. русский и британский монархи обменялись мнениями по поводу возможной совместной войны против Германии.

В соответствии с франко-русской военной конвенцией Россия должна была выставить против Германии армию в 800 тыс. человек, облегчив положение французской армии, насчитывавшей 1 млн 300 тыс. человек. Конвенция предусматривала взаимную помощь союзников всей совокупностью свободных сил, одновременность мобилизационных усилий, при этом главным противником объявлялась Германия. Но соглашение носило общий принципиальный характер и не учитывало специфики возможной коалиционной войны. Вместе с тем союз с Россией «изменял положение Франции в Европе, создавал для нее несравненно более выгодное положение среди других европейских государств. Он явился

важнейшей предпосылкой существования Франции как великой европейской державы».⁸

Англия придавала союзу с Россией очень большое значение, так как понимала, что Франция даже с помощью английской экспедиционной армии не могла противостоять сухопутным войскам Германии. Русско-английское соглашение 1907 г. касалось Тибета, Афганистана и раздела сфер влияния в Иране.

Французский генеральный штаб стремился добиться от своего русского союзника скорейшего энергичного наступления именно на германском театре военных действий. Союзники рассчитали время, необходимое для того, чтобы действия русской армии могли коренным образом повлиять на события на Западном фронте: было определено, что она может войти в первый контакт с германской армией на 14-й день боевых действий; наступление против Германии начнется на 23-й день; воздействие русских войск на Западный (Французский) фронт станет сказываться приблизительно на 35-й день после начала мобилизации, когда русские достигнут линии Торн – Алленштейн.⁹

На совещании начальников союзных генеральных штабов в Красном селе в 1911 г. было определено, что русские войска на Германском фронте должны начать активные действия после 15-го дня мобилизации, продвигаясь: 1) либо в общем направлении на Алленштейн, если противник сосредоточит свои войска в Восточной Пруссии; 2) либо в направлении на Берлин, если германские войска сосредоточатся в районе Торн – Познань. По свидетельству русского военного министра В. А. Сухомлинова, значительное внимание на франко-русских консультациях уделялось сокращению мобилизационного времени.¹⁰ Французы желали, чтобы Россия с самого начала удержала перед собой 5–6 германских корпусов, в свою очередь обещая при направлении германцами главного удара против России перейти в решительное и смелое наступление против Германии.

Тем не менее в планировании союзников и их общении присутствовали значительные недостатки. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов дал следующую характеристику вышеупомянутым франко-русской конвенции и совещаниям начальников генеральных штабов держав-союзниц: «Что касается военной конвенции, то таковая вследствие слишком общего характера ее подвергалась впоследствии неоднократно обсуждениям и уточнениям, причем, однако, никогда не менялся оборонительный характер ее задания. Основное условие, при котором должны были начать осуществляться предусмотренные конвенцией меры – “условие враждебной инициативы Германии”, – оставалось фундаментом происходивших совещаний. Обсуждению подвергались лишь частности конвенции, устанавливавшие размеры помощи, время и направление ее, а также другие данные технического порядка, как, например, условия обеспечения взаимной связи, развития железнодорожного строительства и т. д. Очевидно, что конвенция, заключенная еще в мирное время, могла предусматривать вопрос о совместных действиях лишь в первоначальный период войны... Но даже столь важный и существенный вопрос, как вопрос обеспечения единства действий, в течение дальнейшего периода войны никогда в обсуждениях затронут не был, что и должно было привести к той несогласованности этих действий, которая... была причиной весьма многих неудач и создала... чрезвычайно благоприятную обстановку для Центральных держав, занимавших в отношении своих противников выгодное, в смысле стратегическом, внутреннее положение».¹¹

⁸ История Первой мировой войны. – М., 1975. С. 56.

⁹ Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 гг. // Исторические записки. Вып. 77. – М., 1965. С. 61.

¹⁰ Сухомлинов В. А. Воспоминания. – Минск, 2005. С. 217.

¹¹ Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. – М., 2006. С. 138.

Кроме того, главным политическим противником России (что совершенно игнорировалось нашими союзниками) была все же не Германия, а Австро-Венгрия. Большим минусом довоенного общения союзников было также то, что вопрос о едином командовании и общем плане войны даже не ставился.

Вышесказанное наложило существенный отпечаток и на русское стратегическое планирование. В 1912 г. был принят русский план стратегического развертывания в двух вариантах: план «А» – главный удар против Австро-Венгрии, план «Г» – основные военные усилия направлялись против Германии. Решающим было то, куда будет направлена главная часть германской военной мощи – против России (тогда вступал в силу план «Г») или Франции (в этом случае задействовался вариант «А»). Русское командование пыталось увязать собственно русские интересы с обязательствами перед Францией.

По плану «А» предполагалось наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы. Задачей русских войск Германского фронта являлось нанесение поражения германским войскам, оставленным в Восточной Пруссии, и овладение последней в качестве плацдарма для дальнейших действий. Австрия же подлежала решительному разгрому. Таким образом, предусматривались ограниченная операция против Восточной Пруссии и операция с решительными целями против Австро-Венгрии.

По плану «Г» предполагался решительный переход в наступление против германских войск в Восточной Пруссии, действия противника на остальных фронтах подлежали сдерживанию. Задача русских армий Австрийского фронта в последнем случае была более скромной: не пропустить противника в тыл русским войскам, действующим против Германии.

Исходя из количественных показателей сосредоточения русских войск, следует отметить, что вопреки предвоенным совещаниям начальников штабов союзных армий русское стратегическое планирование рассматривало в качестве главного противника не Германию, а Австро-Венгрию, что диктовалось собственно русскими интересами. Русский военный историк и участник войны генерал-лейтенант Н. Н. Головин совершенно справедливо считал, что главный удар против Австрии несколько не противоречил положениям франко-русской конвенции, так как первый удар против Австрии – это не прямое стратегическое воздействие на главного врага – Германию.¹² И угроза уничтожения австрийских войск на более благоприятном для боев театре военных действий (в Галиции) с большей вероятностью вызовет переброску германских сил с Французского фронта на помощь союзнику, чем русское вторжение в менее маневродоступный район (Восточную Пруссию). Отметим, что в этом специфика коалиционной войны – немцы не могли игнорировать поражение союзника под угрозой проигрыша войны всем блоком.

Забегая вперед, отметим, что в долгосрочной перспективе именно это и произошло – немцам пришлось наращивать силы против России под угрозой военного ослабления Австрии. Но вместе с тем в краткосрочной перспективе именно русское вторжение в Восточную Пруссию вызвало наиболее быструю реакцию противника, что в кратчайшие сроки сказалось на положении Французского фронта.

Здесь необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что Первая мировая война была коалиционной. Это означало в том числе, что союзники должны помнить друг о друге во время проведения боевых операций и руководствоваться прежде всего не узкоэгоистическими интересами собственного фронта, а пользой коалиции в целом. В смысле взаимовлияния событий на разных фронтах Антанты на общее положение блока эта ситуация была похожа на сообщающиеся сосуды: поражение на Востоке влекло победу на

¹² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. – Париж, 1936. С. 36.

Западе и наоборот.¹³

Ряд исследователей упрекают Россию за разброс сил (две армии, или 35 %, сил против Германии и четыре армии, или 55 %, против Австро-Венгрии), забывая о том, что Первая мировая война – коалиционная и России нельзя было допустить поражения Франции и в своих интересах, так как в этом случае Германия все равно бы перебрасывала свои высвободившиеся армии на Восточный фронт и совместно с Австро-Венгрией сминала русские армии. Более того, никакие русские успехи в противостоянии с Австрией в тот момент не смогли бы компенсировать вывод Германией из войны Франции. Направив все силы против австрийцев и сокрушив Австро-Венгрию, Россия оказалась бы один на один со всей германской, остатками австрийской и в перспективе турецкой армиями, ведь Французский фронт к тому времени прекратил бы свое существование.

Тем не менее в предвоенный период в России в компетентных кругах присутствовало определенное недовольство стратегическим планированием и считалось, что план войны «был во многих отношениях невыгоден для России, так как русские силы сосредоточивались против пустого почти пространства на германском фронте, тогда как Австро-Венгрия в это время направляла против нас главные свои силы».¹⁴ Но Россия сознательно приносила в жертву возможность нанесения быстрого и решительного поражения одному из своих противников ради интересов всей коалиции.

Русское командование по объективным причинам¹⁵ не могло выполнить обещания, данного союзникам, о сосредоточении против Германии 800-тысячной армии и решительном наступлении сразу после 15-го дня мобилизации. По плану 1912 г. на Северо-Западный фронт против Германии выделялось, и то лишь к 40-му дню мобилизации, не более 450 тыс. штыков и сабель, а на 15-й день – не более 350 тыс. человек (реально было еще меньше). По условиям развертывания вооруженных сил на 15-й день мобилизации Россия могла сосредоточить одновременно против Германии и Австро-Венгрии лишь 27 пехотных и 20 кавалерийских дивизий, то есть треть всех своих сил; для переброски следующей трети требовалось еще восемь дней, последние части прибывали вплоть до ноября 1914 г.¹⁶ Военная наука требовала ждать сосредоточения войск – в противном случае наспех атаковавшие войска оставались без второочередных частей, тяжелой артиллерии и тыловых структур. Но перспектива разгрома союзника обязывала российское руководство пожертвовать национальными интересами ради общесоюзных. И помощь союзникам по Антанте закладывалась в основу русских оперативных планов.

Соответственно, военные и моральные факторы скорейшего наступления русских войск вглубь Германии определялись следующим образом: «Каждый день ускорения имеет для наших союзников громадное значение ввиду их впечатлительности и опасения, что им одним придется долгое время вынести всю тяжесть войны... Вы не можете вообразить, какое впечатление произведет у нас (французов. – *А. О.*) известие, что русская армия перешла в

¹³ Ситуация изменилась, когда не стало Русского фронта. Германское командование получило свободу действий лишь с началом выхода России из войны – это освободило массу германских войск на Русском фронте и позволило немецкому командованию сосредоточить в начале 1918 г. 4/5 всех своих сил на французском фронте. Союзники почувствовали отсутствие Русского фронта очень болезненно – лишь вступление в войну США позволило выправить ситуацию.

¹⁴ *Валентинов Н. А.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч.1. – М., 1920. С. 13.

¹⁵ Прежде всего вопросы мобилизации и транспортной инфраструктуры.

¹⁶ *Емец В. А.* Указ. соч. С. 64.

наступление». ¹⁷

Принятый русским Генеральным штабом план одновременного наступления против Австро-Венгрии и Германии, казалось бы, отвечал задачам нанесения решительного поражения австро-венгерским армиям и оказания быстрой и эффективной помощи Франции путем наступления в Восточной Пруссии. Но он наталкивался на непреодолимые трудности, главной из которых была недостаточность сил русской армии на начальном этапе войны. Огромный фронт, постепенность подвоза сосредотачиваемых войск при маневренных боевых действиях накладывали значительный отпечаток на первые операции русской армии. Именно недостаточность сил и недоотмобилизованность русских войск привели к поражению в Восточной Пруссии и более скромному, чем планировалось, результату в Галицийской битве.

Так, против русских войск Северо-Западного фронта, насчитывавших на бумаге 30 дивизий (реально – на треть меньше), ожидалось 16–25 германских дивизий. Фактически 16 немецких дивизий, равнявшихся по своей огневой мощи 20–22 русским и опиравшихся на выгодные оборонительные рубежи Восточной Пруссии, могли легко противодействовать наступлению 22–24 русских дивизий. На главном (Австрийском) фронте против 44–47 австро-германских дивизий могло быть выставлено максимально до 42,5 русских дивизий, к тому же с более поздними сроками готовности. При данной расстановке сил трудно было ожидать решающего успеха на обоих операционных направлениях. Но союзнический долг обязывал действовать активно.

Перед войной русская армия представлялась англо-французским союзникам неисчерпаемым резервуаром людских ресурсов, а ее натиск ассоциировался с паровым катком. Отсюда и одно из ведущих мест России в Антанте, по сути дела – важнейшего звена триумвирата Франции, России и Великобритании. Политическое и военное давление союзников на Россию осуществлялось в течение всей войны, но особенно сильно в августе 1914 г., в период обострения кризиса на англо-французском Западном фронте за всю войну. Именно интересы союзников накладывали наибольший отпечаток на все русское оперативное планирование и ход боевых действий.

Три года русская армия оттягивала на себя значительные силы противника и, как только он предпринимал серьезные действия на западе, приходила на помощь союзникам. Это дало возможность Англии и Франции мобилизовать все свои ресурсы, а США развернуть производство, мощную армию и всесторонне подготовиться для вступления в войну. Без присутствия в Антанте России была немыслима сама возможность противоборства Франции и Англии с Германией на Европейском континенте.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что Россия была ключевым участником Антанты как на момент начала войны, так и в ее ходе. Ожидания союзников, а также указанный ниже вклад России в общую победу – ярчайшее тому доказательство.

§ 2. «Германцы в Париже не будут» – вклад в спасение Французского фронта Антанты и срыв германского стратегического планирования (Восточно-Прусская операция)

Да не забудется никогда, что энергия и исключительная жертвенность, с которой Россия выполнила свое наступление, спасла союзников осенью 1914 года. ¹⁸

¹⁷ Там же. С. 65.

¹⁸ Высказывание министра иностранных дел Великобритании Э. Грея.

Цит. по: Будберг А. П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. – Париж, 1939. С.8.

Оперативное планирование сторон прошло под сильнейшим давлением плана Шлиффена для германского блока и плана Фишера для Антанты. Российское планирование (планы «А» и «Г»), австро-венгерский план «Р» и французский «План 17» в своей основе отражали это обстоятельство.

У Германии был единственный шанс выиграть войну на два фронта – использовать преимущества внутренних операционных линий, разгромить противников по частям. Иначе говоря, разгромить Францию, пользуясь разницей в сроках между французской и русской мобилизациями. Соответственно, от германских сил, изначально развертываемых на востоке (8-я армия в Восточной Пруссии), требовалось лишь держать фронт в течение 10–12 недель. Ради достижения своей главной цели внешней политики – сокрушения Франции – немцы жертвовали интересами своего австрийского союзника, который обрекался на поражение и потерю Галиции, предполагалось ими и оставление Восточной Пруссии. Исходя из экономических и политических предпосылок, Германия вести войну на истощение не могла.

Как отмечалось выше, в связи с особенностями стратегического планирования внимание русского руководства было приковано к двум театрам военных действий – восточно-прусскому и галицийскому. По сути, проводились две самостоятельные фронтовые операции – первая в интересах союзников (прежде всего Франции), вторая в собственно российских интересах.

Восточно-прусское направление (8-я германская армия против русского Северо-Западного фронта в составе 1-й и 2-й армий) было второстепенным и для России, и для Германии, но именно здесь решилась судьба мировой войны.

По срокам мобилизации Центральные державы значительно опережали Россию. Так, 8-я армия была отмобилизована уже к концу июля, а к концу первой недели августа – ландверный корпус Р. фон Войрша в Силезии. В то время проблемы, связанные с нехваткой людей, лошадей, имущества, преследовали русские войска (особенно сказались на действиях 2-й армии А. В. Самсонова).

Говоря о театре военных действий, следует отметить, что район Мазурских озер препятствовал согласованным действиям крупных войсковых масс (озера разрывали единый порядок русского развертывания на две части), нельзя не упомянуть и различную колейность железных дорог противников и их густоту. Совершенно обоснованным представляется следующая характеристика восточно-прусского театра военных действий: «Восточная Пруссия по справедливости считается самым трудным театром войны в Европе. Правильнее даже считать эту провинцию целой сплошной громадной крепостью, до того сильны препятствия на этом театре как естественные, так и искусственные, возведенные немцами».^[19]

Целью русских в Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта 4 августа – 1 сентября 1914 г. (командующий генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский) было захватить кенигсбергский выступ и обеспечить правый фланг войск в Польше, окружить и уничтожить германские войска в Восточной Пруссии. Наступление 1-й армии планировалось севернее Мазурских озер с охватом левого фланга противника. 2-я армия должна была наступать в обход Мазурских озер с запада, чтобы разбить немецкие корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами, и воспрепятствовать отходу немцев за Вислу.

Цель действий 8-й германской армии состояла в сковывании русских сил и выигрыше времени для переброски германских войск с Западного фронта после поражения Франции. Германское командование по ходу развития событий не исключало возможности оставления Восточной Пруссии и отхода за Вислу.

Таким образом, для Северо-Западного фронта операция носила наступательный характер, а для 8-й германской армии – характер активной обороны (защитить Восточную Пруссию можно было только активным маневрированием, для чего местность с густой сетью шоссе и железных дорог была весьма удобна).

В силу как объективных (наличие Мазурских озер), так и субъективных (отсутствие согласованности в действиях командующих 1-й и 2-й русскими армиями, а главное – ненадлежащее руководство операцией со стороны командования фронтом) факторов фактически проводилась не единая фронтовая, а две обособленные армейские операции.

Говоря о группировке русских войск, следует отметить, что ряд частей в состав армий не попали, а были сосредоточены в Польше, впоследствии войдя в состав 9-й армии. Более того,

был изъят ряд частей в ходе операции. В частности, полагая, что предназначенных против Восточной Пруссии сил хватит с избытком, и стремясь развернуть операции на левом берегу Вислы, Ставка Верховного Главнокомандующего ослабляет 1-ю армию на один корпус, перебрасывая в ходе операции гвардию и 1-й армейский корпус к Варшаве (компенсация осуществляется в виде 20-го армейского корпуса). Не успевали к наступлению и казачьи полки, которые должны были нести службу войсковой конницы. Всего в составе Северо-Западного фронта имелось 17,5 пехотных, 8,5 кавалерийских дивизий, 1,1 тыс. орудий (из них 36 тяжелых), 250 тыс. человек: 6,5 пехотных и 5,5 кавалерийских дивизий (402 орудия, до 100 тыс. человек) в 1-й армии и 11 пехотных, 3 кавалерийские дивизии (702 орудия, 150 тыс. человек) во 2-й армии.

В этот период пехотная дивизия – главная тактическая и организационная единица, выражающая боевую силу государства в Первой мировой войне. Особенно стала цениться степень оснащения пехотной дивизии и армейского корпуса артиллерией – в эпоху тактики огневого боя главной силой становится количество орудий и оснащение ими полевых войск. В огневой мощи германские и австрийские корпуса превосходили русские. Ситуация усугублялась в связи с хроническим некомплектом русских пехотных частей. Именно поэтому количество русских дивизий на фронте почти повсеместно превосходило количество германо-австрийских, но это не всегда отражало реальное соотношение сил.

В той или иной мере это характерно и для Французского фронта – в августе 1914 г. 79,5 пехотных дивизий германской армии противостояли 89 дивизиям союзников России. Мы это отмечаем для того, чтобы формальное количественное преобладание русских соединений над противником в течение всей войны ни в коей мере не воспринималось как реальное превосходство русских над немцами в числе и тем более в огневой мощи.

Применительно к Восточно-Прусской операции отмечается не только превосходство немцев над каждой из русских армий (в придачу к таким немаловажным факторам, как наличие укреплений и знание местности), но и общее превосходство германцев в силах^[20] (учитывая общий некомплект русских армий, отвлечение полевых войск на охранные и коммуникационные задачи, а также тот факт, что огневая мощь русской дивизии равнялась примерно 1/2 германской,^[21] а ландверные (второочередные) части Германии по командному кадру и подготовке почти не отличались от полевых, лишь несколько уступая им в артиллерии).

В условиях кризиса 1915 г. состав русских дивизий еще более резко отличался от германо-австрийских. Если первые исчислялись сотнями штыков, то вторые аккуратно пополнялись и представляли собой полнокровные боевые единицы. Ситуация несколько начала выправляться с конца 1915 г. – начала 1916 г., но огневое превосходство дивизии противника имели всегда.

К началу операций на Русском фронте у немцев в составе 8-й армии генерал-полковника М. фон Притвица имелось 16 пехотных дивизий (200 тыс. человек при 1044 орудиях, из них 156 тяжелых) плюс 2 дивизии Силезского ландверного корпуса. В дальнейшем были осуществлены переброски подкреплений, в их числе с Французского фронта прибыли 11-й армейский корпус, Гвардейский резервный корпус, 8-я кавалерийская дивизия. Они соединения прибыли уже в конце операции, поучаствовав в первом сражении у Мазурских озер. 1-я ландверная дивизия (Гольца) также была переброшена на усиление 8-й армии с датско-германской границы. Но она, в отличие от корпусов с Французского фронта, была переброшена раньше, в момент смены командования 8-й армии, когда она отступала после Гумбиннена.

Стоит отметить, что для 1-й русской армии второочередные пехотные дивизии, тяжелая артиллерийская бригада, а также второочередные казачьи части, приданные в качестве войсковой конницы, к началу наступательной операции не прибыли. В 1-й армии тяжелых орудий не было (хотя предполагалась осада Кенигсберга). Во время сражения в состав 2-й армии прибыли 36 тяжелых орудий, и на бумаге число орудий достигло 738.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что русские оставляли свои полевые части по тыловым гарнизонам (второочередные дивизии, составлявшие немалую часть сил фронта, находились еще в процессе развертывания), это в общей сложности отвлекло примерно 2,5 пехотной дивизии. Что касается немцев, то они стремились выводить крепостные второочередные войска в поле, а немецких орудий насчитывалось с учетом крепостных 1131.

Соотношение сил (тем более при наступательной операции русских) оказалось явно не в пользу Северо-Западного фронта. По сравнению с 8-й германской армией 1-я и 2-я русские в отдельности были слабее, на чем германцы и построили свой маневр.

Мы столь подробно рассмотрели соотношение сил противников, поскольку в работах некоторых иностранных специалистов присутствуют домыслы и откровенные инсинуации, искажающие реальность. Причем фантастические цифры кочуют из одних «трудов» в другие. Так, австрийский историк В. Раушер писал: «1-я (Неманская) армия, насчитывавшая 246 тысяч человек и 800 орудий, отрезет немецкие войска от Кенигсберга, а 2-я (Наревская) армия, имевшая в своем составе 289 тысяч человек и 780 орудий, воспрепятствует отходу немецких войск на Вислу. Немецкие войска насчитывали всего 210 тысяч человек и 600 орудий и, понятно, были слабее наступающих».^[22] Комментарии, как говорится, излишни.

Не закончив полностью сосредоточение в связи с настойчивой просьбой французов о помощи, 1-я и 2-я армии перешли в наступление. Операция проводилась в интересах Французского фронта; многократно просьбы о скорейшем ее начале передавались представителями дипломатического корпуса и военного руководства союзников.

Структура операций русских армий была следующей.

Операции 1-й армии осуществлялись в направлении Владиславов – Сувалки путем наступления на фронт Инстербург – Ангербург.

4 августа произошло сражение под Сталлупененом. Оно вылилось во встречный бой между 1-м германским и 3-м русским армейскими корпусами (центр боевого порядка 1-й армии) с подходом других войск. Частям русской 27-й пехотной дивизии противостояли германские 1-я и 2-я пехотные дивизии 1-го армейского корпуса. Начавшись неблагоприятно для русских (заминка и временный отход 105-го пехотного полка 27-й пехотной дивизии), бой закончился поражением немцев, отошедших к Гумбиннену: «В итоге дня 17 августа (по новому стилю. – А. О.) 1-й германский корпус потерпел поражение. 1-я пехотная дивизия была серьезно потрепана, потеряв часть артиллерии; 2-я пехотная дивизия, действовавшая на широком фронте, была отброшена превосходными силами русских».^[23]

6 августа было знаменательно сражением русской кавалерии (крайний правый фланг Русского фронта, корпус хана Г. Нахичеванского) с бригадой прусского ландвера у Каушен. Эскадронам пришлось вступить в бой с ландверной пехотой 6-й и 2-й бригад при поддержке артиллерии. Атака спешенной гвардейской кавалерии успеха не имела, но поражение немцев решила конная атака 3-го эскадрона конной гвардии ротмистра барона П. Н. Врангеля. Несмотря на сильный артиллерийско-ружейный огонь противника и выбытие из строя офицеров, германская батарея на ключевой позиции была захвачена.

7 августа развернулось Гумбинненское (Гумбиннен-Гольдапское) сражение – встречный бой с попыткой германского охвата русского 20-го армейского корпуса. Соотношение сил:^[24] 74,4 тыс. штыков немцев при 224 пулеметах против 63,8 тыс. штыков русских при 252 пулеметах; 408 русских орудий против 408 легких и 44 тяжелых германских орудий.

Главный удар наносили 1-й и 17-й германские армейские корпуса. Русский 20-й армейский корпус, несмотря на тяжелую обстановку, выдержал удар и перешел в контратаку. Контрудар русских частей вызвал панику в 1-м германском корпусе, и его правый фланг в беспорядке стал откатываться назад. К этому времени был разбит и 17-й германский армейский корпус – 3-й русский корпус поймал его в огневой мешок. В германском описании войны говорилось: «Великолепно обученные войска, позднее всюду достойно себя проявившие, при первом столкновении с противником потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах 8000 человек – треть всех наличных сил, причем 200 офицеров было убито и ранено».^[25] Как отмечал русский участник боя: «На наш средний армейский корпус, 3-й генерала Епанчина, наступал 17-й германский корпус знаменитого генерала Макензена, едва ли не лучший во всей германской армии... Пехота Макензена, поддержанная сильнейшим огнем сразу развернувшейся артиллерии, перешла в решительное наступление и атаковала русский центр, проявив в этом встречном бою выдающийся наступательный порыв... Скоро немцы попали в устроенный здесь русским военным искусством огневой мешок, который наша артиллерия простреливала насквозь. Эта огневая ловушка их погубила. Жестоко расстреливаемые метким и сосредоточенным огнем нашей артиллерии,

немцы к четырем часам дня дрогнули и неудержимой волной хлынули назад всей боевой линией, причем казалось, что паника одолела самую прочную немецкую дисциплину».^[26]

35-я и 36-я пехотные дивизии немцев, потеряв моральную устойчивость и сея в тылу панику, отошли за р. Ангерап. Вечером 7 августа фон Притвиц, подводя итоги сражения, нашел невозможным дальнейшее продолжение предпринятой им наступательной операции.

Это было первое серьезное поражение немцев в войне.

Исследователь кампании 1914 г. на северо-западном театре военных действий профессор И. И. Вацетис констатировал: «8 германская армия в бою под Гумбиненом потерпела крупную неудачу, которая при продолжении боя могла бы обратиться в катастрофу».^[27] Полковник Ф. Храмов отмечал: «Сражение под Гумбиненом выиграно русскими войсками. Они нанесли крупное поражение четырем германским дивизиям, имея со своей стороны значительно потрепанной только одну (28-ю) дивизию».^[28]

Итогом сражения стали: а) смена командования 8-й германской армии и начало ее отступления на Вислу; б) самое главное – немцы приняли решение перебросить на восток с Французского фронта 6 корпусов. Три из них начали переброску (причем два из них так ослабленного и наиболее ответственного германского правого крыла, наносившего удар через Бельгию, – 11-й армейский и Гвардейский резервный корпус; готовился к переброске также 5-й армейский из армии кронпринца). 5-й корпус был выведен с фронта и начал грузиться в эшелоны, но переброшен не был – надобность отпала. Перебрасывалась также 8-я саксонская кавалерийская дивизия.

9 августа продвижение 1-й армии было возобновлено, но соприкосновение с отходящим противником утрачено. Двухдневная остановка 1-й армии после Гумбинена оказалась роковой для войск 2-й армии А. В. Самсонова.

В дальнейшем 1-я армия увлеклась осадой Кенигсберга, ее левый фланг (1-я кавалерийская дивизия) должен был войти в соприкосновение со 2-й армией, но безрезультатно.

Параллельно осуществлялись операции 2-й армии. Она имела своей задачей главные силы направить на фронт Рудшани – Ортельсбург (во фланг и тыл линии Мазурских озер).

10–11 августа произошел бой 15-го армейского корпуса 2-й армии с 20-м германским армейским корпусом у Орлау – Франкенау, окончившийся поражением немцев. Разгром группы генерала О. фон Шольца (3,5 пехотной дивизии, костяк которых составлял 20-й армейский корпус) на южной границе Восточной Пруссии создал предпосылки для успешного наступления армии А. В. Самсонова. «8-я пехотная дивизия русских энергичным ударом захватила с налета высоты у Орлау, а оборонявшую их 73-ю бригаду 37-й германской дивизии отбросила в северном направлении. Одновременно 6-я пехотная дивизия русских сосредоточенным артиллерийским огнем нанесла серьезное поражение 70-й ландверной бригаде».^[29]

Этот бой стал вторым крупным успехом русских армий в Восточной Пруссии после Гумбинена. Отбросив войска 20-го германского корпуса к северу, 2-я армия открыла себе путь вперед.

К сожалению, дальнейшие ошибки и неумение командования армии объективно оценить обстановку не позволили развить достигнутый успех. Уже с начала операции руководство армией начало допускать ошибки. Главная проблема заключалась в том, что «если бы генерал Самсонов знал действительную обстановку, а не наступал вслепую, то следовало всеми силами 13-го и 15-го корпусов и 2-й пехотной дивизии обратиться против группы Шольца и до окончания перегруппировки 8-й германской армии нанести ей решительное поражение. Но Самсонов представлял себе обстановку в соответствии с информацией фронта в том виде, что германцы отходят к Висле, а потому спешил на север, чтобы отрезать им пути отхода».^[30]

С 11 августа «в руки германского командования начали регулярно попадать русские радиогаммы оперативного характера, а иногда и армейские боевые приказы, которые германцы доставали якобы у убитых офицеров. Это указывает на то, что у них неплохо работала агентурная разведка... С этого дня германцы действовали, имея открытыми карты противника».^[31]

Ситуация усугубилась и тем обстоятельством, что штаб 2-й русской армии оторвался от войск на пять переходов, что чрезвычайно осложнило управление войсками, особенно при недостатке технических средств связи. К тому же остановка 1-й армии вместе с уклонением 2-й армии на 60–70 км западнее для более глубокого охвата противника привела к тому, что 2-я

армия, наступая на фронт Алленштейн – Остероде, оказалась в трех группах, растянутых на фронте около 100 км. На обоих флангах были созданы обеспечивающие операцию группы: на правом – в составе 6-го армейского корпуса и 4-й кавалерийской дивизии (оторванность от других корпусов на 50 км), на левом – 1-й армейский корпус, превращенный в неподвижный заслон у Сольдау, 6-я и 15-я кавалерийские дивизии. В центре наступала ударная группа в составе 13-го и 15-го армейских корпусов и 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса. Фактически около половины сил 2-й армии было задействовано на обеспечение операции, действуя пассивно. Массированного, таранного удара по противнику организовать не удалось.

Начиная с 13 августа (после перегруппировки) осуществлялась реализация замысла генерала Э. Людендорфа – нового начальника штаба 8-й германской армии. Оставив заслон против остановившейся 1-й армии, немцы (пользуясь развитой железнодорожной сетью и оперативной подвижностью) все силы сосредоточили против 2-й, решив сбить ее фланги и поймать в мешок центральные корпуса.

Фланговые корпуса самсоновской армии – 1-й и 6-й армейские – были сбиты с позиций в боях 13–16 августа и отошли, что дало возможность противнику окружить центральные русские 13-й и 15-й армейские корпуса. Если неудача 6-го корпуса была очевидна, то не все было однозначно в боях 1-го у Уздау. Так, корпус долго с успехом держался. Контрудар 14 августа против 5-й ландверной бригады и 2-й пехотной дивизии немцев был чрезвычайно энергичным. В скором времени контратакованные германские части были смяты и начали отход на север, многие из них поддались панике. В результате контратаки успех на стороне русских был очевидным, но развить его они не могли, так как их действия были слабо организованы, а руководство войсками со стороны командования корпуса отсутствовало, вследствие чего успех носил локальный характер. Весьма интересен следующий факт: когда на левом фланге 1-го русского армейского корпуса контратакой 22-й пехотной дивизии был достигнут значительный успех, около 11 часов на его правом фланге (в 24-й пехотной дивизии) был распространен по телефону от имени командира корпуса генерала Л. К. Артамонова ложный приказ об отходе, «скоро охвативший все части, и вследствие плохого управления в этом корпусе войска начали отходить».^[32] Возможно, это недоразумение, а может быть, и одна из самых успешных операций германской разведки в войне. О данном факте писали исследователи самсоновской катастрофы комдив Г. С. Иссерсон и полковник Ф. Храмов.

В итоге германцы смогли спокойно приступить к окружению центральной группировки самсоновской армии – 13-го и 15-го армейских корпусов и 2-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса. С 15 августа около 13 германских дивизий действовали против пяти русских, личный состав которых был утомленным и голодным.

Следует отметить огромное значение (тем более при проведении операции на окружение) знания немцами из перехваченных радиogramм оперативных документов штаба 2-й армии с диспозицией войск и постановкой им боевых задач. Так, две перехваченные радиogramмы от 12 августа вскрыли как группировку 1-й и 2-й армий, так и планы действий командующих этими армиями. Германские генералы действовали наверняка, «поэтому если бы русские радиogramмы не помогли германцам, они знали бы о противнике так же мало, как и русские».^[33]

Несмотря на все неблагоприятные факторы, в ряде боев русские войска центральной группы нанесли поражение немцам (Ваплиц, Мюлен и др.), заняли 14 августа Алленштейн. Части 15-го армейского корпуса и 2-й пехотной дивизии, разгромив 41-ю германскую дивизию, «фактически сорвали план германского командования окружения русских войск в районе Гогенштейна».^[34] 15 августа бригада 1-й пехотной дивизии 13-го армейского корпуса, следовавшая в авангарде, около 14 часов атаковала в районе севернее Гогенштейна во фланг и тыл ландверную дивизию Гольца, и к 17 часам обратила ее в беспорядочное бегство на северо-запад.

Но общей картины это уже не меняло. Продвигаясь вперед, центральная группа корпусов 2-й армии сама еще глубже входила в капкан. Слишком поздно поступившее распоряжение на отход привело к плачевным результатам. 16–18 августа наблюдались попытки пробиться из окружения и гибель русских 13-го и 15-го армейских корпусов.

Не было принято мер ни по организации единого руководства окруженными войсками в целях прорыва, ни по помощи извне. В итоге отступающие части и группы солдат и офицеров вели локальные бои, пытаясь пробиться к своим. Даже в обстановке хаоса отступления и боев в окружении русские войска самоотверженно выполняли свой долг. «К полудню 29 августа (16-го

по старому стилю. – *А. О.*) шесть русских батальонов 13-го корпуса, оборонявшиеся в лесу севернее Мёркена, в д. Мёркен и в озерном дефиле у Шлага-М, окруженные 1-м резервным корпусом (18 батальонов), дивизией Гольца, 37-й пехотной дивизией и 3-й резервной дивизией (тоже 18 батальонов), действительно отлично дрались и доблестно погибали».^[35]

Немцы переключили внимание на войска П.-Г. К. Ренненкампа.

Общая идея наступательной операции германцев сводилась к тому, чтобы, обходя левый фланг русских с юга и отбрасывая их к нижнему течению Немана, разгромить 1-ю армию. Противник располагал (помимо отдельных дивизий) уже шестью армейскими корпусами (в их числе переброшенные с Французского фронта 11-й армейский и Гвардейский резервный корпуса) против 4,5 корпуса у П.-Г. К. Ренненкампа (2, 3, 4, 20-й корпуса, 57-я пехотная дивизия). Присутствовал у германцев и целый кавалерийский корпус – 8-я и 1-я кавалерийские дивизии. Противник обладал более чем полуторным превосходством в огневой мощи (212 батарей против 95–1146 орудий против 724). В начале операции около 12,5 активных пехотных дивизий русских противостояли 18–18,5 пехотным дивизиям 8-й германской армии. Непосредственно в операции участвовали 170 германских батарей против 85 русских.^[36] Подход в ходе сражения второочередных русских дивизий не привел к изменению ситуации. Более того, эти необстрелянные соединения и дали основную цифру потерь 1-й армии.

Пользуясь тем, что 10-я русская армия доформировалась, а 2-я приводила себя в порядок, командующий 8-й германской армией П. Гинденбург провел 25–31 августа сражение у Мазурских озер. Бои, шедшие с переменным успехом (например, 29 августа 20-й русский корпус опять занял Гольдап), привели к вытеснению армии П.-Г. К. Ренненкампа из Восточной Пруссии. Сами немцы считали, что «1-я русская армия не была разбита и значительная ее часть вообще не принимала участия в боях».^[37] Э. Людендорф писал: «В большинстве случаев, в особенности в 20-м армейском корпусе, бои протекали не особенно удачно. Русские дали решительный отпор».^[38]

В итоге к началу сентября противоборствующие стороны возвратились в первоначальное положение.

В Восточно-Прусской операции оба противника не решили поставленных задач: русские не смогли занять Восточную Пруссию, немцы не смогли выиграть на Востоке время для завершения кампании на Западе. Более того, произошло именно то, чего стремились избежать авторы плана Шлиффена: немцы ослабили ударную группу на Французском фронте ради интересов второстепенного театра военных действий и лишили себя надежды на благополучный исход всей войны.

Вместе с тем, говоря о Восточно-Прусской операции, можно отметить, что хоть немцы и терпели ряд жестоких поражений в рамках отдельных боев, но выиграли операцию. «19 августа (здесь и далее в цитате – новый стиль. – *А. О.*) 25-я и 29-я пехотные дивизии русских разгромили левый фланг 1-го германского корпуса генерала Франсуа; 20 августа под Гумбинненом были разбиты 1-й и 17-й армейские корпуса; в период августовского сражения Самсоновской армии русские разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Гросс-Бессау и Мюлена, ландверную дивизию Гольца и 3-ю резервную дивизию у Хохенштейна, 41-ю пехотную дивизию у Ваплица, 37-ю пехотную дивизию у Лана, Орлау, Франкенау; наконец, они нанесли поражение 2-й пехотной дивизии под Уздау. Но отдельные блестящие тактические успехи русских войск не были увязаны в общую победу... По вине русского высшего командования, с одной стороны, слепо шедшего на поводу у французского генерального штаба, а с другой – не сумевшего организовать согласованные действия двух армий, операция завершилась частным поражением 2-й и отходом 1-й русских армий».^[39]

Но и германское командование не блистало особыми талантами, которые были раздуты после поражения 2-й русской армии. Даже германский официальный источник признает, что, несмотря на все ошибки русского командования, если бы после поражения 8-й германской армии под Гумбинненом 1-я русская армия продолжала преследование, а не топталась на месте, исход операции был бы совершенно иной: «Достаточно было последней (1-й армии) подойти, и бой, возможно, с большими потерями для германцев должен был бы быть оборван. Такая опасность все время давила на германское командование и не раз вызывала сомнения, не следует ли вывести из боя крупные силы, чтобы прикрыться со стороны Ренненкампа».^[40]

Да, германцы благодаря более умелым, но рискованным действиям Э. Людендорфа по внутренним операционным линиям добились тактической победы, нанеся поражение 2-й армии и окружив ее центральные корпуса. Германские войска опирались на более подготовленную материальную базу, мощная железнодорожная сеть позволила германскому командованию после неудачного сражения под Гумбинненом в кратчайший срок перегруппировать войска и обрушиться превосходными силами на 2-ю армию, а перехватываемые русские радиogramмы позволили вести борьбу, зная планы противника.

Но все это было бы блестящей победой, если бы немцы преследовали только цель обороны Восточной Пруссии. Гибель двух русских корпусов – малозаметный оперативный эпизод великой войны. Другое дело, что это были первые бои, важные в психологическом плане, и погибли кадровые войска. Немцы чрезвычайно раздули свой успех при Танненберге, но самсоновское поражение стратегически не представляло собой никакого поворотного пункта в ходе войны. 2-я армия была пополнена двумя свежими корпусами и вновь стала в строй. Говоря глобально, Танненберг стал одной из многочисленных побед немцев, которые в конечном итоге привели Германию к поражению.

Вторым важнейшим значением операции стал беспрепятственный выигрыш русскими Галицийской битвы с разгромом австро-венгерской армии в целом. Командование 8-й германской армии, сумевшее извлечь оперативную пользу из разобщенного положения 1-й и 2-й русских армий, оказалось не на высоте положения, чтобы использовать успешную операцию против 2-й русской армии и довести ее до решительного стратегического успеха на восточноевропейском театре военных действий. Оно, несмотря на просьбы, протесты и жалобы австро-венгерского главного командования, повернуло свои войска на северо-восток против 1-й русской армии, предоставив русским свободу действий в Галиции.

Австро-венгерское командование заявляло: «Исполняя верно наши союзные условия, мы пожертвовали Восточной Галицией во имя успеха наших операций между Бугом и Вислой с целью притянуть на себя главные силы России. Нас беспокоит, что немцы отмахиваются от общего наступления на Седлец».^[41] Германскому командованию не хватило оперативного мужества и дальновидности – оно проигнорировало общесоюзные задачи и в своих узкоэгоистических интересах занялось вытеснением оставшихся русских войск из Восточной Пруссии.

Между тем русскому Верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу хватило дальновидности: с помощью 9-й армии он переломил ситуацию в северной Галиции в пользу русского оружия; затем удалось вновь вернуть часть Восточной Пруссии. В итоге «Германия и Австро-Венгрия выиграли сражение под Танненбергом и у Таневских лесов, но проиграли всю летнюю кампанию на восточноевропейском театре войны. Русские нанесли решительное поражение Австро-Венгрии на главном галицийском театре войны, они вынесли войну на территорию своих противников в Восточную Пруссию и Галицию и в решительный период операций на западноевропейском театре войны отвлекли на себя два германских корпуса с фронта своего союзника».^[42]

А то, что германское командование после отхода 2-й русской армии повернуло свои войска против 1-й русской армии с целью очищения Восточной Пруссии, стало решающей ошибкой для всего хода операций в Восточной Пруссии и Галиции в 1914 г.

Таким образом, стратегические результаты Восточно-Прусской операции выразились в том, что русские удержали немецкие войска от содействия своим союзникам и получили возможность нанести решительное поражение Австро-Венгрии на главном – Галицийском – направлении, оттянув на себя два германских корпуса и одну кавалерийскую дивизию из состава войск, действовавших на Марне.

Последнее было самым главным итогом операции для всей Антанты и главным фактором для исхода всей войны. Выигрыш немцами локальной операции путем принесения в жертву интересов своего союзника привел к проигрышу стратегической операции во Франции, что уже было в интересах самих немцев (как и коалиции в целом).

Ослабление германского Французского фронта и предоставление русским свободы действия в Галиции (что привело к стабилизации Французского фронта и требовало спасения австрийского союзника, гибель которого влекла немедленный проигрыш войны германским блоком) явились предпосылкой грядущего перенесения центра тяжести боевых операций на Восток.

О значении Восточно-Прусской операции для дальнейшего хода войны свидетельствуют следующие оценки. Генерал барон А. П. Будберг отмечал, что «отсутствие... корпусов: Гвардейского резервного и XI армейского, взятых из правофланговых II и III армий, шедших на ударном решающем фланге немецкого наступления, сказалось весьма невыгодно для немцев уже в так называемом “Пограничном сражении” 21–24 августа (по новому стилю. – А. О.) в районе Шарлеруа – Динан... Но все это совершенно ничтожно в сравнении с теми исключительными последствиями – гибельными для немцев и спасительными для союзников, – которые явились неизбежным результатом отсутствия этих двух корпусов в решительнейшие дни 4–9 сентября битвы на Марне».^[43]

Французский главнокомандующий маршал Ж. Жоффр отмечал: «С чувством живейшего удовлетворения я пользуюсь всяким случаем воздать честь доблести русских армий и засвидетельствовать им мою глубокую благодарность за действенную помощь, которую они оказали нашей армии в те трагические часы, когда Германия направила все свои силы, дабы первым напором раздавить Бельгию, Англию и Францию... Бросив в Восточную Пруссию все силы, которыми можно было только располагать, сделав это ранее, чем они были готовы и сосредоточены, и сознательно преступая все основные принципы ведения войны ради сохранения одного единственного “общности интересов всех фронтов”, Великий Князь Николай проявил наивысшее понимание условий войны и заслужил вечную признательность Франции... Я никогда не забуду те тяжкие жертвы, на которые героически и сознательно обрекла тогда себя русская армия, их ценой заставив неприятеля обратиться против нее».^[44]

Маршал Ф. Фош признавал, что русская армия «своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне».^[45]

Морской министр Великобритании У. Черчилль отмечал: «Благодаря лояльности Царя и Русской Армии быстрое наступление в Восточную Пруссию было осуществлено через две недели после объявления войны. Мы знаем, как это ударило по нервам Германского Главного Штаба и привело к его решению взять два корпуса от правого крыла во время кризиса, предшествовавшего Марне. С полным основанием можно считать, что этот факт оказал решающее влияние на судьбу исхода битвы, а если это так, то долгие времена после того, как теперешнего неблагоприятного поколения уже не будет на свете, Царю и его воинам должна будет воздаваться великая честь».^[46]

Британский военный агент в России А. Нокс также отмечал, что переброшенные с правого крыла германского Западного фронта в Восточную Пруссию корпуса и кавалерийская дивизия к Танненбергу не успели, но их отсутствие во Франции имело важнейшее значение для битвы на Марне.^[47]

Французский генерал Ш. Манжен писал, что «союзники никогда не должны забывать услуги, которая была оказана им Россией, начавшей кампанию неожиданно быстро. Благодаря этому наступлению... два корпуса были взяты с французского фронта и отсутствовали во время битвы на Марне».^[48]

Даже американский полковник Х. Т. Нейлор, бывший директор Академии генерального штаба, писал, что «битва на Марне была выиграна русскими казаками».^[49]

Аналогично и мнение противников России. Э. Людендорф, мозг германского Восточного фронта, один из лучших стратегов войны, отмечал: «Особенное значение получило то, что предназначенные для востока подкрепления были взяты с правого крыла, на котором лежала решительная задача».^[50] Он же писал: «Правое крыло Западной германской армии было недостаточно сильно и захватывало недостаточный фронт. Удаление Гвардейского резервного и XI корпусов зловеще дало себя знать».^[51] «Если бы Мольтке не послал бы в Восточную Пруссию Гвардейский резервный и XI корпуса, то все пошло бы хорошо... Наше наступление на западе потерпело крушение, так как генерал Мольтке взял войска из победоносного положения и благодаря этому произошла “драма на Марне”... Страшно сознавать, что генерал Мольтке прервал победоносное наступление германского воинства и помешал блестящему и счастливому окончанию войны».^[52]

Э. фон Фалькенгайн свидетельствовал, что «давало себя сильно чувствовать ослабление западного фронта... Это ослабление значительно увеличило бывший уже налицо численный перевес неприятеля на западе. Войсковые соединения, изъятые для переброски, были взяты с западной половины фронта, значит, с его ударного крыла. Поэтому отсутствие их было особенно

чувствительно при решительном сражении на Марне, да и после него». ^[53] «Едва ли возможно достаточно подчеркнуть губительное влияние этого факта на ход этого периода войны». ^[54]

Х. И.-Л. фон Мольтке же оправдывался тем, что переброска сил с запада на восток в силу неожиданности удара русских армий в Восточной Пруссии «требовала отправить подкрепления на этот фронт прежде, чем была достигнута решительная победа на западе». ^[55]

П. Гинденбург сетовал: «Эта переброска привела нас к разделению сил. От одной цели мы отклонились, а другой не смогли достигнуть». ^[56]

Той же точки зрения придерживались и представители германского офицерского корпуса. Так, майор Г. Шмидт писал: «Впечатление от поражения под Гумбиненном было чрезвычайно сильным. Из войск, сражавшихся под Парижем, были отправлены в Восточную Пруссию два корпуса и одна кавалерийская дивизия. Это лишило возможности одержать победу на Марне, привело к отступлению, имело влияние на весь ход войны, ибо разрушило все надежды на скорое и победоносное ее окончание». ^[57]

Не стоит забывать и еще об одном аспекте вклада русских армий в марнскую победу – моральном. Ведь первоначально успешные действия русских войск в Восточной Пруссии происходили в тяжелое для союзников по Антанте время приграничного сражения на Французском фронте. Как свидетельствовал военный агент А. А. Игнатьев на страницах официального донесения: «В эти тяжелые дни германского нашествия наши успехи явились единственной могучей поддержкой духа французского народа». ^[58]

Сами немцы считали свою победу в Восточной Пруссии близкой к чуду. В официальной работе, посвященной стратегиям Первой мировой, находим следующие строки: «К середине сентября, как бы чудом была устранена всякая опасность для Восточной Пруссии, хотя и не было достигнуто желанного уничтожения Неманской армии». ^[59]

По сути дела, Восточно-Прусская операция – одна из наиболее успешных коалиционных операций Антанты. Изначально тактически она могла быть выиграна русской армией лишь с большим трудом – 8-я германская армия была мобильнее и сильнее каждой русской армии Северо-Западного фронта, взятой в отдельности. Опираясь на Летценский укрепрайон, она могла оперировать на фланге любой русской армии, громя противника поодиночке (подобная ситуация была отработана немцами на командно-штабных играх еще до войны). Но действия русских армий (недаром оперативное искусство – это и вопрос психологии ^[60]) привели к переброске немцами войск с Запада. Единственный внятный, отработанный до мелочей и геометрически выверенный план А. фон Шлиффена был сломан героическими и жертвенными действиями 1-й и 2-й русских армий, а Германия лишилась шанса на выигрыш в войне.

Тактические и стратегические преимущества Германии (выраженные в первом ярком плане молниеносной войны) были ликвидированы с перспективой выгодной для Антанты длительной войны на истощение. Несомненный военный успех Германии преобразовывался в вероятностный.

Это было куплено относительно недорогой ценой – окружением двух с половиной корпусов и поражением еще нескольких, а потери 1:3 в пользу обороняющегося, да еще на укрепленных людями и природой позициях военная наука признает естественными. Другое дело, что присутствует опять-таки психологический аспект – неудача русских войск в самом начале войны. Внутренние операционные линии и укрепленное озерное дефиле максимально облегчали немцам ведение боевых действий даже при условии теснейшего взаимодействия 1-й и 2-й русских армий, не говоря о других обстоятельствах, важнейшие из которых – подвижность и вопросы снабжения. Операцию Россия в тех условиях практически не была способна выиграть, но масштабы проигрыша можно было сократить.

Зато налицо стратегическая удача для Антанты, достижение целей, поставленных перед державами Согласия. Это яркий пример стратегии не прямых действий и коалиционной стратегии. Помощь России пришла англичанам и французам в самый нужный для них момент.

Таким образом, Восточно-Прусская операция в тактическом плане представляла собой ничью, в оперативном была немецкой победой (прусская армия «висела» на фланге русской Польши, и активные операции русских были впоследствии чрезвычайно затруднены этим обстоятельством), в стратегическом – немецким поражением.

Россия сорвала первый блицкриг врага. По сути, после Марны проигрыш в войне для Германии, не готовой к затяжному вооруженному противоборству, был предрешен. Она предала

забвению интересы австрийского союзника, предпочтя чисто немецкие интересы общекоалиционным.

И напротив, в то время как собственно русские интересы пострадали (образовался большой некомплект войск Северо-Западного фронта, налицо оказались материальные и особенно моральные издержки), были обеспечены интересы общесоюзные. В этом разница в отношении к своим союзникам России и Германии.

Да, русская армия не попала в Берлин в 1914 г., как в 1945 г., но она не позволила и немцам в 1914 г. промаршировать по Парижу, как в 1940 г.!

§ 3. «Сербия будет жить» – поражение союзника Германии № 1 на полях Галиции (Галицийская битва)

Русские наступали в Галиции. Центральные державы остановились. Мы могли использовать это время для набора и снаряжения войск.^[61]

Планирование операций против Австро-Венгрии русская Ставка осуществляла на базе полученного от своей агентуры плана развёртывания австро-венгерских войск в Галиции. На основе этого предвзятого мнения о будущих действиях противника предполагалось концентрическое наступление двух групп армий Юго-Западного фронта (северный фас – 4-я и 5-я армии, южный фас – 3-я и 8-я армии) в операции на окружение. Соответственно, сражения Северной (Люблин-Холмская операция) и южной (Галич-Львовская операция) групп армий развивались автономно, будучи впоследствии связаны единым Городокским сражением. Русские армии фронтальным движением по сходящимся направлениям должны были выйти на фланги неприятеля, смять их, отрезав вражеские корпуса от Сана и Днестра, и уничтожить.

Но австро-венгры вскрыли утечку информации, изменив свой план 1912 г., и отнесли развёртывание армий на 100 км к западу, вследствие чего теперь австрийские войска охватывали неприятеля на северном фланге, нависая над ним. И своим первоначальным успешным действиям на северном флесе сражения австрийцы обязаны более раннему занятию рубежей и развёртыванию, а также общему превосходству сил и средств над русскими армиями северного флеса.

Так, 1-я, 4-я австро-венгерские армии с группой эрцгерцога Иосифа Фердинанда насчитывали до 495 тыс. человек против 337 тыс. человек 4-й и 5-й русских армий. Общая сила 1-й и 4-й австро-венгерских армий достигала 19,5 пехотных дивизий против 16 пехотных дивизий русских 4-й и 5-й армий, более того, она увеличивалась за счет находящихся на уступах: слева – армейской группы генерала Г. Р. Куммера (2,5 пехотной дивизии) и подходившего из Познани германского ландверного корпуса генерала Р. фон Войрша (2 пехотные дивизии), справа – 14-го армейского корпуса эрцгерцога Иосифа Фердинанда (3 пехотные дивизии).

Если, например, в 5-й русской армии генерала от кавалерии П. А. Плеве было около 147 тыс. штыков и сабель, то 4-я австро-венгерская армия генерала пехоты М. фон Ауффенберга насчитывала свыше 200 тыс. человек, группа Иосифа Фердинанда – около 65 тыс. человек. Командующий 4-й армией Ауффенберг приводил следующие сведения по ее национальному составу: 100 тыс. чехов и словаков, 20 тыс. боснийцев, итальянцев и поляков, 50 тыс. немцев и 40 тыс. венгров (мадьяр).^[62] Мы отмечаем этот факт, потому что 4-я армия на 50 % состояла из славян, но это не помешало ей быть одним из лучших войсковых объединений Австро-Венгрии. Схожая ситуация в соотношении сил наблюдалась и между 1-й австро-венгерской армией и противостоящей ей русской 4-й армией.

1-я и 4-я австро-венгерские армии должны были наступать в общем направлении на Люблин, 4-я и 5-я русские – на Перемышль и Львов.

На южном крыле главной силы противника была 3-я австрийская армия Р. фон Брудермана. Ей противостояла 3-я русская армия Н. В. Рузского.

Самый южный фланг русского Юго-Западного фронта составила Проскуровская группа войск, 28 июля преобразованная в 8-ю армию Юго-Западного фронта – левый фланг построения войск фронта. Если против других трех армий Юго-Западного фронта австрийцы имели также три армии, то войскам 8-й армии противостояла более слабая армейская группа генерала пехоты К. фон Кевессгаза (70 тыс. человек при 148 орудиях). Группа в соответствии с планом

сдерживания располагала сильной конницей (три дивизии) и артиллерией. Ожидалось прибытие ей на усиление 2-й армии с Сербского фронта, и тогда группировка, состоящая из двух корпусов, трех пехотных и трех кавалерийских дивизий, должна была насчитывать около 158 тыс. человек.^[63]

Австрийцы рассчитывали продержаться в Галиции, пока их главные силы не разобьют правое (северное) крыло русского Юго-Западного фронта.

На начало битвы к востоку от Львова наступавшие русские 22 пехотные дивизии 3-й и 8-й армий могли быть встречены всего 15 дивизиями австрийцев (3-я армия и армейская группа).

Спецификой стратегического развертывания было то, что немалое количество войск прибывало уже в ходе операции, оказывая влияние на ее рисунок. В значительной мере подход подкреплений и оперирование стратегическими резервами определили исход операции.

Всего к 7 августа австрийцы развернули на 310-м км фронта (устье р. Сан – Ярослав – Перемышль – Львов – Станислав – Залещики) 4 армии, состоящие из 35 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, 7 ландштурменных бригад общей численностью до 787 тыс. человек и ожидали прибытия еще 7,5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий общей численностью до 264 тыс. человек. Почти 2/3 всех сил, собранных в Галиции, были сосредоточены на сравнительно узком фронте между устьем р. Сан и Перемышлем (120 км) против русских войск, сосредоточивающихся между Вислой и Бугом.

Группировка австрийцев имела ценность при условии совместного наступления германцев на Седлец для концентрического вторжения в Польшу. Однако австрийское верховное командование упустило другие важнейшие задачи, стоявшие перед ним: 1) обеспечить свободу действий германцев во Франции, для чего надо было сковать русские армии; 2) не допустить вторжения русских армий в германскую Силезию; 3) защищать Галицию. Вторжение в Польшу могло решить первые две задачи. Но отказ Германии в первые дни от наступления на Седлец лишил австрийцев превосходства в силах и делал их наступление на Польшу рискованным.

На южном крыле своего развертывания австрийцы к началу вторжения в Польшу имели недостаточные силы, которые не были способны выполнить задачу прочного заслона по обеспечению главной операции между Вислой и Бугом, так как 3-я армия и группа Кевессгаза не могли служить надежной преградой против вторжения в Галицию 3-й и 8-й русских армий. Крайне неблагоприятным фактором являлось запаздывание сосредоточения 2-й армии.

Четыре русские армии Юго-Западного фронта развернулись на фронте Люблин – Холм – Ковель – Луцк – Кременец – Проскуров (свыше 400 км) в составе 33 пехотных дивизий, 3 стрелковых бригад и 12,5 кавалерийских дивизий. Ожидалось прибытие в течение ближайших 20 дней 10 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Стратегических резервов фронт не имел, и их роль выполнили эти запаздывающие дивизии и войска 9-й армии (18-й армейский и Гвардейский корпуса).

Наименьшее количество войск было сосредоточено в группе армий между Вислой и Бугом (4-я и 5-я армии). Главная масса войск Юго-Западного фронта из 3-й и 8-й армий находилась на Ровненском и Проскуровском направлениях уступом назад в 100 км от северной группы. На правом фланге 4-я армия была сильно выдвинута вперед, а 5-я армия оттянута к востоку. Развертывание 3-й и 8-й армий создавало мощную группировку для главного удара в наиболее важном для австрийцев направлении на Львов и Галич.

В итоге общее численное превосходство в силах в начале операции на стороне русских армий было незначительное и поглощалось неудачным развертыванием двух правофланговых 4-й и 5-й армий, где у австрийцев было численное превосходство, которое с подходом войск Г. Р. Куммера и Р. фон Войрша на правый берег Вислы достигало семи пехотных дивизий. Но в южной группе армий русские имели превосходство в силах на восемь пехотных дивизий против войск 3-й австрийской армии и группы Кевессгаза. Учитывая наибольшее приложение сил русскими и австрийцами на противоположных флангах своих группировок, сражение превратилось в своеобразное соревнование, смысл которого был в том, чье сильнейшее крыло раньше успеет разбить противостоящего ему более слабого противника.

Итак, главный удар русских намечался с востока из Волыни и Подолии 3-й и 8-й армиями в общем направлении на Львов; вспомогательное наступление вели 4-я и 5-я армии от Люблина и Холма в направлении на Перемышль и Львов с оперативным замыслом по охвату обоих флангов австрийских сил и разгромом их в районе Львова.

Операция осуществлялась 5 августа – 13 сентября 1914 г.

10 августа 5-я русская армия начала продвижение, имея задачей наступать на фронт Мосиска – Львов, чтобы способствовать выполнению задачи, возложенной на 4-ю армию. В трехдневном встречном сражении у Красника 10–12 августа три русских корпуса 4-й армии были последовательно разбиты армией В. Данкля и отброшены к Люблину. Русское командование приняло меры к парированию угрозы, но сильные резервы в 4-й армии отсутствовали. Решено было отвести корпуса на переход назад, но ввиду того, что остальные корпуса вступили в бой, реализовать это не удалось.

11 августа неудача постигла 16-й русский армейский корпус: в тяжелом бою три полка 41-й дивизии понесли потери до 4,4 тыс. человек, то есть 30 % состава.^[64] Гренадерский корпус первоначально действовал успешно, но части 1-й гренадерской дивизии, начав отход в соответствии с директивой командарма, ухудшили положение 2-й гренадерской дивизии, которая продолжала наступать. В итоге дивизия была охвачена с флангов, понесла большие потери и, оставив 9 орудий, отдельными частями отошла к переправам на р. Пор. Проблемы со связью, отсутствием единства в осуществлении маневра стали главной причиной неудач 4-й армии.

К исходу 12 августа армия закрепились на рубеже 20–45 км к западу, югу и юго-востоку от Люблина. Командование фронтом приняло меры к переброске подкреплений в состав армии (прежде всего войск 3-го Кавказского армейского корпуса).

В то же время австрийцы преувеличивали значение своих побед в боях у Красника: будучи численно сильнее своего противника и имея более выгодную группировку войск и полную возможность действиями 1-й и 4-й армий взять 4-ю русскую армию в клещи, они упустили этот благоприятный случай. Более того, победа не была использована, так как войска правого фланга армии В. Данкля начали переводиться на Красноставское направление для противодействия идущим на выручку 4-й армии частям 5-й русской армии. Попытки дальнейшего наступления 1-й австро-венгерской армии на Люблин были отражены контрударами подошедших резервов.

Бои 13–14 августа носили тяжелый для русских характер, но 16-й и Гренадерский корпуса удержались, прибытие же свежих соединений позволило создать предпосылки для предстоящих активных действий. Вплоть до перехода в общее наступление армий северного крыла в ходе второго этапа Галицийской битвы велись бои с группой Р. Г. Куммера и 5-м и 10-м австрийскими корпусами. В боях 17–18 августа группа Куммера потерпела поражение. Прорвавшиеся на Травники части 24-й австрийской дивизии были остановлены.

Приток свежих подкреплений увеличил войска 4-й армии на пять пехотных дивизий, и русские войска с подходом новых подкреплений, особенно гвардейцев и кавказцев, воспряли духом.

В результате поражения 4-й армии под Красником командование Юго-Западного фронта приказало 5-й русской армии сделать резкий поворот на запад (первоначально она двигалась на юг) для оказания помощи левому флангу 4-й армии. Армия П. А. Плеве должна была выполнять две задачи, заставляющие ее направлять свои корпуса по двум направлениям: на запад для содействия 4-й армии атакой во фланг противника, теснящего ее левый фланг, и на юг для обеспечения левого фланга 3-й армии.

В результате 5-я армия подошла к полю сражения растянутой по фронту в 100–110 км двумя группами корпусов (25-й – 19-й и 5-й – 17-й), отделенными друг от друга интервалом до одного перехода. Армия П. А. Плеве попадала под фланговый удар наступающей с юга 4-й австрийской армии М. Ауффенберга. Причем последний считал, что назрело решение об оперативном окружении 5-й русской армии путем охватывающего маневра ее флангов.

13 августа правое крыло 5-й армии (25-й и 19-й корпуса) столкнулось с наступавшим левым крылом 4-й австро-венгерской армии. Последующие события получили название Томашевского сражения между 5-й русской и 4-й австро-венгерской, а также частью сил 1-й австро-венгерской армии и подошедшей впоследствии группой эрцгерцога Иосифа Фердинанда.

25-й корпус 5-й армии, меняя фронт на запад, подвергся удару с фронта 4-й австро-венгерской дивизии и фланговому удару 13-й и 25-й дивизий 2-го австро-венгерского корпуса и 13–14 августа в районе Замостья потерпел поражение (австрийцы заявили о более чем 20 захваченных орудиях,^[65] остатки отступивших полков 3-й гренадерской дивизии 25-го русского корпуса насчитывали 4274 человека,^[66] то есть дивизия потеряла до 3/4 состава).

Корпус вел бой в трех разрозненных группах на фронте 20 км и, несмотря на отдельные успехи (например, 70-й пехотной дивизии), 14 августа был вынужден отойти на Красностав.

13 августа в бой вступил 19-й армейский корпус, а 14 августа – 5-й армейский корпус – они успешно сдерживали наступавшие австро-венгерские войска. Именно действия этих корпусов против австрийцев дали 25-му корпусу возможность оторваться от них на 20 км.

19-й русский армейский корпус выполнял важнейшую задачу, противостоя австрийским частям 9-го, 6-го армейских корпусов и конного корпуса Витмана. Так, бои 13 августа 19-го русского против 6-го австро-венгерского корпуса у Тарноватки протекали весьма успешно (39-я пехотная дивизия противника потеряла до половины личного состава, до 1,3 тыс. пленных, 5 пулеметов и 2 орудия^[67]). В своих воспоминаниях командующий 4-й австрийской армией писал: «Я сначала не верил этому, но дальнейшие сведения дали печальные доказательства, что, действительно, в некоторых частях потери достигли этого громадного процента».^[68] М. Ауффенберг определял потери 39-й пехотной дивизии равными 50 % личного состава.^[69] 19-й корпус несколько раз сам переходил в контратаки, сохранив свои позиции, захватив несколько сот пленных.^[70]

Но, несмотря на тактические успехи, положение складывалось тяжелое. Отход 25-го корпуса создал 25-километровый промежуток между ним и 19-м корпусом. Последний отступил к Комарову, имея открытыми оба фланга. Опасаясь за тыл 19-го корпуса, командарм приказал 15 августа 25-му корпусу перейти в наступление на Замостье с целью отвлечь австрийцев от действий против 19-го корпуса.

17-й и 5-й корпуса 5-й армии, выполняя марш-маневр, несмотря на хороший первоначальный результат (разгром 10-й кавалерийской дивизии австро-венгров с выходом в тыл всей 4-й армии), попали под удар подошедшей группы эрцгерцога Иосифа Фердинанда.

Армия, потерпев неудачу на флангах, попала в тяжелую ситуацию: она оказалась разобщенной на боевые группы, причем изолированный 19-й корпус сражался с тремя корпусами противника, наступающими со всех направлений. В своих воспоминаниях М. Ауффенберг писал, что «этот охват впоследствии был проведен и едва не привел к Каннам».^[71]

Но на новых позициях П. А. Плеве консолидировал фронт, устраняя распыление своих войск, результатом стали отбитые атаки 9-го и 6-го австро-венгерских корпусов. 15-я австро-венгерская дивизия 6-го корпуса, направленная в тыл 19-му корпусу, сама попала под фланговый удар 10-й пехотной дивизии русского 5-го корпуса (потери 15-й австро-венгерской пехотной дивизии у Лащова убитыми и ранеными достигали нескольких тысяч, в плен попали 100 офицеров, 4 тыс. солдат, 22 орудия, командир дивизии застрелился, начальник штаба дивизии и командир бригады погибли).

К вечеру 15 августа 9,5 пехотным и 3 кавалерийским дивизиям П. А. Плеве противостояли 12 пехотных и 3 кавалерийские дивизии М. Ауффенберга. Вырисовывалась катастрофа центральной группы корпусов (19-го и 5-го) по образцу самсоновской – фланги оголены (фланговые корпуса 25-й и 17-й отходят, потерпев поражение), и 2-й австро-венгерский корпус двигался для глубокого обхода их правого фланга. В центре против пяти русских дивизий (двух – 19-го, двух – 5-го и одной – 17-го корпусов) группировалось 7,5 пехотных дивизий 9, 6 и 17-го австро-венгерских корпусов. На левом фланге обходной маневр осуществляли три дивизии группы Иосифа Фердинанда. Еще восточнее двигались части 2-й австро-венгерской кавалерийской дивизии.

М. Ауффенберг настойчиво проводил план по окружению центральной группы корпусов 5-й русской армии – очередные столь любимые австро-германцами «Канны»; и чтобы замкнуть окружение, требовалось преодолеть пространство немногим более перехода (усилия одного-двух дней).

Но, во-первых, наметился успех южных армий фронта – 3-й и 8-й, во-вторых, генерал П. А. Плеве не был А. В. Самсоновым.

17 августа П. А. Плеве приказал 25-му корпусу перейти в наступление и овладеть Замостью, выбить противника из Красностава и преградить пути на Холм, а 19, 5 и 17-му корпусам энергично выполнять поставленную задачу и «ни шагу назад».^[72]

Войска 19-го корпуса проявили большую боевую устойчивость, благодаря чему удалось сковать 2,5 австро-венгерских корпуса и тем самым облегчить положение как на всем остальном фронте армии, так на своем левом фланге. Но пятидневный непрерывный бой чрезвычайно

утомил корпуса 5-й армии, они понесли большие потери. Так, вышедшие из боя 17-я и 38-я дивизии 19-го армейского корпуса имели некомплект в полках в среднем не менее 25–30 офицеров и 2 тыс. солдат (потери до 50–60 %).^[73]

В этих условиях командарм принял 18 августа оперативное решение на вывод армии из-под ударов австрийских войск в целях перегруппировки для дальнейшего наступления. Был осуществлен грамотный тактический маневр отхода под прикрытием артиллерийского огня арьергарда и конницы: армейская кавалерия (1-я и 5-я донские казачьи дивизии) во взаимодействии с 25-м корпусом отбросила обходящую австрийскую группировку к Замостью, ликвидировав тем самым угрозу окружения. Обходящие левый фланг 5-й армии силы противника также были отброшены 7-й и сводной кавалерийскими дивизиями русских.

5-я армия оторвалась от противника и благополучно отошла на север на три перехода, выполнив новую перегруппировку своих корпусов. Н. Н. Головин отмечал, что этот отход «отнюдь не являлся вынужденным отступлением; это был отрыв от противника, возвращавший сохранившей свою полную боеспособность армии свободу маневра».^[74]

Общие потери армии П. А. Плева в ходе Томашевского сражения составили до 30 тыс. человек (в том числе 10 тыс. пленными, в основном из состава фланговых корпусов), «победоносные» австро-венгерские войска потеряли 40 тыс. человек (в том числе 20 тыс. пленными).^[75]

Потери были значительными, что характеризовало упорство и боевую устойчивость войск обеих сторон в начальный период войны. Общие потери пехотных дивизий 5-й армии составляли 40–50 % личного состава.^[76] Но и трофеи были велики: например, для 19-го армейского корпуса они составили 11 орудий, 30 пулеметов, до 5 тыс. пленных (из них на долю наиболее пострадавшей 38-й дивизии приходилось до 1350 пленных из 27, 13, 25 и 26-й дивизий противника, имевших потери до 40–65 %).^[77]

Операция на окружение, задуманная и проводившаяся австро-венгерским командованием, превратилась в тривиальное оттеснение, причем полученный результат не оправдывал понесенные потери. Благодаря этой операции был сорван план австрийского командования по окружению русских армий, которые сумели сковать главные силы противника, чем облегчили разгром австро-венгерских армий на Львовском направлении.

Тем не менее общая обстановка на северном флесе битвы складывается не в пользу русских – 4-ю и 5-ю армии постигли тактические неудачи. Но 5-я армия избежала разгрома и стала приводить себя в порядок. 4-я армия стойко оборонялась под Люблиным, на ее фланг прибыли свежие войска, и постепенно перевес на этом участке фронта перешел к русским. Переброшенные резервы оформляются в новую 9-ю армию под командованием П. А. Лечицкого.

Оперативная обстановка изменилась. 3-я и 8-я русские армии осуществляли победоносное наступление и выходили непосредственно на тылы 1-й и 4-й австрийских армий, грозя им полным разгромом. Ф. Конрад фон Гетцендорф (начальник Генерального штаба австро-венгерских войск) пытался собрать в районе Равы-Русской какие-то силы, чтобы обеспечить тыл войск М. Ауффенберга. Он решил силами трех армий (4, 3, 2-й) нанести поражение двум южным русским (3-й и 8-й), оставив на севере лишь заслон (1-я армия, группа эрцгерцога Иосифа Фердинанда) против 4-й и 5-й русских армий. Теперь вопрос состоял в том, кто именно успеет раньше разбить противника: южные армии Юго-Западного фронта – главные силы австрийцев либо или 4-я, 5-я, усиленная резервами сосредотачивавшаяся 9-я русские армии – австрийский заслон. Теперь соотношение сил менялось – на севере сила русских доводилась до 28 пехотных дивизий, в то время как сила австрийцев понижалась до 19 пехотных дивизий. Зато на южном флесе австро-венгры собрали 30 пехотных дивизий против 22 пехотных дивизий русских. Начиналось Городокское сражение.

На этом этапе Галицийской битвы 22 августа 5-я армия вновь перешла в наступление, сыграв решающую роль в развернувшемся сражении. 22 августа частями 25-го армейского корпуса был проведен успешный бой у Машева с 10-м австро-венгерским корпусом (пленных австрийцев более 1,6 тыс.), 25 августа войска П. А. Плева во взаимодействии с частями 21-го армейского корпуса 3-й армии разбили у Посадова группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда (противник потерял 2,4 тыс. человек пленными и 18 орудий).

Тяжелейшие бои 26–27 августа закончились русской победой благодаря смелому маневру П. А. Плева. Во-первых, сформированный им кавалерийский корпус был брошен в тыл 4-й

австрийской армии: у Краснобрда и Фрамполя он внес беспорядок в австрийские тылы, разгромив обозы и части прикрытия, далее содействовал разгрому группы эрцгерцога Фердинанда в интересах 3-й армии. Во-вторых, вклинившись между группой эрцгерцога и 4-й австро-венгерской армией, П. А. Плеве направил две группы своих корпусов по расходящимся направлениям в помощь соседям. 5-я армия двумя своими половинами выполняла задачи в разных направлениях: правой (25-й и 19-й корпуса) содействовала 4-й армии, левой (5-й, 17-й и конный корпуса) – 3-й армии.

Угроза тылу противника, действовавшего против 4-й и 9-й армий, благоприятно отразилась на положении левого крыла 4-й армии.

На фронте 9-й и 4-й русских армий у Люблина и Холма также обозначились успехи. Три свежих корпуса (18-й армейский, Гвардейский и 3-й Кавказский армейский корпуса) позволили этим армиям перейти в наступление и привели к крупным успехам в боях 20 августа у Суходолов и 22 августа у Лопенников. Под Суходолами были окружены и взяты в плен до 60 офицеров и 5 тыс. солдат 2-й и 24-й австрийских дивизий 10-го корпуса.^[78] Ф. Конрад Гетцендорф отмечал: «Войска 10-го корпуса понесли тяжелые потери. Донесения 89-го и 90-го пехотных полков свидетельствовали о наличии в первом 500 и во втором 800 человек».^[79]

В ходельских боях 21 августа потерпела поражение 100-я ландштурменная бригада австрийцев (около 500 человек попали в плен). А под Лопенниками в результате боя с 3-й гренадерской дивизией Гренадерского корпуса в плен попал почти весь 45-й полк (командир полка и 1575 солдат и офицеров) 45-й австрийской дивизии.^[80]

Противник для стабилизации обстановки задействовал на фронте разбитого 10-го австрийского корпуса германский ландверный корпус Р. фон Войрша. Р. фон Войрша и вверенные ему части германская военно-историческая наука считает одними из лучших в Первой мировой войне.

С именем корпуса Р. фон Войрша связаны героические бои Гвардейского и Гренадерского корпусов у Тарнавки. Гренадерский и Гвардейский корпуса продвинулись к вечеру 26 августа на 0,5–1 км, овладев с большими потерями высотами у Зарашева и Уршулина, залегли под губительным огнем венгерских частей 5-го австрийского корпуса. Части 2-й гренадерской дивизии, сводной бригады и 3-го Кавказского армейского корпуса понесли большие потери от огня противника с высоты восточнее Тарнавки и со стороны леса севернее ее. Но впоследствии Московский полк вновь атаковал высоты у Тарнавки, опрокинул части германцев и австрийцев и, поддержанный гвардейским гренадерским полком, захватил 30 орудий 4-й германской ландверной дивизии.

27 августа Гвардейский корпус сбил своими атаками правый фланг 5-го австрийского армейского корпуса, после чего успех распространился по всему фронту 4-й армии, продолжавшей теснить противника, который на некоторых участках начал отходить в беспорядке, бросая оружие и сдаваясь массами. Всего корпусами было взято до 5 тыс. пленных,^[81] из них около половины германцев. В итоге русские гвардейцы в боях 26–27 августа взяли большую часть артиллерии германского корпуса – 42 орудия.^[82] Лейб-гвардии Московский полк потерял 63 офицера и 3,2 тыс. солдат, лейб-гвардии Гренадерский полк – 50 офицеров и 2,5 тыс. солдат.

Германский корпус и правый фланг 1-й австрийской армии были разгромлены и начали отходить. Материалы Рейхсархива свидетельствуют о потере Силезским ландверным корпусом за три дня боев 8 тыс. человек и 100 офицеров (в том числе до 7 тыс. в 4-й ландверной дивизии).^[83] Несмотря на быстрый отход 1-й австрийской армии «многочисленные признаки и большое количество пленных свидетельствовали о серьезном разгроме V и X австрийских и германского ландверного корпусов. Выход 18-го армейского корпуса к Висле и прорыв гвардейцами и гренадерами австро-германского фронта у Тарнавки имели стратегические последствия. Всего 4-й армией было взято за 9 дней наступления до 15 000 пленных и 55 орудий».^[84]

В итоге, 27 августа под влиянием настойчивых атак 4-й и 9-й армий противник, которому угрожал глубоким обходом 25-й и 19-й корпуса 5-й армии, дрогнул. С 30 августа началось общее отступление австрийцев.

Итогом второго наступления русских армий 21–30 августа стал разгром 1-й австро-венгерской армии и группы эрцгерцога Иосифа Фердинанда и отступление 4, 3 и 2-й

австро-венгерских армий. В боях с армиями северного фаса на этапе Городокского сражения только пленными австрийцы потеряли более 20 тыс. человек,^[85] 71 орудие и большое количество пулеметов и другого оружия. Из частей армейской группы Р. Г. Куммера была сформирована одна дивизия (106-я), а 100-я ландштурменная бригада и остатки 95-й дивизии были выведены из боевых линий и использованы как этапные войска.

Интенсивно развивались операции и на южном фесе сражения. 3-я армия наступала на Львов, 8-я на Галич. 13 августа Ф. Конрад фон Гётцендорф, желая выиграть время, приказал остановить русское наступление коротким контрударом: 3-я русская и 3-я австрийская армии 13–15 августа провели сражение на р. Золотая Липа.

Сражение шло с переменным успехом и протекало достаточно напряженно. Практиковались взаимные обходы и фланговый маневр. Кадровые австрийские части оказались грозным противником, высокий боевой дух которого подтверждает и незначительное количество пленных. Велики оказались и потери. В 6-й пехотной дивизии они достигали до 50 % командного состава и до 30 % бойцов. Давали результаты тактическая гибкость австрийского командования, а также применение австрийцами 150-миллиметровых орудий в полевом бою.

Тем не менее успех склонился на сторону русских. Так, части русского 11-го корпуса разбили 14 августа 93-ю ландштурменную бригаду (потерявшую одними пленными до 3,5 тыс. человек и за два дня боя 32 орудия; 11-й корпус потерял 4640 человек^[86]). С 15 августа осуществлялось преследование начавшей отход армии Р. Брудермана.

Впервые в ходе Галицийской битвы австро-венгры были разбиты и отступали, понеся большие потери; войска противника были подавлены первыми крупными неудачами.

Помимо недососредоточенности австрийских войск, а также более слабого по сравнению с русскими количественного состава значимым фактором поражения 3-й австрийской армии являлось то, что 14-й армейский корпус был передан в состав 4-й армии, а взамен него в 3-ю армию направили ландштурменные дивизии и бригады. Эти войска не успели принять участие в сражении (к тому же налицо оказалось и неудовлетворительное качество ландверных и ландштурменных частей австро-венгерской армии). Наблюдалась несогласованность в действиях корпусов, а также в поведении некоторых высших начальников. Австрийские конница и авиация 3-й армии в разведывательном отношении проявили себя слабо. Кроме того, при высоком качестве и русской, и австрийской пехоты, не пасовавшей перед большими потерями и часто сходящейся в штыки, русская артиллерия, в противоположность австрийской, деятельно помогала своей пехоте и часто являлась важнейшим фактором победы. Австрийские войска проявили неумение вести бои в условиях отступления, во время которых теряли большое количество пленных. Австрийское командование акцентировало внимание на том обстоятельстве, что славянские части составляли до 35 % состава 3-й австрийской армии, и, учтя это, начиная со сражения на р. Гнилая Липа направляло на укомплектование славянских частей 3-й армии венгерские и румынские маршевые батальоны.

Последующие бои 3-й русской армии протекали во взаимодействии с частями 8-й армии. 12-й австрийский корпус в этих боях понес большие потери и смог привести себя в порядок через два дня (в трех дивизиях осталось не более 20 тыс. бойцов,^[87] то есть менее 50 % штатного состава): «Попытка командира корпуса задержаться... на аррьергардной позиции восточнее Свиржа привела к тому, что генерал Кевес и его штаб попали под шрапнельный огонь... и были рассеяны. Упав с раненой лошади, генерал Кевес был брошен на поле своим штабом и ускакавшим конвойным эскадроном». ^[88] Неудача 12-го корпуса привела к отходу на Львов и соседних дивизий 3-го корпуса.

Австрийцы путем перегруппировок и контрударов пытались переломить ситуацию, что приводило к напряженным боям. Например, Переволоченский пехотный полк из состава 21-го русского корпуса в бою 17 августа потерял 23 офицера и до 750 нижних чинов, уничтожив свыше тысячи австрийцев и несколько сотен пленив.^[89] 17 августа 10-я кавалерийская дивизия захватила 4 гаубицы австрийцев, части 7-го армейского корпуса – свыше 1 тыс. пленных и много пулеметов.^[90] Это говорило о надломе австро-венгерских войск.

Австро-венгерское командование недооценило мощь 8-й русской армии – и армия первоначально наступала, не встречая особого сопротивления. 10 августа русские заняли Тарнополь.

15 августа командующий 8-й армией А. А. Брусилов начал движение на северо-запад на сближение с 3-й армией и после форсированного марша к Львову с юга силами 8-го и 12-го корпусов нанес поражение группе Кевесса фон Кевессгаза у Подгайцев. Войска А. А. Брусилова на Гнилой Липе атаковали во фланг противника, противостоящего 3-й армии.

16 августа войска 8-й армии у Рогатина вступили в бой со 2-й австро-венгерской армией (перебрасывалась с Сербского фронта) генерала кавалерии Э. Бем-Эрмоли. Несмотря на усиление армии Р. Брудермана резервами и прибытие корпусов 2-й армии Э. Бем-Эрмоли, русские корпуса прорвали австрийский центр и заставили противника начать отход к Львову. 2-я армия прибывала запоздало, ее соединения вводились в бой поочередно, что не привело к перелому ситуации. Ликвидировав прорыв из Руда, А. А. Брусилов нанес поражение австро-венгерской армии ударами 7-го армейского корпуса под Янчином, 12-го армейского корпуса у Рогатина и Фирлеюва и 8-го армейского корпуса у Желибор.

О напряженности этих боев и особом упорстве австрийцев свидетельствует, например, тот факт, что у Рогатина 19-я пехотная дивизия 12-го армейского корпуса 8-й русской армии за два дня боя потеряла до 50 % состава.

21 августа был взят Львов, а 22 августа Галич (причем захвачено около 40 орудий^[91]), чем блестяще завершена Галич-Львовская операция. 24 августа 8-й армейский корпус вступил в Николаев.

Австрийцы на Золотой Липе потеряли только пленными более 10 тыс. человек и 50 орудий.

Стратегическое значение Галич-Львовской операции было в том, что она серьезно изменила обстановку на юго-западном стратегическом направлении. Были разгромлены войска двух армий противника и сорваны их попытки сковать русские армии и прикрыть правое крыло своей ударной группировки. Австрийские войска понесли огромные потери людей и вооружения, лишились важных опорных пунктов Львова и Галича. Кроме того «победа русских войск оказывала серьезное влияние на ход боевых действий во Франции, где войска Антанты в это время терпели одну неудачу за другой».^[92]

Неудача на южном фланге и нерешительный результат боев на северном заставили австрийское командование осуществить рокировку с переносом тяжести своих усилий против южных армий Юго-Западного фронта. Гетцендорф предполагал разгромить левое крыло Юго-Западного фронта и освободить Львов. Своеобразный «маятник», смысл которого был в том, кто успеет раньше нанести поражение противнику – главные силы австрийцев (южные армии Юго-Западного фронта) или северные армии Юго-Западного фронта (австрийский заслон), – привел к Городокскому сражению.

Спецификой развертывания противников перед этим сражением было то, что, с одной стороны, войска уже понесли значительные потери (их уровень в тех либо иных армиях противников был неодинаков и зависел от конфигурации их участия в сражении, а также степени успешности такого участия, например в самой стойкой и успешной 4-й австрийской армии осталось не более 75 % штатного состава), с другой стороны, развертывание было закончено, подошли резервы и второочередные части.

Большой неудачей для австрийцев был тот факт, что 2-я армия, на которую была возложена главная задача в предстоящем сражении, запаздывала с сосредоточением на три дня. Насколько это было значимо для нашего противника, свидетельствует тот факт, что из 27 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, которые австрийскому командованию удалось сосредоточить к началу Городокского сражения, на 2-ю австрийскую армию приходилось 11 пехотных дивизий и 1 кавалерийская. Это значительно облегчало положение русских, которые начали сражение, имея на фронте 3-й и 8-й армий 21,5 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Запаздывание привело и к тому, что русские армии северного крыла перешли в наступление раньше. Войскам Н. В. Рузского и А. А. Брусилова в сражении у Равы-Русской – Городка было нужно продержаться.

3-я русская армия 9, 10 и 11-м корпусами двигалась на Раву-Русскую. К 26 августа между 10-м корпусом 3-й армии и 12-м корпусом 8-й армии образовался разрыв.

Противник наносил удар в стык между 3-й и 8-й армиями, прежде всего по корпусам внутренних флангов. Неприятель, обладавший вдвое большими силами, охватил левый фланг 8-й армии. 27 августа 2-я австро-венгерская армия ударом у Комарно отбросила 24-й армейский корпус за р. Щержец.

Бои за Раву-Русскую 26–27 августа на фронте 3-й армии были одними из самых тяжелых в ходе Галицийской битвы. К концу 27 августа Рава-Русская оставалась в руках австрийцев. Ключевая позиция 10-го корпуса «Козий хребет» неоднократно переходила из рук в руки. К вечеру 29 августа австрийцам удалось вклинуться между русскими 3-й и 8-й армиями, и судьба сражения на южном фланге Галицийской битвы повисла на волоске.

Положение на Львовском направлении становилось для русских очень тяжелым. 8-я армия контратаковала, используя последние резервы, но охват ее левого фланга удалось остановить. Австрийцы, перенеся центр тяжести своих усилий в полосу русской 8-й армии, опоздали. На фронте армий П. А. Плеве, А. Е. Эверта и П. А. Лечицкого, где после окончания железнодорожного маневра 26,5 русских дивизий действовали против 15,5 австрийских, произошел перелом. 28 августа русские овладели Томашевым и стали угрожать тылам ударной группировки австрийцев. С северного направления в тыл 4-й австрийской армии уже выходили 5-й и 17-й армейские корпуса русских из состава 5-й армии.

31 августа австро-венгерские войска прервали сражение и начали отступать, так как и 4-й и 1-й австрийским армиям грозил полный разгром.

В ходе Городокского сражения австрийцы потеряли до 50 % боевого состава войск.

Хотя устроить котел для австро-венгерской армии в Галицийской битве и не удалось, прежде всего в силу изменившегося стратегического развертывания австрийских армий, это сражение – одна из ярчайших побед русских.

Русское верховное командование смогло в должной степени распорядиться резервами, сформировав 9-ю армию и введя ее в бой на северном фланге битвы. Сосредоточивая 9-ю армию в районе Варшавы в роли резерва, который мог бы, перейдя в наступление по левому берегу Вислы, помочь армиям Северо-Западного фронта преодолеть барьер германских крепостей на Нижней Висле, русское верховное главнокомандование в связи с неудачным оборотом дел на Юго-Западном фронте повернуло железнодорожные эшелоны, шедшие в 9-ю армию, на правый фланг 4-й армии в район Люблина, что позволило преодолеть негативную обстановку на северном фланге Галицийской битвы.

Большой ошибкой австрийцев было желание действовать на два фронта – и против России, и против Сербии, в связи с чем был допущен роковой стратегический просчет: 2-й армии не хватило именно в Галиции. Хотя и на Сербском фронте она также не смогла себя проявить, так как находилась на пути в Галицию.

Германо-австрийскую стратегию в 1914 г. погубила игра на два фронта и желание быть сильными на всех театрах военных действий. Вместе с тем Ф. Конрад Гетцендорф, один из лучших стратегов Первой мировой войны, сделал все, что было в его силах, для выигрыша сражения. Он боролся настойчиво и упорно.

В ходе преследования русскими была блокирована крепость Перемышль и преодолена оборона по р. Сан. Но Гетцендорфу удалось четко провести маневр отхода и консолидировать позицию.

Н. Н. Головин, сравнивая оперативную работу русского командования (прежде всего начальника штаба фронта М. В. Алексеева) с аналогичной деятельностью командования французской и германской армий, отмечал, что имеется «полное право поставить его в стратегическом отношении наравне с лучшими представителями и французского и германского генерального штаба».^[93]

Стратегический результат операции огромен. Была обескровлена австрийская армия, начавшая терять боеспособность и требовавшая постоянной поддержки со стороны германского партнера. Возрос удельный вес немецких войск на Восточном фронте. Были нивелированы германские успехи в Восточной Пруссии, и кампания 1914 г. заканчивалась в пользу Антанты. Немцы фактически разменяли 2,5 русских корпуса в Восточной Пруссии на почти всю австрийскую армию.

Странами германского блока потеряна выгодная в экономическом (нефтяные ресурсы) и стратегическом аспектах территория – Галиция. Русские войска готовились к переходу через Карпаты и стояли у границ Венгрии и Чехии, что означало в ближайшей перспективе проигрыш Германией войны. Это была первая переломная точка в кампании 1914 г.

Если победа англичан и французов на Марне развеяла надежды германцев на решительную победу во Франции одним ударом, то Галицийская битва похоронила надежды противника

держать Русский фронт лишь силами австро-венгерской армии и небольших германских вспомогательных контингентов вплоть до решительной победы на Западе.

Так, Э. фон Людендорф был вынужден констатировать: «В Галиции обстановка складывалась уже неблагоприятно. Главные силы русских двинулись против австро-венгерских армий и в конце августа разбили их восточнее Львова».^[94]

Э. фон Фалькенгайн объяснял сворачивание германских операций на восточно-прусском театре военных действий в том числе и событиями в Галиции: «Продолжение фронтального преследования неприятельской неманской армии, разбитой лишь в меньшей своей части и оставшейся в том виде, в каком она вышла из сражения у Мазурских озер, не давало надежды на скорые, решительные результаты. Но от него... надо было отказаться, принимая во внимание обстановку на галицийско-польском фронте. Там австро-венгерская армия отступала от Сана... захват, хотя бы временный, русскими Верхней Силезии являлся недопустимым. Он отнял бы у Германии могучие источники питания промышленности и очень скоро сделал бы ведение войны невыносимым. Также нельзя было упускать из виду и опасности русского приближения к Чехии. Оно, вероятно, повело бы к внутренним волнениям в двуединой монархии, которые совершенно парализовали бы ее военную мощь.

И наконец, что, пожалуй, было тогда одним из самых важных соображений, казалось, что дальнейшие успехи русских над австро-венгерскими силами должны были уничтожить надежду на переход балканских держав, а главным образом, Турции, на сторону срединных держав».^[95]

Германский военный историк О. фон Мозер с горечью констатировал тяжелое поражение австро-германцев в Галиции, «несмотря на самые смелые, даже отчаянные стратегически-тактические шахматные ходы австро-венгерской армии и переброску подкреплений из Дунайской и Савской армий, правда, запоздалую». «Австро-венгерская армия была сильно дезорганизована благодаря трехнедельным убийственным боям... Австро-венгерцы понесли, кроме убитых и раненых, громадные потери пленными, а также орудиями и другими боевыми средствами. Эта неудача вызвала преждевременный подрыв доверия к верховному командованию, что было особенно опасным при своеобразных и напряженных внутренне-политических обстоятельствах двойной монархии, когда лучшие и наиболее свежие силы австро-венгерской армии были безуспешно пожертвованы в сверхсмелом предприятии... Карпатские перевалы представляли собой открытые ворота для вторжения в Венгрию, так как они не были защищены какими бы то ни было укреплениями мирного времени».^[96]

Была спасена Сербия; и сам факт ее существования еще в течение года как воюющей стороны рядом с могучей Австро-Венгрией – важнейшая заслуга русских войск, выигравших Галицийскую битву. Удалось сохранить Балканский фронт Антанты, и в этом огромная заслуга России, исходя из логики коалиционной войны.

Здесь стоит отметить, что значение Галицийской битвы в контексте сохранения Балканского фронта и непосредственно Сербии в рядах Антанты недооценивалось. Мы особо заостряем внимание на этом важнейшем для всей Антанты обстоятельстве (в будущем именно победа на Балканах принесла союзникам победу в войне). Непреходящее же значение Галицийской битвы (без преувеличения ключевого сражения не только на Русском фронте, но и всей мировой войны) в том, что, во-первых, оно знаменовало успех русского довоенного стратегического планирования по наиболее реалистичному варианту «А», во-вторых, именно этим сражением ход кампании 1914 г. (а значит, и всей войны) был окончательно переломлен в пользу Антанты.

§ 4. «Вместо Изера – Восточная Пруссия» (первая Августовская операция)

Операция, «которая сломала, наконец, долгое и упорное сопротивление VIII немецкой армии, принудила ее отойти к Летцену и за р. Ангерап и притянула на наш фронт немецкие резервы, облегчив этим союзников, изнемогавших в это время в ожесточенных боях у Ипра».^[97]

Операция проводилась 12–30 сентября 1914 г. войсками Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии с локальной целью – улучшить позиции русской армии на данном театре военных действий, а также сковать противника в период осуществления Варшавско-Ивангородской операции.

Северо-Западный фронт (имеются в виду армии – участницы операции) имел следующий состав: 1-я армия (средний Неман) в составе 11 пехотных и 14,5 кавалерских дивизий, 10-я армия (верхний Неман – Гродненский район) – 9 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизий.

Противник – 8-я германская армия генерала Р. фон Шуберта – должен был осуществлять энергичные действия, чтобы также сковать максимальное количество русских войск. 11, 17, 20-й армейские и Гвардейский резервный корпуса, 8-я кавалерийская дивизия из состава армии были переброшены в Верхнюю Силезию.

8-я армия (Гумбиннен – Алленштейн) имела в своем составе 7 пехотных (костяк сил армии – 1-й армейский и 1-й резервный корпуса, 3-я резервная дивизия) и 1-ю кавалерийскую дивизию, ландверные части.

Вместе с тем, говоря о превосходстве русских в силах, следует отметить, что 1-я русская армия выполняла вспомогательную задачу, а два ее корпуса (4-й и 2-й армейские) 18 сентября были переброшены под Варшаву.

На первом этапе операции германские ландверные части 12–17 сентября попытались захватить Осовецкую крепость. 12–13 сентября 1-й германский армейский корпус атаковал Друсkenики. Германские атаки были парированы. Осовец выручили 6-й армейский корпус и 11-я сибирская дивизия 1-го Туркестанского армейского корпуса.

С 15 сентября начинается русское наступление. Если 1-я армия не встречала особого противодействия, то 10-й противостояли главные силы 8-й германской. Командование 10-й армии, ведя тяжелые бои в лесах, одновременно осуществило силами двух корпусов обходной маневр (3-й сибирский армейский корпус занял г. Августов и вышел немцам в тыл). Противник потерпел поражение. Командующий 10-й армией генерал В. Е. Флуг писал: «Эта согласованная боевая работа и доблесть сибирских и финляндских стрелков увенчались, наконец, желанным успехом: понеся большие потери, противник, всюду сбитый, 19 сентября стал поспешно отступать, теряя пленных, пулеметы и орудия. Таким образом фронт противника в районе к югу от Сувалок оказался прорванным».^[98]

20 сентября русские заняли Сувалки. Флуг с удовлетворением констатировал: «Таким образом, в промежутке времени менее недели был полностью ликвидирован прорыв противника к Неману».^[99]

Отступавший противник ввиду перспективы нового вторжения неприятеля в его территорию решил перед границей дать отпор. Германский контрудар, несмотря на тяжелый для русских огневой бой, успеха не достиг.

С тактической и оперативной точки зрения бои под Августовым явились русской победой.

В. Е. Флуг так определил итоги деятельности его армии в сентябрьских боях: «Результатом двухнедельной сентябрьской операции 10-й армии были: 1) отражение противника от Немана и принуждение его к поспешному отходу; 2) деблокада Осовца; 3) овладение Августовым и нанесение сильному заслону немцев поражения в Августовских лесах; 4) очищение от противника почти всей нашей территории к западу от среднего течения Немана; 5) вторжение войск 10-й армии в Восточную Пруссию с овладением Лыком и Бялой; 6) лишение противника инициативы и возможности: а) предпринять что-либо против тыла наших армий действующих на ср. Висле; б) усиливать за счет оставленных в Восточной Пруссии войск свою армию, назначенную для нанесения главного удара в Польшу».^[100]

Успех был важен именно тем, что произошел в Восточной Пруссии, где августовские неудачи сильно понизили дух войск. Один из очевидцев писал: «В последних боях на фронте Мариамполь – Августов сражалось немало тех русских полков, которые недавно еще бились с врагом в Восточной Пруссии. И там и здесь приходилось иметь дело с одним и тем же противником. Но какая разница в обстановке самого боя и в ощущениях участников его!».^[101]

Оценивая действия руководства противоборствующих сторон, следует отметить прежде всего командующего 10-й армией В. Е. Флуга. Грамотное управление войсками в лесистой местности, обходной маневр привели к победе. В то же время германские командующие – Р. Шуберт, затем сменивший его «герой» Гумбиннена Г. фон Франсуа – действовали неудовлетворительно.

При всей ограниченности целей и задач операции, ее местном характере она повлияла на стратегическую обстановку: германцы не смогли перебросить из Восточной Пруссии войска в Польшу, где осуществлялась успешная для России Варшавско-Ивангородская стратегическая операция. Более того, из Германии были оттянуты две пехотные дивизии.

Первая Августовская операция всегда незаслуженно находилась в тени крупных сражений 1914 г. – Восточно-Прусской и Варшавско-Ивангородской операций, Галицийской битвы.

При всем локальном характере операция оказала важнейшее влияние не только на ход боев на Русском фронте, но и на стратегическую обстановку для всей Антанты. Успешное окончание операции привело к занятию русскими Сталлупенена и Гольдапа, выходу их к Мазурским озерам. Снова была захвачена большая часть Восточной Пруссии. Но самое главное – это оттянутые резервы противника, причем в период напряженных боев союзников по Антанте во Фландрии. Это сказалось на стабилизации Французского фронта, что имело крайне неблагоприятные последствия для германской стратегии, в очередной раз не сумевшей добиться решительного результата.

§ 5. «На Силезию» (Варшавско-Ивангородская операция)

У Изера и Ипра оба противника столкнулись... Откуда... спрашивается, у немцев взялись силы? Ведь они были вынуждены перебросить значительную часть их на восток для противодействия русскому паровому катку!^[102]

Варшавско-Ивангородской операцией 15 сентября – 26 октября 1914 г. принято называть серию оборонительных и наступательных сражений русских и германо-австрийских войск в средневислинском районе. После Галицийской битвы австро-венгерские войска на всем фронте начали поспешное отступление, и им требовалась срочная помощь германских войск.

Угроза захвата русскими армиями Западной Галиции, Кракова и Верхней Силезии требовала быстрого решения. Поражение австро-венгерских войск и их отход на Краков вызвали, с одной стороны, рокировку германских частей на помощь союзнику, с другой – переброску дополнительных соединений с Западного фронта (что весьма ощутимо сказалось на германских операциях на Французском фронте под общим наименованием «Бег к морю»).

Немцы планировали предотвратить полный коллапс Австрийского фронта, а также сорвать крупномасштабное наступление отоброшизованных русских армий в сердце Германии – Силезию, являвшуюся центром германской добычи минерального сырья.

Германское командование осуществило перегруппировку.

Оно сформировало 9-ю армию с задачей провести наступление на Варшаву и Ивангород. Непосредственно содействовать немцам должна была 1-я австрийская армия, были задействованы иные австрийские армии. Намечался удар во фланг и тыл русским армиям, преследующим австрийцев после Галицийской битвы.

9-я германская армия имела в своем составе 5 корпусов (11, 17, 20-й армейские, Гвардейский резервный и Силезский ландверный Р. фон Войрша), отдельные дивизии (35-я резервная и ландверная Бредова) и кавалерийскую дивизию (8-ю) – всего 12,5 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую. 1-я австро-венгерская армия (на тот момент считалась лучшей) насчитывала 11,5 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Эта ударная северная группа П. Гинденбурга насчитывала свыше 290 тыс. штыков, 20 тыс. сабель и 1,6 тыс. орудий. Южная вспомогательная группа (эрцгерцога Фридриха) состояла из 4, 3, 2-й австрийских армий и армейской группы К. Пфланцер-Балтина.

Русский план заключался в перенесении центра тяжести действий русских войск на левый берег Вислы – планировался удар на Силезию с последующим наступлением к верхнему Одеру и далее на Берлин. Верховный главнокомандующий русскими армиями великий князь Николай Николаевич осуществил (пользуясь польской сетью железных дорог) блестящий железнодорожный маневр, сравнимый лишь с германскими перебросками в рамках шлиффеновского плана. Три армии (4, 5 и 9-я) перебрасывались в район Ивангород – Сандомир. Предусматривался фронтальный удар (от Ивангорода) и фланговый охват (от Варшавы). Для последней задачи назначалась 2-я армия. В Галиции оставались две армии (3-я и 8-я): перед ними, так же как и перед 1-й и 10-й армиями Северо-Западного фронта, ставилась задача обеспечения операции.

В составе русских 2, 5, 4 и 9-й армий и Конного корпуса А. В. Новикова числилось 470 тыс. штыков, 50 тыс. сабель и 2,4 тыс. орудий. Но часть этих войск (в том числе 30 тыс. пехоты) размещалась в Варшавском укрепленном районе.

На первом этапе сражения противник продвинулся до Вислы у городов Опатов и Сандомир, левым флангом нанося удар на Варшаву с заслоном на Ивангородском направлении. Ударная группа А. фон Макензена (17-й армейский корпус, части 20-го армейского корпуса и сводного корпуса Фроммеля) с 24 сентября вела тяжелые бои на подступах к Варшаве с сибирскими корпусами 2-й русской армии. Параллельно германцы атаковали Ивангород, ведя бои с 4-й армией.

Первостепенное значение (как для немцев, так и для готовившихся наступать русских войск) приобретает борьба за плацдармы (Козеницкий плацдарм вошел в историю как пример мужества русских войск 4-й и подходящей 5-й армии) и переправы. Придавая огромное значение Козеницкому плацдарму, германцы делали отчаянные попытки опрокинуть изолированные части русских войск в Вислу, но, несмотря на большие потери, русские не только удержали плацдарм, но и перебросили на левый берег Вислы 3-й кавказский армейский и 17-й армейский корпуса, которые сковали значительные силы противника и создали этим основу для успешного наступления русских армий.

На втором этапе операции 2-я русская армия (1-й и 2-й сибирские армейские, 1-й и 4-й армейские корпуса) 29 сентября нанесла сильный встречный контрудар. «Наступление вначале шло беспрепятственно, но к полудню сопротивление почти всюду усилилось, а после полудня германцы перешли в контратаку от Сенкоцинского леса и от Згожала. Эти контратаки стоили германцам больших потерь, они считают этот день боя самым кровавым».^[103] Тем не менее контрнаступление 2-й армии закончилось тактическим успехом и обеспечило Варшаву от самой дальнбойной артиллерии немцев.

В первых числах октября «IV корпусу удалось овладеть линией Мошна – Прутков – Пенцице – Соколов. В двух последних пунктах шел горячий бой, деревни по несколько раз переходили из рук в руки и остались за русскими... Бой... протекал с прежним успехом для русских, они отбивали все атаки противника».^[104]

4 октября бои у Пруткова – гордость бывшей самсоновской 2-й армии. «Упорство немцев чрезвычайное. На всем фронте в течение этих дней немцы ведут бешеные атаки. Некоторые пункты были атакованы по три раза в сутки, как, например, Прутков, атакованный вчера три раза. Атаки ведутся и ночью. Ракитно восемь раз переходило из рук в руки и осталось за нами... Войска 2 армии имели перед собой достойного уважения за свою храбрость противника, встретившего и в войсках 2 армии несокрушимую твердость. Наши доблестные войска отбили все атаки немцев с огромными для них потерями и сегодня продвигаются левым флангом вперед, выбивая немцев штыками из их позиций, с целью выиграть необходимое пространство для развертывания корпусов переправляющейся 5 армии».^[105]

4-я армия вела бои на Козеницком плацдарме. Материалы германского Рейхсархива, отмечая, как принято у немцев, тяжелые погодные и почвенные условия, зафиксировали тяжелое положение 2,5 германских дивизий (Гвардейского резервного корпуса и 72-й пехотной бригады 20-го армейского корпуса) в этих боях – «Большой удачей было то, что удавалось держаться».^[106]

Огромную роль сыграла в операции Ивангородская крепость, активно применялась тяжелая артиллерия. Не помогла врагу и перегруппировка сил, передавшая район Ивангорода в зону ответственности 1-й австро-венгерской армии.

На третьем этапе сражения решительное русское наступление (прежде всего силами совершивших марш-маневр 9-й и 5-й армий) приводит к поражению 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий. Для армий Северо-Западного фронта общее наступление началось 5–7 октября, Юго-Западного – 8–10 октября.

Под угрозой окружения и полного разгрома П. Гинденбург отдал приказ об отходе группы А. фон Макензена на три перехода, рассчитывая войсками прикрытия (три корпуса) ударом во фланг остановить наступающие от Варшавы русские соединения. В районе Скерневицы – Гловно немцы были разбиты. 1-я австро-венгерская армия разгромлена в Келецком сражении.

Как писал Э. Людендорф: «Положение было исключительно критическое. Наше октябрьское наступление дало нам возможность выиграть некоторое время, но оно закончилось неудачей».^[107]

Германо-австрийцы отступали на широком фронте, а в ряде случаев отступление превращалось в бегство. «По показаниям пленных, опрошенных в гренадерском корпусе, перед гренадерами находились части 20 и гвард. рез. германских корпусов, наша артиллерия нанесла

им очень большие потери; отступление немцев началось... 13 октября... Немцы бросили всех раненых, даже офицеров».^[108]

Русские войска показали свои высокие боевые качества, нанеся крупное поражение немцам (вторая большая русская победа после Галицийской битвы), расквитались за поражение самсоновской армии в Восточной Пруссии. Был развеян миф о непобедимости немцев. К сожалению, разгром немцев не превратился в катастрофу, в том числе вследствие усталости русских войск и кризиса работы тыла.

Следует отметить искусство русского командования, осуществившего широкий маневр как по грунтовым, так по железным дорогам и наладившего одновременное наступление четырех армий. Как отмечал Г. К. Корольков: «Русским принадлежал конечный стратегический успех, так как ген. Гинденбург был принужден отказаться от продолжения операции, не ожидая тактического неуспеха... На его стороне были преимущества технического снабжения и неограниченного расходования боевых средств и все-таки он принужден был признать свой стратегический неуспех и начать быстрый отход».^[109]

Варшавско-Ивангородская операция («Борьба за Вислу») – одна из крупнейших стратегических операций (по своему смыслу, по количеству задействованных войск, по осуществленному стратегическому маневру) маневренного периода войны на Русском фронте, по форме – встречное сражение (одна из наиболее сложных форм ведения боевых действий). В этой операции принимала участие примерно половина всех русских сил, действовавших против Австро-Венгрии и Германии. Были задействованы главные силы австрийских и германских войск, сосредоточенных на восточноевропейском театре военных действий. Сражение проводилось на фронте протяженностью свыше 300 км.

Варшавско-Ивангородская операция – одна из наиболее удачных стратегических операций русской армии в мировую войну. Ю. Н. Данилов отмечал: «Мы одержали над нашими противниками несомненно очень крупную стратегическую победу... Стратегия сделала свое дело столь ярко, что немцы не осмелились принять решительного боя».^[110]

Стратегическим результатом операции стал срыв планов германо-австрийского командования сгладить последствия Галицийской битвы, не удалось ему пока и сорвать готовящееся русское наступление в Силезию. Операция знаменовала начало «метания» стратегической мысли германцев между Западным и Восточным фронтами со всеми вытекающими последствиями. Вместе с тем выяснилось, что войска Австро-Венгрии не были разбиты окончательно, как виделось после Галицийской битвы.

Итогом победы было и то, что оказался сорванным план вовлечения Болгарии в войну на стороне германского блока в 1914 г.

Германская военная история в лице О. фон Мозера характеризовала Варшавско-Ивангородскую операцию как период «больших четырехнедельных боев, богатых тяжелыми кризисами и потерями. Отдельные операции этого похода почти переступали границы смелости; их можно объяснить только тем же чрезвычайно счастливым обстоятельством, что немецкое командование продолжало быть осведомленным о русских войсковых приказах, а следовательно, было своевременно предупреждено об угрожающих опасностях, в особенности в отношении угрозы левому немецкому флангу. К сожалению, эта в высшей степени самоотверженная борьба немецких войск, имевшая целью обеспечить австро-венгерцам время на проведение своей операции, оказалась напрасной... чтобы нанести решительный удар южному флангу русских войск, искусно управляемых и оборонявшихся с большой храбростью. В силу этого оба союзника должны были начать отступление на свои исходные позиции у Кракова, если не хотели, чтобы под Варшавой немецкие войска постигла катастрофа».^[111]

Оценивая командный состав русской армии, можно отметить отличную организаторскую работу Ставки и Николая Николаевича лично. Творческий подход при осуществлении оперативного маневра ярко характеризовал русского главковерха. Также это касалось координации деятельности двух фронтов. Лучший из командармов, несомненно, командующий 9-й армией П. А. Лечицкий, разгромивший 1-ю армию В. Данкля (15 тыс. пленных), умело применявший фронтальные и фланговые удары. Следует отметить также генерала П. А. Плеве, отличившегося грамотным руководством армии в бою, употреблявшего «героические усилия»^[112] для обеспечения своих войск.

В плеяде австро-германского руководства выделяется Э. Людендорф, которому союзники обязаны тем, что разгром не превратился в катастрофу.

Варшавско-Ивангородская операция является зеркальным отражением Восточно-Прусской по следующим позициям. Выиграв Варшавско-Ивангородскую операцию в оперативном смысле (как немцы Восточно-Прусскую), русские проиграли в стратегическом (как и германцы в Пруссии). А именно: мощный удар развернутых и отмобилизованных русских армий по Силезии не состоялся, силы и средства ушли на решение насущных, но иных задач.

Но в активе Антанты оказалась крупная стратегическая победа в тяжелый для Французского фронта период. Варшавско-Ивангородская операция – зримое подтверждение надежд союзников на знаменитый «русский паровой каток».

§ 6. «Неудавшийся поход на Берлин – победа союзников у Ипра» (Лодзинская операция)

Снова, как в дни Марнского сражения, перед глазами немцев появился призрак русского вторжения. Вся Германия знала, что ставилось на карту при таком вторжении царской орды. Наши восточные боевые силы были слишком слабы. Даже гений Гинденбурга не мог без поддержки разбить массовые армии великого князя Николая Николаевича. Вот причина, почему мы должны были выжидательно лежать у входа в Ипр. Все освободившиеся фландрские бойцы спешили в Польшу.^[113]

При разработке плана новой крупномасштабной операции на германском фронте русское командование предполагало крупными силами вторгнуться в Силезию с последующим ударом на Берлин. Учитывая подход к концу материально-технических ресурсов мирного времени, это была попытка завершить войну до конца 1914 г.

В то же время слабо учитывались некомплект в войсках, трудности со снабжением и специфика театра военных действий. Так, в войсках недоставало офицеров (их численность едва достигала 40 % штата). Пополнения солдат также были недостаточны – в 1, 2 и 5-й армиях недоставало свыше 17 % бойцов от положенных по штату. При своем отходе после Варшавско-Ивангородской операции германцы основательно разрушили как железные, так и шоссейные дороги, то есть обрекли наступающие русские силы на преодоление больших трудностей как при движении войск, так и при их снабжении.

Активная группировка русских к началу операции – три армии Северо-Западного фронта: 1, 2 и 5-я – 367 тыс. бойцов, 740 пулеметов, 1,3 тыс. орудий.

Русские армии, вытянувшись в линию на громадном фронте, не имели армейских и фронтовых резервов как для развития успеха, так и для парирования неожиданных ударов противника.

Начальник штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом генерал-лейтенант Э. Людендорф, отлично зная, что самый лучший способ сорвать вражеское наступление – это самому нанести удар в другом месте (прежде всего фланговый удар), продемонстрировал свое оперативное мастерство.

Этому способствовало и вышеуказанное обстоятельство стратегического характера: немцы могли читать русские радиogramмы. По словам Э. Фалькенгайна, радиogramмы давали немцам «возможность с начала войны на Востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры».^[114] Офицер штаба 1-го армейского корпуса русской армии полковник Ф. Ф. Новицкий отмечал: «В этом отношении под Лодзью дело дошло до курьеза: наша радиостанция приняла немецкое радио с просьбой не беспокоиться шифровать наши депеши, так как все равно немцы их расшифровывают».^[115]

Э. Людендорф предложил организовать удар в правый фланг наступающих русских армий, чтобы для задержки их с фронта австрийцы образовали сильный заслон на фронте Ченстохов – Краков. Была осуществлена перегруппировка войск. Образованный германский Восточный фронт (командующий генерал пехоты П. Гинденбург в тандеме с неизменным Э. Людендорфом – начальником штаба) включал в свой состав две армии – 8-ю (6,5 пехотных и 1 кавалерийскую

дивизии, командующий генерал пехоты О. фон Белов) и 9-ю (12 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, командующий генерал кавалерии А. фон Макензен).

9-я армия должна была нанести глубокий удар во фланг и тыл русским 2-й и 5-й армиям (в полосе между линиями железных дорог Торн – Лович и Лодзь – Лович) с перспективой их окружения. Позиции в районе Ченстохова были заняты частично войсками немецкого Бреславльского корпуса, частично 1-й австро-венгерской армией (11 пехотных, 3 кавалерийские дивизии).

Для усиления главной ударной силы – 9-й армии – перед началом операции прибыли два кавалерийских корпуса (1-й и 3-й) с Французского фронта, а из состава 8-й армии – 1-й и 25-й резервные корпуса.

Общий состав 9-й армии достиг 17 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Ее главные силы насчитывали 155 тыс. штыков и сабель, 450 пулеметов, 960 орудий. В ударную группу немцы назначили 11 пехотных и 2 кавалерийские дивизии при 904 орудиях – 70 % сил 9-й армии,^[116] создав значительное превосходство над русскими в силах и средствах на участке прорыва.

Вспомогательные силы (они должны были сковать русские войска, прежде всего 5-ю русскую армию, с фронта) – это корпуса «Грауденц», «Познань», «Бреславль» и «Торн» общей численностью в 124 тыс. штыков и сабель при 250 пулеметах и 480 орудиях.

Итого почти 280 тыс. бойцов при 700 пулеметах и 1420 орудиях.

С учетом германского корпуса Р. Войрша и 1-й австро-венгерской армии противник приобретал некоторое численное превосходство над русскими армиями – главными участницами операции: 380 тыс. против 367 тыс. штыков и сабель.

Внезапный удар группы А. фон Макензена на Кутно, в обход Лодзи с востока, 29 октября нарушил планы русского командования. Первыми вступили в бой авангардные дивизии 1-го и 25-го резервных корпусов против правого фланга русских. Их атака была поддержана тяжелой артиллерией и бронемашинами.

29–30 октября немцы в результате тяжелых боев (у Влоцлавска, левый фланг 1-й армии) отбросили 5-й сибирский армейский корпус. Попытка окружения корпуса не удалась, с арьергардными боями он отошел под давлением трех германских корпусов (20-го, 25-го армейского и 1-го резервного). Подошедший 6-й сибирский армейский корпус с отброшенным 5-м стабилизировали обстановку.

Зная, что с утра 1 ноября, согласно директиве Н. В. Рузского,^[117] войска Северо-Западного фронта должны были начать общее наступление к границам Германии, П. Гинденбург требовал от 9-й армии более энергичного наступления. А. фон Макензен нанес удар 25-м резервным и 20-м армейским корпусами в правый фланг 2-й русской армии (позиции 2-го армейского корпуса). 2-й корпус, продержавшись в течение дня, отошел на Кутно.

Обстановка осложнилась – была разорвана связь между 1-й и 2-й русскими армиями, оголены фланг и тыл последней. Немцы приступили к окружению 2-й армии.

Параллельно атаковали на своих участках германские крепостные корпуса, сковывая противостоящие им русские войска. С подходом этих корпусов 4 ноября П. Гинденбург уже ставил себе целью окружить 2-ю армию с обоих флангов и сомкнуть кольцо окружения в районе Лодзи.

В это время русские войска 5-й армии продвигались на север, 4-й и 9-й армий – атаковали согласно прежнему плану, в Ченстоховском направлении. Только 2 ноября командование Северо-Западного фронта, поняв тяжесть обстановки в районе Лодзи, приостановило наступление 5, 4, 9-й армий, начав перегруппировку сил для противостояния 9-й германской армии.

5 ноября для обеих сторон сложилась очень напряженная обстановка, но 5-я армия, развернувшись на фронте Пабиянице – Ласк, энергично перешла левым крылом в наступление, остановив продвижение 3-го кавалерийского корпуса немцев и корпуса «Познань», нанеся им большие потери. Приближение двух корпусов 5-й армии к флангу 2-й армии существенно изменяло обстановку в пользу русских, так как этот маневр явился неожиданностью для германцев.

К вечеру 6 ноября у русских оказалось прочное положение на левом фланге и в центре и угрожающее на правом фланге 2-й армии, где все глубже продолжала вклиниваться обходящая

группа немцев генерала Р. фон Шеффера-Бояделя^[118] в составе 25-го резервного корпуса, 3-й гвардейской дивизии, 1-го кавалерийского корпуса (три пехотные и две кавалерийские дивизии).

Немцы захватили Кутно и наступали на Лович – узел сообщений 2-й и 1-й армий. Теперь началась импровизация со стороны командования Северо-Западного фронта. К Ловичу перебрасывались наспех собранные части (формировался Ловичский отряд). Немцы фактически полуокружили 2-ю армию, захватив 6 ноября Брезины (конница дошла до Колюшек), в результате чего армия загнула свой фронт полукольцом.

Но дальнейшие успехи германцев были парализованы подходящими частями 5-й армии. 8 ноября немцы оказались на южной окраине города, но он остался русским благодаря активным действиям 5-й армии. Правый фланг 9-й германской армии, корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус, которым поручалось замкнуть кольцо окружения, наступать не могли. Они сами с трудом отбивали атаки частей 5-й русской армии – 19-го армейского корпуса и 2-й сибирской дивизии.

П. Гинденбург продолжал и 8 ноября надеяться, что русские не выдержат и начнут, наконец, отход от Лодзи. Однако генерал П. А. Плеве на 8 ноября тоже приказал обеим своим армиям наступать по всему фронту, не давая германским флангам сомкнуться к югу от Лодзи.

С утра 8 ноября завязалось ожесточенное сражение на левом крыле 5-й русской армии. Бригада корпуса «Бреславль», австро-венгерская 7-я кавалерийская дивизия, корпус «Познань» и 3-й кавалерийский корпус немцев обрушились на 19-й армейский и 2-ю дивизию 1-го сибирского армейского корпуса, пытаясь обойти левый фланг 19-го армейского корпуса. Энергичной контратакой 1-й сибирский армейский и 19-й армейский корпуса вынудили немцев к беспорядочному отходу с большой потерей пулеметов, орудий и пленных.

17-й и 20-й германские корпуса были атакованы 4-м армейским и 2-м сибирским армейским корпусами и едва удерживались, главным образом, благодаря огню тяжелой артиллерии. Положение ударной группы Р. фон Шеффер-Бояделя к концу дня оказывалось тяжелым.

Части 5-й армии парализовали южную «клешню» германского наступления, и П. А. Плеве на 9 ноября от армий требовал: 5-й армии удерживать свое положение, 2-й – наступать правым флангом при поддержке частей 5-й против обходящей группы немцев генерала Р. фон Шеффер-Бояделя и тем самым совместно с наступающим Ловичским отрядом окружить ее.

В результате к 9 ноября ударная группа Р. фон Шеффер-Бояделя попала в окружение. Этот день стал переломным в Лодзинском сражении. Ловичский отряд, двигаясь навстречу наступающим частям войск 5-й и 2-й армий, восстановил связь с группой армий П. А. Плеве.

Получился «слоеный пирог» – немецкая группировка Р. фон Шеффер-Бояделя, взявшая в полукольцо 2-ю армию, сама попала в окружение. Над немецкой ударной группой нависла угроза катастрофы. В. И. Гурко отмечал: «Германские корпуса из состава армии Макензена, оказавшиеся между двух огней, уже находились в предчувствии момента, когда им придется сложить оружие».^[119]

Помощь остаткам пяти германских дивизий пришла со стороны командования Северо-Западного фронта. Н. В. Рузский, не разобравшись в обстановке, предписал отступление 1, 2 и 5-й армиям.^[120] Несмотря на протесты П. А. Плеве, главнокомандующий фронтом настоял на своем. Распоряжение было в дальнейшем отменено, но момент оказался упущенным и блокирующие части не были усилены.

Р. фон Шеффер-Боядель в ночном бою 11 ноября прорвал позиции 6-й сибирской стрелковой дивизии и соединился с главными германскими силами. А. Нокс отмечал: «Весь день 6-я сибирская дивизия успешно сражалась, захватив полностью две батареи с упряжками и зарядными ящиками, 300 пленных и большое количество пулеметов».^[121] Но противник «обошел оба фланга дивизии, которой было приказано удерживаться во что бы то ни стало... В 11 часов покинутая всеми, обойденная с обоих флангов и атакованная с фронта 6-я дивизия отступила к северу и, найдя Брезины занятыми, рассеялась; часть людей просочилась на запад ко 2-й армии, а часть, около 1500 человек, в конце концов проложила себе дорогу к Скерневицам».^[122]

Запоздалое преследование не только группы Р. фон Шеффер-Бояделя, но и германских войск, отходивших по фронту русских армий, также не было организовано.

С 12 ноября 2-я и 5-я русские армии перешли в наступление.

Для облегчения положения на фронте 9-й германской армии немцы начиная с 14 ноября вели настойчивые атаки на фронте 1-й русской армии и в стыке между 5-й и 4-й русскими армиями.

Перебрасывались войска с Французского фронта. Тяжесть обстановки и активность русских войск вынуждали П. Гинденбурга вводить эти соединения в дело по частям, несогласованно и разновременно. Переброшенные фактически силы целой армии, будь они введены в дело одномоментно и на одном участке и способны привести к значительным оперативным результатам, были растрчены на сдерживание напора русских войск, в результате чего вместо одного сильного удара Гинденбург остановился на двух сравнительно слабых ударах – общий результат операции свелся лишь к захвату пространства.

В силу общей обстановки и под напором свежих соединений русские вынуждены были осуществить общий отход. 23 ноября была оставлена Лодзь. В начале декабря начались позиционные бои. Русские отошли на линию рек Бзура – Равка – Нида – Дунаец, которую удерживали в течение нескольких месяцев.

В общесоюзническом аспекте Лодзинская операция была крайне выгодна Французскому фронту, ознаменовав очередные крупные переброски войск против России. Собственно же русский наступательный план был сорван. А. П. Будберг отмечал: «В дополнение к уже решенным двум стратегическим направлениям – восточно-прусскому и галицийскому, нам навязывалось, и навязывалось упорно, настойчиво, еще третье – Берлинское, т. е. еще более усугублялись и без того уже существовавшие невыгоды разделения наших сил».^[123] А. А. Свечин писал: «Верная своему союзному долгу, русская армия в конце октября... делает новое усилие – разворачивает к западу от Лодзи на Познанском направлении две армии, что заставляет германцев прекратить наступление на главном англо-французском театре на срок 16 месяцев (до Вердена) и бросить 5 новых полевых корпусов с западного театра в Польшу. Мы были вынуждены перейти к обороне, но не вся ли задача нашей стратегии заключалась в том, чтобы заставить германцев... повернуться лицом к нам, оставив на главном театре тот недорубленный лес, который так вырос в 1918 году и решает судьбы войны? Будущий историк сокрушения германского военного могущества отдаст должное нашей стратегии, ее добропорядочности. Никогда еще в мировой истории коалиция различных армий не действовала столь дружно и самоотверженно, как та, с которой пришлось столкнуться Германии в 1914 году».^[124]

Как писал Э. Людендорф: «Крупная оперативная цель – уничтожить русских в излучине Вислы – не была достигнута».^[125] Ему вторит генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Восточным германским фронтом подполковник М. Гофман: «Мы избежали большой беды, но намечавшийся крупный успех не был достигнут».^[126]

Вместо окружения русских под Лодзью немцам пришлось думать о спасении своих окруженных корпусов. Традиционное пренебрежение германцев к противнику стоило им тяжелых потерь и полного разгрома ударной группы Шеффер-Бояделя. И это притом, что германское командование находилось в исключительно благоприятных условиях вследствие систематического перехватывания русских радиотелеграмм и точного знания ежедневно группировки и намерений русских. И наоборот.

Но и русский замысел глубокого вторжения в Германию тоже провалился – пришлось реагировать на активные действия противника. По вине командования Северо-Западным фронтом, а также по причине бездействия русской конницы, наблюдавшей выход немцев из окружения, был упущен очередной шанс в полной мере отомстить за самсоновскую катастрофу.

Если Восточно-Прусская операция является ярким примером тактической победы и стратегического поражения для германцев, то с Лодзинской операцией дело обстоит наоборот. Даже германские историки считали Лодзинскую операцию тактической русской победой, но в стратегическом плане это неудача для России. Русские устроили котел для 2,5 германских корпусов (5 дивизий, ровно тот же количественный Танненберг) и почти их уничтожили (в вышедших из окружения полках оставалось по 500 бойцов). В какой-то мере это был расчет за восточно-прусскую неудачу. Но с точки зрения стратегии были сорваны крупномасштабные планы русской Ставки и фактически погашена русская оперативная активность на привислинском театре военных действий.

Восточно-Прусская и Лодзинская операции – яркий пример того, как тактическая победа становится стратегической неудачей для германцев и русских соответственно.

Период конца ноября – декабрь 1914 г. характеризовался стабилизацией борьбы на восточноевропейском театре военных действий, началом позиционной войны, хотя свои окончательные формы она приобрела лишь через год. К северу от Варшавского района

Принаревская группа генерала Н. П. Бобыря (1-й туркестанский армейский корпус и гарнизон Новогеоргиевска) нанесла поражение ландверному корпусу Цастрова, отбросив его за линию границы. Германцы заявили о потерях группы Цастрова с 13 по 24 ноября в 2 тыс. человек.^[127] К концу года русские достигли в Восточной Пруссии Мазурских озер.

В течение декабря 1914 г. германцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве; это привело к кровопролитным боям на Бзуре и Равке: у Боржимова, Болимова, Воли Шидловской. Прорыв к средней Висле германцам не удался, русские армии удержали свое положение.

В Польше «Сражение на четырех реках» – Бзуре, Равке, Пилице и Ниде – шло с переменным успехом 5–9 декабря. Бои на Бзуре были одними из самых кровавых на Русском фронте. В результате этих боев во многом был добит кадровый состав русской императорской армии. Тяжко пострадали и германцы. Ю. Н. Данилов писал: «Все усилия германцев ограничились, однако, достижением... лишь местных успехов, но атаки их привели к жестоким для обеих сторон потерям. Убедившись, кровавым опытом, в прочности и устойчивости нашего нового положения, германское командование прекратило дальнейшие попытки к прорыву нашего фронта».^[128]

В итоге русские позиции были сохранены, а 9-я русская армия даже перешла в наступление, нанеся поражение 1-й австро-венгерской армии под Новым Корчиным (взято свыше 14 тыс. пленных). А. фон Макензен наступлением на Равке 16 декабря пытался помочь австрийцам. Бои отличались невероятным упорством. 2-й сибирский армейский и 6-й армейский корпуса 2-й армии противостояли пяти германским (17, 2, 20-му армейским, 1-му и 25-му резервным).

С 1 по 11 ноября русскими войсками 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта была осуществлена фактически безрезультатная Ченстохово-Краковская операция. Однако левофланговым армиям Юго-Западного фронта не только удалось сорвать план австрийского командования, но они также обеспечили действия армий левого крыла Северо-Западного фронта на Лодзинском направлении. Это была последняя крупная операция русских армий в кампании 1914 г., характеризовавшаяся высокоманевренными действиями войск и обилием встречных боев и сражений.

В начале декабря успешное австрийское контрнаступление у Лиманова-Лопанова вынудило русских отойти за р. Дунаец. Германские войска уже с осени интенсивно поддерживали австрийского союзника. Так, М. фон Ауффенберг упоминал, например, 47-ю германскую резервную дивизию, действовавшую совместно с австрийскими дивизиями 3-й и 4-й армий в лимановских боях.^[129]

Подводя итог, следует отметить, что Лодзинская операция привела к некоторой стабилизации положения на Восточном фронте: оба противника выдохлись.

Неудавшийся «поход на Берлин» принес победу союзникам в битве на Ипре. В очередной раз Русский фронт поглотил резервы, энергию германской армии и внимание германского командования.

Фактически в конце октября – начале ноября 1914 г. германское верховное командование в лице Э. фон Фалькенгайна решило вопрос о переносе главных усилий германской военной машины на восток, что привело к сворачиванию германских атак у Ипра: «Генерал Фалькенгайн... был вновь поставлен перед решением, какой из фронтов – западный или восточный – считать главным. Это решение было тем серьезнее, что генералы Гинденбург и Конрад просили, хотя и безуспешно, о переброске сил с запада еще во время октябрьских боев за... Ивангород и Варшаву: теперь Конрад вновь предложил перенести центр тяжести с запада на восток... Но для этого требовалось приостановить в конце октября наступление 4-й немецкой армии во Фландрии... В начале ноября... он решил приостановить наступление во Фландрии и послать все, что было возможно (7 дивизий), с западного фронта на восточный, в том числе и сильные, кавалерийские части».^[130] Но даже при условии столь крупных перебросок Э. Фалькенгайн ожидал от операций Гинденбурга «только приостановки русского наступления».

Один из германских фронтовиков писал: «Как завидовали товарищам “вызванным на восток”, чтобы сражаться под начальством великого победителя под Танненбергом. С уходом их для нас, людей фронта, окончательно погибла надежда на решительную победу у Ипра».^[131] Но более того, как признавали германцы, даже при замораживании своих операций на западе «большие цели Гинденбурга – Людендорфа, направленные к уничтожению русского колосса, не были

достигнуты; при этом все немецкие силы на востоке и стратегические резервы немецкого верховного командования сильно пострадали».^[132]

Значение Лодзинской операции для Антанты трудно переоценить. Мы считаем эту операцию центральным сражением 1914 г. на Русском фронте как по количеству оттянутых германских войск, так и по принятию окончательного решения о переносе тяжести главного удара противником против России.

Победа у Ипра, стабилизация Русского (временно) и Французского (окончательно) фронтов и окончательный крах германского стратегического планирования – в этом первостепенное значение Лодзинской битвы.

§ 7. Крах турецкого блицкрига – боевые действия на Кавказском фронте

Названная операция, в которой главное командование 3-й армией принял сам Энвер, закончилась уничтожением этой армии, которая из турецких оперативных соединений первой вступила в мировую войну.^[133]

После неудачной для русских Кеприкейской операции зимняя кампания 1914–1915 гг. ознаменовалась поражением турок в Сарыкамышской операции 9 декабря 1914 г. – 4 января 1915 г.

К началу Сарыкамышской операции у русских на Кавказском фронте вместе с прибывшим на усиление 2-м Туркестанским армейским корпусом и новыми формированиями имелось 153 батальона (дружин ополчения), 175 сотен и 350 орудий. Из них в составе действующей армии находилось 114 батальонов и дружин, 127 сотен и 304 орудия. Русские силы (их костяк составляли части 1-го Кавказского армейского и 2-го Туркестанского армейского корпусов) были сведены в три отряда. Кавказская армия была ослаблена отправкой на германо-австрийский фронт частей 2-го и 3-го Кавказских армейских корпусов (до 2/3 сил армии).

Противостоявшая русским 3-я турецкая армия насчитывала до 160 батальонов, около 128 эскадронов, поддержанных курдскими сотнями (до 8–10 тыс. человек). Всего до 190 тыс. человек, порядка 300 орудий (непосредственно в операции участвовало 150 тыс. человек). Оперативную группировку турок составляли 9, 10 и 11-й корпуса.

Под руководством генерал-лейтенанта Н. Н. Юденича русским войскам удалось разгромить 3-ю турецкую армию, стремившуюся к окружению главных сил русской армии, сосредоточенных у Сарыкамыша, переломив казавшуюся вначале безнадежной ситуацию.

Погибла одна из трех турецких армий, бывших у Османской империи к началу войны, то есть была выведена из строя треть ее вооруженных сил.

Результатами победы стали упрочение положения России на Кавказе, приобретение русскими войсками чувства превосходства над турецкой армией, их выход на позиции для дальнейшего наступления.

Два корпуса, которые были направлены на германо-австрийский театр военных действий в начале войны, были дополнены еще 1,5 корпуса. Обстановка позволяла это сделать, ведь 3-я турецкая армия на полгода была фактически выведена из строя.

Сарыкамышская операция имела важное значение не только для России, но и для Антанты: положение России на кавказско-персидском театре военных действий упрочилось; произошло усиление турецких войск, действующих против кавказской армии, что облегчило действия англичан в Месопотамии и в районе Суэцкого канала. Операция благотворно сказалась на настроении общества в России и особенно на Кавказе, войска приобрели веру в свои силы. Русский Кавказский фронт приковал к себе 11 турецких дивизий (при трех в Сирии, двух в Ираке и четырех в Аравии), то есть 55 % активных турецких сил.

Крах турецкого «блицкрига» привел к перелому и захвату стратегической инициативы на кавказском театре военных действий уже с начала 1915 г. И эту инициативу Россия удерживала в течение всей войны.

Итоги кампании 1914 г. имеют важнейшее значение для коалиционной войны Антанты. Действия русских войск разрушили стратегическое планирование германского блока, полностью нивелировав немецкие успехи, достигнутые на Западе. Германцы были вынуждены уделять все

большее внимание Русскому фронту в ущерб главному для себя – Французскому. Противник принужден был реагировать (прежде всего структурными реорганизациями и перебросками войск, что и срывало проводимые им операции) на русские выпады.

Э. Людендорф выразился по этому поводу коротко и ясно: «Кампания 1914 г. не дала желаемых результатов».^[134] Высший германский генералитет связывал с неудачами германского блока в 1914 г. начало позиционной войны, что означало грядущую катастрофу, и призывал свое государственное руководство к заключению сепаратного мира: «Если бы политические руководители страны нашли пути к соглашению с врагами – с военной точки зрения все равно на востоке или западе, – то казалось желательным к этому прибегнуть... События на Марне, и в Галиции настолько изменили положение Средних держав, что позиционная война сделалась единственным способом для достижения благоприятного исхода».^[135]

Из четырех крупнейших стратегических операций 1914 г. (Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) 50 % выполнялось в интересах союзников: Восточно-Прусская («спасение Франции») и Лодзинская («вторжение в сердце Германии»), но и остальные во многом способствовали облегчению положения союзников. И это притом, что передовые русские генералы справедливо считали, что «путь к Берлину лежит через Вену».

Перспективные боевые операции сворачивались или не осуществлялись не только вследствие недостатка предметов боевого снабжения (что выявилось позднее), но и в связи с желаниями наших союзников. В данной связи чрезвычайно интересна параллель, проводимая генералом А. П. Будбергом: «В этом отношении мы находились в довольно тождественном положении с нашим главным врагом Германией, которая так же, как и мы, должна была приносить огромные жертвы и “с тяжелым сердцем” отказываться от исполнения основных планов и заманчивых операций только потому, что положение ее австрийского союзника требовало самой быстрой, неотложной и энергичной помощи».^[136]

Знаковым является также свидетельство Э. Фалькенгайна, зафиксировавшего тот факт, что германское командование не предвидело необходимости крупных перебросок на Русский фронт, что явилось негативным фактором стратегического характера: «Растущая в перспективе необходимость поддержать союзников, попавших в тяжелое положение в Галиции, не могла поколебать этого решения (то есть непереброски немецких войск из Франции в Россию. – А. О.). Полагали, что даже в неблагоприятном случае новые войсковые части, формируемые в тылу, окажутся достаточными, чтобы поддержать положение на восточном фронте, пока суровая зима не прекратит там операций».^[137] Германское командование не планировало перебросок и до последнего противилось их осуществлению, но ему пришлось отказаться от весьма перспективного плана прорвать Французский фронт в Артуа и Пикардии, так как «для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы, как живой силы, так и снарядов, были потрачены для Восточного фронта».^[138]

То, что военные усилия России в кампании были ключевыми, понимали и наши союзники. Лорд Э. Грей отмечал: «Единственная надежда продержаться до конца на решающем театре военных действий была на то, что Россия активизирует наступление на востоке... Только благодаря энергии и огромному самопожертвованию, которые были проявлены Россией при этом наступлении, союзники были спасены осенью 1914 г.».^[139]

Русский военный агент во Франции А. А. Игнатьев свидетельствовал: «Французы прекрасно сознавали, что, не будь Русского фронта, они были бы раздавлены германской армией».^[140]

Усилия России были тем более значимы, что осуществлялись в то время, когда, потерпев серьезные поражения на фронтах, потеряв почти треть департаментов, имея германскую армию в 120 км от Парижа, Франция находилась в затруднительном военно-политическом положении, а Англия еще не развернулась в полную силу.

В 1914 г. Россия оказывала военно-техническую и организационную помощь сербскому союзнику. Так, австрийский адмирал О. Р. Вульф отмечал в этой связи: «Сербия между тем получила техническую помощь от союзников. Прибыли английские, французские и русские офицеры с тяжелой артиллерией, прожекторами, минами, торпедами, торпедными катерами и самолетами... Ниже железных ворот сербский Дунай обеспечивали русские вооруженные пароходы постановками минных и боновых заграждений... Эти мероприятия помешали центральным державам оказать, пользуясь дунайским водным путем, помощь Турции».^[141] Были решены, соответственно, и стратегические задачи как в русских, так и в общесоюзных интересах.

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать тот факт, что наличие Русского фронта в 1914 г. спасло союзников от разгрома и явилось мощнейшей предпосылкой выигрыша войны Антантой.

Энергичное наступление русской армии сразу поставило противника перед необходимостью войны на два фронта.

Восточно-Прусская операция привела к краху реализации шлиффеновского стратегического планирования и проигрышу Германией Марнской битвы. Наместились первые контуры стабилизации Французского фронта со всеми вытекающими для Германии негативными последствиями.

Галицийская битва привела к разрушению австрийского стратегического плана, стабилизировался Сербский фронт. Налицо была тенденция наращивания германского присутствия на Русском фронте в целях оказания помощи австрийскому союзнику. А. А. Свечин напрямую связывал операции в Восточной Пруссии и Галиции: «Что заставило австрийскую армию покинуть удобные позиции в Галиции и броситься на Люблин-Холм, подставляя нашему удару свой фланг и тыл? Что привело австрийцев рискнуть на этот опаснейший маневр до окончательной перевозки направленных против сербов корпусов? Что дало возможность генералам Иванову, Алексееву, Рузскому и Брусилову пожать их блестящие лавры? Ответ же ясен. Наше вторжение в Восточную Пруссию».^[142]

Соответственно, и Восточно-Прусскую, и Галицийскую битвы можно объединить в одну грандиозную операцию коалиционного значения, сорвавшую все предвоенное планирование противника. После завершения данных сражений ясно было одно: германский блок войну проиграл, и речь может идти в перспективе лишь о приемлемых условиях мира.

Осенние операции в Восточной Пруссии и Польше (первая Августовская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская) явились мощнейшей предпосылкой проигрыша Германией битвы за Фландрию, привели к окончательной стабилизации Французского фронта, способствовали изменению стратегического планирования врага – на целый год Русский фронт стал для германо-австрийцев ключевым. Надежды германцев на защиту восточных рубежей блока силами только австрийской армии провалились.

Россия выиграла кампанию 1914 г. не только для себя, но и для своих союзников. Стратегически германский блок к концу 1914 г. проиграл – и прежде всего благодаря усилиям русской армии.

Глава вторая. Россия принимает главный удар германского блока (кампания 1915 г.)

И Антанта, и центральные державы вступили в новую кампанию взаимно истощенными, с выбитыми в значительной степени войсками и с экономикой, находившейся в процессе перестройки на военный лад.

Для Германии был абсолютно ясен провал стратегического плана А. фон Шлиффена. Начавшаяся позиционная борьба на западе не позволяла достичь быстрого решения на Французском фронте. Бесперспективность участия в затяжной войне требовала от немецкого руководства поиска новых путей, ведущих к скорейшему ее окончанию. Пока еще маневренный Русский фронт, растянутость русских войск, значительная протяженность фронта позволяли многое из того, что уже было маловероятно на западе.

Вместе с тем германскому командованию было очевидно, что вопрос стоит не о захвате пространства (Россия могла позволить, в отличие от западных стран, временно потерять ряд территорий) и даже не о разгроме русской армии. Немцы стремились, во-первых, разбить Россию, выведя ее из войны или, как минимум, максимально ослабив русскую армию и отбросив ее к востоку, высвободить часть активных сил для борьбы на западе; во-вторых, спасти Австро-Венгрию (после Галицийской битвы боеспособность армии двуединой монархии была значительно подорвана и приходилось в качестве подпорок использовать германские войска; русские стояли перед Венгерской равниной); в-третьих, успехи на востоке позволяли выиграть борьбу за возможных союзников.

Сама логика войны на два фронта неумолимо толкала Германию на маятниковые движения, а именно на перенос центра тяжести то на один театр войны, то на другой. Главный удар германский блок в 1915 г. наносил по России.

Русское командование также планировало две крупные наступательные операции: в Восточной Пруссии (силами Северо-Западного фронта) и в Карпатах (силами Юго-Западного фронта). Однако данный замысел нельзя признать удачным.

Во-первых, наступления проводились на флангах стратегического построения, да еще и по расходящимся направлениям.

Во-вторых, если для 1914 г. подобное оперативное решение (одновременные удары по Германии и Австро-Венгрии) было оправдано как общими интересами блока (кризис на Французском фронте), так и необходимостью вывести из строя Австро-Венгрию, то в 1915 г. это было неразумно. В любом случае переход к обороне на германском участке фронта диктовался необходимостью. Столь рискованное оперативное творчество было обусловлено, с одной стороны, способностью Ставки Верховного главнокомандующего координировать и направлять действия фронтов, а с другой – чрезвычайно широкими оперативными полномочиями самих руководителей фронтов.

К скорейшему окончанию войны, на наш взгляд, могли привести: а) вывод из строя Австро-Венгрии (сосредоточив максимум усилий на Юго-Западном фронте) с выходом к Германской империи с юга; б) разгром Турции путем согласованных действий русской и союзной армий в рамках десантной операции с захватом Стамбула (Константинополя). Все условия для этого – силы, средства, господство на Черном море, понимание и взаимодействие союзников – имелись. Россия в 1914 г. выполнила важнейшие союзнические обязательства, вытекающие из франко-русской военной конвенции, и вполне могла теперь заняться реализацией собственного стратегического планирования.

В-третьих, наметился кризис снабжения действующей армии. Он будет преодолен лишь к осени (Германия критическую точку прошла уже к весне). Соответственно, распыление сил и средств на несколько наступательных операций привести к успеху не могло. Противник именвал русское планирование «Гигантским русским наступательным планом».^[143]

Всего на Восточном фронте в начале 1915 г. 99 русских дивизий противостояли 83 австро-германским. Вместе с тем некомплект русских армий в людях составлял 500 тыс. человек, кроме того, недоставало свыше 200 тыс. артиллерийских снарядов для укомплектования подвижных запасов до нормы.

Январь 1915 г. ознаменовался кровавыми позиционными боями на польском участке Русского фронта – у Боржимова и Воли Шидловской. Германское командование демонстративным наступлением, с одной стороны, спровоцировало командование Северо-Западного фронта на проведение операции с целью восстановления утраченных позиций, с другой стороны, отвлекло внимание от готовящейся крупной наступательной операции в Восточной Пруссии. Неподготовленная операция, состоявшая из перемежающихся контратак противников, закончилась ничем.

В течение января – начала февраля была предпринята первая попытка усиления противника в рамках общего замысла 1915 г. по выводу России из войны. На Карпатский фронт перебросили германский Бескидский корпус (четыре дивизии) – против 3-й русской армии; сформировали Южную германскую армию А. фон Линзингена (пять дивизий) – против 8-й русской армии. На нижнем Немане была образована 10-я армия генерала Г. фон Эйхгорна в составе 21-го армейского корпуса (переброшен из Франции) и 38, 39 и 40-го резервных корпусов (из стратегического резерва германского верховного командования) – всего восемь пехотных дивизий.

Э. Людендорф, верный своей методике срыва вражеского наступления активными действиями своих войск, и был автором нанесения двух опережающих ударов на флангах Русского фронта.

§ 1. «Русская Марна» – боевые действия в Восточной Пруссии и Северной Польше

Августовская операция 25 января – 13 февраля (вторая Августовская операция, или Зимняя битва в Мазурии)

Направление немецких армейских резервов на восток влекло за собой отказ от решительных действий на западе на долгое время.^[144]

В Восточной Пруссии главным козырем германского командования стала свежая 10-я армия, поглотившая стратегический резерв Германии на начало кампании 1915 г. 8-я и 10-я германские армии планировали осуществить двусторонний охват 10-й русской армии Северо-Западного фронта с юга и севера соответственно. Сняв фланговые русские корпуса, германцы планировали «Танненберг» в отношении центральных корпусов 10-й армии русских. Участник боев генерал И. А. Хольмсен указывал: «Восточно-Прусские провинции составляли прекрасно оборудованный плацдарм для ударов во фланг, а при некоторых условиях далее в тыл наших армий».^[145]

Задача русской 10-й армии, составлявшей крайний правый фланг Русского фронта, заключалась в прикрытии со стороны Восточной Пруссии коммуникаций на Петроград и Москву, а также главных сил Северо-Западного фронта, стоявших с ноября 1914 г. на левом берегу Вислы, западнее Варшавы и Ивангорода. После успешных боев осенью 1914 г. армия подошла к укрепленной полосе Мазурских озер и к линии р. Ангерап. Она имела в своем составе четыре армейских корпуса (11,5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии), но ее боевая сила не превышала 126 тыс. штыков. 10-я армия совместно с формируемой 12-й должны были в первой половине февраля наступать на оставшуюся германской часть Восточной Пруссии. До формирования 12-й армии 10-я должна была обороняться.

Общий характер диспозиции армии, по выражению ее начальника штаба А. П. Будберга, был линейно-крепостной. Командующий 10-й армией не располагал резервами. Соответственно, недостаточная маневроспособность этой армии уже давала определенный перевес германцам. Начало германской операции русская армия встретила на слабо подготовленных позициях, завершив вялую Ласдененскую операцию на своем правом фланге.

Германское командование сосредоточило на фронте операции около 8,5 корпуса (15 пехотных и 2,5 кавалерийских дивизий) – до 250 тыс. штыков. Стоит отметить переброшенные на Русский фронт корпуса противника. 21-й армейский корпус, прибывший из Франции, был полностью укомплектован и имел богатый боевой опыт. Вновь сформированные корпуса (40, 38 и 39-й резервные) отличались высокой боеспособностью. Части были отлично снаряжены к зимней кампании, снабжены большим количеством саней и повозок на полозьях.

Атака 8-й германской армии 23 января на южный фланг 10-й русской была отбита. Но северный обход 10-й армии немцев был более успешен. Хотя первоначально 25 января атаки немцев были отбиты артиллерийским огнем, 26 января натиск повторился. Упорство боев зафиксировал М. П. Каменский: «Густые неприятельские цепи поражались огнем артиллерии III-го корпуса. На одном из направлений погиб целый батальон немцев. Вечером немцы повели атаку на юго-западную опушку Шареленского леса... Все атаки были отбиты... Были захвачены пленные».^[146]

Э. Людендорф отмечал, что «охватывающий маневр 10-й армии развился с трудом форсированных маршей и неописуемых усилий».^[147] Тем не менее три германских корпуса отбросили правифланговый 3-й армейский корпус, выйдя во фланг и в тыл 10-й армии. Русские резервы запаздывали. В результате было решено вывести армию из соприкосновения с противником, отойдя на восток. Но в условиях зимней лесистой местности связь между корпусами русской армии была нарушена. В этой обстановке 20-й армейский корпус получил приказ об отходе лишь 1 февраля, когда основная часть армии уже отступила. Причем немцы благодаря захвату оставших русских солдат, а также перехвату по радио русских приказов и донесений хорошо знали дислокацию корпусов 10-й русской армии. В результате 20-й армейский корпус был окружен втрое превосходящими силами противника. Вследствие неудовлетворительного руководства, а также тяжелой местности (маршрут на Сувалки через густые Августовские леса) корпус почти полностью погиб в окружении.

Бои в окружении продолжались в течение недели. Попытки двух русских корпусов пробить коридор навстречу отступавшим успехом не увенчались. Но в период отступления и боев в окружении войска 20-го армейского корпуса сильно потрепали немцев. Во многом именно благодаря стойкости этого корпуса попытка немцев взять в клещи всю 10-ю армию провалилась.

Оценивая действия высшего командования в операции, следует отметить начальника штаба 10-й армии генерал-майора А. П. Будберга, разгадавшего схему германского охвата армии и требовавшего перегруппировки войск и оставления скверных позиций. Командарм генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс может быть обозначен как пример негативного рода (потеря управления корпусами армии, неумение в течение недели проложить коридор к окруженному 20-му корпусу). Командира 20-го армейского корпуса генерала от артиллерии П. И. Булгакова И. А. Хольмсен характеризовал следующим образом: «В одном только нельзя было упрекать... в малодушии. Мне впоследствии стало известно доподлинно, что он о какой-либо сдаче на капитуляцию и слышать не хотел и что он своим громким голосом поставил на место одного из старших начальников, который позволил об этом заговорить».^[148]

С германской стороны выделяется генерал пехоты Г. фон Эйхгорн – будущий фельдмаршал и глава оккупационных войск в России в 1918 г. (в этой операции командующий 10-й армией).

Стратегические и тактические просчеты (построение и маневрирование войск, маршруты отступления, бездействие конницы, потеря времени), помноженные на безынициативность командующего армией, привели к поражению 10-й армии.

Но как и в случае с армией А. В. Самсонова, одна из самых неудачных русских операций с тактической точки зрения является одной из важнейших для решения общесоюзных задач. Германцы, рассчитывая добиться серьезного стратегического результата (который при таких усилиях отсутствовал), тщательно подготовились к операции, в том числе в очередной раз ослабив Французский фронт и задействовав обученный резерв внутри Германии. Операция оказалась чрезвычайно полезной союзникам России и всей Антанте. «Северные стратегические Канны» привели к сосредоточению на востоке стратегического резерва Германии.

Стратегический результат операции заключался в срыве широкого наступательного замысла противника на северном участке Восточного фронта. Наступление 10-й и 8-й германских армий было остановлено, они были изрядно потрепаны. Фактически 20-й армейский корпус поглотил энергию удара всей группы генерала Г. фон Эйхгорна.

Австрийский историк В. Раушер отмечал, что «немецким войскам в “зимнем сражении на Мазурах” не удалось добиться стратегического успеха... Силы противника все больше захватывали инициативу, продвигаясь к приграничным районам Пруссии и к Карпатам... Фалькенхайн горько раскаивался, что... потерял слишком много солдат своего войскового резерва в кровопролитных боях и в снегах Восточного фронта».^[149]

Сами германцы также признавали ничтожные стратегические результаты проведенной операции: «Зимнее сражение в Мазурских озерах не могло быть использовано в стратегическом отношении... Разгром русского фронта, но на Висле, о чем втайне мечтали, не был достигнут... Немецкое верховное командование должно было примириться с тем фактом, что к этому моменту на востоке не только были закреплены 4 корпуса армейского резерва, но и что эти корпуса, как и другие немецкие войска на востоке, были сильно потрепаны после несколькихнедельных тяжелых боев... Немецкое верховное командование могло утешать себя лишь тем, что и русские войска понесли тяжелые потери».^[150]

Несомненно, что в результате проведенной операции 10-я и 8-я германские армии не решили поставленной перед ними задачи. По свидетельству Э. Фалькенгайна, «немецкие силы дошли до пределов боеспособности. При своем состоянии... они не могли уже сломить сопротивление скоро и искусно брошенных навстречу резервов».^[151]

Вместе с тем из рук русского командования «была окончательно вырвана инициатива действий, и с этого времени все операции Северо-Западного фронта свелись к пассивной обороне или к отражению отдельных ударов, систематически наносившихся немцами».^[152]

В это же время разгорелись бои за крепость Осовец, ставшие примером блестящей обороны русских, грамотного сочетания взаимодействия полевых войск с укреплениями, достойного сопротивления крепости полевым войскам в Первую мировую войну.

Во второй половине февраля 10-я русская армия, пополненная свежими соединениями, перешла в наступление, очистила Августовские леса от противника и отбросила немцев к Сувалкам – Августову. Именно неделя, предоставленная благодаря действиям 20-го корпуса остальным войскам фронта, дала возможность русским войскам закрепиться на линии р. Бобр и перейти в контрнаступление.

Да, 10-я русская армия потерпела крупную тактическую неудачу, погиб почти целый корпус, но свою задачу – прикрыть сообщение варшавского фронта с Россией – она выполнила. 26-й армейский, 3-й сибирский армейский корпуса при поддержке крепости Осовец остановили наступление германцев перед р. Бобр. 10-я русская армия сохранилась и «осталась в занятом ею положении, залечивая свои раны вплоть до совместного наступления 10, 12 и 1-й армий, которое началось 17/2-го марта и вывело 10-ю армию к 24/9-му марта в район Серее, Лоздзее, Сейны, Тартак, озера, что южнее Августова».^[153]

Главные причины неудачи состояли в том, что основные резервы направлялись на Юго-Западный фронт. Для усиления 10-й и 12-й армий свежих войск не оказалось, и Северо-Западному фронту пришлось обходиться своими силами.

Тем не менее, несмотря на видимую тактическую неудачу, именно Россия и ее союзники добились крупнейшего результата – стратегический резерв Германии на начало кампании 1915 г. был неэффективно растрочен в Августовских лесах. Благодаря стойкости солдат 10-й армии и прежде всего бойцов 20-го армейского корпуса был сорван план зимней кампании противника.

Стоит отметить, что ранее данная операция сильно недооценивалась – мы же считаем ее по количеству переброшенных войск противника, потерям врага и срыву стратегического замысла неприятеля одним из наиболее удачных коалиционных сражений для Антанты и знаковым событием кампании 1915 г.

Второе Праснышское сражение 7 февраля – 17 марта

Германская главная квартира верила в решительный успех против русских и надеялась в марте месяце, по окончании зимних операций, перебросить на запад с русского фронта значительные силы.^[154]

Проведение второго (зимнего) Праснышского сражения было обусловлено двумя оперативно-стратегическими факторами.

Во-первых, для русского командования стоял на повестке дня вопрос о стабилизации положения на северо-западе Русского фронта после Августовского сражения. Для реализации этой задачи на Ломжинском направлении была сформирована 12-я армия. Целью действия армии являлось «наступление в Восточную Пруссию на Ортельсбург, Вилленбург, Нейденбург, Сольдау и далее... на север, т. к. вторжение в пределы Пруссии в этом направлении несомненно... может вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и может быть из района 10 армии».^[155] Русское верховное командование, убедившись в течение 1914 г. в уязвимости «польского балкона» при удерживаемой немцами Восточной Пруссии, ставило своим армиям активную задачу – вторжение в последнюю силами 12-й и 1-й армий Северо-Западного фронта.

Во-вторых, германцы наконец-то решили нанести удар на Седлец (через Прасныш) для совместного с австрийцами (действовали со стороны Карпат) отсечения «польского балкона» с окружением находящихся в нем русских войск. Едва ли не впервые германцы пытались осуществить общую коалиционную операцию стратегического масштаба вместе с младшим партнером – Австро-Венгрией.

Для решения главной задачи (удар на Прасныш – Седлец и окружение русских войск в Польше) была создана армейская группа генерала артиллерии М. фон Гальвица (8-я и 12-я армии – 12 пехотных и 2 кавалерийские дивизии) с сильной тяжелой артиллерией.

На начальном этапе в Праснышской операции приняли участие войска 1-й армии: 1-й туркестанский армейский, 27-й и 19-й армейские корпуса, конный корпус генерала Н. А. Орановского, конная группа генерала И. Г. Эрдели и другие кавалерийские части – всего 3 корпуса и 9,5 кавалерийских дивизий.

Таким образом, в начале операции немцы имели превосходство в пехоте. Более того, непосредственно на Млавском (Праснышском) направлении немцы имели двойное превосходство.

В конце операции, когда на стороне русских приняли участие 1-й и 2-й сибирские армейские корпуса, соотношение сил сторон на Праснышском направлении изменилось и давало некоторое превосходство русской армии (5 армейских корпусов против 4 германских). Если же учесть, что

русские армии имели большой некомплект личного состава, испытывали «снарядный голод» и располагали малочисленной артиллерией, то преимущество было на стороне немцев.

Германские войска, раньше русских перейдя к активным действиям, после ожесточенных боев потеснили 1-ю армию. 10 февраля германская дивизия генерала Верница продвинулась левым флангом и вошла в соприкосновение с 1-м резервным корпусом у Воля Вержбовска, замкнув кольцо вокруг Прасныша.

В этот же день германцы силами двух корпусов атаковали Прасныш и овладели южной окраиной города и казармами в восточной части. Гарнизон Прасныша (63-я пехотная дивизия) упорно оборонялся. Однако ввиду превосходства в силах на стороне немцев утром 11 февраля город был взят. Эти бои дали возможность сосредоточиться 12-й русской армии.

На втором этапе операции 1-й и 2-й сибирские армейские корпуса 12-й армии сильным фланговым ударом нанесли поражение германской ударной группировке и 14 февраля выбили ее из Прасныша. Причем 1-й сибирский армейский корпус нанес поражение 1-му германскому резервному корпусу и захватил 10 тыс. пленных. Хотя следует отметить, что выгодное положение сибирских соединений не было использовано для полного уничтожения противника вследствие безынициативности командования 2-го сибирского армейского корпуса, а также того обстоятельства, что конные группы, приданные сибирским корпусам, не получили конкретных задач и фактически оставались во втором эшелоне.

17 февраля 1, 10 и 12-я армии Северо-Западного фронта перешли в общее наступление. Группа Гальвица потерпела вторичное поражение. Попытавшись контратаковать в конце февраля, 1 марта фланговым ударом 23-го армейского корпуса со стороны Единорожца она была опрокинута и отброшена на территорию Восточной Пруссии.

Результат зимней Праснышской операции интересен трофеями победителей (до 14 тыс. пленных немцев – своеобразный рекорд был побит французами лишь через полгода в наступлении в Шампани – и 58 орудий). Были полностью разгромлены и почти уничтожены два германских корпуса (один в Прасныше, другой, прикрывавший отступление остатков германских войск, – в арьергарде).

Стратегическое значение операции было чрезвычайно велико. Она осуществлялась для стабилизации стратегической обстановки на северо-западном направлении. В значительной мере были устранены последствия тактически неудачного Августовского сражения: первоначальные успехи германцев в Августовской операции над 10-й армией сменились их поражением от войск 12-й и 1-й армий. Французы назвали зимний Прасныш «русской Марной».

Х. Риттер писал: «Началось стратегическое контрнаступление великого князя Николая от Наревской линии из окрестностей Ломжи в окрестности Цеханов-Красница. Армия Гальвица была вынуждена перейти к обороне и в течение всего марта месяца удерживала неприятельский напор боями в разных местах фронта... Для решения этой задачи были привлечены как правое крыло VIII-й германской армии, стоявшее севернее Ломжи, так и почти все свободные силы X-й... Наступление на Осовец и линию Бобра пришлось прекратить».^[156]

Успех русских войск в этой операции наряду с другими факторами расстроил весь германский план весенней кампании 1915 г. «Зимние стратегические Канн» австрийцев и германцев провалились. Э. Фалькенгайн констатировал: «Операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожиданий».^[157]

Немцам пришлось планировать новую (Горлицкую) операцию для прорыва Русского фронта (причем на другом театре военных действий).

Деятельность русского командования в операции заслужила высокую оценку как в отечественной исторической науке (обычно довольно негативно характеризующей действия русского генералитета в годы Первой мировой войны), так и со стороны военного руководства противника. Генерал от инфантерии А. М. Зайончковский отмечал, что «в действиях западной группы русских войск можно отметить один положительный факт – это все большее и большее вкоренение в привычку частных начальников отвечать на удар контрударом. Праснышская операция является в этом отношении положительным образцом».^[158] Полковник А. Борисов писал: «Праснышская операция, несомненно, оказала значительное влияние на весь ход военных действий на русском северо-западном фронте. После отхода 10-й русской армии из Восточной Пруссии и гибели 20-го армейского корпуса в Августовских лесах победа русских войск под Праснышем... способствовала укреплению положения русских армий на этом фронте... Если

вспомнить, что стремление Э. Людендорфа в период весенней кампании 1915 г. прочно удержать фронт Влоцлавск – Млава являлось основной предпосылкой его грандиозного плана окружения русских армий в Польше, то значение Праснышской операции становится более ясным, так как после поражения у Прасныша положение германских войск на указанной линии уже нельзя было назвать прочным».^[159]

Германское командование в лице Э. Людендорфа отмечало «энергичные контратаки» русских и свои «значительные потери»; у Единорожца немцы «получили от русских урок».^[160] М. Гофман зафиксировал факт охвата с фланга и обхода немцев со стороны русских под Праснышем.^[161] Э. Фалькенгайн говорил о том, что наступление армейской группы фон Гальвица «так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контратаками в некоторых пунктах достигли перевеса».^[162]

Праснышская победа дала значительный тактический выигрыш русскому командованию и привела к тому, что в целом неудачном для России 1915 г. именно положение на северо-западе в первую половину года оставалось стабильным и прочным. До поражения во второй Праснышской операции германское командование верило в решительный успех в противоборстве с русскими и надеялось в марте, по окончании зимних операций, перебросить на запад с Русского фронта значительные силы. Надеждам этим не суждено было сбыться.

Третья Праснышская операция 30 июня – 5 июля

Стратегический успех остался на стороне русских. Они удержались на линии р. Нарева и не прекращали начатой эвакуации Варшавы.^[163]

Третья (летняя) Праснышская операция 1915 г. – оборонительное сражение русских войск Северо-Западного фронта. Обстановка на Русском фронте в стратегическом плане в результате Горлицкой операции 19 апреля – 10 июня изменилась в худшую сторону. Русские войска перешли к обороне, а германское командование на северо-западе вновь запланировало охват русских в польском выступе. На повестке дня появился вопрос об оставлении русскими Польши.

Армия М. фон Гальвица должна была наступать с севера через р. Нарев и далее в направлении на Седлец, навстречу армиям А. фон Макензена, которые должны были наступать на север между Вислой и Западным Бугом. Этот грандиозный маневр должен был привести к окружению нескольких русских армий. Германское командование (как бы опровергая славу о своей оперативной гибкости) вновь запланировало шаблонный удар на Прасныш – Седлец. Предполагалось взаимодействие с наступающими с южного фаса «польского балкона» 11-й германской и 4-й австро-венгерской армиями.

Армейская группа Гальвица (преобразована в 12-ю армию) достигла значительного превосходства в силах и средствах над 1-й русской армией (1-й сибирский армейский, 1-й туркестанский армейский, 27-й армейский, 1-й кавалерийский корпуса, 1-я сибирская стрелковая дивизия) и 4-м сибирским армейским корпусом 12-й армии.

Соотношение сил – 177 тыс. немцев (14 пехотных дивизий – 1, 13, 17, 11-й армейские, 17-й резервный и Сводный корпуса, 36-я пехотная дивизия, ландверная бригада Пфейля, гвардейская кавалерийская бригада) против 107 тыс. русских; 1256 германских орудий против 377 русских. Более того, в ходе сражения Гальвиц получил пополнение, а количество его орудий возросло до 1382.

Немцы тщательно готовились к операции. Для подготовки артиллерийского прорыва были применены новаторские методы полковника Г. Брухмюллера, специально подбирались места расположения батарей, осуществлялась постройка штурмовых плацдармов, заготавливались материалы, нужные для закрепления за собой захваченных окопов противника. Артиллерийская подготовка должна была осуществляться в течение трех часов (300–500 выстрелов на орудие), после внесения поправок продолжался такой же интенсивный огонь (еще 300–500 снарядов на орудие). Минометный обстрел доканчивал начатые разрушения узлов обороны. На направлении главного удара противник имел в три с половиной раза больше пехоты и в семь раз больше орудий (100 тыс. немцев при 864 орудиях против 2-й и 11-й сибирских стрелковых дивизий – 27 тыс. русских при 120 орудиях).

Завязавшиеся бои в течение недели, несмотря на подавляющее превосходство противника, не дали решительного результата. Начало боя – артподготовку врага – Г. К. Корольков характеризовал следующим образом: «Германцы еще ни разу не собирали на Русском фронте такого количества орудий на столь узком фронте. Тяжелые снаряды разрушали убежища и укрывшиеся в них погребались заживо. Откапывать приходилось под сплошным шрапнельным дождем. Бруствера сметались разрывами чешуи (снаряды крупного калибра. – А. О.), и на их месте получались глубокие и широкие воронки. Защитники окопов испытывали чрезвычайные физические и моральные потрясения. С таким огнем русские батареи бороться не могли и часто принуждались к молчанию. Все их надежды задержать немцев возлагались на заградительный огонь, но германцы своими выдвинутыми окопами для атаки сводили продолжительность заградительного огня русских батарей до минимального промежутка времени».^[164] За время артподготовки было потеряно до 30 % личного состава русских рот, расположенных в первой линии обороны. По мере развития атаки огонь переносился вперед наступающей германской пехоты.

Но русские бойцы приготовились к жестокому бою, и упадка духа не наблюдалось. Ряд атак германской пехоты был отбит, и в целом немцы за сутки боя не продвинулись дальше первой линии окопов – удивительно низкий результат при таком оперативном усилении на направлении главного удара. Немецкие историки пишут об удивительной стойкости русских, которые вместо разрушенных окопов занимали воронки от снарядов. Зачастую вспыхивали штыковые схватки (характерная черта боев на Восточном фронте).

С 1 июля русские войска с боями начали отходить на тыловые позиции. В последующие два дня бои шли на 2-й линии обороны. Но успех войск Гальвица, заставившего русские войска отступать к р. Нарев, был достигнут германцами ценой больших потерь – до 20 % состава армии Гальвица.

К 5 июля бои шли у Нарева, и, потеряв 25 % своей группировки, противник прекратил операцию.

В третьем Праснышском сражении особенно заметно сказалось германское превосходство над русскими в технике и особенно в числе орудий и боеприпасов. В данное время русские армии переживали апогей кризиса в снабжении материальной частью и боеприпасами. Русская артиллерия, и так уступавшая противнику по числу орудий, была крайне ограничена в расходовании снарядов (существовало распоряжение, разрешающее расходовать в день не более пяти выстрелов на орудие). На одном из участков сражения немцами было израсходовано свыше 2 млн снарядов.

Стратегический план германцев был сорван, русские войска планомерно отошли на рубеж р. Нарев. Столкнувшись с мощной обороной по Нареву, немцы остановили наступление.

Оперативно третье Праснышское сражение – успех немцев, но стратегически оно способствовало русскому замыслу грамотно эвакуировать Польшу.

В тактическом плане сражение интересно тем, что германская пехота пользовалась любым случаем для замены лобовых атак действиями во фланг и тыл русских. В лобовых атаках, имея тройной перевес сил, противник далеко не всегда достигал цели – ему приходилось несколько раз возобновлять удары, чередуя их с артиллерийской подготовкой. Так, русские донесения насчитывали на некоторых участках до девяти отбитых атак в день. В тактическом отношении русские войска искусно использовали силу огня, но им недоставало орудий, пулеметов и боеприпасов.

Операции в Восточной Пруссии и Северной Польше зимой–летом 1915 г. сорвали часть планировавшихся германцами грандиозных «Канн», объективно способствуя стабилизации обстановки. В совокупности их можно именовать «русской Марной».

Августовская операция и зимний Прасныш ликвидировали северную «клешню» «зимних стратегических Канн» австрийцев и германцев. Летний Прасныш пресек развитие северной составляющей «летних стратегических Канн» – операции, которая должна была замкнуть русские войска в Польше в огромный котел.

Удерживаемый войсками Северо-Западного фронта в течение полугода город-крепость Прасныш оказался не по зубам «оперативным талантам» германского Восточного фронта.

Сковав огромное количество войск противника, «русская Марна» разрушила наступательные планы противника, облегчая положение союзников России по Антанте.

§ 2. «Русский Верден» – Австро-Венгрия на грани разгрома (Карпатская операция)

Русские в своих атаках, согласно сведений с Карпатского фронта, не ослабевали, и союзники (германо-австрийцы. – А. О.) держались здесь не прочнее, чем прежде. Об отдаче сил с этого фронта не могло быть и речи.^[165]

Под Карпатской операцией понимается совокупность боевых действий, вначале наступательных для русских войск в рамках запланированного Ставкой прорыва на Венгерскую равнину, затем имеющих характер встречного сражения в контексте общей операции австрийцев и германцев по охвату русских в Польше (удар на Седлец с юга). Важное оперативно-стратегическое значение имело снятие русской осады с крепости Перемышль.

Бои на подступах к Карпатам разгорелись еще осенью 1914 г. В начале ноября в ходе Ченстохово-Краковской операции началось Бескидское сражение, а 6 ноября силы 12-го корпуса взяли Дуклу. Австро-венгерская армия генерала пехоты С. Бороевича фон Бойна была вытеснена с бескидских позиций, и 10 ноября русские взяли стратегически важный Лупковский перевал.

Русские войска вышли к входу в Венгерскую равнину, что могло означать скорый выход Австро-Венгрии из войны и, соответственно, перелом в Первой мировой в пользу Антанты.

Бои носили чрезвычайно упорный характер. «Эти бои, чрезвычайно тяжелые и ожесточенные, которые притом нужно было вести с наивозможно меньшей тратой снарядов и патронов, выбивая шаг за шагом противника с одной вершины на другую, дорого стоили нашим войскам, и потери наши были значительны. Каждая вершина на этих позициях была заранее сильнейшим образом укреплена при трех- и четырехъярусной обороне, и мадьяры (в особенности) со страшным упорством отчаянно защищали доступ к Венгерской равнине».^[166] Войска 8-й армии начали спуск в Венгерскую равнину, заняли Мезо Лаборч и Гуменное, но дальнейшее наступление было остановлено директивой Ставки.

После начала Лимановского сражения в ноябре 1914 г. на помощь 3-й армии ушли 8-й и 24-й корпуса 8-й армии, оставив на Бескидах лишь 12-й армейский корпус. Части 3-й австро-венгерской армии и группы генерала кавалерии К. Пфланцер-Балтина сбили 12-й армейский корпус с Бескид и в сражении у Кросно и Риманова чуть не прорвали фронт армии и не вышли ей в тыл. Усиленная рядом корпусов 8-я армия контратаковала, а 8 декабря разбитые 3-я и 4-я австро-венгерские армии начали отступление.

Наступила, по меткому выражению австрийцев, «резиновая война» в Карпатах, связанная с постоянными наступлениями и отступлениями.

К 1915 г. обстановка обострилась. Наиболее масштабные сражения, получившие, собственно, наименование Карпатской операции, произошли в январе—марте 1915 г.

Главная ударная задача в Карпатском сражении возлагалась на 8-ю армию (шесть дивизий), впоследствии усиленную пятью дивизиями 11-й армии. Однако сила русской группировки, особенно в плане снабжения боеприпасами, оставляла желать лучшего.

Немцы для помощи союзнику перебросили в Карпаты до 100 тыс. солдат. Об этом свидетельствуют документы германского Рейхсархива, называя их значимым подкреплением для 45 австро-венгерских пехотных дивизий.^[167] Так, уже в январе на Карпатском фронте действовали 33-я и 37-я пехотные дивизии.^[168] Генерал-квартирмейстер Восточного фронта полковник М. Гофман писал: «Наши подкрепления, прибывшие на Карпаты, не в силах были существенно изменить положения; они могли только помочь сохранить фронт».^[169] Противник специально для участия в Карпатской операции сформировал из германских частей Восточного фронта Южную германскую армию А. фон Линзингина, а наиболее сохранившиеся австрийские войска вошли в 3-ю армию С. Бороевича фон Бойна – они и стали главной ударной силой противника.

На первом этапе операции вялотекущее русское наступление затруднялось обильной заснеженностью высокогорного театра военных действий. Бывали случаи, когда русские войска атаковали при 25-градусном морозе и вьюге.

Главная ударная сила наступающего с 7 января противника – Южная германская армия А. фон Линзингена (пять дивизий) – действовала против 8-й русской армии. Атаковал и

поддерживающий 3-ю австро-венгерскую армию германский Бескидский корпус генерала кавалерии Г. фон дер Марвица (четыре дивизии). Временно русскими был оставлен Ужокский перевал. Наметился прорыв войск А. фон Линзингена на Стрый, но немцы были остановлены.

Русские перешли в контрнаступление силами 24, 12 и 8-го армейских корпусов. Э. Фалькенгайн отмечал, что «скоро союзным войскам опять пришлось отбиваться от русских контратак».^[170] Войска А. А. Брусилова 23 января овладели Мезо Лаборч, 26 января 12-й корпус вновь овладел Лупковским перевалом – своеобразным ключом от Венгерской равнины.

Ставка усилила ударную группировку на два корпуса (17-й из 9-й армии, 11-й из 3-й армии). 20 февраля австрийцы и германцы контратаковали (на фронте 8-го и 7-го армейских корпусов), имея главной задачей деблокаду Перемышля. Восемь дивизий 8-й армии отбили натиск 19 австро-германских дивизий с большими для последних потерями, неоднократно переходя в контратаки.

С 1 марта начинается общее наступление 3, 8 и 9-й (вновь сформированной) русских армий. 9 марта, не дождавшись спасения, пал Перемышль.^[171] 11 марта 24-й корпус 8-й армии овладел главным хребтом Бескид. В боях 16–19 марта были разбиты части 2-й австро-венгерской армии на Лубененских высотах, в последующие дни отражено контрнаступление 3-й австро-венгерской армии и германского корпуса Г. фон дер Марвица. 30 марта Карпаты были форсированы.

В ходе мартовских боев Южная германская армия и Бескидский корпус в результате действий 8-й армии и левой группы 3-й армии потерпели поражение.

Карпатская операция имела важнейшее оперативное и стратегическое значение. Эта операция – еще одно доказательство умения русской армии выигрывать встречные сражения, но в данном случае и в тяжелых климатических условиях при начавшемся кризисе снабжения и вооружения.

Германские войска на Австрийском фронте не смогли ни переломить ход событий в пользу Четверного союза, ни реанимировать деятельность своего австрийского союзника. В. Раушер писал: «В Карпатах впервые была образована смешанная армия, состоявшая из немецких и кайзеровских и королевских соединений... под началом генерала Александера фон Линзингена... В качестве начальника штаба ему был придан Людендорф».^[172] Соответственно, неудачи германцев и австрийцев в Карпатах – это и поражение «непобедимого» Э. Людендорфа.

Вступление предполагаемых балканских союзников Германии в войну находилось под вопросом. План охвата русских сил в Польше путем согласованных действий австрийцев и германцев потерпел крах.

Генерал Э. Фалькенгайн оценивал завершение Карпатской операции не только как последнюю точку в боевой упругости австрийского союзника и его грядущей гибели, но и как последнее звено краха «зимних стратегических Канн», направленных на охват флангов Русского фронта. Он писал: «Относительно состояния союзных войск (австрийских. – А. О.) возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки. Его разложение было бы роковым; оно устранило бы из общего дела Венгрию, наиболее сильного носителя боевых тенденций в двуединой монархии. Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке Карпатского фронта. Он уже поглотил наличные немецкие силы, предназначенные для операции у Пилицы... Необходимо было здесь положить предел, иначе в недалеком времени наряду с падением Перемышля мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию».^[173]

Карпатская операция – яркий пример мужества и доблести русских войск. Ю. Н. Данилов свидетельствовал: «Наши войска дрались с необыкновенным мужеством, на близких расстояниях, нередко переходя врукопашную. Бои в районах Смольника, Лупкова, Козювки и других пунктов отмечены высокими подвигами наших частей. Но наши противники не только оборонялись. Не жалея людей, ежедневно теряя их тысячами, они, по пояс в снегу, стремительно рвали наш фронт... были обнаружены и германские части... последние вкрапливались повсюду в австрийский фронт для придания ему устойчивости».^[174]

Вместе с тем операция была не завершена. А. Борисов писал: «Карпатская операция, задуманная командованием русского Юго-Западного фронта... была проведена без надлежащей подготовки и без соответствующего обеспечения силами и средствами... Карпатская операция явилась последней активной операцией русских в 1915 г., после чего русские армии перешли к стратегической обороне и отходу на восток».^[175]

Значение Карпатского сражения наиболее заметно в трех аспектах.

Во-первых, по объему введенных в сражение войск сторон, продолжительности и тяжести боев, понесенным потерям Карпатская операция вполне может именоваться «русским Верденом». Но не бессмысленно перемалывающим живую силу противника, а приведшим к осмысленному результату. Открылся путь на Венгрию, а силы австрийской армии были надорваны.

Во-вторых, была разгромлена южная «клешня» «зимних стратегических Канн» противника и разрушено его оперативное планирование. Для врага наступило время импровизации, приведшей в будущем лишь к выдавливанию русской армии, но без решительных результатов.

В-третьих, благодаря Карпатской операции немцы не только не могли снять войска и отправить их на Французский фронт, но и были вынуждены усиливать свой контингент в Карпатах. Яркое свидетельство тому – признание Э. Фалькенгайна: «Об отдаче сил с этого фронта не могло быть и речи. Напротив, в конце марта по просьбе австро-венгерского главного командования пришлось вновь послать германскую поддержку. Бескидский корпус генерал-лейтенанта фон дер Марвица, составленный из трех дивизий немецкой части восточного фронта, был двинут в горный район Бескидов, чтобы уравновесить понесенную союзниками серьезную неудачу».^[176]

Грядущая катастрофа Австро-Венгрии побудила германское командование готовить новую операцию по прорыву Русского фронта именно в зоне оперативной деятельности австрийских войск.

Карпатская битва сломала хребет австро-венгерской армии. Это наиболее кровавое в истории Австро-Венгрии сражение, добившее остатки некогда блестящей австрийской армии и способствовавшее переносу тяжести операций германцев и австрийцев на Русском фронте в полосу Юго-Западного фронта. Битва, превзошедшая Галицийскую 1914 г. по потерям, привела к тому, что австрийцы потеряли возможность проводить наступательные операции без непосредственной поддержки германских войск. Русские – у входа в Венгрию, а германский блок на грани разгрома.

Данная операция является, по нашему мнению, наиболее результативной операцией Антанты в 1915 г.

§ 3. Австро-германский натиск и передышка союзников (Горлицкая операция и летние арьергардные бои войск Юго-Западного фронта. Осенние операции: Луцк и Стрыпа)

Великопное усилие южных русских армий в течение последних недель возбуждает наше восхищение. Благодаря их храбрости им удалось... не потеряв боеспособность, нейтрализовать превосходные неприятельские силы, нанести им громадные потери и оказать тем громадную услугу общему делу. Это прекрасная страница для славы русской армии».^[177]

Неудавшаяся попытка двойного охвата русских сил в Польше с ударом на Седлец побудила германо-австрийское командование искать новую форму оперативного решения на Востоке. Планирование осуществлялось германцами в тяжелой обстановке русских успехов как на северо-западе, так и на юго-западе Русского фронта и под угрозой близкого краха австро-венгерского союзника. Италия явно становилась на сторону Антанты, а Румыния хотя и вела двойственную политику, но также тяготела к Антанте.

Учитывая плачевное положение австрийских вооруженных сил, локомотивом новой стратегической операции должны были стать германские соединения, а австро-венгры выполняли вспомогательные задачи.

Операция планировалась в строжайшей тайне. С Французского фронта перебрасываются лучшие германские части и соединения (из них была сформирована новая 11-я армия, которая должна стать тараном в пробивании Русского фронта).

Вспомогательные австро-венгерские соединения дополнительно усиливались германскими «подпорками», теперь уже явно имевшими форму корсета. Помимо Южной армии А. фон Линзингена и Бескидского корпуса Г. фон дер Марвица это группа Р. фон Войрша (южное крыло 1-й австро-венгерской армии), дивизия Бессера (фронт 4-й австро-венгерской армии), кавалерия (Буковина).

Район прорыва (между верхней Вислой и Бескидами) – Горлице (в австро-германской традиции Дунаец). При сосредоточении войск германцев и австрийцев у Горлице их фланги надежно прикрывались Вислой и Бескидами, кроме того, противнику было известно, что как раз в этом районе Русский фронт был наиболее слабо прикрыт, что давало безусловное превосходство в силах. Немаловажную роль в выборе района наступления играл и экономический фактор. Так, в районе Горлице, Ясло, Дорогобыч находятся богатые нефтяные источники, а нефть в условиях блокады была крайне необходима как Германии, так и ее союзникам.

Русское командование вследствие утомления войск и потерь вынужденно перешло к обороне. К этому добавился пик кризиса снабжения. Материальная часть в значительной степени была израсходована.

На участке прорыва противник создал невероятное оперативное усиление: на направлении главного удара он превосходил русских в живой силе почти в 2,5 раза, в 4 раза в легкой и в 40 раз в тяжелой артиллерии, в 2,5 раза в пулеметах. Ситуация усугублялась тем, что если русские имели много второочередных и третьеочередных частей, то немцы перебросили отборные части. Австрийцы также задействовали лучшие соединения. Особенно неблагоприятной для русских была разница в количестве имевшихся артиллерийских боеприпасов. Если германо-австрийская артиллерия могла вести непрерывный огонь, имея к моменту прорыва по 1,2 тыс. снарядов на каждое легкое орудие и по 500–600 снарядов на каждое тяжелое орудие, то русская артиллерия располагала всего 30–40 выстрелами на орудие.

Русская разведка уже за 10 дней до удара знала о готовящемся наступлении, но должных мер принять не успели. Историк операции Г. Келлерман, оценивая противников перед прорывом, писал: «Войскам, назначенным в состав 11-й армии, была дана возможность практиковаться в тылу во всех приемах боя при прорыве укрепленной полосы. С русской стороны положение было иное. Центр и правый фланг 3-й армии составляли пассивный участок Юго-Западного фронта с задачей прикрыть наступление в Венгрию со стороны Н. Сандец. Войска 3-й армии проделали весь галицийский поход и никакой особой подготовки к противодействию прорыву не имели... Незначительное количество артиллерии, испытывавшей к тому же острый недостаток в снарядах, хронический комплект пехотного вооружения... в значительной степени облегчали германцам разрешение их задачи. Однако исключительная стойкость русской пехоты... потребовала больших усилий и крупных жертв от германских войск».^[178]

Всем австро-германским соединениям предоставили короткий отдых, они были полностью укомплектованы и оснащены. Для введения русских в заблуждение был предпринят ложный железнодорожный маневр. Разведка передовых позиций производилась германскими офицерами, переодетыми в австрийскую форму. Была осуществлена полная фотосъемка русской оборонительной полосы. Каждый корпус готовился для атаки тщательно изученного им участка русской обороны. Чтобы пехота германцев и австрийцев не пострадала от огня собственной артиллерии, пехотинцы отмечались белыми тесьмами на ранцах и красно-белыми щитами на флангах. Главный удар сопровождался отвлекающими действиями на других участках фронта. Но главной предпосылкой успеха противника была все же беспрецедентная мощь привлекаемых на узком участке фронта технических средств – при значительном объеме тяжелой артиллерии вплоть до тяжелых минометов и неограниченном лимите боеприпасов.

Сражение началось с артподготовки, к которой в дальнейшем присоединилась минометная подготовка. Артиллерия в процессе боя вела концентрированный огонь, перенося его в зависимости от обстановки. В исследовании шведского генерального штаба так описывалось впечатление от германской артподготовки: «Тысячи, десятки тысяч снарядов всех калибров летели по направлению к неприятелю... Вдали были видны большие столбы крутящейся пыли; разрытая желто-коричневая земля выбрасывалась на высоту нескольких метров. Там и здесь виднелись взлетающие на воздух части заградительных неприятельских укреплений и рогаток, выставленных перед русскими позициями; простреленные балки помостов поднимались на воздух; неприятельские окопы, казалось, постепенно сравнивались с землей. Вдали за позициями виднелось зарево от загоревшихся деревень и лесов... В общем, однако, неприятель оставался сравнительно спокойным; он скрывался под защитой своих блиндажей; его артиллерия казалась не особенно сильной».^[179] «Пехота, предшествуемая отрядами пионеров (подразделения инженерных войск. – А. О.), снабженных проволочными ножницами и ручными гранатами,

двинулась по всей линии в наступление, артиллерийский огонь, замолкнувший на некоторое время, снова оживился, но только теперь стрельба шла уже по ходам сообщения, тыловым позициям, маршевым дорогам».^[180]

Но прорыв вылился во фронтальное отталкивание русских. Атаки немцев 19 апреля уверенно отбивались. Наступление протекало медленно. Встречаемые мощным пулеметным огнем с удобных позиций и фланговыми контратаками части противника несли большие потери. Ценой целого дня боя пяти корпусов высокого качества удалось овладеть только первой линией русских позиций с продвижением на глубину 3–5 км. Русский 10-й армейский корпус, оборонявшийся против пяти германских корпусов, не был разбит. Он сильно пострадал, понес большие потери, но на второй линии позиции готовился к следующим боям.

Уже на второй день наступления, 20 апреля, А. фон Макензен был вынужден ввести в действие резервы, а развить прорыв в стыке 9-го и 10-го корпусов германцам и австрийцам так и не удалось. Сумев удержать вторую линию до вечера, русские части избавили себя этим от преследования, а прорыв не был завершен.

В результате боев с 19 по 21 апреля германцы и австрийцы продвинулись лишь на 4–8 км.

Но неравномерное напряжение боевой деятельности русских корпусов и отсутствие взаимодействия между ними привели к тому, что 22 апреля в стыке между 3-м Кавказским армейским и 24-м армейским корпусами образовался разрыв, в который и устремились германцы и австрийцы. Противник, овладев Змигродом, начал угрожать путям отхода 24-го армейского корпуса и всем левофланговым корпусам 3-й армии. В этот разрыв было направлено почти три корпуса германо-австрийских войск.

Русские войска не пасовали перед огромным превосходством противника. Так, против отряда генерал-майора Н. Г. Володченко (преобразован в сводный корпус 3-й армии) из двух кавалерийских дивизий и двух пехотных полков действовало свыше корпуса (9-й корпус 4-й австрийской армии), а против 3-го Кавказского армейского корпуса наступало свыше трех корпусов (гвардейский, 6-й австрийский, 41-й германский) противника. 22 апреля на правый фланг 24-го армейского корпуса обрушилось почти три корпуса 11-й германской и 3-й австрийской армий. Однако несмотря на подавляющее превосходство противника в силах и средствах, действия русских войск были успешны, и движение германцев и австрийцев вперед протекало медленно и с большими потерями. Но в связи с создавшимся положением командующий 3-й армией 22 апреля отдал приказ об отходе корпусов за р. Вислока. Отступление армии привело к отходу всего фронта.

Теперь бои проходили на пространстве между реками Вислока и Сан, где тактическое значение Горлицкого прорыва приобрело оперативное значение. Намечалась возможность стабилизации положения, но у русских отсутствовали резервы. Наиболее упорные бои происходили в центре 3-й армии на фронте 10-го, 3-го Кавказского и 24-го армейских корпусов. Атаки на фронте 10-го армейского корпуса русских стоили германцам и австрийцам потери целой дивизии. 3-й Кавказский армейский корпус на позиции Велеполе, Виенева, Одржигов в течение трех дней сдерживал атаки двух германо-австрийских корпусов. Русские войска сражались героически, вплоть до самопожертвования командира корпуса, лично водившего части в атаку. 24-й армейский корпус к 25 апреля прикрывал направление на Санок, куда наступали главные силы 3-й армии противника. Здесь корпус в течение двух дней выдерживал атаки трех корпусов противника, успешно отбивая их, но к исходу 26 апреля вынужден был начать отход.

Действия 12-го армейского корпуса были образцом активной обороны: он не только отбивал атаки 10-го корпуса и 119-й пехотной дивизии противника, но и сам в ночь на 27 апреля перешел в контратаку и отбросил 26-ю австрийскую дивизию. Своими активными действиями корпус сковал значительные силы врага, способствуя успеху атаки 21-го армейского корпуса. Готовилось контрнаступление последнего. Утром 27 апреля он начал выдвижение для нанесения флангового удара наступающей 11-й германской армии. Его удар привел к образованию прорыва между 11-й баварской и 119-й пехотной дивизиями противника, но они его закрыли выдвижением дивизии второго эшелона. Кроме того, части 10-го австрийского корпуса повели наступление на 21-й армейский корпус с юга. Одновременно с этим центр 3-й русской армии отошел на восток.

В итоге контрудар 21-го армейского корпуса изменений в обстановке на фронте не принес, и к исходу 27 апреля корпус был вынужден начать отход. 28 апреля 3-я армия, прикрываясь арьергардами, отходила, стремясь задержать продвижение противника, дать возможность тылам и главным силам корпусов отойти к р. Сан, а резервам фронтового командования выдвинуться в район боев.

С 1 по 7 мая шли бои на р. Сан. Для русских они оказались схваткой за закрепление положения на этом рубеже с целью отстоять завоеванную часть Галиции. Германо-австрийское командование стремилось добиться максимального развития успеха для превращения его в стратегический. Чтобы не дать русским закрепиться на р. Сан, намечался сосредоточенный удар в направлении на Ярослав. Выполнение этой задачи возлагалось на 11-ю армию А. фон Макензена. 4-я и 3-я австрийские армии должны были параллельными атаками содействовать 11-й армии и прикрывать ее фланги.

1 мая частям 10-го и 24-го армейских корпусов русских пришлось отбивать атаку германцев и австрийцев на предмостные укрепления у Лежайска и Ярослава. Атаки были отражены, но в ночь на 2 мая части 10-го армейского корпуса оставили Лежайск и отошли на правый берег р. Сан, взорвав за собой мосты. 2 мая атаки германцев и австрийцев были отбиты на всем фронте 3-й армии, но на позициях 24-го армейского корпуса у Ярослава положение осложнилось. Командующий 3-й армией лично руководил обороной города, сюда был брошен армейский резерв, но огромное численное превосходство противника (более двух корпусов с мощной артиллерией) против потрепанного 24-го армейского корпуса привело к оставлению Ярослава после ожесточенных уличных боев.

Активно действовала и 8-я русская армия, взаимодействуя с 3-й. 21-й и 12-й армейские корпуса 8-й армии атаковали во фланг противника, находящегося на Ярославском направлении вдоль левого берега р. Сан. 10-й германский корпус был скован наступлением 3-го Кавказского армейского корпуса, а правофланговые корпуса (15, 9 и 10-й армейские) 3-й армии отбросили германцев и австрийцев на западном берегу р. Сан и к исходу 7 мая овладели местечком Рудник.

Одновременно 4-я армия русских севернее Вислы, в районе Опатов, сильно теснила 1-ю австрийскую армию.

В итоге германцы и австрийцы вынуждены были приостановить наступление. К этому времени герmano-австрийские войска окончательно выдохлись.

19–22 мая была предпринята новая попытка общего наступления русских войск 3-й армии, разгорелись ожесточенные встречные бои, успешные для русских. Однако «слабый состав корпусов 3-й армии не позволял развивать достигнутый успех; 22 мая (4 июня) наступление приостановилось, так как всюду наступающие части встречены были сильным огнем артиллерии из глубины расположения противника. 8-я армия, атакованная противником, отошла, очистив Перемышль».^[181]

С 30 мая германцы и австрийцы вновь перешли в наступление. Русские войска отходили, ведя арьергардные бои. Они были обескровлены.

Под напором противника 8-я армия в ночь с 6 на 7 июня 1915 г. отошла с Городокской на Львовскую позицию. Отсутствие резервов, недостаток патронов исключали всякую возможность перехода 3-й армии в решительное наступление для облегчения положения 8-й армии. В дальнейшем 3-я армия отходила в пределы России в северном направлении, в то время как 8-я армия отступала на восток – на Волынь, оставляя Восточную Галицию.

Также отходили 11-я и 9-я армии Юго-Западного фронта (хотя последняя провела в конце мая успешную Прутскую операцию).

27 мая – 2 июня войсками 11-й русской армии было нанесено поражение Южной германской армии у Журавно.

С целью пленить русские войска в Польше группировка А. фон Макензена изменила направление наступления, с севера ей должна была содействовать армейская группа Гальвица. Но его войска были остановлены в третьем Праснышском сражении, наступление армии А. фон Макензена (предпринятое из северо-восточной Галиции) также встретило упорное сопротивление. Южнее, на Владимир-Волынском направлении, австро-венгерские армии вообще не имели успеха, встретив контрудар русских. 22 июня началось русское контрнаступление и на Люблинском направлении (за два дня было взято до 11 тыс. пленных).

С 3 июля шли ожесточенные бои между Вислой и Бугом, русские войска отходили под напором противника.

В июле 8-я армия успешно оборонялась от войск 1-й и 2-й австро-венгерских армий в районе Сокаля. Несмотря на это, положение русских армий в Польше ухудшалось, и было принято трудное решение выводить войска из Польши. Русские оставили Варшаву, отойдя на фронт Осовец, Ломжа, Венгров, Любартов.

Но замысел устроить стратегический котел для русских войск в Польше провалился. О. фон Мозер отмечал: «Крупная операция Макензена – Гальвица, рассчитанная на окружение, постепенно превратилась в фронтальное наступление с запада на восток против русских армий, медленно отступавших на линию Ковно – Брест-Литовск – Владимир-Волынский, с одной позиции на другую, и сохранивших сомкнутость фронта».^[182]

14 августа 1-я австро-венгерская армия начала наступление от Луцка в обход правого фланга войск 8-й армии, а 2-я австро-венгерская армия нанесла удар от Зборова. Противник был остановлен, и 31 августа 8-я армия контратаковала, нанеся поражение 1-й и 2-й австро-венгерским армиям при Дубно и Вишневце.

Крупный успех имела 11-я армия, 17 августа контратаковавшая у Збаража наступавшего противника. Южная германская армия также была остановлена.

10 сентября войска 8-й армии временно взяли Луцк. В течение осени войска 8-й армии вели бои местного значения в Полесье, на Волыни и в Галиции, взяв 5 октября Чарторыйск.

Операция на Серете, Луцкая и Чарторыйская операции имели важнейшее значение для всего Юго-Западного фронта.

Э. Фалькенгайн отмечал: «4-я австро-венгерская армия, двигавшаяся из района Луцка на линию Дубно – Ровно, была в такой мере потрясена сильным русским контрударом, что приходилось опасаться серьезных результатов».^[183]

Во многом именно Луцкая операция не позволила противнику осуществить маневр флангового охвата отходящей центральной группы русских армий. «14–22 сентября в районе Луцка русская 8-я армия... произвела крайне удачную контратаку. 4-я австрийская армия... была разбита наголову. Австрийцы не только не смогли отправить на Сербский фронт 6-й и 17-й корпуса, как у них было условлено с германским командованием, но были вынуждены обратиться с просьбой о германской помощи. Группе Герока, двинутой во фланг русским из Полесья и составленной, главным образом, из 24-го германского резервного корпуса, удалось... остановить наступление Брусилова».^[184]

Ю. Н. Данилов так писал об этих знаковых событиях на Юго-Западном фронте: «В конце августа (здесь и далее в цитате новый стиль. – А. О.) противник... перешел в энергичное наступление на всем фронте... Вследствие значительного ослабления армий Ю.-З. фронта непрерывной переброской войск на север австрийцам после ряда упорных боев удалось достигнуть довольно существенных результатов на Волыни, на направлениях к Чарторыйску, Ровно, Дубно и Кременцу... Однако... наши Ю.-З. армии успели перейти в энергичное контрнаступление. Предупредив противника своей атакой, наши войска нанесли 8 сентября германцам, усиленным австрийцами, громовой удар у Тарнополя и в тот же день столь же сильный удар австрийцам у Трембовли. Неприятель стал спешно отходить обратно за Стрыпу, оставляя нам много тысяч пленных и десятки орудий. Несколько позднее, а именно в середине сентября, создался решительный перелом и на правом фланге Ю.-З. фронта. Здесь наш противник – австрийцы – после жестокого разгрома был отброшен за р. Стырь».^[185]

В конце ноября – декабре 1915 г. южные армии Юго-Западного фронта (7-я и 9-я) прежде всего с целью оказать помощь гибнущей сербской армии провели наступательную операцию на р. Стрыпа. Недостаточно продуманная (прежде всего в тактическом отношении – узкий фронт атаки, бессистемность действий, отсутствие внезапности) и не особо подготовленная (в плане артиллерийского обеспечения) операция не привела к прорыву глубокоэшелонированных позиций противника. Но операция на Стрыпе знаменательна тем, что проиллюстрировала попытку единственного из союзников по Антанте помочь в боевом отношении сербской армии. Кроме того, не без давления союзников Юго-Западный фронт был признан второстепенным (что сказалось в будущем во время Брусиловского наступления). В этой операции выдвинулся известнейший артиллерийский авторитет русской армии – подполковник В. Кирей («русский Брухмюллер»), разработавший новую артиллерийскую тактику армии, тщательно

проанализировавший теорию и практику применения артиллерии (что также сказалось во время Брусиловского наступления).

Главная причина неудачи операции – то, что русская «артиллерия, кроме своей малочисленности, страдала еще от крайней бедности в боевых припасах».^[186]

107-я германская пехотная дивизия была переброшена из Сербии на Русский фронт – в этом факте воплотилась помощь русских союзникам посредством своей неудачной активности.

Общее стратегическое значение Горлицкого прорыва было огромно. Русские войска за два месяца оставили Галицию, потеряли систему крепостей, понесли огромный урон в силах и средствах.

Несмотря на то что положение на русском Северо-Западном фронте было прочным, необходимым являлось общее отступление, вывод войск из «польского мешка». Северо-Западный фронт был ослаблен – все возможные силы перебрасывались оттуда на Юго-Западный фронт. Укрепились австро-венгерская армия. Восстановив боеспособность, она успешно действовала как на Итальянском, так и на Русском и Балканском фронтах.

Была устранена опасность для Венгрии. На стороне германского блока вступила в войну Болгария, что привело к катастрофе Сербского фронта и, как следствие, еще большей экономической изоляции России.

Огромной утратой помимо эвакуации Польши была потеря сети стратегических железных дорог (постоянные перевозки в огромных масштабах вообще вели к постепенной разрухе в железнодорожной сфере, нагрузка на оставшиеся дороги вкупе с их не совсем удачным начертанием возросла) – в итоге возможности осуществления маневренных операций снизились.

Были израсходованы русские резервы (включая и контингент, предназначавшийся для Босфорской операции).

В целом положительные результаты оперативных успехов русских армий в период кампании 1914 г. и Карпатской операции были утрачены.

Операции Юго-Западного фронта в апреле—декабре осуществлялись в русских интересах. Но даже в ситуации тяжелых оборонительных боев русская армия стремилась помочь союзникам (пример – наступление на Стрыпе).

Несмотря на отдельные успешные и даже наступательные операции русских войск весны—осени 1915 г. на юго-западном направлении (удачные контрнаступления в рамках Горлицкой операции, Прутская, Луцкая операции, наступление на Серете), стратегической инициативой завладели австрийцы и германцы.

Русскую армию ждала смена Верховного главнокомандующего – им стал сам император. Не останавливаясь на достоинствах и недостатках этого факта (в частности, возможность для первого лица государства управлять одновременно и империей, и широкомасштабными военными действиями), отметим, что русская армия в материальном и моральном аспектах к концу 1915 г. значительно укрепилась. На уровне стратегии вместо нанесения ударов в расходящихся направлениях осуществлялась реализация единого стратегического плана.

«Великий исход» русских армий закончился осенью общей стабилизацией Восточного фронта. Знаковыми в плане остановки наступления противника и стабилизации Русского фронта были Виленская операция в Прибалтике и серия успешных операций Юго-Западного фронта середины августа – начала октября.

Э. Людендорф отмечал: «Фронтальное отеснение русских в Галиции, как бы ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны. Они с боями отходили настолько, насколько тыловые сообщения позволяли нам продвигаться. Русские еще не сражались на своей собственной земле и до нее могли еще уступить значительные территории. К тому же при этих фронтальных боях наши потери были немалыми».^[187]

Вышеупомянутый стратег вынужден констатировать: «Операции союзных армий (германо-австрийских. – А. О.) в Польше восточнее Вислы привели, как я и ожидал, к фронтальному следованию за русскими с непрерывными боями... делались попытки охватить русских, но они оставались тщетными. Хотя русской армии не позволили задержаться, но ей удалось уйти».^[188]

Э. Фалькенгайн также отмечал: «Русские давно постигли опасность оперативного охвата... и научились принимать свои контрмеры».^[189]

Здесь необходимо вспомнить, что если русская армия и нуждалась когда-либо в помощи и поддержке союзников, так именно летом 1915 г. Начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армией в телеграмме от 1 мая на имя генерала Ж. Жоффра и лорда Г. Китченера разъяснял положение русских армий и просил союзников о содействии, во-первых, переходом союзных армий к энергичным наступательным операциям, во-вторых, помощью снарядами, винтовками и патронами. Он отмечал также, что является крайне желательным не допускать перебросок немецких войск на Русский фронт с Французского.

И в дальнейшем русское командование обращалось с подобными просьбами к своим союзникам. Союзники же копили вооружение и боеприпасы, объясняя это собственными нуждами. Первая крупная боевая операция англичан и французов началась в Шампани только в сентябре, когда активные действия на Русском фронте завершались. Как говорится, комментарии излишни.

Отметим только, что если это и была «уплата» союзнического долга благодарности за Восточную Пруссию 1914 г., то все же стоит вспомнить, что в августе 1914 г. французской армии не пришлось ожидать русского наступления четыре месяца.

В целом, несмотря на катастрофические потери и отход русских войск, противник нес урон, а наносимые русскими войсками контрудары объективно способствовали реализации общесоюзных задач. Постепенно расширяющийся в связи с продвижением противника Русский фронт стал резервуаром, поглотившим не только резервы германцев и австрийцев.

Кровопускание германской армии в 1915 г. в России более чем в два раза превзошло знаменитую «верденскую бойню».

В стратегическом плане Горлице и Луцк 1915 г. ознаменовали крах планов противника вывести Россию из войны (как Марна и Ипр 1914 г. ознаменовали крах планов вывести из войны Францию с Англией) и лишили германский блок теперь уже даже гипотетической перспективы на успешный исход войны.

§ 4. Неудавшиеся германские «Канны» и стабилизация Русского фронта – боевые действия в Прибалтике

Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении. Они могут при помощи своих хороших путей сообщения группироваться теперь, где им заблагорассудится, и направить значительные силы против моего левого крыла, угрожающего их сообщениям.^[190]

Первоначальные действия германцев в Прибалтике изначально вытекали из общей установки командования германского Восточного фронта – осуществлять демонстрационные действия на других участках Русского фронта с целью облегчения операции А. фон Макензена у Горлице.

Русское командование, сосредоточив главное внимание на польско-карпатском участке фронта, недооценивало прибалтийское направление. Силы и средства были представлены в основном разрозненными частями слабого состава. Пока русские войска удерживали в своих руках, хотя бы частично, территорию Восточной Пруссии, продвижение неприятельских войск в направлении среднего и нижнего Немана было невозможным. Но с отступлением после февральских боев 10-й русской армии к Неману и Бобру германцы получали возможность движения не только в направлении на город-крепость Ковно, но и в обход с севера, со стороны Тильзита на Шавли. Риго-Шавельский район приобретал особую значимость.

Уже с начала апреля стало обнаруживаться усиление германских войск на линии Кенигсберг – Инстербург с выдвиганием конницы противника к нижнему Неману. Движение армейской группы генерал-лейтенанта О. фон Лауенштейна, начавшееся 14 апреля, неожиданно принесло успех: продвижение было весьма заметным, русские потеряли Шавли. Немцы, поняв стратегическую значимость театра военных действий, усилили натиск.

Группа О. фон Лауенштейна – три кавалерийские (6-я, 3-я и Баварская) и три пехотные дивизии (78, 36 и 6-я резервные) – стала ядром Неманской армии. Немцы овладели к 25 апреля Южной Курляндией и Либавой, что нанесло тяжелый удар по русской морской дислокации на Балтике. Под угрозой оказалось рижское направление. Разрозненные русские части (68-я пехотная дивизия, части пограничной стражи и ополчения) отошли на Виндаву и Дубиссу.

Перебросив на угрожаемый участок вначале 19-й армейский и конный корпуса, а затем управление 12-й армии (вскоре переименовано в 5-ю и насыщено войсками), русские сцементировали фронт, вернув Шавли.

Северная Прибалтика (от Немана до Балтийского побережья) стала зоной ответственности 5-й русской армии Северо-Западного фронта с опорой на Ригу и Двинск.^[191]

В мае—июне войска 5-й армии вели бои местного значения с Неманской германской армией генерала пехоты О. фон Белова. Боевые действия носили переменный характер, стороны то оборонялись, то наступали. Фронт стабилизировался по линии рек Виндавы и Дубиссы.

Неудачное развитие событий на Юго-Западном фронте наложило отпечаток на Северо-Западный. Параллельно с реализацией общего плана германское руководство Восточного фронта (П. Гинденбург и Э. Людендорф) проводило в жизнь собственный замысел – наступление в обход Ковно на Вильно и Минск.

Неманская армия должна была овладеть Поневежем и Шавли с последующим захватом Митава с продвижением до линии Ковно – Двинск. Задача 5-й русской армии заключалась в прикрытии путей на Митаву и Двинск и обеспечении крепости Ковно с севера.

Германцы сосредоточили около 120 тыс. бойцов при 600 орудиях, а русские 107 тыс. человек (из них 10 тыс. невооруженных) при 365 орудиях.

Митаво-Шавельское сражение происходило 1 июля – 7 августа. Немцы атаковали Шавли (центр боевого порядка 5-й армии) 1-м резервным корпусом, на левом фланге была образована ударная группа. Сильное левое крыло должно было пройти Митаву и окружить русских с севера, в то время как еще одна боевая группа готовилась атаковать с юга. Первоначальный удар немцев на Митаву был отбит. Центральные корпуса 5-й армии стойко оборонялись, под Шавли шли упорные бои. Под Ошмянами 6-я резервная дивизия немцев была отброшена, но нажим с юга вынудил русских прекратить атаки и начать отход.

Обозначился обход и северной группы немцев. Под напором превосходящих сил врага правофланговые соединения 5-й армии отходили в восточном направлении.

Германцы планировали окружить центральные дивизии русских движением северной и южной «клешней», замкнув кольцо восточнее Шадова. В условиях начавшейся операции на окружение командарм П. А. Плевел вовремя вывел свои войска из намечающегося «котла».

8 июля противник овладел Шавлями, 12 июля Поневежем. 7 августа немцы заняли Митаву, оккупировав, таким образом, почти всю Курляндию.

5-я армия отступила к Западной Двине на Ригу, Якобштадт и Двинск.

В ходе операции русское командование маневрировало силами и средствами, наносило контрудары (Митаву, например, не раз переходила из рук в руки, бои за город шли 10 дней), однако перевес противника решил дело в пользу немцев.

Но территориальные успехи германцев не смогли скрыть главного проигрыша – попытка путем операции двойного охвата обойти и уничтожить 5-ю армию не удалась. Вместе с тем германцы в Прибалтике приобрели район для развертывания перспективных операций стратегического масштаба.

Русское командование планировало, сосредоточив у Вильно—Ковно ударный кулак, провести контрнаступление во фланг наступающим немцам. Противник опередил русских, и 26 июля 10-я армия генерал-полковника Г. фон Эйхгорна перешла в наступление.

Главный удар немцы наносили 40-м резервным и 21-м армейским корпусами на участке 34-го русского армейского корпуса у Ковенской крепости. Штурм непосредственно ковенских укреплений осуществлялся с 28 июля. Первый натиск был отбит. Но в результате прежде всего недостаточного взаимодействия крепости с полевыми войсками 3 августа линия фортов была прорвана. Гарнизон держался, ожесточенные бои у крепости часто переходили в штыковые схватки. Ситуация усугубилась позорным поведением бежавшего коменданта крепости. Потеря управления привела к неэффективности разрозненных русских контратак, и 9 августа крепость Ковно пала.

Удары 8-й и 10-й армий немцев дополнили атаки других сил – 9-й армии и армейской группы генерала пехоты Р. фон Войрша. В результате к 11 августа, сдав геройскую крепость Осовец, русские ушли с линии р. Бобр.

С момента падения крепости Ковно и форсирования Немана пути на Вильно и Двинск оказались открытыми. Германское командование намечало главный удар в направлении севернее Вильно, стремясь окружить русские войска, находившиеся в районе Вильно.

Виленская операция осуществлялась 9 августа – 19 сентября.

10-я германская армия должна была наступать на Вильно и Гродно. Севернее 10-й германской армии должна была атаковать конная группа. Этому наступлению содействовала 12-я армия слева и 8-я армия справа. Всего армии П. Гинденбурга имели 41,5 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. 9-я армия (занимавшая Польшу) была подчинена непосредственно Верховному командованию. Русские противопоставили группировке П. Гинденбурга 65 пехотных и 13,5 кавалерийских дивизий, но слабого состава.

27 августа германские войска перешли в наступление. Главный удар наносился в стык между 5-й армией Северного фронта и 10-й армией Западного фронта (в августе Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный).

Нахождение на стыке лишь русской конной завесы значительно облегчало немцам задачу. 28 августа 10-я германская армия прорвала фронт у Новосвенцяна – между Вильно и Двинском. Образовался 50-километровый разрыв между левым флангом 5-й и правым флангом 10-й русских армий. 10-я германская армия двинулась на Вильно – Сморгонь, Неманская армия наступала на Двинск с целью отбросить русские войска на Западную Двину и тем самым то есть прикрыть, 10-ю армию с севера. Кавалерия обеих армий под общим командованием генерала кавалерии О. фон Гарнье должна была прорваться в промежуток между 5-й и 10-й русскими армиями и ударить в тыл русским армиям с задачей перерыва железных дорог Полоцк – Молодечно и Орша – Минск.

5 сентября Вильно сдался, и германская конная группа, прорвав русские порядки, вышла в тыл 10-й армии Западного фронта. Ударная группа фон Гарнье (пять кавалерийских дивизий) осуществила Свенцянский прорыв (он ставил своей главной задачей разгром тылов Западного фронта и порчу стратегической Минской железной дороги). Энергичными действиями русского командования (осуществившего, в свою очередь, контрманевр маневренной группой) прорыв был локализован и закрыт. Прорвавшиеся германцы были частью отеснены в нарочские болота, частью уничтожены, и фронт окончательно стабилизировался.

Исследователь Свенцянского прорыва Н. Евсеев писал: «Немцы озадачились целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т. е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представлявших, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью... Операция по окружению успехом не увенчалась: русские оставили Вильну и отошли на всем фронте. Немцы выиграли пространство... Некоторые германские авторы в своих мемуарах пишут о 30 000 пленных, но это мы берем под сомнение. Что же касается поражения тех или иных частей и соединений, то в ходе операции та и другая стороны наносили друг другу частные поражения, которые привели и тех и других к потерям, большим или меньшим, но ни один полк не был окружен и взят в плен. Если бы эта операция преследовала цель не окружения, а овладения Виленским районом, то представляется, что немцы могли этого добиться более дешевой ценой, чем та, которую они заплатили разгромом их конницы».^[192] Э. Людендорф был вынужден констатировать: «Высокое напряжение сентябрьских дней опять дало нам лишь тактический успех. Приходилось преодолевать исключительно опасные моменты».^[193]

Ожесточенны были и бои в Двинском районе. С падением крепости Ковно, где имелись огромные склады с оружием, амуницией и продовольствием, город-крепость Двинск становится важным стратегическим центром русских войск на северном крыле Восточного фронта.

Первоначальная обстановка в районе Двинска была крайне тяжелой. Германские части вышли на подступы к городу и пытались взять его с ходу. Малочисленность и усталость войск 5-й армии при растянутом фронте создавали дополнительные проблемы. По Двинску и его окраинам непрерывно работала немецкая артиллерия. Осуществлялась эвакуация имущества, происходил массовый исход местных жителей, в панике оставлявших жилье и ценности, город подвергался бомбардировке. Германские аэропланы постоянно появлялись в небе города, причем воздушные удары наносились не только по военным, но и по гражданским объектам. Главной задачей немецких авиаторов было посеять среди жителей панику и лишить войска возможности сопротивляться.

В ситуации не только полной эвакуации, но и моральной готовности фактического оставления города спасла положение решительная позиция командующего 5-й армией. С прибытием резервов фронта положение окончательно стабилизировалось. Постепенно под Двинском была создана глубокоэшелонированная оборона, одна из самых мощных на всем Русском фронте.

Британская официальная история войны следующим образом характеризует значение двинской позиции: «Двинск осенью оказался слишком крепким орешком для немцев».^[194]

Двинский укрепрайон сцементировал важнейшее операционное направление на стыке Северного и Западного фронтов.

Последний этап Виленского сражения – наступление 10-й германской армии 10–18 сентября. Немцы были отбиты, причем отступление носило беспорядочный характер и сопровождалось потерей пленных и утратой военного имущества.

Операции в Прибалтике летом—осенью 1915 г. (Митаво-Шавельская, Ковенская, Виленская, Свенцянский прорыв) в стратегическом плане были безрезультатны для германского командования, сопровождаясь значительными потерями. Э. Фалькенгайн отмечал: «Обходные движения 10-й армии северо-восточнее, а позднее восточнее Вильны предъявляли к боеспособности войск исключительные требования. Войска шли навстречу им с полным самоотвержением, и все же жертвы не привели к цели. Как и приходилось опасаться, русским удалось своевременно принять контрмеры».^[195]

Суть боевых действий в Прибалтике опять свелась к фронтальному вытеснению русских войск, так же как и на юго-западном направлении не удалось осуществить оперативные охваты и обходы в стиле «Канн».

Немцы действия русского командования в прибалтийских операциях оценивали как «искусные» и «активные». Так, Э. Людендорф^[196] в самом начале Митаво-Шавельской операции отмечал русский удар на Ошмяны, вынудивший отступить 6-ю резервную дивизию. Упомянул Э. Людендорф долгие и ожесточенные бои за предмостные укрепления Двинска и Якобштадта. М. Гофман также отмечал «энергичную оборону» русских в Митаво-Шавельской операции.^[197] Э. Фалькенгайн констатировал, что «после достигнутого в начале июня успеха у Россиен на реке Дубиссе... рассчитывали на большее».^[198]

Действия русских войск и на этом театре военных действий преследовали среди прочего помощь союзникам. Прежде всего не допустить переброску войск с Русского фронта на Французский в преддверии готовящегося осеннего наступления англичан и французов.

Э. Фалькенгайн писал: «Русские армии 10-я, 2-я и 1-я атакуют всеми силами 10-ю армию и правое крыло Неманской, имея задачей прорваться до дороге Двинск – Вильна или, по крайней мере, своей атакой сделать невозможной дальнейшую отправку сил на западный фронт».^[199]

Весенне-осенние операции в Прибалтике способствовали стабилизации Русского фронта, а значит, и тому, что замысел противника на вывод России из войны не удался. Россия осталась в одном строю со своими союзниками по Антанте.

Мы считаем операции в Прибалтике 1915 г. одними из важнейших событий на Русском фронте за всю войну. Они способствовали окончательному краху стратегических замыслов противника по уничтожению русской армии, оптимальному рисунку конфигурации фронта на важнейшем операционном направлении. Немаловажным является и то обстоятельство, что операции в Прибалтике были особенно кровавы для нашего противника.

§ 5. «Ни один турок не будет переброшен в Дарданеллы» – Кавказский фронт и русская помощь союзникам

Россия... нанесла грозный удар Турции на Кавказе, приведший к упадку духа последней, и по настоящее время притягивает к себе на Кавказском фронте свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте, и в Месопотамии.^[200]

Успехи русского оружия на Кавказе встревожили англичан, которые уже предвидели захват русскими Константинополя. С целью опередить союзника английский Высший военный совет решил приступить 19 февраля к Дарданелльской операции.

17 января 1915 г. русские войска взяли Тавриз, в феврале—марте очистили от врага Чохорский край. Война перешла на территорию Турции.

Рейд 6–20 мая 1915 г. силами конного отряда генерал-лейтенанта Г. Р. Шарпантье (36 эскадронов, 22 орудия) от Тавриза на Урмию и Ван способствовал укреплению престижа России в Персии.

К июню 1915 г. численность Кавказской армии достигла 133 тыс. пехоты, 36 тыс. кавалерии и 356 орудий. В ее состав входили 1-й и 4-й кавказские, 2-й туркестанский армейские корпуса, а также Приморский и Азербайджанский отряды. В армии числилось почти 113 батальонов, 348 орудий, 213 сотен, 20 инженерных рот, 2 авиационных отряда, 43 ополченских и 8 добровольческих дружин.

К лету в состав турецкой армии (190–200 батальонов, 128 эскадронов и сотен, 360 орудий) входили 9, 10 и 11-й корпуса, 2-я кавалерийская дивизия (36 тыс. человек), группа Хамди и Штанге, действовавшая на левом фланге (до 10 тыс. человек), группа Халила для операций в Персии (около 20 тыс. человек).^[201] Итого свыше 100 тыс. бойцов.

26 июня правофланговая ударная турецкая группировка Абдулкерима-паши нанесла удар на Мелязгертском направлении, стремясь прорвать оборону 4-го Кавказского корпуса. Русские части, понеся значительные потери (в том числе 1 тыс. пленных и несколько орудий), были вынуждены 13 июля начать отход.

Специально созданный отряд генерала Н. Н. Баратова, нанесший контрудар во фланг и тыл группировке Абдулкерим-паши при фронтальной атаке войск 4-го Кавказского корпуса, выправил положение. Турецкие войска понесли значительные потери.

Разгромленный противник отошел к р. Евфрат. 21 июля операция была завершена. Главным итогом Алашкертской операции стало сокращение фронта главных сил Кавказской армии более чем на 100 км.

Все операции на Кавказе в 1915 г. проходили под знаком активности со стороны русских, в том числе с целью удерживать в постоянном напряжении 3-ю турецкую армию и не только не допускать ее ослабления, но всеми мерами привлекать на себя новые силы противника из района проливов Босфор и Дарданеллы.

К 15 ноября Кавказская армия насчитывала 111 батальонов, 200 сотен, 373 орудия и 8 ополченских и добровольческих дружин – около 4 тыс. офицеров, 153 тыс. штыков, 27,5 тыс. сабель, 449 пулеметов. 3-я турецкая армия насчитывала до 125 линейных и 32 запасных батальонов, 40 эскадронов, 8–10 тыс. курдов с артиллерией.

Кампания 1915 г. на Кавказе отмечена попыткой турецких войск в очередной раз захватить стратегическую инициативу, взаимодействуя с австро-германскими союзниками.

Объективно действия русских войск на Кавказском фронте в 1915 г. способствовали облегчению положения союзников во время проведения ими Дарданелльской операции 1915–1916 гг.

Именно русская армия противостояла наиболее крупной и боеспособной группировке оттоманских войск. Э. Людендорф отмечал: «Турецкая армия на кавказской границе была разбита и с тех пор продолжала отступать... Мои надежды, что бои на Кавказском фронте оттянут русские силы, не оправдались».^[202]

1915 г. был для России и русской армии трудным – годом материальных, территориальных и людских потерь. Россия стала главным объектом воздействия военной машины германского блока. Союзники России получили возможность спокойно подготовиться как в материальном, так и в организационном плане к длительной войне. Русский фронт выдержал совокупный напор армий противника, стремившихся добиться решительных целей. Вновь русская армия сорвала планы врага, перемолов его живую силу и технику.

Год начался с активных наступательных операций русских войск (Ласдененская операция 10-й армии, вторая Праснышская, Карпатская операции), что уже в значительной мере повлияло на германо-австрийское планирование и баланс сил. Помимо положительных факторов оперативного и стратегического характера присутствовали и отрицательные, главные среди которых – распыление сил по расходящимся направлениям, людские и материальные потери, затрата, а не накопление столь необходимых ресурсов.

Весенне-летние операции германцев и австрийцев привели к утрате русской армией стратегической инициативы на германо-австрийском фронте. Теперь уже русские войска были

вынуждены отбиваться, реагируя на выпады противника. В период с мая по сентябрь были утрачены важнейшие в стратегическом отношении территории и ресурсы, понесены наиболее тяжелые потери в живой силе и вооружении. Главным в данной ситуации становится вывод войск и эвакуация материальных ценностей из-под ударов противника с наименьшими издержками. Апогеем этой тактики стала грамотная и своевременная эвакуация Польши. Другой главной задачей была консолидация фронта на новых позициях, борьба за оптимальное начертание линии фронта в расчете на будущие операции.

А. И. Верховский писал: «Немцам удалось путем страшных ударов почти совершенно уничтожить тело нашей армии, но душу ее они погубить не могли. Сильна была любовь к Родине в лучших людях, вера в необходимость победы и возможность победы и она увлекала всех за собой. И армия наша, как феникс, воскресла из пепла».^[203] Армия была сохранена, но наступательный период 1915 г. (первый квартал) и оборонительный (весь оставшийся год) привели к гибели остатков кадров главной массы русской армии, падению духа в войсках и обществе. Длительные отступления сопровождалась утратой стратегических коммуникаций, исходом беженцев. Они проходили на фоне тяжелейшего кризиса снабжения вооружением и боеприпасами.

Исключением являлся Кавказский фронт, стратегическая инициатива на котором удерживалась в течение всей войны. Войска Кавказской армии не только обходились собственными силами, но и выделяли формирования для главного театра военных действий.

Германские генералы сходились в общей оценке кампании 1915 г. в России. Э. Фалькенгайн отмечал: «Уничтожение врага в целом, конечно, достигнуто не было».^[204] Э. Людендорф констатировал: «Летняя кампания против России была закончена. Русские были... фронтально отеснены... За всю войну... нам ни разу не удалось довести до конца крупный стратегический прорыв».^[205]

Официальный печатный орган французской армии *Bulletin des Armees de la Republique* давал достаточно полный обзор и оценку того, что было сделано русской армией за первые восемь месяцев войны: «1) С самого начала войны русская армия выполнила... в полной мере свои союзнические обязанности, выставив свои части с целью отвлечь на себя возможно более немецких сил; 2) ...успела одержать решительные победы над вторым из своих противников. Она разбила австрийскую армию прежде, чем немцы успели перевезти на восточный фронт часть своих войск с западного фронта; 3) она упорством своих операций заставила немецкий генеральный штаб перебросить против нее несколько корпусов и этим заставила еще 15 ноября (1914 г. – А. О.) отказаться от наступления на западном фронте; 4) несмотря на эти переброшенные корпуса, немцы вместе с австрийцами не достигли никаких результатов на восточном фронте. Наши русские союзники непрерывно разрушали все планы маршала фон Гинденбурга. Варшава осталась неприкосновенной. А страшные потери, понесенные там немецкими войсками, надолго сломили их наступательные усилия; 5) одновременно с этим австрийцы потерпели новые поражения, и Перемышль пал. Вся Галиция в руках русских; 6) выступление третьего противника – турецкой армии – нисколько не расстроило русской армии и, не уменьшив своих войск на австро-германском фронте ни на одного солдата, Великий Князь Николай Николаевич успел одержать на Кавказе решительные победы подготовленными там вовремя войсками... Русская армия, разрешив в первые восемь месяцев возложенные на нее трудные задачи, закаленная непрерывной упорной борьбой, стоит на высоте своей задачи».^[206] Лучше не скажешь.

Но со второй половины весны 1915 г. ситуация резко изменилась. И с этого момента для союзников России все русские операции оставшейся части 1915 г. сливаются в одну оборонительную операцию с элементами трагедии.

Военный министр Великобритании лорд Г. Китченер писал по поводу кампании 1915 г.: «В истории этой войны будет мало столь выдающихся эпизодов, как искусное отступление русских, на очень длинном фронте во время постоянного, бешеного натиска врага, который превосходил не только в числе, но, главным образом, в артиллерии и огнестрельных припасах... Мы видим русскую армию... вполне боеспособной».^[207]

Министр английского правительства Д. Ллойд Джордж отмечал: «Великое отступление 1915 г., когда русские армии были... с небывалыми потерями отеснены из Волыни и Прибалтики до самой Риги, объяснялось исключительно недостатком у русских артиллерии,

винтовок и снарядов».^[208] Он признавал, что «история предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе. Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы большую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии. Англия и Франция бесспорно могли бы спасти Россию, если бы они приняли необходимые меры и приняли их своевременно... Военные руководители обеих стран... так и не восприняли руководящей идеи, что они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для достижения общей цели. На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали... что им нечего дать и что, если они дают что-либо России, то лишь за счет своих собственных насущных нужд. Мы предоставили Россию ее собственной судьбе».^[209]

Президент Франции Р. Пуанкаре в телеграмме по поводу принятия Николаем Вторым Верховного главнокомандования сообщал: «Вся Франция восхищена не только храбростью и упорством, проявляемыми все время армией вашего величества, но и тем искусным маневрированием, которое позволило войскам... выйти из неприятельского кольца».^[210]

Союзники забывали, что русская армия не только отступала, но и наступала, а отступая, наносила серьезные удары противнику, чем облегчала положение Антанты. Так, Карпатская операция и зимний Прасныш благотворно сказались на весенней французской операции в Шампани. Луцкая операция и операция на Стрыпе несколько облегчили положение Балканского фронта и Италии. Операции Кавказской армии содействовали союзникам в Дарданеллах. Непрерывная серия наступательных операций германцев и австрийцев вызвала такой интенсивный отток на Русский фронт соединений германского блока с других театров военных действий и вновь сформированных дивизий с января по август 1915 г. включительно, что активные боевые действия на Французском фронте практически не велись почти полгода. Германцы не только ослабили нажим на Французском фронте, но и отказались от предполагавшегося сокрушительного удара по Сербии в конце 1914 – начале 1915 г., а также от массовой помощи туркам в Дарданелльской операции. Италия была избавлена от мощи австро-венгерского наступления с решительными целями.

Великобритания закончила формирование, обучение и переброску во Францию армии нового типа – так называемого китченеровского. Франция сформировала значительные резервы живой силы и технических средств.

Представители германской стратегии вообще считали одним из наиболее роковых последствий кампании 1915 г. тот факт, что англичанам была предоставлена возможность резко усилить свое присутствие на Французском фронте. Это оказалось «роковым решением, давшим Англии время и возможность беспрепятственного усиления и боевой подготовки своей армии, а шесть месяцев восточных наступлений германской армии были использованы западными противниками и дали им возможность подготовить и осуществить свое сентябрьское наступление в Артуа и Шампани, во время которого немецкие армии, не имевшие резервов, переживали весьма тяжелые кризисы, несли кровавые потери и оказались потом неспособными нанести союзникам решительный контрудар».^[211]

И в 1915 г. Россия продолжала оказывать непосредственную военную помощь своим союзникам, реализуя в том числе стратегические задачи. Так, О. Р. Вульф отмечал: «Подвоз боевых припасов для Турции стал решающим вопросом, так как от него зависел исход боев в Дарданеллах... Проход участка Белград – болгарская граница протяжением 330 км... был совершенно невозможен, принимая во внимание сосредоточенный неприятельский огонь, даже если не считаться с противодействием свободно плававших в то время в низовьях Дуная русских вооруженных пароходов. Дальнейшие попытки доставки боевых припасов в Турцию пришлось поэтому на некоторое время прекратить».^[212]

Труд вышеупомянутого специалиста и непосредственного участника боевых действий дает представление об удельном весе русской помощи сербам сравнительно с англо-французской. «Россия помогла многочисленными морскими и саперными офицерами вместе с соответствующими командами, деятельность которых стала заметной по всему побережью

Дуная... Из неприятельских минных заграждений и постановок на Дунае и Саве были обнаружены и вытралены речными минными партиями австро-венгерской Дунайской флотилии следующие: заграждение из русских гальваноударных мин у острова Грабовце на Саве (место гибели монитора *Temes*); заграждение из таких же мин у Остружница на реке Саве; английское импровизированное наблюдаемое минное заграждение в судоходном проходе под железнодорожным мостом Землин – Белград; русское наблюдаемое заграждение на реке Саве под Белградом; русское электроконтактное минное заграждение на Саве под Белградом; двойное густое минное заграждение из французских шаровых мин в рукаве Дуная под Белградом против Нова Борция; большое минное поле из русских гальваноударных мин в Дунае у острова Гуйя; большое заграждение из русских гальваноударных мин в рукаве Дуная у местечка Винча; три русских обсервационных мины в протоках между островами у Гура-Вай; бревенчатый бон у нижнего выхода из румынского протока Гура-Вай, импровизированные мины, скомбинированные из зарядных отделений торпед и взрывателей; двойное частое заграждение из русских гальваноударных мин на Дунае у Кладужница; двойное заграждение из русских обсервационных мин большого типа (60 кг) выше Кладово».^[213]

Из 12 упомянутых адмиралом О. Р. Вульфом минных заграждений на Дунае 9 соорудили русские. Называл Вульф и русскую трехтрубную торпедную батарею у местечка Винча.^[214] Русские минные силы решали важную стратегическую задачу, блокируя действия Дунайской флотилии Австро-Венгрии на одном из ключевых театров мировой войны – Балканском. И до вступления в борьбу с сербской армией германских и болгарских войск сохранялся неблагоприятный для австрийцев статус-кво.

Осуществлялось взаимодействие с союзниками и в рамках стратегической Дарданелльской операции 19 февраля 1915 г. – 9 января 1916 г. (по новому стилю). Русский Черноморский флот производил набеги на берега Турции, босфорские укрепления подвергались артиллерийскому обстрелу линкоров, топились турецкие транспортные суда. Сковывались турецкие сухопутные и морские силы, уничтожались ресурсы. Черноморский флот притянул лучшие корабли немцев и турок – «Гебен» и «Бреслау». Линейный крейсер «Гебен», самый современный и боеспособный корабль неприятеля, так и не смог принять участие в отражении удара союзников.

Крейсер «Аскольд» совместно с кораблями союзников вел разведку, нес дозорную службу у турецкого побережья, высаживал диверсионные группы, наносил удары по береговым батареям. «Аскольд» вошел в состав 6-й эскадры союзного флота, представляя среди 200 кораблей и судов стран Антанты вооруженные силы России. 25 апреля 1915 г. плавсредства русского крейсера были отправлены для высадки десанта у Кум-Кале, а сам корабль артиллерийским огнем поддерживал десант, расстреливая береговые орудия и пулеметные точки противника. За 25 апреля крейсер израсходовал до 750 152-мм и свыше 1,5 тыс. 75-мм снарядов.^[215] Меткость огня русского крейсера вызвала удивление и восхищение союзников. 26 апреля в результате огня «Аскольда» и вспомогательного крейсера «Савойя» около 500 турецких солдат сдались в плен. До конца апреля «Аскольд» действовал у Дарданелл: входил в пролив и вел огонь по батареям турок на азиатском берегу, прикрывая союзные войска на Галлиполийском полуострове.

Следует с сожалением отметить, что общая обстановка на фронтах не позволила использовать русский экспедиционный корпус для совместного удара союзников по Турции, хотя в географическом плане местность для проведения Босфорской операции была более благоприятна, чем для англичан и французов в Дарданеллах. Мы склонны поддержать мнение А. Керсновского, считавшего, что, не осуществив свой Дарданелльский проект, Россия упустила реальный шанс ускорить выигрыш мировой войны в пользу Антанты. Ведь и У. Черчилль, и Э. Фалькенгайн увидели стратегическую перспективность зоны проливов, особенно ярко заметную на фоне тупика основных фронтов мировой войны, и огромную зависимость судьбы России от судьбы проливов. То есть ошибка была не в самой идее, а в способе проведения ее в жизнь.

Угроза русского десанта удерживала в районе Константинополя четыре турецких корпуса, которые с успехом могли быть использованы в Галлиполи. Русский флот сковал сильнейшие корабли германцев и турок, чем также способствовал осуществлению Дарданелльской операции Антанты.

Важен для союзников был и материальный эффект деятельности Черноморского флота: в условиях отсутствия других видов транспорта с началом войны морские перевозки угля из угольного района Эрегли-Зонгулдак в Босфор приобрели для Турции большое значение. Удары

русских линейных кораблей и блокада, которую осуществляли миноносцы и подводные лодки, против турецкого судоходства постепенно наращивались, поставив под угрозу срыва поставки угля в турецкую столицу. Турки были вынуждены постоянно эскортировать суда, перевозившие уголь, используя для конвоирования даже такие крупные корабли, как «Гебен». Действия русского флота против Эрегли-Зонгулдакского бассейна привели к тому, что турецкий военно-морской флот был посажен на голодный паек и расходовал топливо лишь для самых необходимых операций, а военные предприятия в Стамбуле постоянно находились под угрозой остановки.

Русская армия, в течение всей войны одновременно сражавшаяся с основными силами Австро-Венгрии и Турции, в 1915 г. приняла на себя удар и главных сил Германии – Россия в 1915 г. была щитом, заслонившим союзников от объединенных сил германского блока.

1915 г. был годом накопления материальных сил англичанами и французами под прикрытием русской армии, заложил базу окончательной победы Антанты. Если 1914-й был годом стратегического проигрыша войны германским блоком, то 1915-й – годом создания материальных предпосылок поражения противника в длительной войне.

Были оттянуты на Русский фронт лучшие войска врага, перемолота его живая сила, растрочены материальные ресурсы. Удлинившийся фронт требовал все больше войск. Союзники России за год передышки сравнялись с Германией в плане материально-технического снабжения войск, накопили большие ресурсы, что позволило в недалеком будущем и превзойти грозного неприятеля.

Глава третья. Русский фронт и захват Антантой стратегической инициативы (кампания 1916 г.)

Общим фоном противостояния Антанты и германского блока в 1916 г. стало наличие двух факторов, наложивших отпечаток на действия противников.

Первое обстоятельство – переход к позиционным формам борьбы. Германия и ее союзники не смогли решить стратегические задачи, нанеся главный удар по англо-французам в 1914 г. и по русским в 1915 г. На обоих театрах военных действий войска Четверного союза стояли на земле неприятеля. Но тактические преимущества немцев могли дать успех лишь при кратковременности борьбы, при быстром достижении решающего результата. Стабилизация фронта означала еще более значимое действие долговременных военно-политических факторов, важнейшим из которых было общее превосходство Антанты над германским блоком в силах и средствах, причем имеющее тенденцию со временем возрастать. Противник не смог грамотно реализовать планы А. фон Шлиффена и Ф. Конрада Гетцендорфа, не помогла ему и импровизация как на Востоке, так и на Западе. Оперативные успехи, добытые кровью германских и австрийских войск, в стратегическое преимущество преобразованы не были. На карте к концу 1915 г. обстановка благоприятствовала германскому блоку. Но противник фактически разменял собственные ресурсы на неприятельские территории, перелома же в войне не было.

Второе обстоятельство – желание союзников по Антанте активными действиями вырвать инициативу из рук врага и добиться поражения противника своими согласованными действиями. Подготовка к этому осуществлялась как в материально-техническом, так и в организационном плане (координация действий союзников в предстоящей кампании).

На 1916 г. германское командование не планировало крупных наступательных действий против русских войск, сделав ставку на обескровливание западных союзников путем перемалывания их дивизий в стратегически важном пункте (им стал Верден). На Востоке – активная оборона.

Русские планы во многом обуславливались общесоюзным планом, выработанным в конце 1915 г. на конференции в Шантильи. Было принято решение о согласовании сроков активных действий союзников по Антанте. Общие сроки согласованного наступления на Французском и Русском фронтах планировались на конец весны – начало лета, но зимнее германское наступление под Верденом внесло в эти замыслы значительные коррективы – русской армии

опять пришлось спасать своего союзника. Неожиданность этой ситуации для противника усугубилась тем, что после ударов 1915 г. германское верховное командование считало Россию парализованной, а русскую армию неспособной произвести серьезные сдвиги в оперативной обстановке.

§ 1. «На помощь Вердену» (Нарочская операция)

«...в марте Россия повела атаку у озера Нарочь (на фланге Балтийского моря), сделав красивый жест, жертвуя собой, чтобы ослабить нажим на Францию».^[216]

В связи с развитием германской операции под Верденом 11 февраля в русской Ставке состоялось совещание, на котором был выработан план операции Северного и Западного фронтов в районе Двинск – озеро Нарочь – озеро Вишневское. Намечалось проведение двух наступательных операций, объединенных общей целью – отсечь виленскую группировку немцев от Ковно и от переправ через Неман. На Северном фронте наступление должно было развиваться от Якобштадта на Поневеж, а на Западном – от Сморгони на Вильно. Но район наступления (лесисто-болотистая и озерная местность), а также ограниченные силы русских, выделяемые для удара, не предполагали достижения какого-либо крупного оперативного результата. Важнейшей задачей была помощь французам.

Соответственно, русская ударная группировка (2-я армия и часть сил 5-й армии) включала в свой состав вместе с резервами и 14-м армейским корпусом 1-й армии 12 корпусов. Общая численность ударной группировки – до 460 тыс. человек (375 тыс. во 2-й армии, наносящей главный удар). Противостояли русским войскам дивизии 10-й германской армии, армейской группы Ф. фон Шольца и 8-й армии, занимавшие глубоко эшелонированные и устоявшиеся позиции. Одна лишь 10-я армия насчитывала 175 тыс. солдат и офицеров.

Западный фронт, наносивший главный удар, атаковал тремя группами: 1) генерала от кавалерии М. М. Плешкова (1-й и 27-й армейские корпуса, 1-й сибирский армейский корпус, 7-й кавалерийский корпус); 2) генерала от инфантерии Л.-О. О. Сирелиуса (4-й сибирский и 34-й армейские корпуса); 3) генерала от инфантерии П. С. Балугина (35, 5, 36-й армейские, 3-й сибирский армейский корпуса, Уральская казачья дивизия).

Тяжелые позиционные бои характеризовались тем, что значимый успех был достигнут лишь в левофланговой группе П. С. Балугина, но это успех локальный (захвачены Поставы). Удары Северного фронта силами 13, 38 и 37-го армейских корпусов, а также 14-го армейского корпуса 1-й армии успеха не принесли.

Одной из причин неудачи было то, что неправильная группировка артиллерии привела к тому, что для подготовки атаки на главном направлении было использовано меньше половины всей тяжелой артиллерии, а 76-мм пушки не могли восполнить этот пробел вследствие слабой эффективности их огня при стрельбе по окопам. Это привело к сохранению проволочных заграждений немцев и, соответственно, к высоким потерям русской пехоты. Пристрелка, осуществлявшаяся три дня, выдала противнику направление главного удара.

Артиллерии не удалось уничтожить пулеметные точки, не подавила она и огня германской артиллерии, так как в течение всей операции последняя не была обнаружена из-за отсутствия хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки. В результате атакующая русская пехота не могла удержаться в захватываемых ею окопах, попадая под фланговый огонь пулеметов и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной вокруг атакуемого участка. Русская артиллерия благодаря умелому расположению на закрытых позициях не была обнаружена германскими батареями и не понесла значительных потерь. Но потери русской пехоты были значительны.

Следует отметить, что особых тактических успехов по замыслу операции невозможно было и ожидать. Вместе с тем успехи на участке групп М. М. Плешкова (прорваны позиции 21-го германского корпуса) и П. С. Балугина (прорыв и захват Постав) не были развиты в силу неудовлетворительного маневрирования резервами, что частично объясняется наступившей распутицей. Вместе с тем германское командование, отмечая большое упорство русских в бою, говорит о критическом положении немцев в нарочских боях.

Оперативно бои у Двинска и Нарочи были безрезультатны, но закладывавшийся в них изначально результат тем не менее был достигнут.

В частности, в течение недели (с 22 по 30 марта по новому стилю) нарочского наступления прекратились немецкие атаки на Верден. Германские армии в полосе русских Западного и Северного фронтов не смогли выделить на Французский фронт в этот период (важнейший этап Верденской операции) ни одного соединения.

О том, что операция явно проводилась русскими в интересах союзников, говорят и немецкие исследователи: «Русские пытаются сделать прорыв у Нарочского озера и у Постав при помощи массовых атак, но безуспешно. Цель – оказание поддержки французскому Верденскому фронту и изгнание немцев с русской территории».^[217]

Соответственно, в плане помощи союзникам задача операции была полностью выполнена. Русские войска Северного и Западного фронтов сковали значительную часть группировки германских войск (свыше 500 тыс. человек), вынудив германское командование хотя и временно, но перейти под Верденом к обороне.

Мозер отмечал: «Антанта настояла на том, чтобы русские своим наступлением не дали возможности германцам делать переброски на запад, к Вердену. 18-го марта (по новому стилю. – А. О.), т. е. в неблагоприятное время года, началось неожиданное наступление русских у Нарочского озера и у Постав, распространившееся впоследствии до Риги и длившееся вплоть до начала апреля месяца... Оно велось русским командованием крайне энергично... Русские войска шли в бой с фанатическим самоотвержением... Хотя наступление русских и было отбито благодаря достойной удивления храбрости немецких войск, но самый факт русского наступления указал на следующие два явления. Во-первых, что не было достигнуто серьезного, а тем более длительного ослабления русской наступательной силы и воли; во-вторых, что немецкий Восточный фронт действительно нуждался в той полумиллионной армии, которая была расположена между Ригой – Пинском».^[218]

Возникшая тогда тревога по поводу сохранения позиций в период русского наступления отразилась на страницах работ представителей германского генералитета.

Э. Людендорф писал, что «с 18 по 31 марта (здесь и далее в цитате по новому стилю. – А. О.) положение 10 армии было критическим... 21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным, западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена... Положение армейской группы Шольца и 8-й армии было не менее тяжелым».^[219]

Э. Фалькенгайн отмечал: «Для усиления атакованного фронта понадобилась... одна... дивизия из общего резерва, которая была подвезена из Барановичей, южнее Немана... Не было никакого сомнения, что атаки со стороны русских были предприняты... под нажимом их западных союзников и для их поддержки».^[220]

М. Гофман так оценивал русское наступление: «Участок для наступления был хорошо выбран: главный удар последовал, с одной стороны, между озерами Вишнево и Нарочь, с другой стороны, у Постав. Двойной напор должен был охватить и опрокинуть 21-й германский корпус и таким путем осуществить широкий прорыв на Вильно – Ковно. Подсобные атаки имели место южнее Двинска, под Видзами, под самим Двинском и у Якобштадта. Атака открыта была 15 марта ураганным огнем невиданной на нашем фронте силы. С 18 по 21 марта и затем еще раз 26-го длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело и настойчиво, несмотря на тяжелые потери».^[221]

Следствием сражения было то, что готовностью России к новым широкомасштабным активным боевым операциям «союзники России поражены почти так же, как и общий враг».^[222]

Непреходящее значение операции для Русского фронта заключалось в том, что сосредоточение резервов противника в полосе русской активности способствовало успеху летней операции Юго-Западного фронта – основные германские резервы Восточного фронта с марта по июнь были сосредоточены как раз севернее линии припятских болот, то есть против войск Северного и Западного фронтов. Так, уже во время нарочских боев только германские силы, противостоявшие 2-й армии, возросли на 30 тыс. штыков и 230 орудий.^[223]

Немаловажным обстоятельством для последующих боевых действий было то, что приобретенный немалой кровью боевой опыт не пропал даром. Исследователь операции отмечал: «Нужен был такой удар, какой русская армия получила у озера Нарочь, чтобы стряхнуть с себя беспечность и неповоротливость в руководстве войсками и к новой

Брусиловской операции прорыва под Луцком подготовиться более осмотрительно, осторожно, а главное, вдумчиво, используя опыт предыдущих наступательных операций. И результат, как мы знаем, получился совершенно иной. Укрепленный фронт противника был прорван, и на долю войск Юго-Западного фронта выпал большой и вполне заслуженный успех».^[224]

Крайне отрицательными результатами операции следует признать большие потери при небольших видимых результатах, что вело к снижению боевого духа войск Северного и Западного фронтов. Э. Людендорф отмечал: «К концу марта русские силы истощились. Как тогда без преувеличения говорили, они утонули в “болоте и крови”».^[225]

Важнейшим фактором стало падение боевого духа у командования этих фронтов, что негативно сказалось в период Брусиловского наступления. Кроме того, ради помощи союзникам русские пожертвовали собственными интересами – пришлось тратить ресурсы и ставить под вопрос участие войск пострадавших фронтов в готовящемся большом летнем наступлении.

Нарочская операция Северного и Западного фронтов, особенно не выделяясь ни в лучшую, ни в худшую сторону среди аналогичных событий позиционной войны, решила поставленные перед ней ограниченные задачи: «Более решительные и искусные действия русского командования, несомненно, привели бы не только к успешному концу данную операцию, но, может быть, к последующему общему разгрому всего немецкого Восточного фронта».^[226]

Помощь потрясенным под Верденом французам в самый тяжелый для них период – именно в этом состоит непреходящее значение Нарочской операции. Кроме того, без этой тактической неудачи не было бы блестящего Брусиловского наступления.

§ 2. Спасение Италии и помощь союзникам на Сомме – тяжелое поражение австро-венгерской армии в ходе наступления Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв) 22 мая – 16 июля (Августовская операция 1916 г.)

Наступление русских армий на Юго-Западном фронте глубоко потрясло австрийские войска в Галиции и Буковине, вызвав тревогу у командования центральных держав. Полный разгром 4-й и 7-й австрийских армий заставил австро-германское командование приостановить наступление в Трентино и облегчил обстановку для англо-французам под Верденом.^[227]

Генерал Брусилов перегруппировал свои силы... и... скрытно подготовил мощное наступление... на Волыни и в Буковине прорвал фронт более чем в 50 км и бросил в этот прорыв свои армии. Свободные германские резервы на востоке пытались ограничить размер поражения, но они были слишком слабыми, чтобы достигнуть успеха. В этот критический час германское главное командование, ожидавшее скорого наступления англичан, вынуждено было перебросить на Восточный фронт новые подкрепления.^[228]

Согласно директиве Ставки, нанесение главного удара в ходе кампании 1916 г. на Русском фронте возлагалось на армии Западного фронта (командующий генерал от инфантерии А. Е. Эверт) в направлении Вильно, а Северный и Юго-Западный фронты должны были оказывать лишь содействие – наступать с целью оттянуть на себя резервы противника. Тяжелая артиллерия и часть войск резерва передавались Западному фронту.

Наступление должно было осуществляться в соответствии с общесоюзническими планами на 1916 г., но его сроки еще и были сдвинуты в связи с необходимостью оказания срочной военной помощи одному из государств блока – Италии. Б. Лиддел-Гарт отмечал: «Русское командование подготовило... крупное наступление... Но раньше, чем к нему подготовились, тяжелое положение союзников еще раз заставило Россию очертя голову ринуться в бой. В то время как напряжение под Верденом с каждой минутой становилось все серьезнее, австрийцы воспользовались представившейся возможностью, чтобы развить в Трентино удар против итальянцев. Италия обратилась за помощью к своему союзнику – России».^[229]

Настойчивые просьбы итальянского короля и главнокомандующего итальянской армией генерала Л. Кадорна, энергично поддержанные генералом Ж. Жоффром, заставили русское командование ускорить переход в наступление.

Первым наступать должен был Юго-Западный фронт. Возглавлявший его А. А. Брусилов дал в руки командармов инициативу – возможность принять самостоятельное решение о

направлении удара их войск. В результате прорыв должен был осуществляться в четырех различных направлениях, что тем не менее отвечало задачам, поставленным перед фронтом, – демонстрировать активные действия в помощь Западному фронту.

Более того, кажущееся распыление сил и явилось новым словом в теории и практике военного искусства. Поскольку прорыв вражеских позиций предусматривался на нескольких направлениях сразу, это позволяло рассредоточить внимание, силы и средства противника и лишить его возможности маневрировать резервами.

На первом этапе наступления брусиловские армии наносили четыре основных удара и семь вспомогательных. 8-я армия (генерал от кавалерии А. М. Каледин) наносила основной удар на Луцк. Южнее 11-я армия (генерал от кавалерии В. В. Сахаров) наступала на Золочев, 7-я (генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев) – на Станиславов, 9-я (генерал от инфантерии П. А. Лечицкий) – на Коломыю. В зависимости от важности задач численность армий и приданных им средств была неодинакова. Примерно треть всех сил фронта сосредоточилась в правофланговой 8-й армии. Второй по значению и силам была 9-я на левом фланге. А 11-я и 7-я в центре были небольшими, от них требовалось главным образом сковать врага. Мощность и длительность артподготовки тоже рассчитывалась индивидуально.

Войскам фронта предстояло прорвать мощные оборонительные позиции противника, состоявшие из двух—четырех укрепленных полос, расположенных одна за другой на расстоянии 5–10 км, каждая в две-три линии окопов полного профиля с многочисленными узлами сопротивления (блиндажи, убежища, лисьи норы, пулеметные гнезда, бойницы, козырьки). По огневой мощи неприятель значительно превосходил русские войска, которые ощущали большой недостаток в тяжелой артиллерии.

Австро-венгерские войска располагали 448 тыс. штыков, 27 тыс. сабель, 1,3 тыс. легких артиллерийских орудий и 545 тяжелыми артиллерийскими орудиями. Когда германский кайзер посетил участок Южной армии, он пришел в восторг и объявил, что таких позиций не видел даже на Западе. Австрийцы были настолько уверены в неприступности своих рубежей, что устроили в Вене выставку, где демонстрировались макеты и снимки оборонительных сооружений как высшие достижения фортификации.

Позиции противника были хорошо изучены русской войсковой агентурой, армейской и авиационной разведкой. Когда каждой армии был намечен участок для удара, туда скрытно подтягивались войска, заранее натренированные во втором эшелоне в преодолении препятствий, были построены учебные городки для подготовки войск, созданы точные макеты позиций противника. Артиллерийские офицеры с пехотными знаками различия отрабатывали взаимодействие с пехотой на передовой.

Были созданы специальные штурмовые плацдармы, укрытия для резервов. Хорошо замаскированная артиллерия заранее пристреляла цели. Каждое орудие было пристреляно отдельно, для чего участок каждой батареи был разделен на орудийные участки. Высчитывалось количество боеприпасов как для разрушения проволочных заграждений, так и для создания огневого вала. Батареям на время подготовки атаки был дан точный сектор обстрела, при этом стремились фланкировать атакуемые участки. Сооружались ложные батареи. Все цели были пронумерованы, составлены перспективные чертежи неприятельского расположения. Копии этих чертежей выдавались командирам батальонов и рот. Особо серьезное внимание было обращено на установление связи между пехотой и артиллерией – как между общевойсковыми начальниками, так и артиллерийскими. В большинстве случаев было проложено по два провода.^[230]

В состав Юго-Западного фронта (450 км от Стыри до Прута) входило 573 тыс. штыков, 60 тыс. сабель, 1770 легких и 168 тяжелых орудий (из них 596 полевых и 74 тяжелых в 8-й армии на направлении главного удара^[231]). Юго-Западный фронт, занимая 35 % общего протяжения Русского фронта, имел в своем составе 27 % общего числа пехотных, 32 % кавалерийских дивизий и около 29 % общего числа орудий.^[232]

В любом случае перевес 1:3 в пользу атакующего, как требовала военная теория, не соблюдался. В артиллерии (особенно тяжелой) перевеса у русских не было. Все надежды были на тщательную подготовку операции и новую методику прорыва.

22 мая около 5 часов утра орудия Юго-Западного фронта открыли общий огонь по проволочным заграждениям и окопам противника, ознаменовав начало знаменитого

Брусиловского прорыва. Огонь велся с перерывами (для того чтобы возвращающаяся в окопы вражеская пехота гибла при следующем артобстреле), атакующую пехоту сопровождал огневой вал. Первые линии обороны были разрушены, пехота и гренадеры устремились вперед.

Первой двинулась вперед 9-я армия (на одном из участков даже была осуществлена газовая атака) в Буковине. 8-я армия перешла в наступление 24 мая. Тут наметился главный успех. Корпуса ее ударной группировки к исходу первого дня прорвали первую полосу обороны, проломив в неприятельском фронте у Луцка брешь в 50 км шириной, а в течение двух последующих дней преследовали врага, поспешно отходившего на Луцк. 25 мая этот город был взят.

Достаточно успешно проходило наступление и на других направлениях. На левом крыле фронта части и соединения 7-й армии в этот же день, прорвав оборону противника, заняли Язловец.

За первые три дня боев армии Юго-Западного фронта продвинулись в глубину на 25–35 км (результат, к тому времени недостижимый для наших союзников по Антанте), захватив большое количество пленных и военного имущества. Уже к 27 мая были пленены 1240 офицеров, свыше 71 тыс. нижних чинов, захвачены 94 орудия, 179 пулеметов, 53 бомбомета и миномета и громадное количество другого военного имущества.

Но в распоряжении А. А. Брусилова не было достаточного количества войск, чтобы использовать неожиданно крупный успех в стратегическом отношении. Кроме того, генерал считал важнейшим Ковельское направление, в связи с чем затормозил наступление у Луцка. 26 мая он предписал А. М. Каледину придержать корпуса на Луцком направлении и подрывать по ним армию. В связи с успешным началом наступления Ставка все же решила выделить свежие корпуса из своего резерва. Поэтому А. А. Брусилов отдал директиву о наращивании силы удара. Главная роль, как и прежде, отводилась 8-й армии. Теперь ей ставилась задача наступать на Ковель. Южнее 11-я армия продвигалась на Золочев, 7-я – на Станиславов, 9-я – на Коломыю.

В боях 22–31 мая 9-я армия нанесла поражение 7-й австро-венгерской армии, отбросив ее за р. Прут и в Заднепровье.

В полосе 11-й армии В. В. Сахарова левый фланг (6-й армейский корпус) 22 мая вел бои с частями Южной германской армии Ф. Ботмера.

7-я армия генерала Д. Г. Щербачева столкнулась 24 мая с главными силами Южной германской армии. Блестящий прорыв 2-го армейского корпуса генерала В. Е. Флуга позиций у Язловца решил исход сражения. Контрудар Ф. фон Ботмера с использованием вновь подошедших германских частей 4 июня приостановил движение 7-й армии.

А. А. Брусилов решил провести перегруппировку на Волыни с целью нанести удар 3-й и 8-й армиями на Ковель, в связи с чем приказал приостановить все операции по фронту (за исключением 9-й армии, наступавшей на Станиславов – Галич).

Наступление на Ковель, по мысли А. А. Брусилова, отвечало не столько интересам фронта, сколько стратегическим целям всей кампании 1916 г. Оно должно было способствовать объединению усилий Юго-Западного (8-я армия) и Западного (3-я армия) фронтов и привести к разгрому значительных сил противника на этом стратегически важном участке. Ведь главной задачей войск А. А. Брусилова было прежде всего содействие главному удару Западного фронта. Но этому замыслу не суждено было сбыться по вине главнокомандующего армиями Западного фронта А. Е. Эверта. Он при бездействии Ставки не только не начал в указанный ему срок (28–29 мая) наступления, но и откладывал его четыре раза (до 20 июня), после чего вместо главного удара на Виленском направлении произвел второстепенный удар на Барановичи.

Пользуясь этим, германское командование подтянуло в полосу Брусиловского наступления до 20 дивизий из Франции и Македонии, а также с других участков Восточного фронта. Противник желал создать в районе Ковеля ударную группу и вырвать инициативу из рук русских. Австрийцы, в свою очередь, приступили к переброске войск, отправленных на Итальянский фронт для участия в операции в Трентино.

Сосредоточив восемь германских дивизий в ударный кулак, 2 июня А. фон Линзинген перешел в контратаку (сражение у Киселина) против 8-й армии. Группа фон дер Марвица усилила австро-венгерские части перед фронтом 8-й армии.

С 3 июня войска русских 8-й и 11-й армий отражали контрудар противника. А. фон Линзинген стремился концентрическим наступлением вырвать инициативу действий у русского

командования и попытаться разгромить ковельскую группировку русских. Но на успешное разрешение поставленной цели можно было рассчитывать только при условии полной пассивности русских войск и командования. Австрийцы и германцы вынуждены были ограничиться незначительным территориальным захватом, а не остановкой русского наступления или тем более разгромом русских войск. «Контратака преимущественно германских войск во второй половине июня – начале июля (по новому стилю. – *А. О.*) имела лишь местный успех»,^[233] – отмечал Э. Людендорф. К 10 июня удар германцев был отбит.

К 10 июня Юго-Западный фронт, продвинувшись на 60 км, взял свыше 4 тыс. офицеров и около 200 тыс. солдат, 219 орудий, 196 минометов, 644 пулемета, около 150 тыс. винтовок.

9-я армия к десятым числам июня успешно форсировала р. Прут, овладела столицей Северной Буковины – Черновицами, продолжив преследование противника. 6 июня ее корпуса вышли к р. Серет.

Наступление 8-й армии до 2 июня шло как бы по двум операционным направлениям: на Львов, действия против которого 11-й и 7-й армий не приводили к успеху, и на Ковель с целью установления взаимодействия с Западным фронтом, наступление которого откладывалось.

11 июня в состав Юго-Западного фронта была передана 3-я армия генерала Л. В. Леша, и командующий фронтом поставил задачу 3-й и 8-й армиям разбить противостоящего противника и овладеть районом Городок – Маневичи; двум левофланговым армиям (7-й и 9-й) – продолжать наступление на Галич и Станиславов, а центральной 11-й армии – удерживать занимаемое положение.

В середине июня фронт получил дополнительные подкрепления, и войска Л. В. Леша и А. М. Каледина во исполнение данной задачи производили необходимые перегруппировки своих сил.

Германцы также осуществили перегруппировку. Контрудары германцев против 8-й и 9-й русских армий осуществлялись 17–20 июня. С 17 по 21 июня германский 10-й корпус безрезультатно атаковал 44 раза. На левом фланге был отбит 22-й германский корпус Э. Фалькенгайна, причем большая его часть фланговым ударом 5-го армейского корпуса русских была уничтожена. И хотя в результате русское наступление было приостановлено, в боях 22–26 июня 8-я и 3-я армии нанесли ряд поражений германским войскам.

22 июня началось второе решительное наступление Юго-Западного фронта. Наибольший успех, как и раньше, наметился на правом крыле. В результате трехдневных боев войска 3-й и 8-й армий прорвали оборону противника и нанесли ему поражение. Австрийцы и германцы были вынуждены отступать. Чтобы предотвратить потерю рубежа р. Стоход, Верховное германское командование срочно сняло 121-ю пехотную дивизию из-под Вердена и 175-ю пехотную бригаду с севера Русского фронта, направив эти части на Ковельское направление.^[234]

24 июня командующий фронтом потребовал от 3-й и 8-й армий овладеть Ковелем. Возобновление наступления сильно осложнило положение противника. Австро-германское командование находилось в большой тревоге: «Русская атака в излучине Стыри, восточнее Луцка, имела полный успех. Австро-венгерские войска были прорваны в нескольких местах, германские части, которые шли на помощь, также оказались в тяжелом положении, и 7 июля (по новому стилю. – *А. О.*) генерал фон Линзинген был принужден отвести свое левое крыло за Стоход. Туда же пришлось отвести с участка южнее Припяти правое крыло армии генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, где была расположена часть армейской группы Гронау. Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте. Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало», – писал Э. Людендорф.^[235]

Однако попытка форсировать р. Стоход на плечах отступавшего неприятеля успеха не принесла. Противник разрушил переправы и контратаками мешал русским частям переправиться на западный берег реки. Преодоление этой водной преграды требовало подготовки атаки сильным артиллерийским огнем и сосредоточения резервов. Тем не менее, как отмечал Э. Людендорф, «во многих местах положение было критическим».^[236] М. Гофман также признавал, что «создалось серьезное положение для всего восточного фронта».^[237]

Третий этап Брусиловского наступления начался после директивы Ставки от 26 июня, изменившей задачи фронтам. Теперь нанесение главного удара вменялось в обязанность Юго-Западному фронту и указывалось его новое направление – Ковельское с перспективой наступления далее на Брест – Пружаны.

Для этого в распоряжение А. А. Брусилова был передан стратегический резерв – гвардейский отряд и 4-й сибирский армейский корпус, а с Северного фронта – 3-й армейский корпус. Из этих войск он выдвинул группу генерала В. М. Безобразова (Особая армия) между 3-й и 8-й армиями.

Остальные армии фронта начали наступление 15 июля. На 8-ю армию дополнительно возлагалось овладение Владимиром-Волынским, на 11-ю – наступление на Броды и Львов, на 7-ю и 9-ю – овладение общим рубежом Галич – Stanisлавов. В бою под Свинюхами 14 июля были захвачены в плен 9 тыс. германцев и 46 орудий.^[238] Ввиду полного разгрома 4-й австро-венгерской армии 8-й русской под Кошевом импровизированные германские отряды с ближайших участков фронта использовались для латания дыр в целях недопущения полной катастрофы.

9-я русская армия в боях 15 июля на Stanisлавовском направлении нанесла поражение группе Кревеля (105-я и 119-я германские дивизии), захватив при этом около 8 тыс. пленных (в том числе 3,5 тыс. немцев) и 33 орудия. Немцы парировали удар Карпатским корпусом (199-я и 200-я егерские дивизии).

Но на главном направлении успехи были незначительны. Хотя русские войска сбили противника в районах Селец и Трыстенъ, захватив там свыше 8 тыс. пленных и 40 орудий, дойти до Ковеля они не смогли. Противник сосредоточил на их пути крупные резервы и оказывал ожесточенное сопротивление. 15 июля русскими были взяты Броды.

На 23 июля было назначено новое наступление 11, 7, 9-й армий, а на 25 июля – 2-й удар на Ковель. 7, 9 и 11-я армии имели общий успех, однако из-за того, что все резервы были брошены на Ковельское направление, достигнутого результата развить не удалось. Вместе с тем 9-я армия 25 июля в Stanisлавовском сражении нанесла противнику очередное поражение. 7-я армия 31 июля ударом по Южной армии Ф. фон Ботмера начала победное сражение под Збаражем.

На Ковельском же направлении ситуация сложилась неудачно, и 30 июля действовавшие там 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту.

С 22 мая по 30 июля войсками Юго-Западного фронта было взято 8255 офицеров, 370 тыс. солдат, 496 орудий, 1444 пулемета, 367 бомбометов и минометов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество других трофеев.

Новое наступление было назначено на 16 августа: 8-я армия должна была наступать на Владимир-Волынский, 11-я – на Бржезаны, 7-я – оказывать поддержку соседям, 9-я – наступать по расходящимся направлениям на Галич и Мармарош – Сигет. После перегруппировки, приведшей к задержке, армии фронта 18 августа перешли в наступление.

В целом августовская операция при больших потерях не принесла ожидаемых результатов. Тем не менее 18 августа 9-я армия, сбив Карпатский корпус немцев, преодолела лесистые Карпаты, 7-я армия нанесла поражение Южной германской армии на реках Золотая и Гнилая Липа. С переменным успехом бои велись на р. Стоход. М. Гофман писал в своем дневнике о боях на Стоходе 21 августа (стиль новый): «У Стохода идут тяжелые бои в одном месте. В течение двух дней я был несколько озабочен... Мы только и делаем, что стараемся наскребать какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час».^[239] Некоторый успех русские войска имели в центре и на левом фланге фронта, где освободили города Броды, Галич, Stanisлавов. Августовская операция, как и июльские бои, – время наиболее тяжелых потерь русских войск.

К началу осени 1916 г. австро-венгерские войска оставили всю Буковину. 1 сентября А. А. Брусилов предписал армиям фронта вновь перейти в наступление, которое началось 3 сентября. Наступление закончилось безрезультатно и принесло большие потери. После многочисленных неудач на Ковельском направлении Ставка рекомендовала А. А. Брусилову перенести главный удар на фронт 7-й и 9-й армий, где наметился успех, однако он принял решение вновь наступать на Ковель, не считаясь ни с потерями, ни со складывавшейся стратегической обстановкой.

Главный удар был поручен Особой армии, которая была усилена за счет 8-й армии и резервов фронта. Наступление было назначено на 17 сентября, но германские войска нанесли упреждающий удар; Особая и 8-я армии смогли перейти в наступление лишь 19 сентября. К 22 сентября наступление захлебнулось. Гвардейцы так и не смогли простить А. А. Брусилову «ковельскую бойню» войск гвардии. Так, М. Гофман в своем дневнике за 3 октября (стиль новый) поместил запись: «Русские вчера бешено наступали. Первый русский гвардейский корпус был 17 раз отбит, и все в порядке».^[240]

Август и сентябрь были характерны постепенно затухающей активностью русских войск на северном и южном фасах русского наступления. Ковельские бои не принесли успехов, зато 7-я армия опрокинула Южную германскую и форсировала Гнилую Липу. К середине сентября фронт стабилизировался по линии р. Стоход, Киселин, Золочев, Галич, Станиславов, Делятин, Ворохта. Хотя Ставка и перенесла в полосу Юго-Западного фронта главный удар, однако момент уже был утерян – и фронт ввязался в затяжные кровопролитные бои.

Стратегическое и политическое значение наступления Юго-Западного фронта 1916 г. было огромно.

Задачей Юго-Западного фронта было осуществлять демонстрационные, вспомогательные действия по отношению к Западному фронту, наносящему главный удар (но подрастерявшему материальные и моральные предпосылки для осуществления этой функции в результате Нарочской операции). Также одной из задач, стоявших перед войсками Юго-Западного фронта, было облегчение положения Италии. Смещение сроков русского наступления оказалось неожиданным для австрийцев и германцев: «4 июня (по новому стилю. – А. О.) на австрийском фронте в Галиции как гром из ясного неба разразилась беда».^[241] «Под русским ударом рухнул весь австрийский фронт. Наступил самый тяжелый кризис, который когда-либо испытывал Восточный фронт».^[242]

Результаты операции намного превосходили ставившиеся перед ней цель и задачи. Наступление Юго-Западного фронта 1916 г. привело к крупному поражению австро-венгерских и германских войск в Галиции и Буковине. Эта наступательная операция – не только одна из самых блестящих страниц Первой мировой войны, но и русской военной истории в целом, что признавал и противник.

В стратегическом плане операция знаменовала окончательный переход стратегической инициативы к странам Антанты, на стороне блока выступила Румыния. Австрийцы были вынуждены свернуть наступление в Трентино, германцы ослабили активность под Верденом. О. фон Мозер констатировал: «Брусиловское наступление определило тот крайний момент, когда нужно было приостановить наступление на Верден, ставшее бесцельным».^[243] Немцам также пришлось отказаться от намерения произвести контрудар по британцам, готовившим наступление на Сомме.

Кампания 1916 г. заканчивалась в пользу союзников по Антанте. В. И. Гурко писал: «Это было время, когда репутация русской армии... небывало высоко поднялась в глазах наших союзников, и в первую очередь – итальянцев».^[244] Брусиловский прорыв и последующее наступление войск Юго-Западного фронта ознаменовали коренной перелом в Первой мировой войне в пользу стран антигерманского блока.

Британский военный теоретик Б. Лиддел-Гарт называл наступление А. А. Брусилова «последним действительно крупным военным достижением России».^[245] Он же отмечал: «Никогда, со времени падения от звуков труб стен Иерихона, простая демонстрация не приводила к такому потрясающему успеху».^[246]

У. Черчилль отмечал: «Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии».^[247]

Ярчайшей иллюстрацией кризиса в стане противника явились тенденции в сфере его Верховного командования: произошла смена германского начальника полевого генерального штаба (Э. Фалькенгайн оставил пост), австрийский фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф был смещен в феврале 1917 г. Германские авторы в один голос твердят о тяжелейшем кризисе на Востоке.

Так, генерал пехоты П. Гинденбург писал: «На востоке русское наступление дошло до самого гребня юго-восточных Карпат, этой последней защиты Венгерской страны. Вряд ли можно было с имеющимися в нашем распоряжении силами удержать в наших руках этот важный пункт. И в местности перед северо-западной частью Карпат положение было очень напряженное».^[248]

В силу ряда обстоятельств операция не привела к окончательному разгрому германо-австрийского Восточного фронта. «Австро-германским армиям на юге, оба фланга которых были разгромлены, угрожал еще более страшный Танненберг. Для этого надо было только, чтобы русские развили свой успех. Но все резервы были скучены на севере для предполагавшегося основного наступления, и хотя от этого быстро отказались, бедная сеть рокадных дорог в тылу помешала подбросить эти резервы Брусилову раньше, чем германцам

удалось спешно подвезти подкрепления, чтобы остановить прилив. Германское командование проявило свое умение быстро ориентироваться, используя первые попавшиеся под руку резервы».^[249]

Тем не менее Брусиловский прорыв стал самым выдающимся военным событием года. Он превосходил другие операции союзников и по масштабу захваченной территории, и по количеству уничтоженных и взятых в плен солдат противника, и по числу вовлеченных вражеских частей. Но в условиях затишья на Северном и Западном русских фронтах, а главное, когда союзники по Антанте не поддержали русского наступления, решительного стратегического результата достичь не удалось.

Одним из важнейших результатов наступления стал кризис резервов Германии. Состояние германских резервов (а они были на такой же низкой точке лишь в ноябре 1918 г.) иллюстрирует следующее авторитетное высказывание: «Если бросить беглый взгляд на то, чем располагала германская армия во Франции в этот период, отдаешь отчет той опасности, которой подвергался наш враг в середине сентября, когда наши усилия на Сомме представляли наибольшее могущество... 1 июля (по новому стилю. – *А. О.*) с началом Соммского сражения он имел 16 дивизий в резерве (из которых 8 были отдохнувшими), к 1 августа он располагал только 10 совершенно изнуренными очень тяжелым боем; 17 сентября в резерве были только 3 или 4 дивизии. К несчастью, это было тогда, когда наши операции начали замедляться... Поэтому 12 октября мы находили неприятельский резерв, равный 12 дивизиям. Кризис уже миновал».^[250]

На кризис резервов Германии в период битвы на Сомме и Брусиловского наступления обратил внимание и Х. Риттер: «К жестоким ударам молота на Сомме присоединилось генеральное наступление русских на фронте от Румынии до Восточного моря. Германия, вся израненная, истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни... за отливом всех сколько-нибудь излишних отрядов и отрядиков в австрийскую армию, для первоначального германского фронта, на протяжении почти 1000 километров, в резерве оставалась одна-единственная кавалерийская бригада. Наконец, в роли спасителей появились даже турки».^[251]

А. П. Будберг писал: «Наиболее показательным фактом союзнической осторожности, принесшей несомненно огромный ущерб всему общесоюзному делу и надолго затянувшей войну, была непоколебимо выдержанная аккуратность союзного главнокомандования по отношению к началу наступления на р. Сомме – 30 июня 1916 года. Можно непреклонно и уверенно утверждать, что, если бы в начале июня 1916 года союзники поступили так же альтруистически, как мы, только что не остановившиеся перед тем, чтобы нарушить все планы и расчеты и бросить на спасение Италии еще неготовые для наступления Брусиловские армии, то тогда немцы, неотвратимо связанные на западе союзным наступлением, едва ли были в состоянии перебросить против нас все те восемнадцать дивизий, которые были сняты ими в первой половине июня с западного фронта и быстрое прибытие которых в Галицию несомненно спасло Австро-Венгрию от полного, решительного и уже окончательного разгрома и уничтожения всех ее вооруженных сил. Казалось бы, что в те исторические дни, когда грозная и неожиданная для неприятеля лавина Брусиловского наступления крошила австрийские армии и этим открывала и “укатывала” верный путь к скорой и окончательной общесоюзной победе, наши союзники были обязаны отбросить в сторону всякие предварительные расчеты, поступиться всякими планами и одновременно с нами всеми силами на всех фронтах ринуться на общего врага и лишить его всякой возможности перебрасывать свои резервы и пользоваться преимуществом внутренних операционных линий. Этого сделано не было. Неприятелю было подарено три драгоценнейшие недели, в течение которых он смог исправить и закрепить свое положение в Галиции ранее, чем союзники начали свое наступление на Сомме».^[252]

Таким образом, при условии согласования усилий союзников в нанесении скоординированных ударов был реальный шанс добиться победы над германским блоком уже к концу 1916 г.

При всех просчетах и упущенных возможностях Брусиловское наступление стало одной из самых замечательных побед войны как по территориальным (захвачена территория в 25 тыс. кв. верст – ни одна из операций союзников того времени не приводила к подобным результатам), так и по материальным и моральным результатам (был вызван огромный подъем патриотических

чувств в русской армии и народе после неудач 1915 г.). Благодаря этому продвижению и захвату части Румынии Россия оттянула на себя огромные силы неприятеля.

Брусилловское наступление было решающим фактором захвата стратегической инициативы союзниками. Наступление показало всему миру, что русская армия не была разгромлена после неудач 1915 г. и могла наносить серьезные удары противнику.

Так же как и Восточно-Прусская операция 1914 г., наступление Юго-Западного фронта 1916 г. явилось крупнейшим вкладом России в поддержание морального духа западных союзников в период беспросветной верденской бойни. Русский военный агент во Франции полковник граф А. А. Игнатьев свидетельствовал, что «именно та армия, которая больше других нуждалась в материальной поддержке, моральные силы которой должны были быть глубоко потрясены тяжелым отступлением 1915 года, она-то первая и перейдет в наступление и еще раз поддержит славу своих старых знамен... Летняя кампания 1916 года на русском фронте не только заставит немцев окончательно отказаться от Вердена, но и вынудит их к переброске своих дивизий на поддержку деморализованных австрийских армий, а это в свою очередь облегчит французам прорыв германского фронта на Сомме... Вот какое влияние на ход мировой войны имел тот переход в наступление войск нашего Юго-Западного фронта, о котором... следовали одна за другой, до самой осени, радостные вести с родины, поддерживая дух французского народа, уже истомленного длительной войной».^[253]

Итак, наступление Юго-Западного фронта стало поворотным моментом в захвате Антантой стратегической инициативы, тяжким ударом для германской и катастрофой для австрийской армии, операцией, спасшей одних союзников (Италия) и приведшей в антигерманский блок других (Румыния). Причем тем замечательнее роль России в захвате Антантой стратегической инициативы, что постоянные просьбы союзников о помощи (Франция, Италия) если не разрушили совсем, то во всяком случае значительно трансформировали цельный русский план кампании 1916 г. Северный и Западный фронты были потрепаны еще до начала главной наступательной операции, Юго-Западный фронт получил для подготовки гораздо меньше и времени, и резервов, чем было необходимо.

Мы считаем, что в стратегическом плане данную операцию вполне можно считать сражением, решительно переломившим ход мировой войны, а при синхронном наступлении союзников на Сомме германский блок ждало поражение к концу 1916 г. – началу 1917 г.

§ 3. Репетиция решительного наступления Антанты (Митавская операция Северного фронта 23–29 декабря)

Мы предполагали, что русским зимою 1916–1917 гг., так же, как и в прошлые годы, удастся восстановить свои потери и сделать свою армию способной к наступлению.^[254]

Силами 12-й армии Северного фронта была проведена локальная операция (по выравниванию фронта) в целях овладения участком германской позиции в районе оз. Баббит (правый берег р. Аа) и перерезания ж/д Олайской ветки (ответственна за боевое питание германской 10-й армии) и ж/д Митава – Крейцбург. В отдаленной перспективе не исключалась возможность овладения г. Митава.

Операция в случае успеха могла принять характер стратегической. С одной стороны, это была проба сил на трудном участке фронта, с другой – разведка боем в преддверии большого наступления Антанты 1917 г. Как писал исполнявший в то время обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал В. И. Гурко, «было решено, что в случае, если союзники начнут наступление во второй половине зимы, мы должны будем провести на каждом из фронтов заранее подготовленные боевые операции на сравнительно небольших участках позиций длиной от пятнадцати до двадцати километров, не имея намерений особенно глубоко проникать во вражеское расположение. Сущность этих операций заключалась в сковывании австро-германских войск, занимавших позиции на их Восточном фронте. К моменту, когда наши союзники начнут весеннее наступление, мы также должны быть готовы двинуться вперед, пустив в дело наибольшее возможное количество армейских корпусов и используя максимальное количество материальных ресурсов. Такие операции должны быть проведены на всех четырех фронтах».^[255]

В операции были задействованы 110-я пехотная, 3, 5 и 14-я сибирские стрелковые дивизии, 6-я особая, 1-я и 2-я латышские бригады.

Ряд частей не смогли прорвать фронт противника и с потерями отошли на исходные позиции. Но 1-я, 2-я латышские бригады, а также 56-й и 57-й сибирские стрелковые полки прорвали фронт германцев.

Одной из особенностей проведения операции была тяжелая местность в районе ее осуществления, усиленная германцами. Артиллерия не смогла разбить заграждения немцев, так как они состояли из поваленных цельных деревьев, опутанных проволокой. В итоге в первые дни наступления влияние артиллерии на бой сказалось, главным образом, лишь в привлечении внимания противника к тем участкам, по которым велась артиллерийская подготовка. Кроме того, «связь между передовыми наблюдателями и батареями постоянно прерывалась... На содействии артиллерии пехоте отрицательно сказалось также неудовлетворительное снабжение войск цветными ракетами».^[256]

Технические аспекты проведения операции определили и ее результат. В итоге мы видим победу русских войск, но победу локальную, что было обусловлено как тяжелыми условиями местности, так и недостаточностью выделенных для проведения операции сил и средств. Войска 43-го армейского, 6-го сибирского армейского корпусов, латышские бригады вели непрерывный бой в течение шести суток при крайне тяжелых климатических и тактических условиях: расположение под открытым небом, маневрирование по слабо замерзшим торфяным болотам, густым болотистым зарослям, нерегулярное снабжение пищей. Все эти моменты, несмотря на достигнутые в первые дни успехи, снижали наступательный порыв войск, чему способствовало и отсутствие зримого результата. В ходе январского контрудара 1917 г. немцы в основном вернули утраченные позиции.

Операция интересна технологией проведения. Техника прорыва в условиях позиционной борьбы все более и более упорядочивалась, были отработаны технические вопросы штурма эшелонированной труднодоступной позиции противника.

Следует отметить новаторство командующего 12-й армией Р. Д. Радко-Дмитриева. По сути дела им был применен новый способ преодоления позиционного фронта противника. Он заключался во внезапной атаке заранее разведанной неприятельской позиции. Этому сопутствовало сковывание неприятеля на других (пассивных) участках армии.

Операция имела огромное значение для совершенствования структуры русской армии. По итогам операции было признано целесообразным формировать особые части прорыва, незаменимые при прорыве укрепленных участков фронта.

Важнейшее значение Митавской операции в том, что она показала, что русская армия научилась осуществлять прорыв и на германских глубокоэшелонированных участках Русского фронта. Были отработаны тактические и технические аспекты наступления в период позиционной борьбы в преддверии общего наступления Антанты.

Операция, по сути, стала пристрелкой перед общим наступлением союзников (и прежде всего на Русском фронте) 1917 г., которое должно было принести Антанте победу в 1917 г.

§ 4. Помощь операциям англичан у Багдада и Суэца – разгром главных сил турецкой армии и итоги русско-турецкого противостояния

После поражения под Эрзерумом «Талаат-бей два раза пытался начать мирные переговоры с державами Четверного согласия».^[257]

В конце 1915 г., после поражения англо-французских войск в Галлиполийской операции, русские войска с целью упредить переброску резервов с Дарданелльского фронта на усиление 3-й турецкой армии начинают Эрзерумскую операцию (28.12.1915–03.02.1916).

К началу операции Кавказская армия имела в своем составе 126,5 батальонов, 372 орудия, 208 сотен, 20 инженерных рот, 52 дружины ополчения. Противостоявшая ей 3-я турецкая армия насчитывала 123 батальона, 122 орудия, 40 эскадронов и 8–10 тыс. курдов.^[258]

Русские имели до 75 тыс. штыков, турки до 60 тыс. штыков, но на сильно укрепленной позиции.

Наступление было неожиданным для турецкой армии (включая отвлекающий маневр и главный удар армейской группой в направлении на Кепри-кей) и проходило в трудных погодных условиях.

Обращает на себя внимание тщательная подготовка русских войск к операции. Были созданы метеостанции, подготовлены службы тыла. Каждый боец получил теплые портянки, валенки, короткий полушубок, не стеснявший движений, стеганые шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником, теплые варежки. Были заготовлены белые коленкоровые маскхалаты и чехлы на шапки, для предохранения глаз войска 1-го Кавказского армейского корпуса получили защитные очки-консервы; все бойцы пехоты и конницы (так как район операции был безлесным) несли по два полена дров для обогрева на ночлегах. Наступавшие роты должны были иметь с собой толстые доски или жерди для устройства переправ через ручьи, чтобы люди не мочили ноги и не отмораживали их; пехотинцы ударных частей снабжались ручными гранатами. Принимались меры по дезинформации турок и охране тайны операции – служба радиосвязи была объединена в отдельную радиогруппу, подчиненную штабу фронта, производились ложные маневры и заготовки фуража.

Н. Н. Юденич предвосхитил стратегическую идею А. А. Брусилова: чтобы турки не увидели направления главного удара и не могли произвести каких-либо перебросок с остальных участков обширного фронта, было намечено одновременно с переходом в наступление 2-го Туркестанского (демонстрация) и 1-го Кавказского (главный удар) армейских корпусов проявить большую активность и на фронтах Приморского отряда (Батумское направление), 4-го Кавказского корпуса (Эриванское направление), ван-азербайджанского отряда (на Ванском и Урмийском направлениях) и экспедиционного корпуса в Персии (на Керманшахском направлении). Каждый командир корпуса считал, что решает главную задачу.

Труден был штурм азапкейских позиций. Например, 153-й пехотный Бакинский полк 39-й пехотной дивизии в двухдневных боях потерял половину состава – до 2 тыс. человек. Уже к 31 декабря турки израсходовали свои резервы. В итоге русские части (4-я кавказская стрелковая дивизия) вышли в тыл противника, и 4 января турецкие войска начали отходить к Эрзеруму.

Был осуществлен чрезвычайно трудный переход через заснеженные горы, и 7 января русские части вышли к хребту Деве-бойну.

20 января русские войска начали штурм Эрзерума, и после пятидневного штурма 3 февраля считавшаяся неприступной крепость была взята. Бои носили очень напряженный характер, турки переходили в контратаки, бойцы с обеих сторон проявляли массовую отвагу.

Эрзерумская операция – один из немногих примеров законченной операции Первой мировой войны. Она была тщательно продумана, спланирована и реализована. Важнейшим итогом операции стало овладение русскими единственным укрепленным пунктом турок в Малой Азии – крепостью Эрзерум, что потребовало срочной посылки турками подкреплений в Армению со всех театров военных действий, чем было облегчено положение английских войск в районе Суэцкого канала и в Месопотамии. К середине 1916 г. на Кавказском фронте помимо 3-й армии турки были вынуждены сосредоточить 2-ю армию.

Занятие Эрзерума открывало путь в Анатолию – базовый во всех аспектах регион Османской империи.

Огромен был и моральный аспект – поднялся престиж России, и не только в мусульманских странах.

Авторы британской истории войны, фиксируя тяжелейшие условия проведения операции, отмечали, что «единственной армией, которая наилучшим образом могла бы справиться с тяжелыми условиями и победить, была русская армия... Мощь этой армии, помимо стратегических и организаторских способностей генерала Юденича, явилась важнейшим фактором успешной реализации боевой задачи».^[259] Взятие считавшихся неприступными позиций Деве-Бойну явилось «подвигом, даже союзниками России воспринятым с удивлением, и произведшим тягостное впечатление в Берлине, к тому же операция была проведена в один из худших зимних месяцев, в условиях снега, льда и с учетом... прочих трудностей».^[260] Но «главная ценность захвата Эрзерума, помимо морального и политического эффекта, заключалась в использовании города в качестве новой базы на стыке всех наиболее важных дорог, результатом чего было разрушение связности и монолитности всего турецкого фронта».^[261]

Оттоманские резервы двинулись не в состав 6-й армии в Месопотамию против англичан, а для реанимации Турецкого фронта на Кавказе. Прежде всего именно в этом состоит огромное значение данной операции для союзников России по Антанте.

Параллельно с проведением Эрзерумской операции 4-м Кавказским армейским корпусом (генерал-лейтенант В. В. Де-Витт) была проведена вспомогательная операция. 21 февраля Приморский отряд высадил в тыл турецких войск десант, а 24 февраля занял г. Ризе.

В ходе Трапезундской операции 23 января – 5 апреля, проведенной силами Приморского отряда генерала В. П. Ляхова, 5 апреля был взят г. Трапезунд. Действия войск Приморского отряда при поддержке Черноморского флота советская историческая наука считала образцом комбинированной десантной операции при поддержке флота. Так, действия отряда (продвинулся почти на 100 км по горной местности, чрезвычайно лесистой и пересеченной) притянули против него резервы 3-й турецкой армии.

Важность овладения Трапезундом заключалась в том, что это был главный после Эрзерума коммуникационный пункт турецких войск, а также административный центр.

К началу мая мощь Кавказской армии достигала 19 пехотных дивизий (шесть корпусов).

После переброски турецких резервов, высвободившихся после неудачи союзников в Проливах (силы 2-й армии – 10 дивизий под командованием одного из лучших турецких генералов маршала Ахмет-Изет-паши), турки в мае начали наступление, завершившееся их поражением. К лету русские авангарды вышли на линию Эллеу – Эрзинджан – Муш – Битлис (Эрзинджанская операция). После овладения Кавказской армией районом Эрзинджана и расширения трапезундской зоны под угрозой оказалась Анкара, центр Анатолии.

В руки русских попал второй по значению в регионе город – Эрзинджан, важнейший транспортный узел. В июле—августе русские войска, несмотря на превосходство противника, нанесли поражение и 2-й турецкой армии, заняв г. Муш (Огнотская операция).

Сила турецкой армии была сломлена. Так, к концу 1916 г. 3-я турецкая армия насчитывала 36 тыс. штыков, а 2-я – 64 тыс., то есть армии превратились в корпуса. В составе 3-й армии осталось 78 батальонов, во 2-й армии – 64 батальона, тогда как ранее их общий боевой состав достигал 309 батальонов, 156 эскадронов (кроме того, контингент курдов численностью 12 тыс. человек). Причем нужно учесть, что в ряды этих армий было влито 14 пехотных дивизий (126 батальонов), ранее принимавших участие в отражении англо-французского десанта у Дарданелл: 10 вошли в состав 2-й армии, 4 усилили 3-ю. Имевшие позитивный боевой опыт и высокий боевой дух, эти дивизии были перемолоты на Кавказе, не попав в Сирию и Месопотамию.

Кавказская армия, разгромившая в Огнотской и последующих операциях галлиполийских победителей, доказала, что ни в чем не уступает ни союзникам (потерпевшим от турок поражение), ни туркам (которых немцы стали считать самыми сильными после себя бойцами, используя турецкий корпус в составе своей Южной армии на Русском фронте), ни германцам.

Е. В. Масловский давал следующую характеристику турецких войск: «Ведь это был тот противник, который в течение этой же последней войны успешно боролся с англичанами в Месопотамии, пленив там часть их сил и не имея при этом численного превосходства. Это был тот противник, который прибыл на Кавказ с высоко поднятым настроением победителей англичан и французов в упорной борьбе на Галлиполийском полуострове, где его противником было введено в бой 549 тысяч человек, колоссальные технические средства и мощная судовая артиллерия».^[262]

Интересно и мнение британского генерала Ч. Таусгенда (взятого турками в плен в Месопотамии): «Это наиболее упорные из всех солдат Европы и Азии, дисциплинированные, прочно спаянные в одну массу, более упорные и более твердые, чем немцы».^[263]

Турецкие солдаты, как правило, сражались до конца, крайне неохотно по сравнению с австрийцами и даже германцами сдаваясь в плен.

В сентябре 1916 г. была осуществлена реорганизация Кавказской армии: она готовилась к новым операциям, но реалии мятежного 1917 г. привели к значительному снижению активности русских войск. Намечавшаяся Мосульская операция осуществлена не была.

Блестящие операции 1915–1916 гг. (Евфратская, Огнотская, Эрзерумская, Трапезундская, Эрзинджанская) привели к тому, что доблестные войска Кавказской армии овладели первоклассной крепостью Эрзерум, продвинувшись вглубь Турции почти на 250 км.

3-я и 2-я турецкие армии были разгромлены (первая – в Эрзерумской и Эрзинджанской операциях, вторая – в Огнотской).

Экспедиционный корпус Н. Н. Баратова (Хамаданская операция против германцев и турок в Персии силой 2 батальонов, 2 дружин ополчения, 39 сотен и 20 орудий – 4 тыс. штыков, 6 тыс. сабель) вышел к турецко-персидской границе. Казачьи подразделения вошли в контакт с британской армией, символизировав тем самым установление единого фронта Антанты от Кавказа через Ирак и Месопотамию.

Кавказская армия стоящую перед ней задачу выполнила и перевыполнила. Закавказье не только было обеспечено от вторжения турок на фронте огромного протяжения (к концу 1916 г. 2,6 тыс. км), но были решены активные стратегические задачи. Наиболее ярко принципы русского военного искусства воплотились именно в действиях Кавказской армии и ее руководителя.

Свыше половины турецких вооруженных сил на начало 1917 г. были оттянуты русскими, что значительно облегчило положение союзников. 16 турецких дивизий были воссозданы вследствие их уничтожения русской армией, и из них пять – два раза.

Е. В. Масловский так оценил роль Кавказской армии и значение Кавказского фронта в 1916 г. на общем фоне мировой войны: «Победы Кавказской армии на фронте, казалось бы второстепенном, благодаря крупным достижениям ее, широко помогли общесоюзному делу: они, приковав более половины всех сил Турецкой Империи, оттянули в значительной мере внимание турецкого командования от других фронтов борьбы и заставили направлять на Кавказ все новые и новые силы в ущерб усилиям, производимым на других фронтах... Нет сомнений, что необходимость такой крупной переброски турецких сил из Европейского театра в значительной степени облегчила союзникам их победное наступление на Салоникском фронте для воссоздания Сербии. На Кавказский фронт пошли и части, первоначально предназначавшиеся главным турецким командованием на усиление войск в Месопотамии; этим чрезвычайно облегчалась там задача английских войск, которым только с того времени, когда Кавказская армия притянула на себя все свободные турецкие силы, могли начать успешное продвижение к Багдаду».^[264]

В начале марта 1917 г. 1-й Кавказский кавалерийский корпус генерала Н. Н. Баратова разгромил персидскую группировку турок и, захватив в Персии важный узел дорог Синнах (Сенендедж) и г. Керманшах, двинулся на юго-запад к Ефрату навстречу англичанам. В середине марта части 1-й Кавказской казачьей дивизии и 3-й Кубанской дивизии, преодолев более 400 км, соединились с союзниками у Кизыл Рабата (Ирак). Турция потеряла Месопотамию.

После Февральской революции активные боевые действия русской армией на Турецком фронте не велись. Джемаль-паша свидетельствовал: «Русская революция, разразившаяся в начале 1917 года, разрушила дисциплину в русских войсках, занимавших Эрзинджан, Трапезунд и наводнивших наши восточные вилайеты до самого Битлиса... Теперь представлялась возможность снять несколько дивизий с фронта второй и третьей армии и отправить их на более важные фронты».^[265] После заключения большевистским правительством в декабре 1917 г. перемирия со странами Четверного союза боевые действия Кавказской армии прекратились окончательно.

Операции Кавказского фронта в отечественной исторической науке недооценивались, театр военных действий считался периферийным.

Но не так считали адепты периферийной стратегии – англичане. Количество британских научных работ, посвященных, казалось бы, удаленным театрам военных действий – Дарданеллам, Суэцу, Месопотамии, Палестине и пр., значительно превышает количество работ о войне на Французском фронте. Это и неудивительно – при коалиционной войне, когда окруженный противник воспринимается как военный лагерь, любой удар даже в отдаленной точке может повлечь крушение врага. Так и случилось в 1918 г. – успех на Балканах явился началом цепной реакции крушения германского блока.

Всегда победоносная русская Кавказская армия выполнила и перевыполнила важнейшую стратегическую задачу, питала резервами германо-австрийский фронт, наиболее результативно взаимодействовала с союзниками. Операции армии – эталон мастерства в условиях мировой войны, воплощение суворовских принципов ведения боевых действий, яркий образец коалиционной стратегии.

Подводя итоги кампании 1916 г., следует отметить, что увеличивается удельный вес операций, проводимых по просьбе союзников или в их интересах. На Русском фронте в 1916 г. это прежде всего Нарочская операция, ставившая главной задачей облегчение положения союзников у Вердена. Одной из целей Брусиловского наступления стала помощь вооруженным силам Италии, теснимым австрийцами в Трентинской операции. Фактически наступление Юго-Западного фронта благотворно сказалось на проводимой союзниками операции на Сомме. Серия операций русской армии на Кавказском фронте – также яркая иллюстрация помощи союзникам.

Прекрасно понимая природу коалиционной войны, командующий армией Н. Н. Юденич использовал оперативную паузу между прекращением Дарданелльской операции и переброской высвободившихся турецких сил на Кавказ, сработав на опережение. Удар был нанесен по 3-й турецкой армии, последовательно разбитой в Эрзерумской и Эрзинджанской операциях, а затем и по свежей 2-й турецкой армии, разбитой в Огнотской операции. С одной стороны, русское командование использовало неудачу союзников в Галлиполи, но с другой – разгромило турецкие армии (включая высвободившиеся резервы) по частям, чем в огромной степени помогла британским союзникам. Действия в Персии корпуса Н. Н. Баратова и осуществление боевых контактов и взаимосогласованных мероприятий с англичанами – весьма наглядный пример коалиционных действий, осуществляемых русской армией.

Намеченные в 1917 г. действия русских войск на Кавказе должны были стать образцом взаимодействия с союзниками. Так, операции изначально планировались в тесном взаимодействии с англичанами (экспедиционная армия генерала Ф. С. Мода). План русских операций предусматривал нанесение удара по туркам с целью не допустить переброски их войск в Галицию и на Балканы, а в дальнейшем наступательно действовать на Месопотамском фронте. Революция не дала осуществиться этим замыслам, но активно действовали на Багдадском направлении корпус Н. Н. Баратова и отряд генерала А. М. Назарова. Фактически действия Н. Н. Баратова у Ханекина привели к установлению боевой связи с союзниками и образованию еще одного межсоюзного фронта. Предполагалось создать 2-ю Кавказскую армию во главе с упомянутым генералом – настолько важным представлялось это направление.

С марта 1917 г. русские и английские войска действовали совместно, и по предложению англичан начала готовиться Мосульская операция. Для операции предназначались 7-й Кавказский армейский и 1-й Кавказский кавалерийский корпуса. Наступление было запланировано на июнь в тесном взаимодействии с британцами. Революционный развал затормозил проведение операции, она была отложена на весну 1918 г. Эта операция могла стать наиболее ярким примером непосредственного боевого сотрудничества крупных сил Антанты на одном театре военных действий (англичане даже брали на себя вопрос снабжения левого фланга русской ударной группировки).

Русские оказывают непосредственную боевую помощь союзникам – прежде всего Румынии, причем как войсками, так и техникой и вооружением. Так, О. Р. Вульф отмечал применительно к кампании 1916 г. русские канонерские лодки, действующие на Дунае.^[266]

Кампания 1916 г. показала всю важность наличия нескольких фронтов в Европе для успешной борьбы против Германии. В 1916 г. удалось сковать не только основные силы Германии, разделенные по фронтам, но и ее резервы, измотать их в тяжелых, истощающих битвах.

1916 г. стал годом перелома хода Первой мировой войны в пользу держав Антанты. Это год перехода стратегической инициативы на главных фронтах в руки союзников. Начало захвату инициативы было положено Брусиловским наступлением, конец – операцией на Сомме. Германцы и австрийцы лишь реагировали на оперативные решения союзников. В какой-то степени противник попытался вырвать инициативу из рук союзников, проведя операцию по разгрому Румынии. Тем не менее инициатива прочно удерживалась союзниками до осени 1917 г., когда неблагоприятные обстоятельства (потеря России как активного бойца по Антанте) привели к временному захвату стратегической инициативы государствами германского блока. Попытка турок на Кавказском фронте путем резкого наращивания сил захватить инициативу в 1916 г. закончилась неудачей.

На начало 1917 г. на Русском фронте было сосредоточено 8 армий и армейских групп (фронт принца Леопольда Баварского в составе армий: 8, 10, 12-й, Южной Ботмера, Бугской Бернгарди,

армейских групп Войрша, фон Шольца, Гронау), на Французском фронте 10 армий и армейских групп (4, 6, 1, 2, 7, 3, 5-я армии, армейские группы Штранца, д'Эльза, Гюнделя в составе фронтов кронпринца Прусского и кронпринца Рупрехта Баварского). С учетом двух армий немцев на Румынском фронте (9-я Фалькенгайна и Дунайская Каша – фронт генерал-фельдмаршала А. Макензена) и одной на Салоникском фронте (11-я армия О. фон Белова)^[267] мы видим, что из имеющихся в наличии 21 армии и армейских групп 10 оттягивал Русско-румынский фронт.

Именно Русский фронт был ключевым звеном в захвате союзниками стратегической инициативы в 1916 г. Если операции 1914 г. и 1915 г. явились предпосылками к разгрому противника, то кампания 1916 г. позволила Антанте овладеть стратегической инициативой; наступил коренной перелом в войне в пользу России и ее союзников.

И эта стратегическая инициатива была захвачена благодаря усилиям русской армии, настолько пострадавшей и обескровленной в предыдущую кампанию, что ее фактически перестали принимать всерьез некоторые военные и политические деятели Европы. И эта армия возродилась, как птица Феникс, из пламени и пепла.

Военный историк и теоретик Б. Лиддел-Гарт прямо называл Россию «виновницей» срыва германо-австрийского плана кампании 1916 г.: «Когда Фалькенгайн повернул в 1916 г., чтобы приступить к атаке Вердена, он оставил Россию надломленной, но не сломленной. Россия с изумительной быстротой, хотя быть может и искусственной, оправилась от поражения. Это позволило ей сорвать планы германцев на 1916 г. Уже в марте Россия повела атаку у озера Нарочь... жертвуя собой, чтобы ослабить нажим на Францию. Затем русское командование подготовило также на северном секторе крупное наступление на июль. Но раньше, чем к нему подготовились, тяжелое положение союзников еще раз заставило Россию, очертя голову, ринуться в бой».^[268]

Аналогичным образом рассуждал Ю. Н. Данилов: «В период верденских боев наши войска начали массовое наступление в районе Видзы – озеро Нарочь, приковавшее к себе все немецкие резервы восточного фронта. Наступление это производилось в ужасающих условиях, при полной весенней распутице, “в болоте и крови”... Много русских героев полегло здесь, но германское Верховное главнокомандование лишено было возможности снять с нашего фронта какие-либо войска для отправки на запад, так как даже те немецкие дивизии, которые находились в районе действий австрийской армии и кои, при иных условиях, могли бы оказаться перед фортами Вердена, немецкому командованию пришлось направить к месту нашего удара. Равным образом, наше июньское наступление на фронте от Луцка до Днестра, развившееся в широкий успех и едва не приведшее к полному крушению австро-германского фронта, спасло от неминуемой катастрофы итальянцев. Это наступление вызвало крупную переброску на наш фронт австрийцев с итальянского и германцев с французского фронта».^[269]

Русские жертвенность и верность союзническому долгу высоко ценились среди союзников во время войны. Недаром Италия в тяжелый час обратилась за помощью к единственному союзнику, кто реально мог ее оказать, кто всегда жертвовал собственными интересами ради интересов союзников. Б. Лиддел-Гарт совершенно справедливо отмечал: «Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России».^[270]

Глава четвертая. «Сам погибай, а товарища выручай» – последние военные усилия России (кампания 1917 г.)

Изначально русский вариант плана новой кампании (а она оказалась для русской армии последней) был выработан в конце 1916 г. Главный удар должен был наносить Юго-Западный фронт 11-й и 7-й армиями в направлении на Львов, вспомогательный удар – 8-я армия в направлении Калуш – Болехов. На Румынском фронте 4-й и 6-й русским армиям совместно с 1-й и 2-й румынскими армиями предстояло разгромить противника в районе Фокшан и занять Добруджу, 9-й русской армии – сковать противника в Карпатах. На Северный и Западный фронты возлагалось нанесение вспомогательных ударов.

Плану не суждено было сбыться ввиду Февральского переворота 1917 г., положившего начало страданиям российской государственности. Вместо мощного весеннего наступления началось разложение русской армии, приведшее ее через год к окончательной гибели. И враги и союзники России отмечали, что еще никогда за войну, как зимой 1917 г., русская армия не была так сильна в материальном плане. Ослабление и гибель Русского фронта позволили германцам провоевать на Западе лишний год.

Обходя вниманием факт малодушного отречения монарха от трона (при безусловной монархической настроенности войск и большей части населения), место в этих событиях высшего русского генералитета и так называемой общественности, отметим начало гибели организованной русской вооруженной силы. Положено оно было законодательными решениями и практическими действиями новой власти (симбиоз Временного правительства и Петроградского совета). Выразился данный факт: 1) в принятии трагического для войск приказа № 1, отменившего самые начала войсковой организации, на которых держится любая армия; 2) в смещении большого количества старших войсковых начальников (143 человека, в том числе такие достойные генералы, как В. Н. Горбатовский, В. В. Сахаров, В. Е. Флуг), чем было дезорганизовано высшее звено управления войсками. Начинается череда перемещений и назначений, за девять месяцев 1917 г. сменилось шесть Верховных главнокомандующих русской армией; 3) во введении выборного начала в армии. Все эти обстоятельства, а также учреждение института комиссаров Временного правительства привнесли, с одной стороны, хаос, с другой – двоевластие.

Появляются так называемые братания, носящие, с одной стороны, форму меновой торговли с противником со стороны уставших от войны русских солдат, с другой – являющиеся проводником подрывной деятельности германо-австрийских спецслужб по разложению русской армии и подрыву ее боеспособности.

Братания на фронте носили все более усиливающийся характер (из 220 пехотных дивизий в марте 1917 г. братание имело место в 165). Борьба с ними велась исключительно по инициативе старших фронтовых начальников. П. Гинденбург писал: «Наше положение на восточном фронте становится все более и более похожим на перемирие, хотя и без письменного договора. Русская пехота постепенно заявляет почти всюду, что она больше сражаться не будет. Но она все же... остается в окопах. В тех местах, где взаимные отношения принимают слишком явную форму дружественных отношений, от времени до времени постреливает артиллерия, которая еще подчиняется командирам».^[271] Вместе с тем братания оказывали определенное влияние и на боеспособность австро-германских войск.

Усилилось дезертирство. Так, если с начала войны до Февральской революции общее число дезертиров составляло 195 тыс. человек, то есть в среднем 6,3 тыс. в месяц, то с марта до августа 1917 г. количество дезертиров увеличилось в пять раз, а в период 15 июня – 1 июля – в шесть раз.^[272] В большинстве случаев это были так называемые зарегистрированные дезертиры. Например, средняя заболеваемость в марте по сравнению с февралем увеличилась на фронте в 2,5 раза, хотя никаких эпидемий не было.

Удивительной была сама возможность активных действий русских войск в 1917 г. А. Г. Кавтарадзе констатировал: «Состояние русской армии весной 1917 года принципиально отличалось от прежнего. Раньше к началу операции на том или ином фронте не возникало сомнений в боеспособности войск и главное затруднение состояло в плохом материально-техническом обеспечении боевых действий. К маю 1917 года положение изменилось. Впервые за время войны материально-техническое обеспечение в том числе тяжелой артиллерией, снарядами и т. д., не вызывало особых опасений, зато боеспособность войск, не желавших больше воевать, также впервые за время войны нельзя было признать удовлетворительной».^[273]

Все это в комплексе привело к потере русскими войсками в значительной степени своей боеспособности и управляемости, что и показали события лета—осени 1917 г.

§ 1. Последняя помощь Франции – июньское наступление Юго-Западного фронта

Были приняты «все меры для отражения наступления... Но для контрудара... были необходимы подкрепления с Запада... шесть дивизий были взяты с Западного фронта и

переброшены на восток... На Западном фронте командиры с большой неохотой отдавали дивизии на восток».^[274]

В соответствии с выработанными еще императорской Ставкой планами, а также благодаря усилиям военного и морского министра А. Ф. Керенского Юго-Западный фронт провел наступательную операцию. Сроки наступления неоднократно переносились, вследствие чего противник был введен в заблуждение.

Наступление вели четыре армии (с севера на юг): Особая, 11, 7 и 8-я. Главный удар наносили 11-я и 7-я армии. 11-я – на Львов, 7-я – на Бобрки через Бржезаны, охватывая с двух сторон войска 2-й австро-венгерской и Южной германской армий. 8-й армии ставилась задача наступать вдоль Карпатского хребта на Калуш и Болехув, отбрасывая 3-ю австро-венгерскую армию за р. Стрый. Особой армии предстояло сковать группу армий генерал-полковника А. фон Линзингена.

Подготовка была самой тщательной: в полосе протяженностью в 100 верст удалось сосредоточить 52 пехотные и 8 кавалерийских дивизий при поддержке 1114 орудий. Значительным было массирование сил и средств: до 2–2,5 дивизий и 30–35 орудий на версту фронта. Русская артиллерия являлась грозной силой и в количественном, и в качественном отношении. Управление артиллерийскими средствами было полностью централизовано, при подготовке к наступлению применялись новейшие методы разведки. На участках прорыва русские войска превосходили противника по людям в 3 раза, в артиллерии – в 2 раза.

Войска Юго-Западного фронта насчитывали свыше 1 млн человек, имели около 7 тыс. пулеметов, 2,2 тыс. бомбометов, 568 минометов, 3,5 тыс. орудий, 226 аэропланов.

Противник – 7-я австро-венгерская армия, группа армий Э. фон Бем-Эрмолли (2-я австро-венгерская, Южная германская армии), группа армий А. фон Линзингена – насчитывал свыше 300 тыс. человек личного состава, имел более 4 тыс. пулеметов, 2,7 тыс. орудий, 226 аэропланов.

Классическое превосходство наступающих русских войск над противником 3:1 имело бы место, если бы все соединения и части Юго-Западного фронта обладали примерно равной боеспособностью, но боевые качества большинства русских корпусов и дивизий стремительно приближались к нулю. Руководству Юго-Западного фронта пришлось различными способами поднимать боеготовность и дееспособность войск, в частности формировались ударные части из офицеров и лучших солдат, боевые порядки войск насыщались техникой. По сути, впервые за войну расход боеприпасов был неограничен, и на действия артиллерии (как и кавалерии – наименее разложившегося рода войск) ложился значительный объем выполняемых задач.

Структурно операция включала в себя следующие этапы: 1) Тарнопольский прорыв 16–30 июня; 2) контрнаступление австрийцев и германцев 1–15 июля.

18 июня после двухдневной артподготовки, сровнявшей вражеские окопы с землей, 11-я и 7-я армии перешли в наступление. В сфере действительного огня противника наступление велось в основном ударными частями, остальная пехота неохотно следовала за ними.

Благодаря хорошим результатам артиллерийского огня и действиям отборных частей в первые два дня наступления был достигнут тактический успех: захвачены 2–3 линии окопов противника. Но вскоре продвижение замедлилось: войска стали обсуждать приказы и митинговать. Ушедшие вперед ударные части без поддержки главной массы войск в основном погибли (а в их составе лучшие солдаты и офицеры России).

Попытки возобновить наступление, в том числе и введение в бой 20 июня гвардейского корпуса, результатов не дали. Так, по воспоминанию солдата-финляндца, «артиллерийская подготовка к атаке была произведена блестяще. Проволочные заграждения противника были сметены, и наш полк с небольшими потерями ворвался в первую линию полуразрушенных немецких окопов. Вторая и третья линии обороны были взяты с боем. Контратака обошлась дорого немцам. Около двухсот трупов рослых немецких юношей и молодых мужчин... лежало в разных позах, уткнувшись в землю. За третьей линией наши цепи залегли и потребовали смены, так как еще на митинге один из гвардейских делегатов заявил, что гвардия сменит нас, как только мы прорвем линии обороны германцев... 6-й Финляндский полк заявил, что условие свое выполнил и ждет гвардию для смены. Так как смена откладывалась, то солдаты и солдатская часть полкового комитета выделили делегацию в части гвардейского корпуса.

Каково же было наше озлобление и ярость, когда мы узнали, что солдаты гвардейского корпуса и не собирались наступать... так как фактически всем корпусом руководит один из большевистски настроенных дивизионных комитетов».^[275]

Но неожиданно для командования успех пришел в полосе 8-й армии – 23 июня 16-й армейский корпус овладел южнее Станиславова передовыми позициями противника, а на следующий день удачно отразил контратаки.

25 июня правофланговый 12-й армейский корпус, наносивший в армии главный удар, севернее Станиславова успешно прорвал оборону противника на всю глубину, разгромил 26-й австро-венгерский корпус и взял в плен 131 офицера и 7 тыс. солдат, захватил 48 орудий.

27 июня соединения 8-й армии под командованием генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова заняли Галич, на следующий день – Калуш. Но не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества боеприпасов, войска армии вынуждены были приостановить продвижение.

Но потери фронта пришлось в основном на долю отборных частей, а без них 11, 7 и 8-я армии в значительной мере потеряли боевую устойчивость. Следует отметить успех русской 7-й армии в боях с Южной германской. 25-й и 27-й резервные германские корпуса у Бржезан были отброшены (взяты 12,5 тыс. пленных, 24-я германская резервная дивизия была разбита).

Противник оказался в критическом положении, о чем свидетельствовал М. Гофман: «Если бы не удалось удержать линию Ломницы и взять обратно Калуш, а отступление 3-й армии продолжалось бы, то Стрый, главный тыловой пункт Южной армии, и нефтяные источники Дрогобыча оказались бы под угрозой».^[276]

Э. Людендорф подтверждал: «Большие русские силы прорвали австро-венгерский фронт между Зборовом и Бржезинами. Австро-венгерские войска массово сдавались противнику... русское наступление на 3-ю австро-венгерскую армию южнее Днестра увенчалось полным успехом. Австро-венгерские войска подались назад; только что прибывшая свежая германская дивизия пыталась остановить отступление, но была увлечена общим потоком. Русские продвинулись до Ломницы и заняли Калуш. Положение главнокомандующего Восточной зоной было критическим».^[277]

Противник организовал контрудар. На германские части легла основная тяжесть «по затыканию дыр» и организации контрударов.

В частности, из Франции 30 июня отправились на Русский фронт 7 отборных дивизий (они вошли в состав 23-го резервного, 51-го и Бескидского корпусов).

Х. Риттер констатировал нежелательность для немцев переброски войск с Французского фронта: «Германское верховное главнокомандование нашло в себе достаточно нервной силы, чтобы с напряженного до крайности французского фронта взять дивизии, предназначавшиеся для того, чтобы окончательно разбить русских».^[278]

Был создан так называемый Злочевский отряд (92,5 тыс. штыков, 2,4 тыс. сабель, 935 орудий, 1173 пулемета).^[279] Перед ним ставилась задача нанести удар по левому флангу 11-й армии в общем направлении на Тарнополь.

На Злочевском отряде противника (12 дивизий, из них 11 немецких) лежала организация контрудара по русским войскам. 6 июля неприятель перешел в контрнаступление, нанося главный удар вдоль железной дороги Львов – Тарнополь. Отряд силами девяти дивизий на фронте 20 км прорвал восточнее Злочева оборону 11-й армии, части которой не проявили стойкости и начали отступление. Противник устремился в образовавшийся прорыв, развивая успех в юго-восточном направлении.

К вечеру 8 июля 11-я армия отошла к р. Серет, что вынудило и командующего 7-й армией начать отвод армии на восток. Русские войска почти не оказывали сопротивления, откатываясь назад. Если контрудар 6 июля по 25-му русскому армейскому корпусу положил начало откату русских войск, то удар противника с фронта (в том числе Южной германской против 7-й русской армии) довершил дело.

9 июля против соединений 11, 7 и 8-й армий Юго-Западного фронта перешла в наступление вся группа войск Э. Бем-Эрмолли. Вследствие отхода 7-й армии начала отступление и 8-я армия, оставив без боя Галич и Калуш. 10 июля противник на левом фланге 11-й армии форсировал р. Серет.

11 июля шли бои за Тарнополь (оставлен 12 июля). К 14 июля русские отошли на государственную границу (р. Збруч). Противника «сдерживали только кавалерия и отдельные, не потерявшие боеспособности пехотные части. Остальные обсуждали на митингах и в комитетах боевые приказы, а чаще всего вообще отказывались их выполнять и неудержимым потоком устремлялись в тыл».^[280]

Однако дальнейшее наступление немцев было приостановлено. Русские наносили контрудары (19 июля у Гусятина 34, 41 и 22-м армейскими корпусами были опрокинуты и отброшены за р. Збруч германский Бескидский и 25-й австро-венгерский корпус, а 23 июля 3-й Кавказский армейский корпус 8-й армии опрокинул германский 27-й), но общей картины это уже не меняло.

Удары русских войск в рамках летнего наступления на других фронтах – 5-й армии на Северном фронте и 10-й на Западном фронте – успеха не имели, но также не по военным причинам.

Так, на Западном фронте, когда артиллерия практически уничтожила укрепления врага, войска, поднявшись в атаку, почти не встретили сопротивления, прошли 2–3 линии окопов, побывали на неприятельских батареях, сняли прицелы с орудий и... вернулись назад. Препятствовавшие этому офицеры уничтожались.

М. Гофман писал: «Русская армия много потеряла вследствие революции в моральной стойкости, раньше же наше положение могло бы стать тут... более тяжелым».^[281]

10 июля после сильной артиллерийской подготовки ударная группа 5-й армии Северного фронта у Якобштадта достигла некоторого тактического успеха, но обычные войска не поддержали успех ударников, отказались продолжать наступление и вернулись на исходные позиции.

Очевидно, что бои лета 1917 г. без видимых результатов (особенно на Северном и Западном фронтах) выбили лучшие части русской армии, и это в условиях приближающихся государственных катаклизмов было весьма значимо – тем более для этих фронтов ввиду близости к столицам. Одной из главных причин сворачивания успешного боя русских ударников стал саботаж русской пехоты.

Совместное наступление русских и румынских войск на Румынском фронте, начавшееся 7 июля, развивалось успешно, но из-за неудач на других фронтах было приостановлено.

Летние события на Юго-Западном фронте интересны широким применением техники. Это тяжелая артиллерия особого назначения, авиация и бронесилы. Но это лишний пример того, что техника не может компенсировать отсутствие боевого духа и воли к победе.

Следует выделить блестящее поведение русской артиллерии, обеспечившей прорыв и поддерживавшей войска в наступлении, а также кавалерии (особенно в прикрытии отходящей пехоты на втором этапе операции). П. Н. Врангель отмечал: «Пехота наша на всем фронте продолжала отходить, не оказывая врагу никакого сопротивления. В день фронт наш откатывался на 20–30 верст. Дисциплина в отходящих частях была совсем утеряна. Войска оставляли массу отставших и беспощадно грабили население на пути своего следования. Маневрируя в стыке флангов 7-й и 8-й армий, мой корпус держался в переходе впереди, непрерывно ведя арьергардный бой».^[282] Русская пехота еще демонстрировала порывистость и храбрость в атаках, но прежней стойкости уже не было.

Следует отметить героическое поведение русских ударных частей, проложивших дорогу главным силам, а также 1-го гвардейского корпуса (под Тарнополем Петровская бригада нанесла поражение прусской гвардии). В то же время действия митинговавших и отказавшихся наступать соединений второго эшелона русских армий привели к гибели ударных батальонов, своевременно не поддержанных. 25-й армейский корпус, например, совершил откровенно изменнические действия, взбунтовавшись и уйдя в тыл, что открыло Злочевскому отряду немцев путь в тылы 7-й русской армии.

А. А. Брусилов писал об июньском наступлении: «Положение на фронте было тяжелое, дисциплина пала, основы ее рухнули, армия развалилась. Я был бессилен, ибо, предьявляя просьбы и требования относительно необходимого укрепления дисциплины, я сознавал, что тогда еще не настало время, чтобы сама жизнь заставила переменить отношение всех к этому вопросу... Мы воевать больше не могли, ибо боеспособность армии по вполне понятным основаниям, оставляя даже в стороне шкурный вопрос, перестала существовать».^[283]

В. И. Гурко также отмечал: «Наше наступление могло закончиться только разгромом тех немногих все еще сохранивших боеспособность полков, которые двинутся вперед, оставляя позади основную массу армии, неспособную отразить даже самые робкие контратаки противника».^[284]

Процесс разложения и демократизации зашел слишком далеко, и виновны в этом прежде всего были политические партии и движения России, ради своих интересов и в угоду моменту разрушавшие армию. Немцы отмечали, что хотя в наступательном порыве русский солдат 1917 г. и был похож на солдата старой армии, а вот его стойкость и дисциплина были уже далеко не те. Так, П. Гинденбург писал: «...войска Керенского – это не войска Брусилова. Только год прошел со времени последнего наступления (Брусиловский прорыв 1916 г. – *А. О.*), но это был год тяжелых потерь и глубокого разложения русской армии. Поэтому русское наступление у Станиславова, несмотря на благоприятные перспективы, удастся не вполне».^[285]

Э. Людендорф отмечал, что «это уже были не прежние русские солдаты».^[286] А «русская армия в беспорядке отходила назад – ее мозг был одержим недугом революции».^[287]

Последнее наступление русской армии благотворно сказалось на положении дел на Французском фронте – уже погибающая русская армия в последний раз спасала своих союзников-французов, оправляющихся после революционных выступлений в своей армии весной 1917 г. Весенние события 1917 г. парализовали значительную часть французской армии (бунты и беспорядки произошли в 28 дивизиях), некоторые части под красными знаменами двинулись на Париж. Как писал А. А. Керсновский: «Уже покрытая ядовитой сыпью большевизма, наша армия все еще продолжала самоотверженно выручать союзников, дав возможность Франции продолжать заниматься лечением своей вооруженной силы, а Англии развернуть и устроить на континенте свои армии».^[288]

В смысле пользы для союзников летнее наступление было успешно. Для Русского фронта последствия отрицательны. Русские войска не решили поставленной задачи. Были потеряны завоевания кампании 1916 г. Погибли лучшие солдаты и офицеры русской армии. Неудача операции с военной точки зрения во многом объясняется разложением русских войск (прежде всего пехоты), так как и материально-техническое обеспечение операции, и подбор командования следует признать удачными.

Пользуясь пассивностью западных союзников России, противник в период русского наступления перебросил на восток значительные контингенты с Французского фронта, но союзники это не использовали.

Итак, главной заслугой операции было спасение в очередной раз Франции, армия которой была временно небоеспособна из-за собственных революционных беспорядков. Ослабевшая Россия со своей стремительно теряющей боеспособность, разлагающейся армией в очередной раз доказала верность союзническому долгу.

Мы считаем июньское наступление важнейшей вехой помощи союзнику (Франции в условиях революционных выступлений), ярчайшим примером русской жертвенности, ведь русская армия сама слабела и деградировала.

Успешное с тактической точки зрения наступление знаменовалось тяжелыми стратегическими последствиями, а гибель лучших кадров русской армии ускорила утрату ею боеспособности.

Вместе с тем германцам и австрийцам был преподан хороший урок, и они были вынуждены держать крупные силы на Русском фронте. Результаты летнего наступления русской армии косвенно подтвердили, каким грозным испытанием для противника (наверняка превзошедшим по итогам Брусиловское наступление) было бы наступление русской армии 1917 г., если бы не государственная катастрофа России.

§ 2. Итоговый вклад в общесоюзное дело и срыв балтийских планов Германии (Рижская и Моонзундская операции Северного фронта и Балтийского флота)

Форсирование Западной Двины все оттягивалось. Ответственность за удерживание дивизий на востоке все более тяготила верховное командование.^[289]

Объединяем обе операции (Рижская 19–24 августа и Моонзундская 29 сентября – 6 октября) в одну в силу единства замысла и осуществления для активной стороны событий – германцев. Для них это единая операция «Альбион», общее руководство которой осуществляло командование 8-й армии.

События носили наступательный характер для немцев и оборонительный для русских.

Операции в рижско-двинском районе осуществлялись в 1915–1916 гг. В 1917 г. к оперативным соображениям добавились политические. П. Гинденбург писал: «Наше наступление на Ригу вызывает в России беспокойство за участь Петербурга».^[290]

Целью операции было занятие Риги с перспективами наступления на Петроград и овладения балтийским побережьем. Ударную задачу выполняла 8-я германская армия генерала О. фон Гутьера в составе трех корпусов (11 пехотных и 2 кавалерийские дивизии при 2 тыс. орудий). Ударная группировка – 2-я гвардейская, 14-я баварская, 19-я резервная и 203-я пехотная дивизии.

План операции предусматривал форсирование Западной Двины в районе Икскюля, прорыв обороны русских на восточном берегу реки и развитие наступления в направлении Икскюль – Реденпойс – Хинценберг с целью окружения и уничтожения в районе Риги основных сил 12-й русской армии Северного фронта. Одновременно в Рижский залив через Ирбенский пролив предполагалось ввести германскую эскадру и высадить десант.

Обращает на себя внимание тщательная подготовка германцев к операции. Как отмечал очевидец: «Немцы били без промаха, по заранее вымеренным и пристрелянным целям. И здесь сказалось то, как использовали наши враги предшествовавший рижским боям период затишья и братаний на фронте. В ранце убитого немецкого солдата... нашли карты рижского района, тонко вычерченные... прекрасно отпечатанные в три краски на плотной бумаге. На одной из карт были нанесены все дороги и даже тропинки в районе расположения наших войск. На другой карте... нашли обозначение всех наших укреплений первой и второй полосы – окопы, ходы сообщения, убежища, блиндажи, батареи. На третьей карте был намечен план предполагаемых операций немцев после их переправы на наш берег. Но всего поразительнее была четвертая карта, носившая название “Цели для батарей в рижском районе”. На этой карте весь наш плацдарм был разбит на участки с разнообразной штриховкой и условными знаками; штриховка и знаки указывали, какое число какого калибра орудий сосредоточено немцами для обстрела каждого аршина наших позиций. До сих пор мы не знаем в точности, как велики были силы артиллерии, выставленной против нас немцами на Двине. Военнопленные называли... цифру до 460 батарей 4-орудийного состава... силы немецкой артиллерии на Двине были очень значительны».^[291]

Противостоящие противнику русские войска 12-й армии обороняли рижский плацдарм, прикрывавший кратчайшие пути в Прибалтику и к Петрограду, армия в составе пяти армейских корпусов (13, 43 и 21-й армейские, 6-й и 2-й сибирские армейские – 15 пехотных и стрелковых дивизий, 3 стрелковые бригады, 3 кавалерийские дивизии, кавалерийская бригада, Усть-Двинская крепость) занимала фронт протяжением свыше 200 км от побережья Рижского залива до разграничительной линии с 5-й армией у Фридрихштадта. Севернее 12-й армии находился район моонзундской укрепленной позиции (6 островов и западная часть Гипсальского уезда). Боеспособность 12-й армии оценивалась как слабая, на 4 августа общий некомплект армии составлял свыше 30 тыс. солдат (примерно 15 % сил армии).^[292] Дисциплина в частях была низкая, но артиллерия была обеспечена боеприпасами в достаточной степени. Германцы учли деградацию русской армии. «Принимая во внимание притупившуюся боеспособность русской армии, главнокомандующий Восточным фронтом отважился на операцию с некоторым тактическим риском».^[293]

В 6:00 19 августа немцы начали артиллерийскую подготовку на направлении главного удара, а в 11:10 переправу первого эшелона войск. 2-я гвардейская пехотная дивизия противника быстро и почти без потерь переправилась на восточный берег Западной Двины напротив Икскюля и вклинилась в первую позицию русских, но дальнейшее ее продвижение встретило сопротивление частей 186-й пехотной дивизии 12-й армии. Попытки 14-й баварской дивизии форсировать реку на участке 21-го армейского корпуса провалились.

В 13:00 командующий 12-й армией приказал командиру 43-го армейского корпуса нанести контрудар противнику и отбросить его на западный берег реки, но провести контрудар одновременно всеми силами не удалось, разрозненные контратаки в основном успеха не имели.

20 августа противник возобновил наступление. В 15:00 14-я баварская дивизия прорвалась на правом фланге 21-го армейского корпуса и отбросила части 185-й пехотной дивизии. Стойкость 2-й латышской стрелковой бригады, остановившей наступавшую в направлении Роденпойса 2-ю гвардейскую дивизию противника, предотвратила окружение в районе Риги основных сил 12-й армии.

Не исчерпав всех возможностей обороны, командование 12-й армии в ночь на 21 августа приказало оставить позицию на р. М. Егель и отходить, что явилось первым шагом к сдаче Риги и началу отступления на север.

21–24 августа войска 12-й армии беспорядочно отступали к Вендену, бросая артиллерию и военное имущество. Противника сдерживали только части спешенной кавалерии, отряд партизан имени Л. Н. Лунина и ударный полк подполковника П. В. Глазенапа. Германцы вели преследование неактивно, а подход русских резервов позволил стабилизировать ситуацию.

Немцы провели успешную операцию, но цели были достигнуты в весьма ограниченном масштабе (приобретен рижский плацдарм с городом Ригой). 12-я армия в котел не попала, благополучно отойдя на заранее подготовленные венденские позиции. Стоит отметить, что в оборонительных боях 19–20 августа войска проявили достаточное упорство и сорвали планы германского командования по окружению и уничтожению в районе Риги основных сил 12-й армии. Э. Людендорф отмечал: «Я облегченно вздохнул, когда удар, наконец, свершился».^[294] Операция имела больше политический, чем военный результат.

Оценивая деятельность главных родов войск, следует отметить действия сибирских частей русской армии, вновь подтвердивших свою высокую боевую репутацию, а также латышских стрелков.

С германской стороны показателен высокий объем использования артиллерией химических снарядов. Очевидец так говорил об эффекте применения соответствующих боеприпасов: «Первые 3–4 часа огонь был направлен, главным образом, против наших батарей. Стрельба велась химическими снарядами и гранатами большого калибра. Часам к 10–11 утра прибрежный лес был сплошь, как туманом, окутан удушливыми газами. Часть наших пушек была к этому времени подбита. У иных батарей была перебита или задохлась прислуга. А некоторые пушки были брошены нашими артиллеристами, так как работа в облаках удушливых газов стала невозможна».^[295]

Подтверждал факт усиленного применения противником химических боеприпасов и участник событий офицер С. Посевин: «Наши пехотные окопы первых трех линий вдоль реки уже совсем пусты, но с человеческими трупами, посиневшими и потемневшими от удушения газами... Артиллерийские позиции двух артиллерийских бригад: полевые батареи мертвы, прислуга и командный состав частью удушены газами разрывных удушливых снарядов; конский состав бригад также... лежит в запряжках по шести коней, а сбоку их лежат и некоторые удушенные ездовые и начальники отделений. Передки орудий полны снарядами».^[296]

Именно гибель русской артиллерии (наиболее сохранившего кадровый состав рода войск) во многом предопределила неудачный для Северного фронта исход операции.

Эффективно использовали германцы и авиацию. Очевидец писал: «Впервые с начала войны немцы пустили против нас тучу блиндированных (бронированных. – А. О.) аэропланов. Это были аэропланы... снабженные снизу стальным щитом, прикрывающим мотор, летчика и гондолу. Защищенные от ружейного и пулеметного огня, эти аэропланы спускались к земле на 150–200 метров и с этой высоты метали бомбы без промаха. Каждая эскадрилья... состояла из 4 машин. С четырех сторон слетались они к намеченному для атаки месту. И приближаясь к цели, они постепенно снижались, будто хищные птицы, устремившиеся на добычу. Трудно описать впечатление от такого налета... Шумят в воздухе моторы, стучат пулеметы, рвутся бомбы, подымается бешеная ружейная и пулеметная пальба вверх. Но пули отскакивают от груди стальной птицы. Неподвижно парит над головой... аэроплан. И чувствуешь, что здесь не слепая опасность, как при полете выпущенного откуда-то из далекой невидимой батареи снаряда. Здесь, над твоей головой, в непосредственной близости от тебя – враг, неуязвимый для тебя и следящий за каждым твоим движением. Налеты аэропланов наносили нам сравнительно небольшой материальный ущерб. Но действие этих налетов на психику, на моральное состояние войск было убийственное».^[297]

В целом на итоги операции оказало большое влияние состояние русской армии, в частности многовластие или, лучше сказать, безвластие. В операции против старой императорской армии противник таких успехов, да еще с минимальными потерями, не добился бы. С. Посевин рассуждал так: «Перейди русская 12 армия за Двиной, против Риги, в контратаку, и к вечеру 19 августа вся германская артиллерийская масса и большая часть территории Курляндии были бы в руках русских армий, без особых к тому усилий; а перебравшуюся через реку Двину у Икскюля германскую пехоту заставили бы вернуться обратно в исходное положение. Нужно подчеркнуть – это сделано не было. Всевластные комитеты и Главкосев были против».^[298]

Операция по овладению Ригой имела своей конечной целью содействовать с помощью флота приморскому флангу своих войск. Параллельно для обеспечения операции осуществлялась десантно-морская операция по захвату островов Моонзундского архипелага.

Противник привлек к участию в операции свыше 300 кораблей, 6 дирижаблей, 102 самолета (94 самолета с базированием на авиаплате «Святая Елена» и 16-й авиаотряд из восьми гидросамолетов), до 25 тыс. человек десанта (42-я и 77-я пехотные дивизии, 2-я самокатная бригада) при 40 орудиях, 80 минометах, 220 пулеметах.

В составе группировки оперировали линейный крейсер «Мольте», 10 новейших линейных кораблей (3-я и 4-я эскадры линейных кораблей), 9 легких крейсеров (2-я и 6-я разведывательные группы), свыше 100 миноносцев и эсминцев, 6 подводных лодок и свыше 100 вспомогательных судов (транспорты, тральщики, моторные катера и др.).

С русской стороны в Моонзундской операции принимали непосредственное участие 2 устаревших линейных корабля, 3 старых крейсера, 12 новых эсминцев (типа «Новик»), 14 старых эсминцев, 3 английские подводные лодки, 3 канонерские лодки, сторожевые и вспомогательные суда, транспорты и др. (вспомогательных судов около 100).

Перевес в силах над обороняющимся никогда еще не был столь значителен, но он не принес противнику ожидаемого результата. И это притом, что на моральное состояние гарнизонов островов (в основном части 107-й и 118-й пехотных дивизий, пограничники, саперы – 15 батальонов, 5 эскадронов, 140 пулеметов) наложили отпечаток общее разложение и падение дисциплины в русской армии, недоверие к офицерам, вмешательство комитетов во все стороны проведения боевых операций.

Острова охранялись солдатами из второочередных частей. Авиация состояла из 36 самолетов.^[299] Береговых батарей насчитывалось 39 (калибра 47–305 мм), но половина из них – зенитные. Личный состав батарей составлял порядка 1,5 тыс. человек.^[300] Ко всем отрицательным факторам добавилось и то обстоятельство, что люди в подразделениях уже до начала операции были утомлены и деморализованы налетами авиации. Так, 5 сентября «очередной налет (на батарею № 43. – А. О.) оказался для немцев удачным. Осколок бомбы пробил дубовую дверь погреба и вызвал пожар и взрыв погреба. Были убиты полковник К. В. Ломан, подполковник Маклютин. Всего батарея и 425-й пехотный полк потеряли убитыми и ранеными около 120 человек. Взрыв погреба, показавший беззащитной батарее ее уязвимость, произвел сильнейшее подавляющее впечатление на ее личный состав».^[301]

29 сентября началась высадка десанта на острова архипелага, 3 октября в Рижский залив вошла эскадра вице-адмирала П. фон Бенке (линейные корабли «Кениг» и «Кронпринц», легкие крейсера «Кольберг» и «Страсбург», 17 эскадренных миноносцев и др.). Решающую роль сыграл прорыв германских эсминцев через Созлозунд на Кассарский плес.

Соппротивление русских войск носило очаговый характер, и 6 октября командование Балтийского флота с согласия Центробалта эвакуировало острова. Главная трагедия русских была опять-таки в дисбалансе между усилившейся техникой ведения войны и падением духа разлагающейся армии. Как писал германский историк операции фон Чишвиц: «В 1917 г. русскими были осуществлены серьезные оборонительные мероприятия. Пролив Моон-Зунд был настолько углублен, что он стал доступен для линейных кораблей. Минные заграждения были усовершенствованы и усилены... Но главную гордость представляла Церельская батарея, имевшая на своем вооружении орудия дальностью в 28,8 км... Русские были уверены, что, обладая столь мощными оборонительными средствами, они будут в состоянии отразить атаки немцев».^[302]

В ряде случаев имели место героизм и самопожертвование русских офицеров, солдат и матросов (команды некоторых кораблей, знаменитая батарея 12-дюймовок № 43 на мысе Церель, бойцы батальона смерти капитана 2-го ранга П. О. Шишко на Мооне и др.).

Оценивая итоги Моонзундской операции, следует отметить, что успех с германской стороны проявился лишь в вытеснении русских в Финский залив. Фактически были заняты острова Эзель, Даго, Моон, германский флот прорвался в Рижский залив, русские очистили Моонзундский архипелаг.

Но операция не была доведена германцами до конца именно вследствие неожиданно высоких потерь. Некоторыми историками Моонзундская операция даже квалифицировалась в этой связи как последняя победа русского флота.^[303] Русский флот ушел в Финский залив, закрыв германским кораблям путь на восток.

Рижская и Моонзундская операции оттянули на себя значительное количество сил и средств противника (особенно военно-морских, среди которых были новейшие корабли, получившие повреждения в ходе боев). Эти операции были последним вкладом гибнущей русской армии в общесоюзное дело, финальными ударами по врагу. В последний раз были оттянуты живые силы и техника врага, нанесены потери противнику, в чем очередная заслуга русских вооруженных сил перед своими союзниками.

§ 3. Спасение от гибели нового союзника – боевые действия на Румынском фронте

Румынии «русские армии обеспечивали... сильную поддержку как войсками, так и соответствующей организацией операций».^[304]

После неудачного вступления в войну Румынии России пришлось спасать своего нового союзника. Уже в ходе наступления Юго-Западного фронта 1916 г. целая армия (9-я) была вынуждена обслуживать интересы нового направления. Ситуация, сложившаяся в противостоянии Румынии странам германского блока, настоятельно требовала поддержки русских войск. Терпя поражения, румыны к середине ноября 1916 г. были вынуждены отступать. О том, насколько важна для Румынии была поддержка русских войск, свидетельствовал Э. Людендорф, говоря о первых победах германского оружия над румынами: «Наша победа там стала возможной только благодаря их (русских войск. – А. О.) отсутствию».^[305]

В. Гурко отмечал: «Первая помощь, которую мы оказали Румынии, – та самая, от которой она отказалась перед началом военных действий, состояла в постепенном удлинении нашего левого фланга вдоль линии румыно-трансильванской границы. Разумеется, замена на этом участке румынских войск на русские позволила командованию румын получить свежие резервы».^[306]

Русские войска (первоначально 47-й армейский корпус, конная группа графа Ф. А. Келлера, в дальнейшем 4-й армейский, 4-й сибирский армейский корпуса, 8-я кавалерийская, 3-я стрелковая дивизии и другие части) прикрыли отход румынских войск, сдерживая напор войск А. фон Макензена.

Была создана 4-я армия (30, 7 и 29-й армейские корпуса, 3-й кавалерийский корпус), противостоящая 9-й германской (до семи пехотных дивизий), Дунайской и 1-й австрийской (8 пехотных, 3 кавалерийские дивизии) армиям. 9-я германская армия была усилена тремя пехотными дивизиями, переброшенными с других участков Русского фронта, и 7-й кавалерийской дивизией, прибывшей из Бельгии.

24 ноября 1916 г. был образован Румынский фронт (румынская и русские 4-я и Дунайская армии). Номинально его возглавлял король Румынии Фердинанд, помощником его (и реальным командующим) стал генерал В. В. Сахаров. Весь ноябрь русско-румынские войска вели ожесточенные бои, в том числе в горных условиях.

5–8 декабря шли бои 9-й германской армии с 4-й русской при Путне. К 7 декабря в состав Румынского фронта входили 4-я (8, 7 и 30-й армейские корпуса, три конные дивизии), 6-я (4-й Сибирский армейский, 4-й и 47-й армейские, 3-й и 6-й конные корпуса) армии, 29-й армейский корпус и 12-я кавказская дивизия – резерв фронта.

11–28 декабря произошло сражение при Рымнике. Валахия и Добруджа были потеряны, но фронт стабилизировался.

Румынский фронт поглотил значительные русские резервы. Поражение Румынии и образование нового фронта привело к постепенной переброске 15 армейских корпусов (35 дивизий) и трех конных корпусов (13 дивизий), или почти 25 % российских вооруженных сил.^[307] 200-тысячной германо-австро-болгарской группировке противостояла 231 тыс. русско-румынских войск (из них румын 57 тыс.).

На начало 1917 г. 9, 6, 4-я русские (36 пехотных и 11 кавалерийских дивизий) и 2-я румынская армии (всего 467 тыс. человек, 2,2 тыс. орудий) противостояли 1-й австрийской армии, германской армии Ф. Герока (фронт эрцгерцога Иосифа Августа), 9-й германской, германской Дунайской и 3-й болгарской армиям (фронт фельдмаршала А. фон Макензена).

Летом началось наступление русско-румынских войск. 11 июля 1917 г. после почти двухдневной артиллерийской подготовки перешли в наступление 2-я румынская (под командованием генерала А. Авереску) и 4-я русская (под командованием генерала А. Ф. Рагозы) армии в общем направлении на Марешты. Русско-румынские войска прорвали оборону противника на всю глубину, но А. Авереску в условиях пересеченной и горной местности не сумел организовать преследования отступающего противника. На следующий день операция развивалась также успешно. В районе Намолосы, на направлении главного удара фронта, началась артиллерийская подготовка, вслед за которой должны были перейти в наступление 1-я румынская (командующий генерал Кристеску) и 6-я русская (командующий генерал А. А. Цуриков) армии.

Но 12 июля перепуганный падением Тарнополя и продолжающимся отступлением армий Юго-Западного фронта А. Ф. Керенский приказал отменить наступление. О. Р. Вульф отмечал в этой связи: «Несмотря на ясно заметные приготовления ударных частей в неприятельских окопах, пехотные бои почему-то не состоялись, по-видимому, ввиду отсутствия у противника в решительный момент желания атаковать».^[308]

Однако король Фердинанд все же предписал А. Авереску продолжать наступление на Марешты. В боях 13 и 14 июля румынские войска, поддерживаемые сильной артиллерией 4-й русской армии, успешно завершили сражение. С 25 июля фронту была передана 8-я русская армия.

После ожесточенных августовских боев (отражено наступление 9-й германской армии) на Румынском фронте наступило относительное затишье.

Необходимо особо выделить вклад русских минных, речных сил и авиации в поддержку румынского союзника. О. Р. Вульф писал: «Было обнаружено румынское заграждение из трех рядов мин, стоявших почти на поверхности, а за ним еще две линии русских мин. Семь русских мин новейшей конструкции были подняты... При выполнении... работы шлюпки едва не были протаранены русским пароходом».^[309]

Русские минные поля – постоянная головная боль противника (более того, минная опасность оказывала влияние на действия германцев и австрийцев и после выхода России из войны). Вышеупомянутый автор упоминает и действия русско-румынской авиации (группа численностью до 20 машин атаковала силы флотилии в марте 1917 г., в течение апреля—мая воздушные налеты осуществлялись регулярно), а также полеты самолетов-разведчиков и обстрелы дальноточной артиллерией русских кораблей.^[310]

Следует отметить, что поддержка Румынии Россией явилась весомым вкладом в общее дело Антанты. Августовская операция 1916 г. германцев против Румынии является одной из самых блестящих за всю войну операций германского блока по военным (разгром достаточно крупной армии), политическим (оккупация целого государства) и экономическим (доступ к нефтяным ресурсам) последствиям. Именно деятельность русской армии позволила реанимировать Румынский фронт, спасти союзную армию, оттянуть значительные силы германского блока (совместные силы четырех держав – Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии). Заслуга русской армии выражалась в данном случае в решении важнейших стратегических задач, а также в воссоздании румынских вооруженных сил.

К началу 1917 г. неприятель должен был снять с других фронтов и перебросить на румынский 31 пехотную дивизию (из них 10 немецких, 14 австрийских, 3 турецкие и 4 болгарские) и 7 кавалерийских дивизий (2 немецкие и 5 австрийских).

Итоги помощи России союзнику выражены в констатации Э. Людендорфом следующего факта: «Румыния не была еще разбита».^[311]

Именно русская армия реанимировала румынское сопротивление, придала ему импульс, сцементировала своими частями фронт, именовавшийся теперь Русско-румынским.

И в этом очередная заслуга русских перед союзниками и прежде всего французами, ратовавшими за открытие данного фронта.

Мы считаем создание Румынского фронта ярким образцом жертвенности теперь уже со стороны руководства государства — при минимальных выгодах для России (что вполне осознавалось на высшем уровне) оно влекло значительный расход материальных и людских ресурсов. Но это также и яркая иллюстрация того, что специфика коалиционной войны лучше всего воспринималась именно Россией.

§ 4. В рядах союзников – действия русских контингентов на Французском и Салоникском фронтах

Я счастлив объявить русской армии о подвигах наших братьев, сражающихся на полях далекой Франции, бок-о-бок с нашими славными союзниками, против общего врага за право, свободу и светлое будущее народов.^[312]

С 1916 г. русские солдаты и офицеры участвовали в боях на Французском и Салоникском фронтах в составе 1-й – 4-й особых пехотных бригад. Русские войска зарекомендовали себя с наилучшей стороны, вызвав уважение союзников и врага.

1-я бригада была в готовности выступить на франко-германский фронт (после вооружения и подготовки к реалиям нового театра военных действий) 12 июля, а 3-я – 28 сентября 1916 г. Каждая насчитывала свыше 9,5 тыс. солдат и офицеров. 2-я и 4-я бригады в Салониках находились на фронте с лета 1916 г.

1-я бригада воевала в Шампани в составе 4-й французской армии. По свидетельству русского военного агента во Франции А. А. Игнатьева: «Появление наших солдат на Западном фронте имело... большое моральное значение, поднимая дух союзников и являясь неприятным сюрпризом для немцев».^[313] Германцам пришлось принимать особые меры предосторожности для повышения бдительности своих войск на этом участке фронта. Русские практиковали постоянные поиски, вылазки разведчиков (традиционные для русской армии ночные рейды охотников), взятие пленных, уничтожение постов и огневых точек.

26 сентября командующий 4-й армией дивизионный генерал А. Гуро в приказе по армии отметил доблесть русских войск, позднее личное удовлетворение действиями бригады передал главнокомандующий французскими армиями маршал Ж. Жоффр.^[314] Первая бригада находилась на позициях до середины октября и за это время завоевала отличную боевую репутацию. В октябре ее сменила 3-я бригада.

В составе 5-й французской армии обе бригады участвовали в апрельском наступлении 1917 г. нового французского главкома генерала Р. Нивеля (1-я бригада – в секторе Курси, 3-я первоначально находилась в армейском резерве). Геройская атака 1-й бригады (по словам очевидца, «волны русских атакующих быстро обгоняли французские») привела к взятию деревни Курси. Впоследствии под сильнейшим артиллерийским огнем отбивались германские контратаки – командир 1-й особой пехотной бригады генерал Н. А. Лохвицкий был контужен дважды. В 1-й день атаки (16 апреля) русские войска захватили в плен 635 человек. Потери 1-й бригады составили 28 офицеров и 50 % солдат. 3-я бригада участвовала на завершающем этапе наступления, также прорвав немецкую оборону и отразив все контратаки противника.

В апрельских боях обе бригады, особенно 1-я, понесли тяжелейшие потери. Отошли батальоны 1-й бригады 18 апреля по приказу командования, полностью выполнив задачу и продвинувшись намного дальше соседних французских частей, а 3-й – 20 апреля. Полки 1-й бригады из 5,1 тыс. штыков потеряли около 3 тыс., в некоторых батальонах потери доходили до 80 % личного состава.

Бригады были награждены коллективными наградами – Военным крестом каждая (второй случай в истории русской армии награждения воинских частей иностранными орденами) и упомянуты в приказах французского командования.

Революционные события не прошли стороной – действия агитаторов, газет привели к падению дисциплины и деградации бригад. Итогом стало открытое неповиновение части

военнослужащих и разделение русского контингента (после октябрьских событий 1917 г.) на три категории.

Одна из них – Русский легион (Легион Чести, сформирован в соответствии с декретом от 11 апреля 1918 г. из 252 добровольцев) – участвовала в войне до победного конца, представляя русскую армию в рядах союзников и пронеся русский флаг под Триумфальной аркой в Париже во время победного парада. А. П. Будберг писал: «2–16 сентября 1918 года, когда на французском фронте у д. Терни Сорны и на Плато Лафо и у Шато Деламотт уцелевший от двух революций последний остаток Российской Императорской Армии, трехротный Легион Чести (сформировавшийся из посланных во Францию особых бригад и включенный в состав наиболее прославленной марокканской дивизии), бешеным ударом и первым из всех союзных войск положил начало прорыву последнего неприятельского оплота – знаменитой укрепленной линии Гинденбурга, а затем, непреодолимым ураганом, идя впереди барражного огня французской артиллерии, разметывая отчаянное сопротивление ошеломленного врага и отбивая все его контрудары, прошел всю эту линию насквозь, вызвав своими подвигами восхищение соседних французских войск и всех французских начальников до Главнокомандующего Восточным фронтом Маршала Петэна включительно. В эти дни, далеко от родины и на чужой земле над доблестной кучкой русских храбрецов осененных одиноким русским знаменем и рыцарски продолжавших держать нерушимое русское слово, ослепительно сверкнул блистательный свет исконной русской боевой Славы и в конечный акт союзной победы была вновь вложена наша русская доля».^[315]

Ю. Н. Данилов также отмечал: «Мы... должны констатировать, что в течение всего 1918 года, вплоть до заключения общего перемирия 11 ноября, в рядах вооруженных сил Держав Согласия на территории Франции неукротимо сражался против центральных держав небольшой русский отряд. Этот отряд принял участие и в общем наступлении армий Держав Согласия к Рейну, для оккупации левобережной Германии. Присутствием своим на берегах Рейна русские легионеры запечатлели свою верность тем обязательствам, которые приняла на себя Россия, вступив с Державами Согласия в договор о совместном ведении войны с Державами Тройственного Союза до конца. Слава за эту непоколебимость и проявленную, вместе с тем, доблесть живым героям, вечная память их погибшим соратникам!»^[316]

В Македонии 2-я особая бригада (около 9 тыс. человек) в составе союзных войск Салоникского фронта участвовала в сентябрьском наступлении 1916 г. В бою под Флориной 19 сентября против частей 52-го пехотного болгарского полка бригада потеряла около 600 солдат и офицеров. Уже к 15 октября потери составляли свыше 1,4 тыс. человек.

В конце сентября была создана так называемая франко-русская дивизия, состоявшая из второй русской бригады, полка зуавов и двух групп артиллерии (20 легких и 8 тяжелых орудий); в ее составе бригада сражалась до конца октября.

В ноябре после кровопролитных боев русские части 2-й бригады вошли в оставленный неприятелем г. Монастырь. Бои за Монастырь были ключевым событием на Салоникском фронте. С прибытием 4-й бригады (около 7,3 тыс. человек) обе вошли в состав Сербской армии, участвуя в ноябрьском наступлении совместно с сербской Дринской дивизией (бригада потеряла 300 человек).

Наступательные бои продолжались и в декабре. Так, в боях 11–13 декабря части 4-й бригады нанесли серьезное поражение противостоящим германо-болгарским войскам, что было специально отмечено в приказе командующего Сербской армией. Учитывая большую изолированность от политических факторов македонских бригад по сравнению с французскими, русские войска на Салоникском фронте продержались как боевые единицы дольше.

Весной 1917 г. вторая бригада приняла участие в неудачном наступлении союзных войск в Македонии: пять батальонов бригады атаковали высоту Дабица, овладели ею, взяли в плен 109 немецких солдат и четырех офицеров, но вскоре вынуждены были отойти, не получив поддержки. Потери составили 1,3 тыс. солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Героизм солдат и офицеров в декабрьско-мартовских боях носил настолько массовый характер, что это выразилось в награждении за бой 26 апреля 1917 г. у высоты Дабица почетным оружием и Георгиевскими крестами 1,5 тыс. русских воинов. В июне 1917 г. русские части приняли участие в проводившейся державами Антанты операции по обеспечению нейтралитета

Греции. Бригады держались на фронте до января 1918 г., а в феврале были расформированы, но и затем 500 добровольцев из их числа продолжили борьбу.

О доблестном поведении русских контингентов в войсках союзников свидетельствуют данные о потерях: 1-я бригада в 1916 г. потеряла 237 человек, 3-я бригада – 475 человек. Во время газовой атаки 31 января 1917 г. в 3-й бригаде погибли и пострадали 328 человек. Тяжелые бои русских войск во Франции в апреле 1917 г. (в ходе так называемой бойни Нивеля) привели к потере около 70 офицеров и 5 тыс. солдат.

Потери войск на Салоникском фронте также были значительными. Уже к 23 октября 1916 г. во 2-й бригаде было свыше 2 тыс. раненых и больных.^[317] С 24 ноября 1916 г. по 25 января 1917 г. 2-я особая бригада потеряла до 2 тыс. человек (из них до 700 убитыми).^[318]

Летом 1917 г. из бригад были созданы 1-я и 2-я особые пехотные дивизии. Четыре русские пехотные бригады, в 1916 г. прибывшие во Францию и в Салоники, не могли серьезно повлиять на боевую ситуацию, но и они внесли свой вклад в победу держав Согласия, более того, их наследник в виде Легиона Чести продолжал борьбу вплоть до Компьенского перемирия, ознаменовав последний этап участия российской армии в поражении стран германского блока в Первой мировой.

Русский Легион насчитывал 51 офицера и 1625 солдат. Он отличился при отражении весеннего наступления Э. Людендорфа, а затем при прорыве линии Гинденбурга. Впоследствии участвовал в оккупации левого берега Рейна. Легионеры запечатлели своей доблестью в заключительных боях Первой мировой верность России своим союзническим обязательствам. Легион нес тяжелые потери – к 1 ноября 1918 г. в его составе (с учетом всех пополнений) было 564 человека.

Сам факт присутствия крупных войсковых частей России имел большое значение для союзников. Русские войска приобретали опыт ведения боевых действий на глубокоэшелонированном и насыщенном техникой фронте, союзники могли располагать свежими и мощными войсковыми единицами.

Бригады подчинялись союзному командованию лишь в оперативном отношении, имели российскую организационную структуру, управлялись своим комсоставом, подчинялись русским уставам, представитель русского командования в Союзном совете во Франции генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский пользовался по отношению к русским бригадам во Франции дисциплинарными правами командующего фронтом.

Факт противоборства с противником на Французском фронте и Балканах позволил сравнивать качества русских и союзных войск в одинаковой боевой обстановке. И сравнение в основном в пользу русских. Кроме того, эти бои показали, что при равном материально-техническом обеспечении русские войска сильнее немецких.

Следует отметить и такое значимое обстоятельство, что русские воинские контингенты провоевали в рядах союзных армий вплоть до официального окончания войны – русские воины символизировали верность своего государства (пусть уже и несуществующего) союзническому долгу.

Подводя итог последней кампании русской армии во время Первой мировой войны, нужно отметить следующее.

Все наступательные операции русских войск в революционный 1917 г. шли по одной схеме – «революционный порыв» в наступлении и неизбежный вражеский контрудар, использование противником снижения боевой устойчивости деморализованных русских войск, сводящей на нет все успехи наступления. По такой схеме развивались события на Юго-Западном (июнь – русское наступление, июль – неприятельский контрудар) и румынском (соответственно июль—август) фронтах. Оборонительные операции характеризовались быстрым фиаско оборонявшихся русских войск с преждевременным оставлением сильных позиций.

Но и в ситуации утраты боеспособности русская армия продолжала удерживать против себя значительные силы противника, наносить им потери, выполняя тем самым союзнический долг. Показательны в этом смысле июньское наступление Юго-Западного фронта, июльско-августовские операции на Румынском фронте, Моонзундская операция.

Операции гибнущей русской армии в 1917 г. проходили под старым русским армейским девизом «Сам погибай, а товарища выручай». Проявив самопожертвование, Россия внесла очередной вклад в общесоюзное дело. Верность союзническому долгу сохранялась в самых

тяжелых условиях. Метко охарактеризовал ситуацию военный историк А. А. Керсновский: «Весь 1917 год германский меч был обращен на восток, и агония одного русского полка давала возможность генералу Петену исцелить один французский. Спотыкаясь и падая, теряя сознание и вновь поднимаясь напряжением последних сил, смертельно пораженный русский больной нес на своих плечах двух тяжелых союзников, из коих один несколько прихворнул, а другой просто берег силы».^[319]

Именно выход России из войны сделал весьма актуальным вступление в войну США, ведь нужно было в очередной раз спасти Францию. О том, что и в 1917 г. Антанту без России ждало поражение и нужна была срочная замена последней в качестве важного военного союзника, свидетельствует такое авторитетное лицо, как П. Гинденбург: «Россия должна выдержать, по крайней мере пока американские войска не достигнут Франции, иначе военное и морское поражение последней неизбежно».^[320] Существование Русского фронта «...и на этот раз отнимает у нас перспективу победы».^[321]

В итоге разрушительных процессов в обществе и государстве, приведших к развалу государственного аппарата и вооруженных сил, 19 ноября 1917 г. были начаты сепаратные мирные переговоры между РСФСР и Центральными державами в Брест-Литовске, а 4 декабря заключено перемирие. Это перечеркнуло многолетние военные усилия России в Первой мировой войне.

Материальные последствия будущей общей победы оказались для России безвозвратно утраченными. Остались лишь моральное удовлетворение и чувство исполненного долга. Русская армия сделала все от нее зависящее, чтобы Антанта выиграла войну. Но Россию лишили плодов заслуженной победы ее новые политики.

§ 5. После Бреста – бывший Русский фронт в марте—ноябре 1918 г

В тот момент русская армия не являлась боевым фактором, но русский фронт мог ежеминутно возродиться.^[322]

Россия могла продолжать войну – ее экономика показала свою силу и мобильность. Пресловутый снарядный голод был удовлетворен к началу 1916 г., производство винтовок возросло к 1917 г. почти в 15 раз, пулеметов – в 17 раз. Было налажено не только политическое, но и экономическое взаимодействие с союзниками, причем в условиях блокады.

О качестве и боеспособности русской армии, ее высоком боевом духе свидетельствуют все участники боевых действий как со стороны союзников, так и противника. Стоит сказать и о высоком качестве частей и соединений русской армии, закаленных в горниле войны. Речь идет не только о доблести русского солдата, но и о прошедших боевые испытания полках и дивизиях как войсковых единицах. Здесь достаточно привести официальное мнение Осведомительного комитета Главного австрийского командования, выраженное в брошюре «Русская армия на начало 1917 г.».^[323] Из 135 поименованных пехотных дивизий (включая гвардейские, стрелковые и пр.) русской армии, по которым имеется информация, охарактеризованы как «испытанные в боях», «первоклассные», «хорошие», «с высокой боевой репутацией», «лучшего качества» – 74 дивизии; как «выдающиеся части» – 19 дивизий; как «штурмовые» – 4 дивизии. То есть почти 72 % от числа пехотных дивизий лестно характеризовались врагом.

Но кризис разразился прежде всего в общественной и социальной сферах. Революция в России, положившая начало выходу ее из войны, была тяжелым ударом и невосполнимой утратой для Антанты. Б. Лиддел-Гарт писал: «Временное понижение боеспособности французской армии было еще не самым худшим из ряда несчастий, которые в совокупности свели на нет наступление Антанты в 1917 году. Паралич России – вначале частичный, а затем и полный – был потерей, которую в течение долгих месяцев не могло возместить даже вступление в войну Америки. И прежде чем удалось восстановить равновесие, западные союзники России были на волосок от гибели».^[324]

Вынеся бремя войны в самые тяжелые годы, многострадальная Россия лишилась лавров победителя.

У. Черчилль писал: «Ни к одной стране рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда пристань была уже в виду. Он уже перенес бурю, когда наступило

крушение. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена одолели власть, когда задача была уже выполнена».^[325]

Генерал М. Свечин так сформулировал разделяемую большей частью русского офицерства точку зрения о бесплодности участия России в войне и гибели армии: «Многострадальная русская Армия умирала, пропаганда окончательно разложила ее. Преступное попустительство власти во главе с Керенским погубило страну и окончательно разрушило фронт. Все громадные усилия великой страны, все жертвы жизнью и кровью воинов – оказались принесенными в жертву напрасно. Россия осталась беззащитной – как от внешнего врага, так и внутри от захватчиков власти».^[326]

Но государственная катастрофа свершилась. Деятелям нового правительства было отлично известно, что сепаратный мир с германским блоком и мир «без аннексий и контрибуций» губельны для России и невозможны как в силу политических реалий, так и вследствие сложившейся обстановки. Однако стремление любой ценой удержаться у власти являлось преваляющим фактором.

Вследствие известного демарша Л. Д. Троцкого перемирие было расторгнуто и возобновлены военные действия. Под гнетом обстоятельств и германского ультиматума 3 марта 1918 г. был подписан Брест-Литовский мирный договор между РСФСР и Центральными державами.

В соответствии с этим договором: 1) от России отторгались привислинские губернии, Украина (получала независимость), губернии с преобладающим белорусским населением, Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии (территории включались в состав Германии либо создавались протектораты под германской гегемонией), а также Великое княжество Финляндское; 2) на Кавказе Россия уступала Карсскую и Батумскую области; 3) РСФСР заключала мир с УНР; 4) русские армия и флот демобилизовывались; 5) Балтийский флот лишался баз в Финляндии и Прибалтике; 6) Черноморский флот (со всей инфраструктурой) передавался Центральным державам; 7) РСФСР выплачивала огромные репарации – 6 млрд марок (в том числе 1,5 млрд золотом) и компенсировала убытки Германии в ходе русской революции еще на 500 млн золотых рублей; 8) советское правительство обязывалось прекратить революционную пропаганду в Центральных державах и союзных им государствах, образованных на территории бывшей Российской империи.

По итогам этого соглашения Россия теряла территорию площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 млн человек (треть населения Российской империи). Утрачивались 27 % обрабатываемых сельскохозяйственных земель, 26 % железнодорожной сети, 33 % текстильной промышленности и т. д.

Даже самый страшный военный разгром не мог привести к таким условиям, на которые пошло новое руководство державы – уже без пяти минут победительницы в мировой войне.

Россия выводила с указанных территорий все свои войска, а Германия войска вводила. Вечно битые русскими войсками турки занимали Карс, Аргадан и Батум. Германские войска должны были находиться на линии Нарва – Псков – Миллерово – Ростов-на-Дону вплоть до подписания всеобщего мирного договора.

Договор реанимировал крайне невыгодные для России таможенные тарифы 1904 г. и подтверждал все долги России Центральным державам.

В сентябре 1918 г. в Германию было отправлено два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны чистого золота на сумму свыше 120 млн золотых рублей. Показательно, что почти все поступившее в Германию российское золото впоследствии было передано во Францию в качестве контрибуции по Версальскому мирному договору, таким образом Россия в прямом смысле слова расплачивалась за нарушение своих союзнических обязательств.

Брестский мир не только дал возможность находившимся в 1917 г. на грани поражения Центральным державам продолжить войну, но и дал им последний шанс на победу, позволив сосредоточить все свои силы против войск Антанты во Франции и Италии, а ликвидация Кавказского фронта развязывала руки Турции для действий против англичан на Ближнем Востоке и в Месопотамии.

Благодаря перемирию, а затем миру Германия и ее союзники смогли провоевать один лишний год. Этот факт, в частности, подтверждает исследователь военной статистики сотрудник французского Генерального штаба подполковник Ляше: «Начиная с октября 1917... [присутствует] “опорожнение” русского фронта в пользу западного так, как будто они

представляли собой два сообщающихся сосуда... Свобода действий германского высшего командования стала очень широкой только с началом русского краха в 1917 г., который освободил массу германских армий на русском фронте и позволил немецкому командованию сосредоточить в начале 1918 г. 4/5 всех своих сил на западе... Русский фронт был тем фронтом, который притянул на себя и потребил большую часть австро-венгерских сил, намного больше, чем итальянский. Представляется даже весьма вероятным, что Двуетная монархия рухнула бы еще в 1917 г., если бы Россия продолжала в этом году борьбу с такой же энергией, как в 1916 г. Мировая война несомненно была бы сокращена на 1 год».^[327] По мнению главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова, высказанному в одном из интервью в начале осени 1916 г., война могла окончиться в августе 1917 г. Разумеется, он имел в виду ситуацию, при которой Россия не ослабит своих военных усилий в связи с революциями, о которых генерал пока не догадывался.

3 марта 1918 г. считается днем окончания участия России в Первой мировой войне, хотя русские воинские контингенты продолжали борьбу с врагом в составе армий союзников, а бывший Восточный фронт продолжал удерживать значительное количество австро-германских войск. И в этом тоже вклад России в общую победу: «Яд пораженчества, красной пропаганды и требования мира во что бы ни стало, убившие русскую армию, заразили постепенно и немецкие войска, стоявшие на нашем затихшем фронте, на котором бои сменились братанием и торговым обменом. Затем по мере переброски этих войск на запад эта пораженческая и революционная зараза распространилась и по всей Германии и проникала в остальные части германских вооруженных сил, подтачивая их дух и дисциплину и подготавливая все развальные последствия, приведшие к общему краху Германии осенью 1918 года... Эти войска потеряли немалую долю своей боеспособности и были близки к разложению. Продолжительное бездействие и частое братание с разложившимися русскими войсками неблагоприятно отразились на дисциплине и настроении германской солдатской массы; войсковые части, привезенные из России, внесли первые семена разложения в германские армии. Окончательное торжество союзников достигнуто не их военным превосходством, не их искусством, вообще не победами их оружия, а обязано разложению германских вооруженных сил».^[328]

Даже выйдя из войны, Россия продолжала приковывать большие силы (свыше миллиона военнослужащих) противника. Неприятель при всей ограниченности своих материально-технических и финансовых ресурсов (усугубленных блокадой Антанты) продолжал тратить огромные средства на содержание и обеспечение воинского контингента и инфраструктуры на бывшем Русском фронте. Большевикам при всем их желании не сразу удалось завершить участие России в войне – на подготовку переговоров и окончательный развал армии ушло четыре месяца.

Германцы и австрийцы были вынуждены держать против бывшего Русского фронта крупную войсковую группировку. Так, последняя надежда Германии – весеннее наступление 1918 г. во Франции – не вылилась в стратегический успех, в том числе и потому, что не было подвижных сил для развития успеха: вся конница (9 кавалерийских дивизий) была на востоке.

Как отмечал В. А. Меликов: «...наличие в первом мартовском прорыве на Амьен подвижного рода войск в виде конницы, соответственно оснащенной технически, как подтверждают исследователи мировой войны (Куль, Сект, Брандо и др.), имело бы огромное значение для германцев. Брошенная в прорыв, преследуя отходящего противника, конница захватила бы железнодорожный узел Амьена, в 15 км от которого залегла выдохшаяся германская пехота».^[329]

Генерал пехоты Г. фон Куль (бывший генерал-квартирмейстер Большого Генерального штаба), анализируя мнение союзного командования по этому вопросу, говорил, что наличие на Амьенском направлении крупных кавалерийских соединений у германцев могло бы создать в вопросе захвата Амьена решающую роль: «Если бы конница прорвалась в широкий промежуток, образовавшийся против правого фланга 18-й армии (между Фукекур и южнее Рой) на стыке английской и французской армий, то она задержала бы перебрасываемые на автомобилях и по железной дороге французские дивизии, застигнув их врасплох, опрокинула бы подходившую без всякого прикрытия неприятельскую артиллерию и навела бы панику и ужас в тылу у французов и англичан, которые в то время вели еще бой с левым флангом 2-й армии и с 18-й армией».^[330]

Еще в ноябре 1917 г. практически прекративший свое существование Русский фронт притягивал к себе более 70 германских пехотных дивизий. И это не считая конницы и

австро-венгерских войск. Страх и уважение, которые он внушал немцам, были таковы, что германское верховное командование все еще держало здесь значительные силы даже в период тяжелых и судьбоносных боев во Франции 1918 г.

В период последнего германского наступления на Западе весны—лета 1918 г. бывший Русский фронт притягивал до 50 германских дивизий (при 193 на Французском фронте), чем оказал неоценимую и последнюю помощь своим бывшим союзникам. Именно этих дивизий не хватило Э. Людендорфу в последнем броске, и их отсутствие в нужный момент на Французском фронте все специалисты в один голос именуют фатальным для немцев обстоятельством и их последней ошибкой стратегического масштаба.

Глава пятая. Мифы и реальность

§ 1. Боевые военно-оперативные потери: факты – упрямая вещь Потери русской армии

В отечественной военно-исторической науке существуют различные цифры потерь русской армии в годы Первой мировой войны.

Н. Н. Головин приводил следующие цифры: 1 млн 300 тыс. убитых, 4 млн 200 тыс. раненых (из них умерло от ран свыше 350 тыс.), 2 млн 417 тыс. пленных.^[331] Б. Ц. Урланис называл общее число убитых и умерших – 1 млн 811 тыс. человек.^[332] Статистические материалы официальных органов и работы соответствующих специалистов определяли количество русских пленных в 2 млн 889 тыс. (с умершими, бежавшими и обмененными),^[333] и даже в 4 млн 153 тыс. человек.^[334] Число убитых, по данным Ставки на 1 сентября 1917 г., составляло 775 тыс.^[335] человек. Архивные материалы называли цифру в 1 млн 61 тыс. – это убитые, умершие от ран и болезней, отравленные газами, пропавшие без вести и уволенные от службы.^[336] В то же время присутствует и цифра погибших в 1 млн 500 тыс. человек,^[337] а союзники определяли потери Россией убитыми от 1 млн 700 тыс. до 2 млн 500 тыс. человек.

Главная тенденция – это присутствующее в трудах специалистов завышение цифр потерь русской армии. Причем официальным материалам в сфере потерь можно доверять в гораздо большей степени. Неясность в этом вопросе приводит к инсинуациям некоторых исследователей.

Потери русской армии действительно были высоки. Например, армейская пехота за войну потеряла от 4 до 10 штатных составов частей и соединений. Так, 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк уже за первые полтора месяца войны потерял 2/3 личного состава.^[338]

Но с достоверностью подсчитать абсолютные цифры потерь весьма затруднительно, так как вследствие боевых событий, революций, Гражданской войны, сознательного уничтожения материалов представителями новой власти огромный массив документов оказался утраченным. Имеющиеся данные, к сожалению, далеко не исчерпывающие (что отмечают все исследователи этой проблемы) и полной картины не дают, вследствие чего приходится применять аналогии и допущения. Интересную характеристику отчетности в данной сфере давал офицер, знакомый с этим на практике, – командир 6-го Финляндского стрелкового полка полковник А. А. Свечин: «Полковую канцелярию соединяет с ротами очень тонкая, рвущаяся нить, – ротные писаря. Иногда острая, быстро меняющаяся обстановка в течение целой недели препятствует канцелярии... заняться своим хлопотливым делом... Ротный писарь хлопочет о соответствии действительности со списками, которые ведутся в полку, ежедневно циркулирует между штабом полка и ротой, представляет данные об убыли; но весь этот механизм функционирует до того момента, когда потери начинают принимать катастрофические размеры, роты исчезают целиком со своими командирами, фельдфебелями и писарями, в них спешно вливаются новые пополнения, и состав роты неожиданно оказывается почти полностью неизвестным полковой канцелярии. И в эти моменты полк марширует чуть ли не по 20 часов в сутки, новый ротный писарь старается разобраться в составе роты, люди которой плохо знают друг друга, собирает слухи, куда делся тот или иной стрелок, числящийся в ротном списке, – а этот список длинный и включает в себе порой до 800 безвестных фамилий, часто повторяющихся. Заприходываются прибывающие в полк солдаты канцелярией очень аккуратно, а выводятся в расход, естественно, с большим опозданием. Был солдат и нет его. Какова его судьба? Убит ли, попал ли в денщики, устроился при обозе, послан в командировку или эвакуирован – может быть через перевязочный

пункт соседнего полка или попал в плен. Пачкать строевую отчетность непрерывной ссылкой на без вести пропавших не хочется. А пока разберутся, получается естественный приток мертвых душ».^[339]

Мы убедились в этом, проанализировав информацию по потерям отдельных полков русской армии:^[340] 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка, 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полка, 3-го пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. Так, анализ ведомостей о потерях 1-го пехотного Невского полка позволяет сделать важнейшие выводы: во-первых, учитывались не все потери (отсутствуют, например, офицерские потери) и не всех подразделений полка; во-вторых, из отчетности выпали важнейшие боевые периоды – 1914-й г. (когда в августе 1914 г., например, полк практически полностью погиб в Восточной Пруссии); январь – большая часть марта 1915 г. и позднее (например, 27 июля – 13 августа, сентябрь—декабрь 1917 г.). Причем и эти очень неполные данные говорят о потере полком более чем 1,5 тыс. человек, то есть почти половины боевого состава. Вышеприведенная информация в целом свидетельствует как о низком качестве боевой отчетности, так и о неполноте сохранившихся документов. И такая ситуация – не исключение, а правило. Иллюстрируют это и списки потерь, например, касающиеся 2-го пехотного Софийского полка. Список № 1 начинается в ноябре 1914 г. (опять выпал период тяжелейших боев лета—осени 1914 г.); в списке № 2 от 22 декабря 1915 г. упоминается лишь о двух умерших с 18 по 20 декабря и т. п. Складывается картина, аналогичная предыдущей ситуации. Если взять списки потерь 3-го пехотного Нарвского полка, мы увидим примерно то же самое. Например, список № 1 фиксирует потери начиная только с 12 по 31 января 1916 г.!

Обращает на себя внимание и весьма странная периодичность отчетов о потерях. Складывается впечатление, что они осуществлялись не в соответствии с какой-то системой, а когда позволяли время и обстоятельства. Это наблюдение, временные отрезки, за которые осуществляется подсчет, а также относительная незначительность потерь позволяют сделать вывод, что мы имеем дело преимущественно с потерями русской армии в период позиционной войны, когда части стояли на позициях и документооборот осуществлялся более-менее нормально. Кризисы, крупнейшие сражения, отступления и наступления, связанные с гибелью либо пленением противником значительных масс людей, приводили к тому, что отчетность в эти моменты регулярно не осуществлялась (было не до этого) либо утрачивалась. К тому же оставление убитых и раненых на территории противника не позволяло осуществлять правильный подсчет. Многое, безусловно, зависело от ситуации на участке фронта, где действовала воинская часть.

Учитывая все обстоятельства (среди них главные – неполнота и противоречивость данных о потерях), а также то, что, например, раненые могли учитываться несколько раз, неоднократно возвращаться в строй и вновь выбывать из него, неясна категория пропавших без вести – наиболее предпочтительным является, на наш взгляд, выявление потерь применительно к военным операциям и кампаниям, то есть военно-оперативных потерь.

Стоит отметить, что цифры потерь русской армии, приводимые иностранными (прежде всего германскими и австрийскими) авторами (включая и мемуарные источники), это своеобразные «агитки» времен войны, которые кочуют по страницам исторических работ. Так, например, видный представитель германского генералитета П. Гинденбург с поразительным упорством неоднократно на страницах своей работы упоминал, что 200 тыс. солдат его 8-й армии в Восточной Пруссии в августе 1914 г. противостояли 800 тыс. русских солдат 1-й и 2-й армий.^[341] Неужели генерал не знал истины, указывая фантастические цифры в послевоенной работе? Но если такое высокопоставленное лицо откровенно лжет, выдавая желаемое за действительное, то для чего?

Это осуществляется в расчете на простого германского обывателя и одновременно – чтобы подчеркнуть свой личный вклад в победу, попутно унизив противника. Действительно, от 800 тыс. русских солдат Северо-Западного фронта и 90 тыс. пленных (также придуманных) – это еще мало! П. Гинденбург, вероятно, не понял главного: при указанных им цифровых данных о численности русской группировки, противостоящей вверенным ему войскам, германцев не спасли бы никакие «таланты» его и Э. Людендорфа.

Австрийцы замалчивали неудачи в Галицийской битве 1914 г. и Брусиловской операции 1916 г., раздувая результаты своего Лимановского контрнаступления конца 1914 г. И можно продолжать.

Ключ к пониманию всего вышеизложенного можно найти в австрийском издании *Der Erste Weltkrieg*. В нем сформулированы особенности пропаганды – одной из форм психологической войны. Причем психологическая война названа разновидностью боевых действий: «Психологическая атака направляется на ослабление воли противника к сопротивлению. Солдат, который сопротивляется нападению противника с оружием в руках, может нанести потери, психологическое же воздействие деморализует его при относительной безопасности атакующего».^[342]

Неудивительно, что именно австрийцы явились одними из создателей пропаганды и психологической войны – при их многонациональной армии данные средства манипулирования массами были жизненно необходимы.

О подобной деятельности австрийцев среди русских войск в Карпатах свидетельствовал Ю. Н. Данилов: «С целью увеличения шансов на успех наши противники, с некоторых пор, стали распространять в обширных размерах среди наших войск и населения района военных действий разного рода воззвания и обращения... Прием разложения противной стороны, путем лицемерной пропаганды, видимо, начинал приобретать у них все большие права гражданства. В данный период времени, с особым рвением, его стали применять австрийцы, не гнушавшиеся распространять среди наших войск прокламации».^[343]

Руководитель австрийской контрразведки М. Ронге писал: «Наше разведывательное отделение использовало объявление турками “священной войны”. С одобрения турецкого посла в Вене летчики и агенты распространяли воззвания среди мусульман русской армии. Кроме того, на легко возбуждаемую фантазию последних пытались воздействовать ракетами и другими пиротехническими средствами. Их должны были привлекать зеленые знамена с полумесяцем и звездой. Эта пропаганда... имела некоторый успех».^[344]

Ведь энергичная пропаганда сокращает срок войны: «Мы выпустили книжку о русских зверствах и заготовили 50 тысяч экземпляров воззваний, которые 22 января – в годовщину гапоновских событий в Петербурге – должны были поколебать русскую волю к продолжению войны. Эти воззвания выпускались от имени “Русской народной организации в Женеве”. В русские окопы они доставлялись агентами. На тех участках, где позиции были расположены близко, воззвания пускались при помощи детских воздушных шаров. Воззванием этим очень возмущалась русская ставка и расценивала его как низкий маневр. Ротмистр фон Вальцель, энергично руководивший этой пропагандой, позднее использовал баллоны с теплым воздухом, обладавшие большой подъемной силой, бутылки и тому подобную посуду в реках и даже льдины, на которых яркими красками и в бросающейся в глаза форме писались лозунги».^[345] И «ее [пропаганды] успехи убедили в полезности пропаганды даже ее прежних противников. Они убедились в том, что пропаганда обеспечивает отдых своим войскам, сберегает огнеприпасы и облегчает оборудование позиций».^[346]

Начальник австрийского Генштаба генерал Арц следующим образом оценил значимость пропаганды и информационной войны на Русском фронте: «Органы пропаганды, бесспорно, имеют большие заслуги в успехах австро-германских войск в Галиции. Благодаря энергичной и умелой деятельности, нередко связанной с опасностью для жизни, моральное состояние противника было сильно подорвано, нашему командованию были оказаны ценные услуги, войскам был обеспечен отдых в течение ряда месяцев и вместе с тем было достигнуто уменьшение потерь».^[347]

Соответственно, многие цифры и факты, заявленные противником и перекочевавшие на страницы многих отечественных исторических работ, нужно рассматривать не как достоверную информацию, а как элемент пропаганды противника. Вместе с тем мы вынуждены пользоваться и данными противника о потерях – особенно это касается неудачных для русской армии сражений, когда поле боя оказывается в руках врага и он собирает трофеи. Но относиться к таким данным следует с большой долей осторожности.

Русское же командование использовало традиционные методы подсчетов, его данные гораздо более достоверны. Существовала даже своеобразная методика подсчета пленных. Очевидец свидетельствует: «Когда пленных мало, подсчитать их недолго. Иначе дело обстоит, если

пленных тысячи и больше. Недавно, во время произведенного нашими войсками прорыва австро-германских сил на реке Стыри, было взято в плен 5552 человека. Сообщение с упоминанием этой цифры было послано в Штаб Верховного Главнокомандующего в день боя. А между тем подсчитать такую цифру пленных, конечно, нелегко. Мне несколько раз приходилось присутствовать при этой процедуре. Нет никаких особо выработанных на этот счет и утвержденных правил. Главную роль играет сноровка.

Если пленных всего несколько сот человек или даже того меньше, их выстраивают в несколько шеренг и попросту подсчитывают или считают, выпуская из помещения, где пленным дан был временный приют... Гораздо сложнее дело, повторяю, когда пленных тысячи.

Помню, в конце апреля (1915 г. – *А. О.*) я приехал в Шавли. На рассвете в этот день верстах в восьми-десяти от города разыгрался бой, чрезвычайно удачный для нас. Мы разбили два батальона германцев и забрали у них пушки, пулеметы.

– А пленных много? – спросил я офицера, который рассказал мне об этом.

– Да, немало! Пожалуй, до двух тысяч. Сейчас их будут подсчитывать. Хотите, пойдем, посмотрим?

– С удовольствием! – ответил я.

Всю массу пленных направили в улицу, где находилась мужская гимназия. Перед гимназий был небольшой двор, тянувшийся вдоль фасада здания. Со двора на улицу вело двое ворот. Из кольев и бревен построили посреди улицы перегородку так, что она находилась между воротами. Таким образом, чтобы пройти всю улицу, нужно было войти через одни ворота в гимназический двор, пройти его и выйти через другие ворота. В воротах производился подсчет. Когда пленные прошли, сверили подсчет в обоих воротах; оказалась одна и та же цифра.

Через полторы недели после этого я присутствовал при подсчете пленных под Опатовом. Было их взято свыше тысячи человек. Всех их разбили на три группы. Каждую группу выстроили в одну шеренгу. Потом шеренги повернули направо и повели мимо трех офицеров, которые со своими помощниками унтер-офицерами производили подсчет. Когда группы прошли, их повернули обратно, но так, что каждая группа попала к иному офицеру. Затем провели в третий раз. Таким образом каждая группа была сосчитана трижды.

Когда одна из славнейших дивизий нашей армии, под начальством генерала Некрасова, разбила наголову австрийцев под Сенявой и взяла массу пленных, хотелось установить точно их цифру. Но в то же время тратить много времени на подсчет нельзя было, потому что штаб дивизии находился вблизи линии боя, и пленных нужно было поскорее отправлять в тыл.

За деревней нашли три стоящих в ряд гумна. Между гумнами поставили цепь солдат, чтобы ни один из пленных не мог пройти между построениями. В гумнах, как известно, по двое ворот. Раскрыли ворота и стали пропускать пленных через гумна, а внутри их подсчитывали. Вышло 7436 человек. Весь подсчет продолжался не более трех четвертей часа... унтер-офицеры, которые помогали офицерам считать, вылезли из гумен красные, потные. Но когда я подошел к одному из них и спросил: “Что, трудно было считать?”, он широко улыбнулся и ответил: “Ничего! Хоть бы целый день готов таким же манером подсчитывать. Лишь бы было что!”».^[348]

Мы специально привели такую обширную цитату как ответ тем, кто считает, что невозможно установить точные цифры при фронтовых подсчетах, а данные с фронтов (и соответственно, данные Ставки) – недостоверны.

Хотя, конечно, в условиях войны не вся информация соответствовала действительности – достоверность докладов с передовой часто зависела от добросовестности командира и условий боевой обстановки. Иллюстрацией являются, например, впечатления участника боев в Восточной Пруссии в конце 1914-го г.: «Из-за проволоки – частый ружейный огонь. Наше “ура”, короткая штыковая стычка после того, как мы разрубили проволоку, и группа пленных... Трупы: наших перед проволокой, немцев – за заграждением и в переулке деревни. Я приказываю отвести пленных, не пересчитывая (выделено нами. – *А. О.*) и не посылая записки-донесения».^[349]

Но соответствующие сведения в любом случае аккумулировались и проверялись на уровне вышестоящего штаба. Так, сводка Штаба Верховного главнокомандующего от 29 августа 1915 г. содержит следующие строки: «Штаб Верховного Главнокомандующего считает необходимым пояснить, что в пределах человеческих сил и средств и требований военного искусства Штаб всегда стремится представить событие в его истинном виде, избегая тенденциозной окраски. Ошибки неизбежны и часто неустранимы в той спешной, крайне возбуждающей, крайне

сложной до полной неясности обстановке, в которой совершаются военные события. Поэтому, признавая несомненность нашего большого успеха под Тарнополем и Трембовлей, что ясно из действий наших войск, Штаб свой ответ о трофеях задерживает до получения из боевой линии более точных и определенных донесений (выделено нами. – *А. О.*)».^[350]

Существовало распоряжение начальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта № 5333 от 28–29 ноября 1914 г. (его действие было распространено на все армии и фронты) и касающееся как раз вопросов тщательной проверки информации о потерях и трофеях на театрах военных действий. Так, уже 27 августа начальникам штабов армий было приказано доставлять по определенной форме сведения о пленных к 10 сентября и далее к 5-му и 20-му числу каждого месяца.^[351] Общая сводка о трофеях была препровождена дежурному генералу при Верховном Главнокомандующем 6 октября 1914 г. за № 127.^[352]

Так как в сводках часто присутствовала неполная информация, было приказано указывать период и обстоятельства пленения солдат и офицеров противника. Причем это требование носило категорический характер. Пленные, захваченные с 1 по 15 ноября, были указаны уже в телеграмме от 17 ноября.

Количество трупов на полях сражений должно также упоминаться в сводках, подсчитываться гражданскими властями при предании земле.^[353] Ежедневно по телеграфу соответствующие сведения должны передаваться генерал-квартирмейстерской частью.

Мы убедились в достоверности русских официальных данных, анализируя ситуацию с военно-оперативными потерями русской и германской армий в период операции у Воли Шидловской 19–24 января 1915 г. Причем, открыв страницы сборника официальных сообщений Ставки, были настроены весьма скептически. Строки официального русского документа гласили: «На передовой линии неприятеля вошли в бой свыше 14-ти полков. Многочисленная артиллерия, включающая и тяжелые калибры, не прекращает огня ни днем, ни ночью»;^[354] «...сражение у Боржимова и Воля-Шидловская продолжалось с чрезвычайным упорством и при необычайной густоте построения нашего противника. С целью прорыва нашего фронта неприятель ввел в бой на участке около 10-ти верст семь дивизий, поддержанных 100 батареями. Некоторые дивизии развертывались на фронте всего около версты».^[355] Но германские данные, причем официальные материалы Рейхсархива, изданные уже по прошествии значительного времени после войны, также подтверждают наличие мощного огневого кулака – 100 батарей, поддерживающих действия германских войск.^[356]

Согласно архивным материалам, русские войска за шесть дней боев понесли тяжелые потери – до 40 тыс. человек.^[357] Русское издание времен войны утверждало, что не менее крупные потери понес и противник.^[358] То есть также 40 тыс. Каково же было наше удивление, когда на страницах Рейхсархива немцы также оценили свои потери в 40 тыс. человек в восьми дивизиях, причем лишь за три дня боев!^[359] И цифра потерь, и количество введенных в дело германских войск фактически совпали в русских официальных материалах 1915 г. и германских официальных материалах 1931 г. Соответственно, это показатель высочайшей достоверности русских официальных данных времен Великой войны. Из этого факта и будем исходить впоследствии.

Помимо российских данных нами интенсивно использовались материалы французских военных специалистов. На наш взгляд, они вполне объективны и нейтральны в своих оценках. А тот факт, что ими использовались данные германского генерального штаба, придает им повышенную ценность.

При определении цифр потерь нами за основу брались наиболее авторитетные и заслуживающие доверия источники, в некоторых случаях осуществлялись собственные подсчеты на основе архивных материалов.

Соответственно, можно установить приближенную к реальности цифру потерь русской армии на фронтах Первой мировой войны.

Кампания 1914 года

В ходе кампании русская армия осуществляла крупные стратегические наступательные операции, стоившие ей больших жертв.

Вопрос о потерях в Восточно-Прусской операции непрост, оброс мифами и инсинуациями, но, по нашим подсчетам,^[360] 1-я русская армия потеряла за июль—август 90 тыс. человек. При

прорыве и в окружении русские войска центральных корпусов 2-й армии понесли большие потери. Германский Рейхсархив называл общую цифру пленных – 92 тыс. человек, а также около 350 захваченных орудий^[361] плюс до 50 тыс. человек – «кровавые» потери.^[362] То есть получается, что погибла 2-я армия в полном составе. Но ведь в окружение попала лишь половина армии, да и из окружения часть войск прорвалась. Эти фантастические цифры – яркий образчик германской информационной войны. Общие потери 2-й армии в самсоновской катастрофе (наступательные и оборонительные бои, а также потери в котле) оцениваются нами в 70 тыс. человек.^[363]

В целом Восточно-Прусская операция (включая первое сражение у Мазурских озер) обошлась Северо-Западному фронту примерно в 160 тыс. человек. Нужно помнить, что большинство этих людей – раненые и пленные, часть из них впоследствии вернулась в строй. Самые тяжелые потери для фронта пришлось на бои в отступлении и бои в окружении^[364] (первое сражение у Мазурских озер и самсоновская катастрофа). Основные потери в первом случае пришлось на второочередные части и тыловые подразделения 1-й армии, во втором случае – на кадровые полки 15-го, 13-го армейских корпусов и на 2-ю пехотную дивизию 2-й армии. То есть пострадали в последнем случае первоклассные войска, ударная группа 2-й армии, и поэтому резонанс от самсоновской катастрофы превзошел поражение 1-й армии, хотя цифры потерь вполне сопоставимы. Наступательные и встречные бои стоили Северо-Западному фронту гораздо дешевле.

Мы считаем, что наши подсчеты вполне реальны (так, 70 тыс. потерь 2-й армии – это ровно половина от ее первоначального состава; цифра очень высокая и без инсинуаций, кстати говоря, ровно половина армии – 2,5 корпуса – в окружение не попала).

Эти цифры лишний раз разоблачают тех, кто «похоронил» русские армии в Восточной Пруссии. Ведь если потери Северо-Западного фронта составили бы, как пишут некоторые авторы, 250 тыс. человек,^[365] то осенью в Восточной Пруссии просто было бы некому воевать, тем более успешно, а одна свежая 10-я армия не смогла бы противостоять усилившейся после перебросок с запада 8-й германской армии.

Таким образом, потери составили 64 % от первоначальной численности войск Северо-Западного фронта. В целом потери противников вполне соотносятся с военной теорией, устанавливающей нормальное соотношение для атакующего и обороняющегося как 3:1. Русские же в Пруссии воевали почти при равенстве сил с немцами, которые к тому же опирались на укрепленные районы. Более того, германцы на направлениях главного удара (бой с 13-м и 15-м корпусами, левый фланг 1-й армии у Мазурских озер) превосходили русских. Также следует сказать, что большие потери 1-й русской армии у Мазурских озер (25–31 августа) пришлось на отступающие второочередные дивизии, оказавшиеся недостаточно боеготовыми.

Потери в Галицийской битве, сражении широкого стратегического масштаба с применением в основном отлично подготовленных кадровых войск мирного времени, были очень велики. Русские потери (230 тыс. человек и 94 орудия) составили около 40 % первоначальной группировки войск фронта. По свидетельству Ф. Конрада Гетцендорфа, бои у Красника, Комарова и Львова дали австрийцам до 40 тыс. пленных.^[366] Наиболее тяжелые потери понесли войска северного фаса – 4, 5 и 9-я армии. Так, главный «именинник» Томашевской битвы – 19-й армейский корпус – к концу первых двух дней сражения потерял 7 тыс. человек убитыми и ранеными (эти потери увеличились к концу боев в окружении только в одной 38-й дивизии до 100 офицеров и 8 тыс. солдат, то есть 35 % командного и 50 % рядового состава).

К концу Галицийской битвы некомплект бойцов доходил в 4-й армии до 30–35 %, а в Гренадерском корпусе – до 70 % боевого состава.^[367]

Указанное соотношение потерь русских и австрийцев (см. ниже) демонстрирует, с одной стороны, примерно равное качество войск мирного времени всех противников и показывает австрийскую армию как грозного врага, с другой стороны, в какой-то мере объясняет вялое преследование (при отставших обозах и т. п.) со стороны русских войск, что привело к тому, что австрийская армия все же не была уничтожена.

В ходе первой Августовской операции Северо-Западного фронта 12–30 сентября 1914 г. русские потери составили до 20 тыс. человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими.^[368]

Потери русских войск в Варшавско-Ивангородской операции были велики.^[369] Общие потери четырех русских армий за операцию – около 150 тыс. человек и до 50 орудий. Противник заявил о 20 тыс. русских пленных.^[370]

Русские потери в Лодзинской операции были очень значительны^[371] – вместе с боями начала декабря это 280 тыс. человек.^[372] От изначальной группировки, с учетом подкреплений, русские потери составили свыше 50 % боевого состава трех активных армий операции.

Русские потери в Сарыкамышской операции 9 декабря 1914 г. – 4 января 1915 г. – более 20 тыс. убитых, раненых, больных и свыше 6 тыс. обмороженных; особенно пострадал командный состав. В итоге, как отмечал Н. Н. Головин, русская армия к концу 1914 г. потеряла убитыми и ранеными около миллиона бойцов.^[373] Архивные данные, пусть и фрагментарные, в целом подтверждают эту цифру. Так, только офицерские потери к 1.12.1914 превысили 10 тыс. человек, количество лишь раненых и контуженых нижних чинов за тот же период составило 435 тыс. человек.^[374] По 10.12.1914 было эвакуировано в Россию раненых 8820 офицеров и 493 059 нижних чинов.^[375] Некомплект пехоты армейских корпусов на 29-е декабря 1914 г. приближался к цифре 500 тыс. человек.^[376]

Убито и пропало без вести офицеров и нижних чинов войск Северо-Западного фронта к 15 февраля 1915 г. более 430 тыс. человек, а Юго-Западного фронта к 1 марта 1915 г. – более 328 тыс. человек.^[377] Убыль в офицерах по 1 февраля 1915 г. – 23 258 человек.^[378] Пленных, по данным германской Главной квартиры, к началу 1915 г. насчитывалось 310 тыс. человек.^[379]

Если рассмотреть русские военно-оперативные потери в кампании 1914 г. по театрам военных действий, то 180 тыс. человек потеряно в Восточной Пруссии, свыше 400 тыс. – в Польше, не менее полумиллиона (только Галицийская битва – 230 тыс.) – в Галиции. Структура потерь отражает масштабность боев и значимость того или иного театра военных действий для русской стратегии.

Кампания 1915 года

В кампании 1915 г. Россия приняла на себя главный удар армий стран германского блока.

В операции у Воли Шидловской 18–23 января русские войска (2-я армия, прежде всего ее 6-й армейский корпус) понесли тяжелые потери. 6-й армейский корпус с приданными соединениями потерял до 40 тыс. человек.^[380]

Вторая Августовская операция (зимнее сражение в Мазурии) на втором месте (после Восточно-Прусской операции 1914 г.) по богатству фантазий германской пропаганды о взятых немцами несуществующих трофеях и «уничтожении» целой армии – в чем германцам усердно вторит отечественная историческая наука. С одной стороны, это неудивительно – мы видим второй в Первую мировую войну случай удавшейся операции на окружение, правда, в еще более скромных размерах (в рамках одного армейского корпуса), а операции такого плана в обеих мировых войнах немцами раздувались невероятно (чему способствовала обстановка в стане окруженных русских войск – не позволяла надлежащим образом считать потери). Но ясно одно – за цифрами германского генерала Э. Людендорфа и иже с ним о 100 тыс. русских пленных кроются локальный тактический успех противника и его поражение стратегического масштаба. И цифры – дымовая завеса неприятеля, скрывающая факты. Но более того, как раз реальные цифры потерь и подтверждают неуспех врага.

Германские источники называют (как зеркальное отражение восточно-пруссских фантазий августа 1914 г.) следующие цифры своих трофеев на 8 февраля 1915 г.: до 92 000 пленных, 9 генералов, 295 орудий, свыше 170 пулеметов.^[381] Полковник резерва Г. фон Редерн приводит еще более фантастические цифры: «Общая добыча 8-й и 10-й армий за время мазурских боев составила: 110 000 пленных, около 300 орудий, несколько сот пулеметов, обозных повозок, походных кухонь, всевозможных военных припасов, несколько тысяч голов скота и лошадей, 3 санитарных поезда и 1 денежный ящик».^[382] О 110 000 русских пленных говорит и такой яркий стратег в сфере информационной войны, как Э. Людендорф.^[383] Трофеи из состава 20-го корпуса немцы исчисляли в «30 000 пленных, принадлежавших 27, 28 и 29 пехотным и 53 резервной дивизиям, 11 генералов, 200 орудий».^[384] Но как минимум в это число включаются и пленные немцы, освобожденные своими. Так, тот же источник отмечал: «При формировании громадных отрядов пленных победители с радостью приветствовали бывших среди них раненых немцев и медицинский персонал, попавших во время боев, в последние дни у Сераскиля, к русским в плен.

Трудно описать радость так счастливо освободившихся из плена, представлявших уже себе все ужасы, ожидавшие их в степях Сибири».^[385]

Несмотря на инсинуации немцев, приходится признать, что погиб 40-тысячный кадровый корпус. Потери 20-го армейского корпуса с 31 января по 8 февраля 1915 г. исчислялись в 34 тыс. человек.^[386]

Весь вопрос в том, какие потери понесли русские корпуса и откуда взялись 110 000, 92 000 или даже 30 000 русских пленных, когда к началу операции вся 10-я армия насчитывала лишь 126 000 человек. А ведь в окружение попал лишь один корпус из четырех с половиной, числившихся в армии. Более того, из состава многострадального 20-го армейского корпуса после его гибели собралось до 12 000 человек. В своем документальном труде исследователь и очевидец событий, исполнявший обязанности начальника 53-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса генерал-лейтенант И. А. Хольмсен, приводит, на наш взгляд, вполне объективные данные о потерях русской 10-й армии.^[387] В обобщенном варианте они выглядят следующим образом к 9 февраля 1915 г.:

20-й армейский корпус	34 000 человек и 146 орудий
3-й армейский корпус	5000 человек и 17 орудий
26-й армейский корпус	4000 человек и 18 орудий
3-й сибирский армейский корпус	8000 человек
57-я пехотная дивизия	5000 человек и 13 орудий

Итого 56 тыс. человек – и без домыслов и инсинуаций 10-я армия понесла большие потери (более 44 % своего состава), но, конечно, не была уничтожена (более того, позже перешла в контрнаступление). Наиболее сильно, пострадал, разумеется, 20-й армейский корпус, принявший на себя главный удар германских корпусов ударной группы – из 46 000 человек к началу боев он потерял 34 000 – почти 74 % своего состава. Совершенно справедливо поэтому в послевоенном отечественном исследовании отмечается: «Немцы захватили до 11 000 пленных и всю артиллерию 20 корпуса».^[388] Но как отличаются все эти цифры от немецких! И это при огромной стратегической роли, которую сыграли 10-я армия Северо-Западного фронта и ее героический 20-й армейский корпус в кампании 1915 г.

В период второго Праснышского сражения 7 февраля – 17 марта победоносные русские 1-я и 12-я армии потеряли 40 тыс. человек.

Потери русских войск в оборонительной третьей Праснышской операции – до 40 тыс. человек (что объясняется прежде всего подавляющим превосходством врага в артиллерии – так, только за день боя 30 июня от 11-й Сибирской дивизии, имевшей утром свыше 14,5 тыс. штыков, осталось не более 5 тыс.^[389]). Из этого числа: убитыми около 12 %, ранеными свыше 37 % и около 50 % пропавшими без вести (в том числе пленных около 40 офицеров и свыше 16 тыс. солдат – большинство пленных германцы взяли после окружения некоторых русских рот и батальонов, а также отставших при быстрых отходах). Утрачено 12 орудий (из них два тяжелых) и 48 пулеметов.^[390]

В ходе Карпатской стратегической операции января—марта 1915 г. обе стороны понесли колоссальные потери. Общие потери русских войск Юго-Западного фронта в этой грандиозной битве – до миллиона человек.^[391] Э. Фалькенгайн писал: «Все же завершённые операции сделали свое дело в том смысле, что русским нанесены были большие потери, которые, принимая даже в расчет, что и союзникам (австро-германцам. – *А. О.*) пришлось потерпеть тяжкий урон, должны быть названы совершенно исключительными».^[392]

Отечественные архивные материалы свидетельствуют о потерях русской армии за первый период войны:^[393]

Северо-Западный фронт к 15 февраля 1915 г.	Убиты 1717 офицеров, 78 850 нижних чинов, бежали 1802 офицера, 347 703 нижних чинов
Юго-Западный фронт к 1 марта 1915 г.	Убиты 1758 офицеров, 79 311 нижних чинов, бежали 1171 офицер, 246 207 нижних чинов

Убыль ранеными для действующей армии с 15.01 по 01.04.1915 составила для Северо-Западного фронта 4351 офицер и 271 265 нижних чинов, для Юго-Западного – 1234 офицера и 68 599 нижних чинов.^[394]

Неудачная для русской армии Горлицкая операция 19 апреля – 10 июня 1915 г. нанесла войскам Юго-Западного фронта очень большие потери.

О том, насколько ощутимыми они оказались, свидетельствует, например, отчет о численности полков на 25 апреля: «Холмский полк 731, Луковский резервный полк 400, Хотинский полк 600, 322-й Солигаличский полк 2000, 251-й Ставучанский полк 150, 194-й Троицко-Сергиевский полк 1500, 244-й Красноставский полк 700 человек».^[395]

От большинства дивизий Юго-Западного фронта остались лишь кадры.

Германский историк Л. фон Роткирх писал, что с 19 по 27 апреля союзные войска (то есть германо-австрийские) взяли свыше 100 тыс. пленных, 80 орудий и более 200 пулеметов.^[396]

Потери 3-й армии Юго-Западного фронта (с учетом подходивших резервов) к моменту боев на р. Сан (то есть месяц спустя с начала Горлицкого прорыва) немцы оценивают в 140 тыс. пленных, 100 орудий и 300 пулеметов.^[397]

К середине июня, согласно материалам Рейхсархива, в качестве общих трофеев германо-австрийских войск (прежде всего 11-й армии) оказалось более 250 тыс. пленных, 224 орудия, 600 пулеметов.^[398]

Части соседней с 11-й германской Бугской армии в период 1 июля – 12 августа пленили 126 офицеров, около 30,5 тыс. солдат, захватили 58 пулеметов, оружие и 2 зарядных ящика.^[399]

Неудачные бои и бои в условиях отступления, когда поле боя остается за противником, вынуждают нас пользоваться данными противника о потерях. В таких боях даже собственные потери бывает подсчитать трудно (тем более когда нарушена система учета разбитых частей). Но стоит помнить, что германцы имели тенденцию собственные потери занижать, раздувая вражеские.

Тяжелейшими были потери русской армии летом 1915 г. – период отступления и тяжелых оборонительных боев: менее всего информации сохранилось как раз за это время. Э. Фалькенгайн писал, что «в три месяца одними пленными русские потеряли около трех четвертей миллиона».^[400]

Архивные материалы относительно пропавших без вести дают следующую картину:^[401]

Месяц	Юго-Западный фронт, офицеры	Юго-Западный фронт, нижние чины	Северо-Западный фронт, офицеры	Северо-Западный фронт, нижние чины
Май	544	65 943	170	36 692
Июнь	448	110 697	167	45 670
Июль	101	17 350	624	134 048
Август	150	24 224	383	80 507

Итого до 518 тыс. человек. Это явно неполные цифры.

Практически совпадают цифры относительно пленных у Э. Фалькенгайна (750 тыс. пленных за три летних месяца), в материалах Рейхсархива (850 тыс. за три с половиной месяца^[402]) и у Н. Н. Головина (с 1 мая по 1 ноября – 976 тыс. пленных). Последние цифры в целом можно взять за основу.

Операции в Прибалтике летом—осенью 1915 г. (Митаво-Шавельская, Ковенская, Виленская, Свенцянский прорыв) в стратегическом плане были одними из важнейших событий на Русском фронте за всю войну. В Митаво-Шавельском сражении обе стороны понесли большие потери: если к 11 июля, по германским данным, общие потери немцев достигли 5 тыс. человек, то к 7 августа только пленными – 6 тыс. бойцов при захваченных 27 тыс. пленных, 40 пулеметах и 25 орудиях.^[403]

12-я германская армия (главный участник боев в Прибалтике) за июль и август захватила 47 тыс. русских пленных.^[404]

В конце ноября – декабре 1915 г. в ходе операции на р. Стрыпа русские потери составили для 9-й армии – до 22 тыс. человек, для 7-й армии – до 25 тыс. человек.^[405]

Н. Н. Головин общие потери русской армии за тяжелейший и кризисный для России 1915 г. определяет равными около 3 млн 300 тыс. человек.^[406]

Хотя стоит отметить, что в иностранной литературе встречаются более низкие цифры потерь русской армии за 1915 г. – 2 млн и даже несколько меньше.^[407]

Не будет ошибкой признать общие потери русской армии за 1915 г. равными 3 млн человек.

Эти цифры вполне объяснимы. Как известно из военной истории, главные потери войска несут не в сражении, а при отступлении после его окончания в результате преследования противника. Общее соотношение сил и показатели потерь во время проведения войсковых операций были в целом сопоставимы, не выходя за рамки, предусмотренные военным искусством для Первой мировой войны. Несколько более высокие цифры потерь русской армии в 1915 г. по сравнению с противником (см. ниже) объясняются прежде всего ее недовооруженностью.

Говоря о более высоких потерях русских по сравнению с противником, следует отметить следующее: тот факт, что германо-австрийцы владели инициативой и были в основном активной стороной боевых событий, предполагал для них возможность создавать любое оперативное усиление на направлении удара – массировать силы и средства, превзойдя на значимом участке противника в количестве бойцов и создав мощный огневой кулак. И разумеется, нанести врагу более тяжкие потери, ведь артиллерия окончательно стала «богом войны»!

Да и в целом следует признать, что германцы в Первую мировую войну тактически воевали лучше всех (включая англо-французов – те тоже несли более тяжелые, чем немцы, потери). Управление, огневая мощь и тактика – вот три козыря германской армии времен великой войны. Другое дело, что череда ненужных побед немцев привела их в итоге к поражению.

Кампания 1916 года

Говоря о боевых потерях в кампании 1916 г., следует отметить, что захват стратегической инициативы дорого обошелся союзникам по Антанте и России в том числе.

Постоянные наступательные операции (Нарочская операция, Брусиловское наступление, Барановичи, Митавская операция, серия операций на Кавказском и Румынском фронтах) нанесли тяжелейший удар по воссозданным за осень—зиму 1915 г. кадрам русской армии.

Потери были ненамного меньше 1915 г. – 2 млн человек. Это и неудивительно, если брать во внимание размах наступательных операций и то, что зачастую приходилось прорывать эшелонированную оборону противника (Брусиловское наступление и Румынский фронт за 9 месяцев – до 1,5 млн человек, Нарочская операция – 78 тыс. человек только во 2-й армии, Эрзерумская операция – свыше 17 тыс. человек, Огнотская операция – до 20 тыс., Барановичская операция – до 120 тыс., Митавская операция – до 23 тыс.).

Так, потери Юго-Западного фронта были наиболее тяжелыми – только с начала Брусиловского прорыва (22 мая) по 30 июня они составили почти 498 тыс. солдат и офицеров (62 тыс. убитых и умерших от ран, 377 тыс. раненых и больных, около 60 тыс. пропавших без вести^[408]). Общие потери русской армии за операцию – не менее миллиона бойцов.^[409] Вместе с

тем операция и полгода активных наступательных действий поглотили все имевшиеся резервы и в значительной степени обескровили войска.

Стоит отметить, что именно кровавые потери русской армии в 1916 г. были больше прошлогодних. С. С. Ольденбург писал: «Кампания 1916 года обошлась русской армии в два миллиона человек – притом пленные в этой цифре составляли уже не 40 проц., как при великом отступлении, а всего 10 проц.».^[410]

Кампания 1917 года

Общие потери русской армии в 1917 г. на всех фронтах оцениваются примерно в 400 тыс. человек.

Только армии Юго-Западного фронта (без войск Западного и Северного фронтов) в ходе летнего наступления с 18 июня по 6 июля потеряли около 50 тыс. убитыми и ранеными, свыше 8 тыс. пленными и пропавшими без вести,^[411] 257 орудий, 191 миномет, 546 пулеметов, 14 броневых автомобилей и 2 бронепоезда.

Учитывая, что бои продолжались до конца июля, а общее количество русских пленных достигло 42 тыс., следует признать общие потери Юго-Западного фронта не менее чем в 125 тыс. человек. Противник оценил потери только 8-й русской армии в 40 тыс. бойцов.^[412]

За два дня боев 10-я армия Западного фронта потеряла до 40 тыс. человек, что составляло около половины всех введенных в сражение войск.

Потери 12-й русской армии в период Рижской операции сентября—октября составили 25 тыс. человек (из них 15 тыс. пленными и пропавшими без вести), 190 легких и 83 тяжелых орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов, 48 минометов.

В ходе Моонзундской операции русские войска потеряли 20 тыс. человек пленными, 140 орудий, 130 пулеметов, 15 минометов, 10 самолетов, 2 броневых автомобиля. Героически погибли линейный корабль «Слава» и эсминец «Гром» (причем «Слава» была уничтожена собственным экипажем ввиду невозможности провести линкор через недостаточно глубокий фарватер).

Бои июля—августа 1917 г. на Румынском фронте привели к потере румынскими войсками 27,5 тыс., а русскими – 25 тыс. человек.^[413]

Русскими войсками потеряно за всю войну 2 млн 420 тыс. человек пленными (1 млн 400 тыс. на Германском, 1 млн на Австрийском, 20 тыс. на Турецком и Болгарском фронтах).

Причем, по данным германского архива, пытались совершить побег из плена 20–25 % заключенных (удалось бежать 100 тыс. военнослужащих – 4 % военнопленных). Принимая во внимание строгость надзора за пленными в Германии и Австрии, трудность передвижения в неприятельской стране малограмотному русскому солдату, указанный процент тем не менее превосходит аналогичные показатели для других армий. М. Ронге писал: «Настоящим бедствием стали военнопленные, бежавшие из лагерей. К концу апреля 1916 г. их насчитывалось уже 12 440 человек. Правда, лишь немногим из них, вроде генерала Корнилова, удавалось пробраться на родину, но остальные держали наши органы охраны в постоянном страхе перед возможностью диверсионных нападений».^[414]

Столь большой процент побегов из плена убедительно опровергает ложное, но распространенное мнение о малом чувстве любви к родине в русских народных массах и о плохом развитии патриотизма. Как вспоминал А. А. Игнатьев: «Летом 1915 года в один из французских окопов... в Эльзасе вскочил ночью здоровяк в желто-серой гимнастерке, повторяя лишь одно слово: “Русс!” На следующее утро вся Франция только и говорила об этом подвиге русского пленного, пробравшегося с германской стороны через проволочные заграждения к союзникам. Его фотографировали, чествовали, и я представил этого... деревенского парня к награждению георгиевской медалью. Но уже через несколько дней переход на французскую сторону наших пленных стал обычным явлением».^[415] Газеты и журналы военных лет приводили ряд фактов побега из плена и фотографии героев.

Нужно отметить, что много пленных попадало к противнику ранеными или в безвыходной ситуации, например в результате боев в Восточной Пруссии 2-й и 1-й армий в августе—сентябре 1914 г., 10-й армии в январе—феврале 1915 г., всех армий за время длительного отхода в мае—сентябре 1915 г., когда полная и своевременная эвакуация раненых была труднореализуемым делом, вследствие чего массы раненых, как лежавших на полях сражений,

так и находившихся в полевых лечебных учреждениях, попадали в руки неприятеля и становились военнопленными.

Условия содержания русских военнопленных были самыми тяжелыми среди пленных всех союзных армий (особенно в смысле питания) – в плену погибли порядка 40 тыс. военнослужащих. Большинство пленных, занятых на гражданских работах (свыше 25 %), нашли применение в сельском хозяйстве. Работали в среднем по 12 часов в сутки. Причем на фронтовых работах («под огнем», что запрещено международными соглашениями) трудилось почти 6 % русских пленных. Делались попытки проведения идеологической обработки, подвергались русские пленные моральным и физическим истязаниям. Из каждых 10 тыс. вернувшихся из немецкого плена свыше 6,7 тыс. человек были больны.^[416]

Фактически русские войска взяли столько же пленных, сколько потеряли сами (см. ниже).

Общие потери русской армии в 1914–1917 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко определил так: более 14 млн призвано до декабря 1916 г., а убыль за три кампании составила 4,5 млн человек.

По нашим подсчетам, потери следующие:

Кампания 1914 г. – свыше 1 млн человек.

Кампания 1915 г. – 3 млн человек.

Кампания 1916 г. – 2 млн человек.

Кампания 1917 г. – 400 тыс. человек.

Итого до 6,5 млн человек.

На момент начала Февральской революции русская действующая армия насчитывала до 7,2 млн человек,^[417] а на 26 октября 1917 г. – свыше 6 млн.^[418] Учитывая, что всего за войну через состав армии прошло до 15,5 млн человек (из них 2,5 млн – тыловые части и гарнизоны, но какая-то их часть оказалась на фронте), общие потери русской армии на конец 1917 г. составили до 6,5 млн человек. Это в целом подтверждается и нашими подсчетами по кампаниям.

Можно констатировать, что военно-оперативные потери русской армии соотносятся с потерями ее противников на Русском фронте Первой мировой войны (см. ниже). Причем эти цифры не противоречат утверждениям о некотором техническом отставании русской армии от германской в 1915–1916 гг. Русская армия отставала от германской, но это было отставание на проценты, а не в разы. Но от немецкой также отставали и армии всех остальных участников Первой мировой войны. Всех других своих противников русская армия, безусловно, превосходила. И в целом нанесла своим оппонентам большие потери, чем понесла сама. Соответственно, говорить об «отсталой царской армии» и подобных штампах не приходится. Русская армия достойно противостояла противникам, внося свою более чем весомую лепту в дело разгрома германского блока.

Потери неприятельских армий

В исторической науке встречаются достаточно противоречивые сведения относительно потерь армий государств германского блока на Русском фронте Первой мировой войны.

Так, согласно отчету турецкого Главного штаба, к февралю 1915 г. турецкая армия потеряла убитыми, ранеными и пленными 190 тыс. человек (из них 1708 офицеров), в то время как по сведениям из Греции – за первые 4 месяца боевых действий турки потеряли 386 тыс. человек (105 тыс. убитыми, 194 тыс. ранеными и 87 тыс. пленными).^[419] Очевидно, что официальные турецкие данные гораздо более достоверны.

Американские газеты к 31 мая 1915 г. определяли германские потери в 4 млн человек (в том числе 1,6 млн убитыми), австрийские потери в 4 млн 385 тыс. человек (в том числе 1,6 млн убитых), турецкие потери в 349 тыс. человек (в том числе 110 тыс. убитыми).^[420] Очевидно, что не только завышены общие цифры, но и количество убитых непропорционально велико относительно общих цифр потерь. Или для сравнения: газета *Morning Post* к 1 августа 1915 г. определяла австрийские потери в 3 млн 179 тыс. человек (в том числе 501 тыс. убитыми).^[421] Хотя в последнем случае общая цифра значительно завышена, но цифра потерь убитыми в общей структуре потерь более сбалансирована. И перечень можно продолжать.

В то же время (как иллюстрация достоверности русских официальных материалов – см. выше) общие потери германцев на всех фронтах, по данным русской Ставки, к 1 августа 1915 г.

составляли 2,4 млн человек (ежемесячные потери – 300 тыс. человек),^[422] причем эта цифра перекликается с материалами французского Генштаба – 2 млн 750 тыс. на конец 1915 г.^[423]

Присутствует также тенденция выдавать общие потери противника (и российской армии) только за потери убитыми и пленными, что приводит к фантастическим результатам и не соответствует общей структуре боевых потерь. Наиболее предпочтительно, на наш взгляд, в данном случае выявление военно-оперативных потерь, то есть числа людей, выбывших из строя применительно к соответствующему боевому событию.

Кампания 1914 года

В Восточно-Прусской операции 4 августа – 1 сентября 1914 г. (включая первое сражение у Мазурских озер) германская 8-я армия потеряла до 50 тыс. человек (25 % от первоначальной численности) или чуть меньше с учетом переброшенных с запада корпусов (следует помнить, что эти части участвовали лишь в заключительной операции – сражении у Мазурских озер). Косвенно это подтверждает численность германской 8-й армии перед первым сражением у Мазурских озер – до 215 тыс. человек.^[424] Речь идет о начальной группировке (до 200 тыс.) после подхода подкреплений с Запада (до 70 тыс. человек) за вычетом потерь.^[425]

Косвенно эти подсчеты подтверждаются выкладками противника России. Рейхсархив зафиксировал потери 8-й германской армии в размере 37 тыс. человек.^[426] В. Раушер писал, что «победоносная 8-я армия тоже понесла тяжелые потери, составившие 37 тысяч человек».^[427] Разница между этой цифрой и нашими подсчетами заключается в том (помимо того, что германцы всегда занижали собственные потери), что значительное количество германских солдат и офицеров, захваченных в плен русскими, позже были освобождены своими (например, только части попавшего в котел 15-го армейского корпуса, по свидетельству британского военного агента А. Нокса, лишь в боях 10, 11 и 14 августа взяли 1,3 тыс. пленных^[428]). Кроме того, противник сознательно «списал» потери в ряде удачных для ударной группы 2-й армии боев: раз она потерпела поражение, то не было и побед – логика предельно ясна.

Наиболее кровавыми для германской армии были Гумбиннен и первое сражение у Мазурских озер. Значительные потери немцев в боях против 2-й армии в какой-то степени были смягчены тем, что большинство пленных германцев, взятых самсоновской армией, вернулись к своим (например, не менее 1 тыс. человек, «потерянных» у Франкенау, 2 тыс. человек – у Алленштейна, свыше 1 тыс. человек – у Ваплица).

Потери в боевом составе австрийских армий в период Галицийской битвы, по австрийским данным, составили:^[429]

3-я армия	до 109 тыс. бойцов
4-я армия	90 тыс. бойцов
1-я армия	до 90 тыс. бойцов
2-я армия	около 33 тыс. бойцов
Итого:	322 тыс. человек (в том числе до 100 тыс. пленными) и 400 орудий

Общие потери – до 400 тыс. человек. Боевой состав австрийских армий уменьшился на 45 % от исходной группировки и составлял всего около 400 тыс. бойцов (в 1, 2, 3, 4-й армиях соответственно 125, 100, 70 и 100 тыс. человек^[430]).

Командующий 4-й армией М. Ауффенберг признавал: «К сожалению, многие подразделения потеряли до 50 % своего состава».^[431] Наибольшие потери были в 3-й армии, принявшей на себя главный удар превосходящих сил русских армий южного крыла, значительно пострадали армии северного крыла, 2-я же армия, перебрасывавшаяся уже в ходе сражения по частям, потрепана сравнительно слабо.

Из общего числа выбывших бойцов 40 тыс. потеряно в результате Томашевского сражения; более 20 тыс. (только пленными) – на северном фланге Городокского сражения (15 тыс. за 9 дней переломных боев, включая знаменитую Тарнавку, взяла 4-я армия, в том числе 2,5 тыс. немцев); до 10 тыс. пленными потеряно на Золотой Липе; до 20 тыс. пленных взято 8-й армией А. А. Брусилова в Галич-Львовском сражении, много трофеев и людей оставлено в период отступления.

Только к концу сентября удалось довести общий состав галицийских армий Австро-Венгрии до 803 тыс. человек.^[432] Почти месяц австрийцы вели непрерывные боевые действия, в том числе наступательного характера, в которых вся тяжесть боев ложилась на полевые дивизии – как следствие, кадровые соединения были обескровлены.

Падение в марте 1915 г. крепости Перемышль и пленение 120 тыс. человек ее гарнизона также явилось отзвуком галицийской победы. Этот надлом сказался на всех дальнейших действиях австро-венгерской армии, что немедленно отозвалось в событиях на Сербском фронте. Генерал-квартирмейстер германского Восточного фронта М. Гофман дал следующую оценку австрийской армии после Галицийской битвы: «...австрийцы понесли в Львовской битве и во время отступления колоссальные потери... главная масса австрийской армии, почти 40 дивизий, уместилась на западном берегу Вислоки между Карпатами и Вислой. Большая часть молодых кадровых офицеров и немногих сверхсрочных унтер-офицеров погибла. Это была невозместимая потеря. В течение всей войны армия не могла от нее оправиться».^[433] Э. Людендорф, ознакомившись с состоянием войск союзника, писал: «Цвет строевого офицерского состава, который соединял армию в одно целое, несмотря на вражду отдельных национальностей, был уже убит... Хорошие, храбрые солдаты также уже полегли на полях сражений».^[434]

Германские потери в период Первой Августовской операции в Восточной Пруссии 12–30 сентября неизвестны, но всеми участниками сентябрьских боев в Восточной Пруссии они характеризуются как исключительно высокие: «Неман был красным от крови».^[435] Очевидец писал: «Потери немцев под Сувалками, по показаниям пленных, столь велики, что в некоторых их частях осталось не более 20 человек на роту. Весь путь отступления немцев усеян их трупами».^[436] Вслед за авторитетным мнением генерала В. Е. Флуга (командующего 10-й армией), отмечавшего, что «потери немцев были не меньше наших»,^[437] признаем их также не меньшими, чем 20 тыс. бойцов.^[438] Русские захватили до 3 тыс. пленных (2,5 тыс. взяты 10-й армией^[439]), 22 орудия, пулеметы, несколько десятков зарядных ящиков, автомобили, повозки обоза и разное другое имущество.

Варшавско-Ивангородская операция привела к значительным потерям армий германского блока. Германо-австрийцы, так же как и русская армия, понесли очень большие (до 50 % личного состава ударной группировки) потери.^[440] Общие германо-австрийские потери за операцию – около 150 тыс. человек (из них до 23 тыс. пленными), 63 орудия.^[441] До трети от общего числа потерь приходилось на германцев.^[442]

Потери только германских войск в Лодзинской операции – свыше 100 тыс. человек, или 36 % германской группировки. Большие потери понесли и австрийцы. Из отчета командира ударной группы германских корпусов Р. фон Шеффер-Бояделя следует, что его группировка (25-й резервный корпус, 3-я гвардейская дивизия, 1-й кавалерийский корпус) потеряла 42 тыс. человек.^[443] Так, согласно германской оперативной сводке на 9 ноября, в 49-й и 50-й резервных дивизиях 25-го резервного корпуса числилось не более 1,2 тыс. и 3,5 тыс. человек соответственно.^[444] При этом 49-я дивизия фактически свелась к батальону, а 50-я – к полку. Лишь за период боев в «котле» (двое суток) ударная группа только убитыми потеряла 4,5 тыс. человек.^[445] В других корпусах 9-й германской армии, которые вели напряженные бои в течение двух недель, потери также оказались очень большими. Например, 11-й армейский корпус за сутки кутненского боя (1 ноября) лишился до 1 тыс. солдат и 38 офицеров.^[446] 1-й резервный корпус с 29.10 по 17.11 потерял 8 тыс. человек.^[447]

Рейхсархив отмечает, что за семь недель 9-я армия потеряла более 100 тыс. человек, из них 36 тыс. «похоронено на местах боев».^[448] Хотя хронологический отрезок включает в себя несколько более широкий промежуток, нежели собственно Лодзинская битва, но и цифра потерь не охватывает иные германские войска (прежде всего крепостные или вспомогательные корпуса), так что вышеупомянутую цифру следует признать верной. Называл ее и британский

военный агент в России А. Нокс.^[449] Он отмечал, что русские взяли 15 тыс. пленных немцев, а общие германские потери достигают 120 тыс. бойцов.^[450]

Кроме того, значительные потери понесли и австрийцы, содействовавшие операции. Потери австрийских армий Русского фронта за первую неделю ноября – от 70 до 80 тыс. человек,^[451] часть пришлось на наиболее ответственный период Лодзинской операции. Общий германо-австрийский урон в Лодзинской операции достигал 160 тыс. человек^[452] (42 % от группировки противника). Русские в качестве трофеев называли 20 тыс. пленных, 23 орудия и 42 зарядных ящика.^[453]

Сарыкамышская операция 9 декабря 1914 г. – 4 января 1915 г. привела к тяжелому поражению 3-й турецкой армии. 10-й и 9-й корпуса противника были почти уничтожены, турки в общей сложности потеряли до 90 тыс. человек, в том числе 3,5 тыс. пленные. В плену оказались командир 9-го корпуса Исхан-паша, начальники 17, 28 и 29-й дивизий и много офицеров. Только в окрестностях Сарыкамыша весной 1915 г. было похоронено 28 тыс. турок.

Историк войны на Кавказе, бывший квартирмейстер Кавказской армии генерал-лейтенант Е. В. Масловский так характеризовал потери турок в этой операции: «9-й турецкий корпус перестал существовать; также надо было целиком вновь формировать 30-ю дивизию 10-го корпуса и 34-ю дивизию 11-го корпуса. 3-я турецкая армия в этой операции потеряла 90 тысяч человек, свыше 60 орудий. В рядах армии к 10 января 1915 г. состояло лишь 12 400 человек. Это из 150 тысяч, начавших операцию. Фактически 3-я турецкая армия была уничтожена».^[454]

Так, к 18 февраля 1915 г. было эвакуировано во внутренние губернии России свыше 18 тыс. турецких пленных, в том числе 4 паша, 337 офицеров, 17 765 аскеров, гамидие и четников.^[455]

Подводя итог потерям в 1914 г. на Русском фронте, необходимо отметить следующее. Наиболее авторитетные источники^[456] определяли германские потери на Русском фронте в 223 тыс. человек, австрийские – в 723 тыс., турецкие – в 90 тыс. (всего 1 млн 36 тыс. человек).

Эти цифры вполне укладываются в произведенные нами подсчеты по операциям. Для немцев – до 50 тыс. в Восточно-Прусской операции, до трети от общих потерь в Варшавско-Ивангородской операции, 100 тыс. в Лодзинской операции. Остальные приходились на осенние бои в Восточной Пруссии и на Силезский ландверный корпус Р. Войрша, разгромленный в Галицийской битве.

Весьма крупными в структуре военно-оперативных потерь германцев были кровавые потери. Можно с уверенностью утверждать, что почти 28 тыс. германских солдат и офицеров были похоронены в братских могилах Восточной Пруссии (в 2,2 тыс. могил эпохи Первой мировой войны), а еще 36 тыс. только за неполных два осенних месяца погибло в Польше, итого – до 64 тыс. И это без потерь в рамках Галицийской и Варшавско-Ивангородской операций. Соответственно, можно смело принять потери только убитыми в кампании 1914 г. на Русском фронте для немцев равными не менее чем 70 тыс. солдат и офицеров.

Архивные материалы свидетельствуют, что только войсками Юго-Западного фронта к 15 сентября 1914 г. было пленено германцев: 38 офицеров и 2940 нижних чинов военнопленных и 425 военнообязанных.^[457] А к 1 декабря 1914 г. в русском плену находилось около 13,5 тыс. германцев.^[458] Согласно материалам Рейхсархива, уже на конец октября в русском плену находилось 15 тыс. германцев, а в ноябре—декабре к ним добавилось еще 2 тыс.^[459] Можно признать, что кампания 1914 г. принесла русской армии до 20 тыс. пленных немцев (из них 2,5 тыс. взяты из состава корпуса Войрша при Тарнавке, 1 тыс. из корпуса Цастрова пленена Принаревской группой, 3 тыс. взяты в период первой Августовской операции, 1,5 тыс. захвачены при Гумбиннене, остальные – в ходе операций в Польше, так как главная масса пленных, взятых 2-й армией Самсонова в Восточной Пруссии, была освобождена своими, а это не менее 6 тыс. человек).

70 тыс. убитых и умерших, 20 тыс. пленных, 133 тыс. раненых – таков итог участия германской армии в кампании 1914 г. на Русском фронте.

Из 723 тыс. австрийцев большинство выбыло из строя в период Галицийской битвы (400 тыс.). Подавляющая часть потерь во время Варшавско-Ивангородской операции – также австрийцы (прежде всего разбитая 1-я армия). Остальные потери были понесены в ходе Краковской, Лодзинской операций, контрудара у Лиманова, боев в предгорьях Карпат. О степени преуменьшения противником своих потерь свидетельствуют приводимые австрийцами на ноябрь 1914 г. собственные потери в 462 тыс. человек (из них лишь 28 тыс. убитыми^[460]).

Архивные материалы свидетельствуют, что к 1 декабря 1914 г. в русском плену находилось свыше 162 тыс. австрийцев.^[461] Согласно материалам Рейхсархива, уже на конец октября в русском плену находились 200 тыс. австрийцев. В ноябре—декабре к ним добавились еще 60 тыс. человек.^[462] Согласно материалам французского Генерального штаба, к концу кампании 1914 г. австрийские войска в России потеряли пленными и дезертирами 302 тыс. человек.^[463] Соответственно австрийские потери на Русском фронте в кампанию 1914 г. до 300 тыс. пленными, свыше 420 тыс. — кровавые потери.

Турки в основном выбыли из строя в результате Сарыкамышского сражения.

За 1914 г. русская армия вывела из строя свыше миллиона солдат и офицеров противника, наши союзники — 757 тыс. немцев на англо-французском фронте и 226 тыс. австрийцев на Сербском фронте,^[464] то есть около миллиона. Соответственно, русская армия, оттянув на себя менее 50 % войск противника, нанесла ему потери свыше 50 % числа общих потерь армий германского блока.

Кампания 1915 года

1915 г., вопреки устоявшимся стереотипам, был самым кровавым для государств германского блока за всю войну. И прежде всего за счет Русского фронта. Как писал немец-фронтовик Вальтер Бекман: «Летнее преследование 1915 года было для германских частей временем наиболее тяжелых потерь за всю войну».^[465] Например, 91-й пехотный полк 19-й пехотной дивизии 10-го армейского корпуса с мая по сентябрь потерял в Галиции свыше 100 % своего состава — и это не исключение.^[466]

Наступательные и оборонительные операции, равным которым не было на Западе, приводили к большим жертвам.

Январь 1915 г. — тяжелые бои в Польше: у Боржимова и Воли Шидловской. Германские войска понесли в этих сражениях крупные потери — 40 тыс. человек.^[467] То есть, считая боевой состав германской пехотной дивизии равным в среднем 10 тыс. человек, потери составили 50 % группировки! Прежде всего это войска 1-го, 25-го резервных и 17-го армейского корпусов (особенно пострадали 1-я, 49-я резервные, 4-я, 36-я пехотные дивизии).^[468] Характеризуя урон сторон и учитывая кратковременность сражения, можно признать сражение у Воли Шидловской в качестве одной из самых кровавых операций Первой мировой войны.

Кровопролитными для германских войск были бои в Восточной Пруссии в январе—марте 1915 г. Применительно ко второй Августовской операции (зимнее сражение в Мазурии) немецкие архивные материалы называют общие потери лишь германского 21-го армейского корпуса — 120 офицеров и 5,6 тыс. бойцов, потеряв 1 генерал, ранены 2 полковых командира.^[469] На одну 65-ю пехотную бригаду приходилось 60 офицеров и 2 тыс. бойцов.^[470] И это лишь один корпус противника! Потеря генерала и ранение в бою старших офицеров говорят о серьезном поражении бригады противника. Кстати говоря, потери германского корпуса вполне соотносятся с потерями русских корпусов 10-й русской армии (за исключением 20-го).

Косвенно собственные высокие потери подтверждает и противник. Начальник штаба германского главнокомандующего на Востоке генерал-лейтенант Э. Людендорф писал: «15-го и 16-го (по новому стилю. — А. О.) авангард 21-го армейского корпуса... продвинулся далеко вглубь леса. Но здесь его смяли отходящие с запада на восток русские колонны и частью взяли в плен».^[471] Об этом факте сообщает и генерал-квартирмейстер штаба германского главнокомандующего на Востоке полковник М. Гофман.^[472]

Общие потери немцев во второй Августовской и второй Праснышской операциях — около 80 тыс. бойцов: во второй Августовской операции до 20 тыс. человек для германских 8-й и 10-й армий и до 60 тыс. человек в Праснышском сражении для германских 12-й и 8-й армий (трофеями русских войск также стали 58 орудий).

В ходе третьей Праснышской операции потери армейской группы фон Гальвица, по немецким данным, — до 10 тыс. (только за 1 июля — 2,7 тыс. человек^[473]). Но по подсчетам историка К. Королькова, потери германцев достигают 25 % от группировки М.-К.-В. Гальвица^[474] (причем без учета полученных им в ходе операции подкреплений) — а это свыше 40 тыс. человек, что, на наш взгляд, гораздо ближе к истине.

В период Карпатской операции (январь—март 1915 г.) австрийцы и германцы (разновременно это Южная германская, австрийские 3, 4, 5-я армии, армейская группа Пфланцер-Балтина,

германский Бескидский корпус), по австрийским данным, потеряли до 800 тыс. человек.^[475] В том числе 150 тыс. пленными, лишь с 20 февраля по 19 марта 1915 г. – до 59 тыс. человек, 21 орудие, около 200 пулеметов.^[476] В период 6–30 марта русскими захвачены 70 тыс. пленных при 900 офицерах, свыше 30 орудий и 200 пулеметов.

Понятно поэтому, что австрийская армия, потерявшая в Карпатском сражении людей не меньше, чем за всю кампанию 1914 г. на Русском фронте, без германской помощи продолжать активные действия не могла.

Русские архивные материалы следующим образом иллюстрируют ситуацию с трофеями за первые полгода войны:^[477]

К февралю 1915 г. войсками	Захвачено
Северо-Западного фронта	439 офицеров, 48 400 нижних чинов, 309 орудий, 21 пулеметов
Юго-Западного фронта	4026 офицеров, 357 602 нижних чинов, 727 орудий, 2 пулемета

В общей сложности указывалось: было захвачено офицеров 4465 (в том числе 181 германский) и нижних чинов 404 765 (в том числе 18 309 германцев). Орудий всего 955, пулеметов 731.

Из гарнизона Перемышля, сдавшегося 9 марта, эвакуировано в Россию 9 генералов, 2307 офицеров и 113 890 нижних чинов австро-венгерской армии. В лазаретах осталось около 6800 больных и раненых.^[478]

В ходе Горлицкой операции при подавляющем превосходстве сил противника он понес одни из наиболее тяжких потерь за всю войну.

Потери победителей были весьма чувствительны даже по германским данным. Так, только германские потери (11-я армия) и только за 19–30 апреля, по Л. фон Роткирху (приводящему официальные данные германской главной квартиры), составили 28 тыс. человек.^[479]

Только 11-я армия за период от начала Горлицкого прорыва и до взятия Львова (за период 19 апреля – 9 июня), по данным Рейхсархива, потеряла 87 тыс. человек.^[480] Таким образом, потери в Горлицкой операции составили для немцев 69 % первоначального состава 11-й армии (87 тыс. человек из 126 тыс. бывших к началу операции).

Южная германская армия лишь за июнь месяц потеряла 25 тыс. человек.^[481]

Еще более крупными были потери австрийских войск, прежде всего 4-й армии. Как свидетельствовал русский военный агент во Франции А. А. Игнатьев (использовавший информацию разведывательного бюро французского Генштаба): «Некоторым утешением для русской армии могло явиться... обнаружение на Французском фронте германских гвардейского и X корпусов, вернувшихся из России в самом плачевном, обтрепанном виде».^[482]

Но и отступая, войска Юго-Западного фронта проводили успешные операции, наносили противнику чувствительные контрудары.

9-я армия Юго-Западного фронта провела в конце мая успешную Прутскую операцию, взяв 17 орудий, 78 пулеметов и свыше 16 тыс. пленных австро-германцев.^[483]

В сражении у Журавно (где была, в частности, разбита 3-я гвардейская дивизия) пленено до 18 тыс. солдат и офицеров противника. Генерал В. И. Гурко писал об итогах всей операции: «В течение десяти дней четыре наших дивизии, хотя и неполного состава, с боями прошли почти полпути до города Стрый, смогли захватить примерно 25 тысяч пленных вместе с соответствующим числом офицеров, пулеметов и другого разнообразного военного имущества. Однако развитию нашей победы и возможному захвату местечка Стрый воспрепятствовала нехватка кавалерии».^[484]

Крупные потери стороны понесли в летне-осенних боях в полосе русского Юго-Западного фронта – операциях на Серете, у Луцка и Чарторыйска, на Стрыпе. Так, 25 августа 11-я армия перешла в наступление на Серете, нанеся поражение Южной германской армии и взяв в ходе пятидневных боев около 36 тыс. пленных. Всего же с 17 по 30 августа русскими войсками было захвачено свыше 40 тыс. пленных, 70 орудий и 165 пулеметов.^[485]

За Луцкую операцию только 4-я «Железная» стрелковая дивизия взяла в плен до 10 тыс. солдат и офицеров противника. Одним из результатов операции у Чарторыйска стал разгром 1-й пехотной дивизии немцев (захвачено много пленных – 8,5 тыс. человек, не считая раненых, в том числе почти целиком полк кронпринца германского и германская гаубичная батарея), захват 30 орудий и большого количества пулеметов.

Во многом именно Луцкая операция не позволила противнику осуществить маневр флангового охвата отходящей центральной группы русских армий. Контратака под Луцком дала до 70 тыс. пленных.^[486]

Сами немцы оценивали потери германских дивизий армейской группы Э. Бем-Эрмоли и Южной германской армии лишь с 8 по 18 октября почти в 10 тыс. человек.^[487]

Согласно сводкам русского командования, к 28 декабря в районе Волочиска было сосредоточено свыше 10 тыс. только здоровых пленных германцев и австрийцев, захваченных у Черновиц и Тарнополя.^[488]

В ходе боев в Прибалтике, по данным Рейхсархива, только 12-я германская армия потеряла за июль и август 1,8 тыс. офицеров и 80 тыс. бойцов,^[489] даже октябрь стоил Неманской армии потери 15 тыс. человек.^[490] В ходе боев у Ковно немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 10 тыс. человек. В результате боев 27–29 августа на Виленском направлении потери германских пехотных рот доходили до 100 человек на каждую.^[491]

В ходе Алашкертской операции на Кавказском фронте трофеями русских войск к 21 июля стали более 10 тысяч пленных и 12 орудий.

На 1 декабря 1915 г. на учете в России числилось пленных: германцев – 1193 офицера и 67 361 нижний чин; австрийцев – 16 558 офицеров и 852 356 нижних чинов. С остающимися в прифронтовой полосе (без турок) – 1,2 млн человек.^[492]

Подводя итог потерь армий германского блока в кампании 1915 г., необходимо отметить следующее. По авторитетным данным французских военных специалистов, германская армия потеряла в 1915 г. на Русском фронте 1 млн человек (в то время как на Французском – 721 тыс.), австро-венгерская – 1 млн 252 тыс. человек^[493] (на Итальянском – 181,6 тыс., Балканском – 29 тыс.), турецкая – до 100 тыс. человек.

В итоге, воюя с огромными проблемами в плане вооружения и снабжения, отступая, русская армия нанесла странам германского блока урон в 2 млн 350 тыс. бойцов.

Причем потери этого года были самыми тяжелыми для всех государств германского блока за всю войну. Давая оценку германским потерям на Востоке в 1915 г., подполковник Лярше отмечал, что факт потери миллиона человек для немцев – «свидетельство качеств армий великого князя Николая».^[494]

Германская армия понесла на Русском фронте 58 %, австро-венгерская – до 86 %, турецкая – до 30 % всех боевых потерь за год.

Особенно разительно цифры потерь врага смотрятся при сопоставлении с количеством оттянутых войск противника. Имея на своем фронте менее 50 % всех пехотных дивизий Четверного союза, русская армия нанесла врагу значительный ущерб – более 67 % от потерь вооруженных сил германского блока за год.

Кампания 1916 года

В кампании 1916 г. находящийся в обороне противник (турки – первое полугодие) нес, как правило, меньшие (за исключением турок) потери, чем русская армия.

Они составили за 1916 г. для германцев свыше 400 тыс. человек (потери на Западном фронте – сказались прежде всего Верден и Сомма, активные действия самих германцев – 983 тыс. человек, на других фронтах – порядка 60 тыс. тысяч^[495]). Соответственно, германцы понесли 28 % людских потерь в кампании 1916 г. на Русском фронте.

Так, в ходе отражения русского наступления в районе озера Нарочь 5–17 марта немцы (части 10-й, 8-й армий и армейской группы Шольца) потеряли до 40 тыс. человек только в боевом

составе войск, противостоящих 2-й армии, в том числе почти 2 тыс. пленных у Постав.^[496] Особенно высокие потери противник понес, когда контратаками пытался вернуть утраченные позиции. Косвенно потери врага подтверждает размер переброшенных в полосу 10-й армии германских резервов.

В ходе боев у Барановичей в июле германские войска потеряли до 40 тыс. человек.

В ходе боев с войсками Юго-Западного фронта во время летней кампании немцы были вынуждены перебросить в июне—ноябре 1916 г. против них части 34 пехотных дивизий, понесших значительные потери. Например, только армия А. фон Линзингена потеряла в майских боях свыше 82 тыс. человек, или 51 % первоначального состава (германский 10-й корпус – свыше 80 %).

В ходе Митавской операции в декабре германцы потеряли 3,5 тыс. человек (в том числе 1 тыс. пленными), 33 орудия и 19 пулеметов.

Австрийцы потеряли на Русском фронте до 650 тыс. бойцов против собственно русских войск и более 36 тыс. против русско-румынских войск (около 293 тыс. на Итальянском фронте и 6,7 тыс. на Балканах^[497]). В целом это составляло до 70 % австрийских потерь за год.

Так, в ходе Брусиловского наступления противник потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести до миллиона человек австро-германских солдат и офицеров. Только пленными – свыше 400 тыс. человек (почти 9 тыс. офицеров и 408 тыс. нижних чинов).^[498] Австрийцы оценивали свои потери на июль в 475 тыс. человек, из них 226 тыс. пленными.^[499]

Австро-германским войскам операции Юго-Западного фронта обошлись не менее чем в миллион человек. Русскими трофеями стали 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов.

Турки потеряли в боях с Кавказской армией свыше 100 тыс. человек, или более 50 % своих потерь за кампанию. 1916-й г. оказался в этом смысле самым результативным для Кавказской армии.

Так, в ходе Эрзерумской операции (28.12.1915–03.02.1916) было пленено свыше 300 офицеров, более 20 тыс. турецких солдат, трофеями русских стали более 450 орудий. 3-я турецкая армия потеряла свыше половины личного состава, почти всю артиллерию, многие части прекратили свое существование.

В ходе Эрзинджанской операции (18 мая – 20 июля) русские войска захватили 17 тыс. пленных, во многих ротах турок осталось по 20–25 человек – 3-я турецкая армия потеряла способность к дальнейшим активным действиям и не смогла объединить свои усилия с действиями 2-й армии.

В ходе Огнотской операции турецкие войска (2, 3, 4 и 16-й корпуса общей численностью 74 тыс. штыков, 7 тыс. курдов, 98 орудий) потеряли около 60 тыс. человек.

Итого кампания 1916 г. нанесла противостоящему русской армии противнику (без болгар) потери свыше 1 млн 200 тыс. человек. Или 1:2 сравнительно с русскими потерями. Учитывая нормальное соотношение потерь для обороняющегося и наступающего 1:3 в пользу первого, следует признать вышеуказанное соотношение нормальным. От общего числа потерь германского блока за год они составили 45 %.

Кампания 1917 года

В кампании 1917 г. армии германского блока понесли значительные потери. Германцы потеряли до 350 тыс. (при 900 тыс. на других фронтах) человек – 28 % всех потерь пришлось на Русско-румынский фронт.

Австрийцы около 150 тыс. бойцов потеряли на Русско-румынском фронте (при 316 тыс. на других фронтах – впервые за войну потери на Итальянском фронте превысили потери на Русском) – 32 %.

Относительно невелики были потери турок и болгар.

Так, в самой крупной операции года – июньском наступлении русских войск и июльском контрударе австро-германцев – противник понес значительные потери – около 37 тыс. человек пленными,^[500] 45 тыс. убитыми и ранеными, 121 орудие, 99 минометов, 403 пулемета. По австрийским данным, только Южная армия за период 16–23 июня потеряла свыше 12,5 тыс. человек (5444 германца, 4556 австрийцев, 2526 турок).^[501]

Потери германцев в Рижской операции – до 5 тыс. человек. Фактически это почти исключительно жертвы огня русской пехоты, так как артиллерия (основной инструмент нанесения урона противнику в Первую мировую войну – до 75 % всех боевых потерь) 12-й русской армии была нейтрализована германцами еще до начала активной фазы операции.

В ходе операции Альбион германский флот потерял 26 боевых и вспомогательных кораблей и судов, или 20 % корабельной группировки на начало сражения. 25 кораблей получили повреждения, русскими было сбито 5 самолетов, погибло около 400 солдат десанта и моряков.^[502]

Бои июля—августа 1917 г. на Румынском фронте стоили германцам 47 тыс. человек.^[503]

В итоге цифры общих боевых потерь австрийцев и германцев в 1914–1917 гг. на Русском фронте подтверждаются словами Г. Блюментрита: «Я приведу малоизвестный, но знаменательный факт, что наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 по 1918 г.». ^[504]

Опираясь на цифры, можно констатировать, что общие потери (убитые, раненые, пленные, пропавшие без вести) германской армии на Восточном фронте в 1914–1917 гг. составили до 2 млн человек, австро-венгерской армии за тот же период – 2 млн 825 тыс., турецкой – 300 тыс., а всего – свыше 5 млн 100 тыс. человек. В данном случае не учитывались потери болгарской армии и потери, которые противнику нанесли русские воинские контингенты во Франции и на Балканах в 1916–1918 гг., а также потери военно-морского флота.

Для сравнения: на конец 1917 г. германская армия потеряла на Французском фронте 3 млн 340 тыс. человек; австрийская армия на Итальянском и Балканском фронтах – 1 млн 130 тыс., турецкая армия на всех (кроме Кавказского) фронтах – до 450 тыс. ^[505] То есть все союзники России нанесли германскому блоку в рассматриваемый период урон менее чем в 5 млн человек.

В целом, сравнивая потери германского блока на Русском фронте и на остальных фронтах по состоянию на конец 1917 г., следует отметить, что потери противника в боях с русской армией составили свыше 50 % общих потерь германского блока.

Но, учитывая, что русская армия в 1917 г. воевала вполсилы, следовало бы сравнить потери противников с начала войны до конца 1916 г. Результат получается еще более впечатляющим. Так, на конец 1916 г. германская армия потеряла на Русском фронте свыше 1 млн 600 тыс. человек (на Французском – 2 млн 460 тыс.), австрийская армия – около 2 млн 700 тыс. человек (на Итальянском и Балканском фронтах – около 730 тыс. человек), турецкая армия – до 300 тыс. человек (и до 300 тыс. на других фронтах). Соответственно, от общих потерь германского блока к концу 1916 г. в 8 млн 90 тыс. человек – 4 млн 600 тыс. человек (57 %) выведены из строя усилиями русской армии. Ранее во многих научных работах, как ни странно, потери противника на Русском фронте отождествлялись только с уроном германской армии. Но ведь сущность коалиционной войны требует оценить потери всего германского блока в комплексе.

Каждый из противников России, даже если их рассматривать отдельно, пострадал достаточно сильно. На конец кампании 1917 г. боевые потери германской армии на Русском фронте достигли более 37 %, австро-венгерской армии – более 71 %, турецкой армии – 40 % их общих потерь за почти 3,5 года боевых действий. На конец 1916 г. соответствующие цифры составили для германской армии – более 39 %, австро-венгерской – почти 79 %, турецкой – 50 %.

Необходимо остановиться и на таком аспекте военных потерь неприятельских армий, как военнопленные.

Во время Первой мировой войны русские войска взяли свыше 2 млн пленных (сравнительно с 1 млн 387 тыс., взятыми другими союзниками, в том числе американцами, воевавшими в 1918 г.), или до 60 % всех пленных.

Встречается также цифра 2 млн 200 тыс. (250 тыс. немцев; существуют также цифры 220 тыс., 200 тыс., 190 тыс. и 167 тыс.; 1 млн 850 тыс. австрийцев – встречается цифра 2 млн и даже 2 млн 250 тыс.; 100 тыс. турок).

Усредненно считаем 200 тыс. германцев, 1 млн 800 тыс. австрийцев и 100 тыс. турок, то есть без болгар это 2 млн 100 тыс. человек.

Основные массы пленных перемещались внутрь России через Минск и Киев. Так, согласно официальным материалам русского командования, за 17 первых месяцев войны проследовало через Минск 3373 офицера и 222 465 солдат противника. ^[506]

Взятые русскими пленные пришлось на годы тяжелейших боев 1914–1916 гг. Это, если можно так выразиться, «настоящие военнопленные», взятые в бою. Напротив, значительная часть взятых союзниками немцев пришлось как раз на 1918 г. – год поражения, когда германские солдаты массово сдавались в плен в результате деморализации армии после августа 1918 г. («штрейкбрехеры»).

Русские войска взяли пленных больше, чем другие союзники, вместе взятые (на осень 1917 г. французы взяли 160 тыс. пленных, британцы – 90 тыс., итальянцы – 110 тыс.). Соответственно, одних германцев русская армия взяла за указанный период столько же, сколько англо-французы. Сравнивать пленных австрийцев, взятых русской и итальянской армиями, смысла нет, разница слишком очевидна.

Русская армия захватила 3850 орудий (550 – у германцев, 2650 – у австрийцев, 650 – у турок). За то же время французы захватили 900 орудий, англичане – 450, итальянцы – 150.^[507] Соответственно, трофеями русской армии за рассматриваемый период стали почти 72 % орудий германского блока.

Самым кровавым для германо-австрийцев на Русском фронте был 1915 г. (50 % всех германских и 44,5 % австрийских потерь на Востоке), а для турок – 1916 г. (до 35 %). Главным фронтом для России был Австрийский (наиболее многочисленный и ударный фронт – Юго-Западный). Аналогично и для Австро-Венгрии ключевым был Русский фронт: австрийские потери составили 55 % всех потерь германского блока на Русском фронте (но в 1917 г. немцы понесли большие потери на Русском фронте, чем австрийцы).

Интересно, что примерно равные потери русская армия нанесла противнику в 1914 г. (за счет качества людей – армии мирного времени) и 1917 г. (за счет применения техники и обильного расхода боеприпасов).

Важнейшее значение имеет также тот факт, что Россия не воевала последний год войны (когда и союзники, и немцы несли тяжелые потери на Западе), а фактически и дольше (если брать во внимание не только 1918 г., но и революционный 1917 г., когда боевое напряжение на Восточном фронте не шло ни в какое сравнение с предшествующими годами). Если учитывать краткосрочность кампании 1914 г., то можно отметить, что наиболее смертоносным для противника был 1914 г. (когда сражались кадровые армии), но в абсолютных цифрах – 1915 г. 1916 г. показателен как год наиболее тяжелых турецких потерь, а 1917 г. можно описать усилившимся влиянием на баланс потерь применяемых русскими войсками технических средств.

Предвзятое отношение мировой историографии к Русскому фронту наиболее ярко выразилось именно в сфере военных потерь. Так, все знают «верденскую мясорубку» на Французском фронте 1916 г., когда германцы за год боев потеряли до 500 тыс. человек. Но Русский фронт 1915 г., отнявший только у германцев в два раза больше людей, никто не называет «русской мясорубкой 1915-го». Вполне сопоставимы с потерями под Верденом и германские потери на Русском фронте за 1916 г. Это лишнее доказательство устоявшихся в историографии клише и штампов и яркая иллюстрация всегда применявшейся к военным усилиям России (и не только к ним) западной политики двойных стандартов.

Усредненно Русский фронт в течение почти четырех лет борьбы наносил германскому блоку урон (сравнительно с потерями врага на других театрах военных действий) от 29 % (1917 г.) до 67 % (1915 г.).

§ 2. Переброски войск германского блока на Русский фронт – тенденция к постоянному наращиванию сил

Одним из важнейших факторов коалиционной войны являются оперативные переброски войск. Это эффективный механизм, посредством которого один из фронтов, отделенный от союзников значительными пространствами, может влиять на ситуацию на других театрах военных действий.

В начале кампании 1914 г. на Русском фронте Первой мировой войны русской действующей армии противостояли (здесь и далее при подсчете числа соединений противоборствующих сторон принимались в расчет только активные дивизии, находящиеся на фронте) до 18 германских пехотных дивизий (8-я армия и Силезский ландверный корпус, без учета гарнизонов и постоянно формируемых местных формирований) и до 40 австро-венгерских пехотных дивизий (с учетом отдельных бригад).

Но уже первые операции привели к существенному перераспределению сил и средств противника.

Восточно-Прусская операция Северо-Западного фронта (включая первое сражение у Мазурских озер) привела к переброске на Русский фронт с Французского 4 пехотных (25 % от исходной группировки – 16 дивизий 8-й армии) и 1 кавалерийской дивизий. Данное обстоятельство явилось одной из причин проигрыша Германией Марнского сражения на западноевропейском театре военных действий и в перспективе всей войны. Гвардейский резервный из состава 2-й армии, 11-й армейский из 3-й армии вместе с 8-й кавалерийской дивизией были отправлены в Восточную Пруссию. 5-й армейский корпус также в самый ответственный момент был оттянут с Французского фронта, готовился к переброске и хотя в Пруссию не попал, но и не принял участия в решающих боях во Франции. Немцам не хватило именно этих корпусов для победы на Марне.^[508]

Профессор комдив В. А. Меликов писал: «Мольтке-младший приказал снять с главного направления (правый фланг германских армий, двигавшихся к Парижу) два корпуса и перебросить их на восточный фронт. Эта слабость в стратегической целеустремленности имела свои тяжелые последствия для германских армий, так как этих корпусов, столь нужных в сражении на Марне, – там уже не оказалось».^[509]

Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилов зафиксировал причины снятия корпусов именно с ударного крыла германской армии: «Развертывавшиеся у немцев на востоке события не позволяли медлить, и потому к перевозке были предназначены такие части, которые скорее других могли быть посажены на железную дорогу и прибыть к месту нового назначения. В соответствии с таким заданием, были сняты с правого обходившего французов фланга два корпуса (Гвардейский резервный и XI-й) и одна кавалерийская дивизия (8-я)... Принятое германским главнокомандованием решение о переброске части сил на восточный фронт явилось, конечно, для дальнейшего хода событий на западе фактором огромного значения. Кроме численного и притом значительного ослабления уже занесенного удара, это решение, несомненно, оказало еще свое подтачивающее влияние на духовное равновесие германских вождей, их веру в предстоящее дело, а значит, и волю к победе».^[510]

Полковник Ф. Храмов отмечал: «Такое ослабление ударной группировки правого крыла германских армий бесспорно было одной из причин неудачного для германских войск исхода сражения на Марне в сентябре 1914 года... Русские, вынудив германское командование перебросить часть сил с французского фронта на восток, оказали Франции серьезную помощь, сыгравшую в дальнейшем ходе войны крупную стратегическую роль».^[511]

Германский военный историк О. фон Мозер считал, что критическая обстановка, создававшаяся в Восточной Пруссии, «послужила причиной особенно неудачного и рокового мероприятия, а именно – отправки двух армейских корпусов с правого фланга немецкой армии в Восточную Пруссию, где тем временем создалась критическая обстановка».^[512]

А генерал-лейтенант Н. Н. Головин утверждал, что переброска вышеуказанных корпусов с Западного фронта на Восточный «представляла собой самую грубую стратегическую ошибку, совершенную во время Великой войны какой-либо воюющей стороной».^[513]

Количество германских пехотных дивизий на Русском фронте к сентябрю 1914 г. приблизилось к 20 (без двух дивизий Силезского ландверного корпуса Р. фон Войрша, взаимодействовавшего с австрийцами).

Галицийская битва Юго-Западного фронта дополнительно привлекла 10 пехотных и 2 кавалерийские дивизии (из них 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии – с Сербского фронта) противника, что составило 25 % от исходной группировки их войск. Так, после 10 августа австрийцами в Галицию переброшены 4 ландштурменные, 12 маршевых бригад, 2 гонведные пехотные дивизии и 2 армейских корпуса (4-й и 7-й – 4 пехотные дивизии) – во 2-ю армию. Что было наиболее ценным – австрийская 2-я армия вместо Сербского фронта попала на Русский (17, 31, 32, 34, 20, 38-я пехотные, 43 ландштурменная дивизии, 35, 40, 102, 103-я ландштурменные бригады; 2 кавалерийские дивизии – 1-я и 5-я).

К концу Галицийской битвы Юго-Западный фронт имел против себя (учитывая разгромленные части) до 47 пехотных австрийских дивизий (против Сербии осталось всего до 12 пехотных дивизий и 3 бригады) и 2 германские пехотные дивизии.

Первая Августовская операция Северо-Западного фронта привела к переброске германцами в Восточную Пруссию еще двух пехотных дивизий с Французского фронта (25 % состава германской 8-й армии к началу операции). Речь идет о 49-й и 50-й резервных дивизиях 25-го резервного корпуса. По словам командующего русской 10-й армией генерала от инфантерии В. Е. Флуга, «разведывательное отделение штаба 10-й армии установило прибытие к противнику нового корпуса», который был переброшен в Восточную Пруссию, где «положение становилось серьезным, ввиду нового вторжения русских на германскую территорию».^[514]

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом М. Гофман писал: «Верховное командование придало этой армии (8-й. – *А. О.*) один из вновь сформированных корпусов, именно 25-й, хорошо себя показавший в бою».^[515]

Ю. Н. Данилов отмечал: «...в Восточной Пруссии обнаружен был 25-й резервный корпус, предназначавшийся, по нашим сведениям, первоначально к отправлению на Западный фронт».^[516] О. Швинк, говоря о германских корпусах, направляемых для боев с союзниками на Изер и Ипр, поштучно назвал эти бывшие тогда наперечет свежие соединения и был вынужден с досадой констатировать: «25-й резервный корпус был крайне необходим в Восточной Пруссии».^[517]

То, что это соединение не попало на Французский фронт, имело немаловажное значение в период развернувшихся боев на Изере. В частности, начальник штаба русской 10-й армии генерал-лейтенант барон А. П. Будберг отмечал, что первая Августовская операция «сломила, наконец, долгое и упорное сопротивление VIII немецкой армии, принудила ее отойти к Летцену и за р. Ангерапп и притянула на наш фронт немецкие резервы, облегчив этим союзников, изнемогавших в это время в ожесточенных боях у Ипра».^[518]

В рассматриваемый период в боях у Ипра наступило определенное равновесие в силах, и целый корпус мог позволить германцам переломить ситуацию в свою пользу, но он отбыл в Восточную Пруссию.

Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции отвлекли с Французского фронта 8 германских пехотных (более 30,5 % от первоначальной немецкой группировки) и 6 кавалерийских дивизий. Были переброшены 3-й и 24-й резервные, 2-й и 13-й армейские корпуса: в ноябре – 3-я и 4-я пехотные дивизии; в ноябре—декабре – 26-я пехотная, 5, 6, 25, 47, 48-я резервные дивизии. Кроме того, за ноябрь—декабрь – 2, 4, 5, 6, 8, 9-я кавалерийские дивизии. Всего германский Восточный фронт получал 96 батальонов, 640 орудий или свыше 120 тыс. человек только в составе армейских корпусов.

А. П. Будберг отмечал: «Немцы сразу же были вынуждены снять с запада и спешно перебросить в Галицию четыре пехотных и два кавалерийских корпуса... Это ослабление, несомненно, отразилось весьма невыгодно на второй, очень важной для немцев операции в районе Изера и Ипра, где союзники переживали весьма тяжелые дни и где недостаток резервов опять не позволил немцам достигнуть успеха, каковой при сложившейся тогда обстановке был связан с самыми решительными оперативными и стратегическими последствиями».^[519]

В этом контексте Ю. Н. Данилов также свидетельствовал: «Мы имели... право констатировать тот факт, что, притянув с Западного фронта на себя, в период Лодзинских боев, четыре германских корпуса и несколько кавалерийских дивизий, мы оказали этим вторично серьезную помощь нашим союзникам-французам, а на сей раз и англичанам, отняв у немцев возможность продолжать наступательные действия и принудив их на западном фронте надолго зарыться в окопы. Кому известно, насколько опасались в Англии занятия немцами Дюнкирха, который мог стать базой для неприятельских подводных лодок, и дальнейшего продвижения немцев к Калэ, тот по достоинству должен оценить значение этой нашей помощи».^[520]

По австрийским данным, количество их соединений на Русском фронте в ноябре по сравнению с сентябрем увеличилось на 3 дивизии и 2 отдельные бригады. Перебросок с Русского фронта на Сербский не наблюдалось – в этом огромная заслуга России перед Сербией.^[521]

Крупнейшие переброски войск противника на Русский фронт в ходе кампании 1914 г. укладываются в два важных этапа.

Первый этап – август—сентябрь 1914 г. – срыв стратегических планов держав германского блока, переброски германских войск из Франции и австрийских с Балкан. Переброска 4 пехотных и 1 кавалерийской дивизий в Восточную Пруссию в августе 1914 г. сорвала реализацию германского довоенного планирования с проигрышем Германией Марнского

сражения, стабилизацией Французского фронта. Бой под Гумбинненом русской 1-й армии и первые победы войск русской 2-й армии ознаменовали начало войны Германии на два фронта. Теперь она вынуждена была раздвигать свои усилия, а не громить врага по частям. Воевать на два фронта Германская империя в силу различных обстоятельств (прежде всего из-за ограниченности ресурсов) не могла. Такая война для Германии – отсроченное неминуемое поражение.

Неудачное для австрийцев течение Галицийской битвы привело к сосредоточению на Русском фронте 2-й австрийской армии, предпочтительно предназначенной для ведения операций на Балканах. Ее восемь пехотных дивизий попали на Русский фронт, чем было облегчено положение Сербии. Австро-Венгрия также не решила своих задач по разгрому одного из противников, а воевать на два фронта она была способна еще менее Германии.

Второй этап – осень 1914 г. Переброски с целью предотвратить глубокое вторжение русских в Восточную Пруссию, Силезию и Венгрию. Перебрасываются не только войска с других фронтов, но и резервы.

Переброска двух пехотных дивизий 25-го резервного корпуса (единственного на тот момент подготовленного резерва внутри Германии) в Восточную Пруссию в конце сентября – начале октября благоприятно сказалась на положении англичан и французов в сражении на Изере (где силы противников были примерно равны).

Крупнейшие переброски войск германского блока в ноябре—декабре 1914 г. на Русский фронт (австрийские силы возросли на 3 дивизии, немцы перебросили 8 пехотных и 6 кавалерийских дивизий) в значительной степени облегчили положение сербов и главным образом англичан и французов в сражении на Ипре.

Русская Кавказская армия при минимуме первоочередных войск (4 дивизии) оттянула на себя 11 кадровых турецких дивизий и сильно их обескровила, чем также оказала неоценимую помощь союзникам, прежде всего Англии.

Таким образом, если на август против России было выставлено до 58 пехотных дивизий германского блока, то к концу кампании 1914 г. – до 94 дивизий. Увеличение составило 36 пехотных дивизий (62 % в сравнении с группировкой на начало войны).

К концу 1914 г. русским войскам противостояли 36 германских пехотных дивизий и до 47 австро-венгерских пехотных дивизий (с учетом разгромленных частей и отдельных бригад). Соответственно, германские силы в пехоте удвоились (увеличение на 100 %, доля кавалерии возросла в несколько раз). Даже истекающая кровью австрийская армия увеличилась в пехоте более чем на 17 %. К этому нужно прибавить 11 турецких пехотных дивизий.

В целом удельный вес выставленных против России соединений от всех вооруженных сил германского блока выглядел следующим образом.

Август 1914 г. – до 18 германских дивизий на Русском фронте и 80 на Французском (Русский фронт оттянул 18 % германских пехотных дивизий); конец кампании – 36 германских дивизий на Русском фронте и 81 – на Французском. Налицо тенденция к увеличению боевого веса Русского фронта. Теперь он оттягивал почти 31 % германских пехотных дивизий. Обращает на себя внимание и тот факт, что к октябрю из 29 ландверных дивизий лишь 9 сражались на Русском фронте. То есть трудно говорить о том, что германцы преимущественно использовали ландверные дивизии на Востоке и что они менее ценились, чем полевые дивизии.

Август 1914 г. – до 40 австро-венгерских пехотных дивизий на Русском фронте (при 13 дивизиях на Балканах), то есть свыше 75 % австро-венгерских войск оттянул Русский фронт.

Русский Кавказский фронт приковал к себе до 69 % всей армии Османской империи (11 дивизий против России и 5 на других фронтах).

Итого на конец кампании вооруженные силы Российской империи, противостоявшие силам трех империй, оттягивали на себя в совокупности из 193 пехотных дивизий (117 германских, 60 австрийских, 16 действующих турецких) 94, то есть 49 % их вооруженных сил. С остальными 51 % сражались силы Франции, Англии, Бельгии, Сербии и Черногории.

Причем из этих 94 дивизий 83 – австро-германские, то есть приблизительно столько же войск, сколько в то время было сосредоточено на англо-франко-бельгийском Западном фронте, и с тенденцией к наращиванию сил именно на Русском фронте.

В ходе кампании 1915 г. можно выделить два этапа перебросок войск противника на Русский фронт.

Первый этап – в рамках осуществления «зимних стратегических Канн».

Так, вторая Августовская операция 25 января – 13 февраля 1915 г. привела к переброске 8 пехотных дивизий (6 дивизий – стратегический резерв Германии, 2 дивизии – с Французского фронта; это более чем 50 % от изначальной группировки противника). Так, в январе были переброшены 75, 76, 77, 78, 79, 80-я резервные дивизии, а в начале февраля (с Французского фронта) – 31-я и 42-я пехотные дивизии.

Ю. Н. Данилов писал: «С точки зрения наших западных союзников, происшедшее отвлечение на наш фронт четырех германских корпусов, из коих три совершенно свежих и сформированных с особою заботливостью, должно было, конечно, оцениваться как факт чрезвычайно для них благоприятный. Подготавливавшийся против них очередной удар был отведен в нашу сторону. Английское военное министерство получило возможность продолжать работу по дальнейшему развитию своей вооруженной силы, а французское командование оказалось в состоянии провести задуманное им второе наступление в Шампани».^[522]

Э. фон Фалькенгайн так обрисовывал обстановку, когда принималось решение о применении стратегического резерва: «Главкомандующий на востоке, генерал-фельдмаршал ф. Гинденбург... думал, что от подобной операции... можно было ожидать окончательного исхода на востоке. Нельзя было оспаривать, что четыре совершенно свежих, с особой заботливостью снаряженных и обученных немецких корпуса, вероятно, достигли бы крупных результатов в любом пункте востока, раз только они нашли бы себе на нем применение... Начальник генерального штаба вначале крепко держался мысли применить новые корпуса на западе».^[523]

В итоге «...Гинденбургу были предоставлены в распоряжение четыре корпуса общего резерва – лучшие, какими когда-либо на войне располагала Германия – для осуществления наступления из Восточной Пруссии, согласно его и главного австро-венгерского командования предложений».^[524]

О. фон Мозер следующим образом комментировал проблему применения германских стратегических резервов: «Первым... значительным вопросом, подлежавшим разрешению в 1915 г., была необходимость использовать 4 новых немецких корпуса, тщательно подготовленных, укомплектованных лучшими немецкими контингентами и командирами. Начальник штаба немецкого верховного командования, верный своему основному плану войны, решил нанести при помощи их первый сильный удар на западном фронте. Но тяжелое положение Австро-Венгрии, карпатской границе которой все более и более угрожали русские, не улучшалось, несмотря на то, что на поддержку австро-венгерской армии были переброшены значительные немецкие части, вошедшие в состав южной армии. Это побудило Фалькенгайна воздержаться от нанесения удара на западном фронте».^[525]

В результате применение на Русском фронте 38, 39 и 40-го резервных, а также 21-го армейского корпусов предопределило отказ германцев от активности на Французском фронте.

Э. фон Фалькенгайн был вынужден констатировать: «С болью в сердце начальник генерального штаба должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов, единственного к этому моменту общего резерва. Такое решение знаменовало собою дальнейший отказ, и притом уже на долгое время, от всяких активных предприятий крупного размаха на западе».^[526]

Второй этап – серия оперативных перебросок как элитных ударных соединений, так и резервных войск весной—осенью 1915 г. с целью проведения комплекса операций по выводу России из войны.

Последние активные в стратегическом смысле русские операции 1915 г., сокрушившие «зимние стратегические Канны» (вторая Праснышская и Карпатская операции), а также подготовка к Горлицкой операции вызвали очередные усиленные переброски германо-австрийских войск на Русский фронт.

В течение марта 1915 г. на Русский фронт были переброшены 5 германских пехотных (19-я, 20-я пехотные, 82-я, 81-я резервные, 11-я баварская пехотная) и 3 кавалерийские (3-я, гвардейская и баварская) дивизии. 11-я баварская пехотная дивизия прибыла из Германии, все остальные – с Французского фронта. Австрийцы к марту увеличили свою группировку на Русском фронте примерно на 3 дивизии, сохранив этот показатель до июня 1915 г. включительно (до появления Итальянского фронта).

Во время Карпатской и Горлицкой операций (весна 1915 г.) группировка австро-венгерских войск на Русском фронте достигла своего максимума – до 50 дивизий. Однако переброски австрийцев оголили их Балканский фронт, о чем свидетельствовал, в частности, адмирал О. Р. Вульф: «Австро-венгерское командование получило возможность зимой 1914/15 годов использовать против русских на Карпатах 8-й и 13-й корпуса, а также сводный корпус Краусса... Против Сербии остались только части ландштурма и Дунайская флотилия».^[527] Об этом же писал и Э. фон Фалькенгайн: «Оказалось невозможным из-за возрастающего русского нажима снять для Сербии какие-либо австро-венгерские части с Карпатского фронта. Наоборот, даже части уже бывшие на Дунае, пришлось взять для поддержки на Карпатах».^[528]

К концу Карпатской битвы в полосе войск Юго-Западного фронта были сосредоточены 5 австрийских армий и до 5 германских корпусов.

В апреле германцы перебросили 3 пехотные дивизии (1-ю и 2-ю гвардейские, 119-ю пехотную) с Французского фронта.

Горлицкий прорыв был осуществлен германской 11-й армией, на 100 % состоявшей из переброшенных войск (8 германских дивизий, входящие в ее состав, – 11-я баварская пехотная, 19, 20 и 119-я пехотные, 81-я и 82-я резервные, 1-я и 2-я гвардейские).

В период проведения Горлицкой стратегической операции и реализации «летних стратегических Канн» противник продолжал наращивать свою группировку. Так, в мае на Русский фронт прибыли 8 германских дивизий (одна из дивизий Альпийского корпуса и 8-я баварская резервная прибыли с Французского фронта, 101, 103, 105, 107, 108, 109-я пехотные – из Германии); в июне – 1 дивизия (44-я резервная) из Франции (но Русский фронт покидает одна дивизия). В июле прибыли две германские дивизии (54-я и 58-я – все с Французского фронта), но была снята еще одна германская пехотная дивизия – 56-я; в августе в Россию переброшены также две дивизии (115-я с Французского фронта, 85-я из Германии). Только в сентябре начался отток германских соединений на Сербский фронт. Активную фазу операции германцы считали выполненной. Австрийцы стали постепенно сокращать свое присутствие на Русском фронте с июля (к декабрю количество пехотных дивизий уменьшается на 9).

Активные операции у Сморгони и Двинска заставили германское командование (о чем много писал Э. фон Фалькенгайн) лавировать в возможностях переброски войск с одних участков Восточного фронта на другие, при необходимости осуществлять переброски во Францию и на Балканы. Не все намеченные дивизии удалось вывести из боя, заменить или перебросить. По данному вопросу даже возникла конфликтная ситуация между командованием германского Восточного фронта (не только не желавшим отдавать соединения на запад, но и просившим подкреплений) и Верховным командованием (думающим более широко и прежде всего о Французском и Сербском фронтах). На страницах труда Э. фон Фалькенгайна присутствует длительная полемика по поводу переброски двух дивизий на Французский фронт с Русского – с привлечением мнения императора как арбитра по этому поводу.

Тем не менее активные операции на Русском фронте затихают, устанавливается позиционная война с эшелонированной обороной, что позволяет снимать и перебрасывать дивизии с Востока на другие театры военных действий. Но уже в декабре Русский фронт соединений больше не отдавал, пополнившись 107-й пехотной дивизией (из Сербии).

Число турецких дивизий на Кавказском фронте не только не уменьшилось, но в апреле увеличилось на одну дивизию – и держалось в количестве 12 пехотных дивизий весь 1915 г. И это в то время, когда нависла угроза столице Турции со стороны англичан и французов, а каждый батальон был у турок на счету! Историк Кавказского фронта отмечал, что «боевые действия русской армии в 1914–1915 гг. как против австрийцев и германцев, так и против турок происходили в трудных, неравных условиях».^[529]

Впечатляет динамика усиления германо-австрийского фронта.

Всего с января по август 1915 г. включительно на Русский фронт было переброшено 29 германских пехотных дивизий, а две – из России на другие театры военных действий. Из 27 оставшихся германских пехотных дивизий 13 переброшено с Французского фронта и 14 – из Германии. Русский фронт не только оттягивал силы с Французского, но и поглощал резервы противника. Соответственно, в августе 1915 г. (пиковая точка маневренных операций на Русском фронте) немцы держали против русской армии (36 плюс 27) 63 пехотные дивизии. Таким образом, за полгода они почти удвоили свой контингент на Русском фронте. Одновременно на

Французском фронте находились на август 1915 г. 90 пехотных дивизий и одна – на Итальянском. Соответственно, на рассматриваемый месяц русская армия оттягивала на себя 41 % пехотных дивизий Германии. Кроме того, за январь—август на Русский фронт были переброшены 3 кавалерийские дивизии с Французского фронта.

На декабрь 1915 г. (когда фактически противники перешли к позиционной войне) соотношение сил несколько изменилось. За сентябрь—декабрь с Русского фронта немцы отправили на другие театры военных действий 21 пехотную дивизию (13 на Французский фронт и 8 – на Балканский). То есть к концу года количество германских пехотных дивизий на Русском фронте уменьшилось и составило 42. Сравнительно с 104 дивизиями Французского фронта и пятью на Балканском – почти 28 %.

Австрийцы в августе 1915 г. несколько снизили по сравнению с весной количество пехотных соединений на Русском фронте (сказалось влияние итальянского театра военных действий) примерно на 6 дивизий. До 44 австрийских дивизий находились на Русском фронте (до 20 на Итальянском и две на Балканском). Соответственно, Россия оттянула на себя свыше 66,5 % австро-венгерской армии. К декабрю количество пехотных дивизий сократилось еще на шесть (сказалось влияние не только Итальянского, но и Балканского фронта) и составило до 38 дивизий (7 на Балканском фронте и 21 на Итальянском) – 57,5 % австрийских войск.

Обращает на себя внимание постепенное снижение количества австро-венгерских контингентов на Русском фронте при увеличивающемся числе германских. С июля 1915 г. количество австрийских дивизий стало падать, а германских – расти. Это объясняется как появлением новых фронтов с участием австрийцев, так и снижением боевого качества австро-венгерских войск.

Наконец, на Кавказском фронте русские войска оттягивали на себя 12 турецких пехотных дивизий. Притом что в августе на других фронтах у противника находилось: на Галлиполи (Дарданеллы) – 23 пехотные дивизии, в Ираке – 3 пехотные дивизии, в Аравии – 4 дивизии. Соответственно в этот период Кавказский фронт удерживал 28,6 % турецких вооруженных сил, а на декабрь (против Кавказской армии – 12, в Галлиполи – 14, Ираке – 5, Аравии – 4 пехотные дивизии) – 34 % турецких войск.

Всего же русская армия к августу 1915 г. из 262 дивизий германского блока оттянула 119 дивизий (за полгода увеличение на 21 %), или более 45 %, а к декабрю того же года из 252 активных дивизий врага – 92 (36,5 % войск германского блока).

Характерным является и то обстоятельство, что количество первоочередных, то есть полевых и резервных, германских дивизий по сравнению с началом войны на Русском фронте увеличилось, тогда как на Французском фронте число первоочередных пехотных дивизий не росло, а число кавалерийских – уменьшилось. Это говорит о повышении качества ведения боевых действий и их сложности для германцев на Русском фронте.

В кампании 1916 г. ключевое значение имели переброски австро-германских войск летом—осенью с Французского и Итальянского фронтов с целью локализации широкомасштабного наступления Юго-Западного фронта и для противостояния вновь образованному Румынскому фронту.

С мая по ноябрь на Русский фронт перекочевали 45 пехотных германо-австро-турецких дивизий (50 % всех войск германского блока на Восточном фронте на начало Брусиловского прорыва), в том числе 26 дивизий с Французского и Итальянского фронтов.

Так, на Французском фронте 1 июля 1916 г. действовали 1,3 тыс. германских батальонов. 1 января 1917 г. их было 1327. В то же время если против России к началу июля 1916 г. действовали 509 германских и 534 австрийских батальона, то к 1 января 1917 г. – 854 германских, 708 австрийских и 24 турецких батальона. Таким образом, на восточноевропейском театре военных действий силы неприятеля выросли на 345 германских, 174 австрийских и 24 турецких батальона, в то время как на западноевропейском театре военных действий германские силы приросли лишь на 27 батальонов. Стоит отметить, что этот результат был достигнут русской армией с менее значительными, чем на Французском фронте, техническими ресурсами.

Тенденция к увеличению сил австрийцев и германцев на Русском фронте в кампании 1916 г., в отличие от 1915 г., не планируемая, а вынужденная – результат Брусиловского наступления.

Так, для локализации прорыва и противодействия последующим операциям русской армии противник перебросил с других участков Русского фронта и иных театров военных действий в июне—ноябре 1916 г. против Юго-Западного фронта части 34 пехотных дивизий.^[530]

Июнь	Ветераны Горлицкого прорыва 19-я и 20-я пехотные, 43-я резервная баварская дивизии
Июль	1, 121 и 201-я пехотные дивизии
Август	216, 217, 195, 197, 199, 200, 123, 117, 187-я пехотные, 10-я баварская пехотная дивизии
Сентябрь	205, 91, 218, 225, 208-я, ветеран Лодзинской операции 3-я гвардейская дивизии
Октябрь	Дивизия Альпийского корпуса, 8-я баварская резервная, 12-я баварская пехотная дивизии
Ноябрь	16, 215, 15, 53-я резервная дивизии

Кроме того, германцы перебросили против войск Юго-Западного фронта 1 кавалерийскую (7-ю) дивизию, австрийцы – 9 пехотных, турки – 2 пехотные дивизии. Турки перебросили две свои лучшие дивизии, австро-венгерские соединения изымались за счет оголения Итальянского фронта.

Следует отметить, что все же присутствовали обратные переброски.

В чистом же виде (то есть не возвратившихся на другие театры военных действий) Русский фронт с июня по ноябрь оттянул 28 дивизий противника (из них 20 из Франции, причем 11 были взяты из-под Вердена в период ожесточенных боев). С Итальянского фронта прибыло 6 дивизий (правда, временно, с мая по август).

Стоит также сказать, что не все дивизии перебрасывались в полном составе и одновременно. Но даже подсчитывая количество переброшенных дивизий не номинально, а исходя из числа батальонов (441) и числа батальонов в австро-германской дивизии по штату (12), получается, что наступление Юго-Западного фронта оттянуло на себя с других фронтов почти 37 полнокровных пехотных дивизий. Это эквивалентно 13–18 армейским корпусам или, по сути, целому фронту (причем не принимая во внимание войска, которые были в наличии к началу операции).

Все это не могло не сказаться на ослаблении атак германцев под Верденом, помогло союзникам организовать контрнаступление на Сомме. Э. фон Фалькенгайн отмечал: «Положение в Галиции заставило нас отказаться ответить на неприятельское наступление контрударом, предполагавшимся быть осуществленным в большем масштабе... На западном театре сила неприятельского удара, дошедшая на Сомме до крайнего напряжения, была сломлена. И если мы оказались не в состоянии положить конец этим атакам и своим контрударом закончить все нашим успехом, то это было исключительно только следствием неожиданного крушения Австро-Венгерского фронта в Галиции».^[531]

Об этом же говорили историки Луи Ривьер («Русское наступление отвлекло на себя силы, направленные в мае против Италии. Мы сами воспользовались этой победой: немецкие дивизии, переброшенные Германией на помощь Австрии, ослабили немцев на Сомме»^[532]) и Х. Риттер («Начавшийся бой на Сомме германцы должны были вести собственными силами. Потребность оказать помощь австрийцам ослабила северную часть германского фронта до наличного состава рекрутских депо. Германия истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни»^[533]).

Поскольку лучшие австрийские части перекочевали с Итальянского фронта на Русский, это позволило итальянцам в шестом сражении на Изонцо (6–12 августа) даже одержать некоторый

успех, и этот успех, вплоть до развала австро-венгерской армии, представлял единственную, хотя и скромную, победу итальянцев.

В декабре 1916 г. на Русский фронт были переброшены 2 пехотные дивизии немцев (205-я, 226-я), но противоположный отток выразился цифрой в 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии.

На Кавказском фронте в ходе кампании 1916 г. турки израсходовали до 33 % своих резервов, ослабив этим остальные фронты. Фактически в 1916 г. на Кавказском фронте были разгромлены главные силы турецкой армии, что значительно облегчило положение остальных союзников (прежде всего британцев), противостоящих Османской империи на других фронтах.

В итоге необходимо отметить следующее. С января по июнь 1916 г. применительно к германским соединениям на Русском фронте наблюдалась стабилизация ситуации – две германские дивизии покинули Русский фронт (1-я и 3-я гвардейская) – Верденская операция потребовала лучших частей. Но на июнь—август пришелся пик германских перебросок для локализации Брусиловского наступления: за три месяца было переброшено 17 пехотных дивизий, и к концу августа их количество на Русском фронте составило 57. Сравнительно со 111 дивизиями на Французском фронте (плюс 1 дивизия на Балканах) в августе против России было задействовано около 34 % действующей германской армии.

В декабре 1916 г. (точка стабилизации Румынского фронта) Русский фронт оттягивал 66 немецких пехотных дивизий – до 33 % действующей германской армии (122 дивизии во Франции, 13 на Румынском фронте и 1 на Балканах). 79 дивизий Русско-румынского фронта – это 39 % оттянутых на Восток германских дивизий.

В августе 1916 г. австро-венгерские силы на Русском фронте усилились до 42 пехотных дивизий (с Румынским фронтом – до 44), что составляло около 60 % (притом что 2 дивизии были на Балканах и до 28 – на Итальянском фронте) действующей армии. В декабре 35 дивизий – на Русском фронте, 13 – на Русско-румынском (62 % действующей армии). На Итальянском фронте количество австрийских соединений осталось прежним, на Балканском даже сократилось на одну дивизию.

Но наиболее впечатляющая картина наблюдалась на Кавказском фронте. Если в первое полугодие русской кавказской армии противостоят все те же 12 турецких дивизий, то в августе (после переброски из Дарданелл) – 22.

22 турецкие дивизии были разгромлены 12 русскими – и не просто разгромлены, а значительной частью уничтожены! В декабре турки обладали на Кавказском фронте лишь 13 пехотными дивизиями. Соответственно в августе русской кавказской армии противостояли 72 % турецкой действующей армии (22 дивизии – против России на Кавказе, 2 – против России в Галиции, 2 – на Румынском фронте, 1 – в Сирии, 3 – в Ираке, 2 – в Персии, 4 – в Аравии). В декабре же эта цифра снизилась до 60 % (13 дивизий – на Кавказском фронте, 5 – против Юго-Западного и Румынского фронтов, 1 – в Сирии, 3 – в Ираке, 2 – в Персии, 4 – в Аравии, 2 – на Балканах). Снижение произошло не за счет перебросок на другие фронты – количество турецких дивизий уменьшилось в результате боев с русской армией.

Кроме того, в 1916 г. на Русско-румынском фронте находились дивизии болгарской армии – 2 в августе и 4 в декабре (соответственно 16,5 % и 33 % всей действующей болгарской армии в 12 дивизий). И это без учета войск, противостоящих русским особым бригадам на Салоникском фронте.

В итоге на август 1916 г. (разгар операций на всех фронтах) Русский фронт оттягивал 129 пехотных дивизий четырех государств германского блока из 281 активной пехотной дивизии (и их эквивалентов – пехотных бригад и частей спешенной конницы), то есть порядка 46 %, а в декабре (на этапе стабилизации фронтов) – 149 дивизий из 314; итого – свыше 47 %. Налицо тенденция к наращиванию сил противника.

В ходе последнего серьезного боевого усилия для отражения летнего наступления русской армии 1917 г. противник был вынужден осуществить последние массовые переброски на Русский фронт. Так, для локализации июньского наступления потребовалась переброска до 13 германских (из них 11 с Французского фронта) и 3 австро-венгерских (с Итальянского фронта) пехотных дивизий (50 % от исходной германо-австрийской группировки). В июне в Россию было переброшено 5 пехотных дивизий (15-я резервная, 2, 94, 95 и 96-я пехотные – две с Французского фронта и три из Германии) при двух отбывших на Западный фронт; в июле – 8 пехотных дивизий (1-я гвардейская, гвардейская егерская, 2, 5, 6, 20-я пехотные, 16-я резервная

дивизии и 4-я эрзац-дивизия – все с Французского фронта); в августе – Альпийский корпус (с Французского фронта).

В сентябре 1917 г. на Русский фронт были переброшены три германские пехотные дивизии (6-я резервная, 33-я резервная и 8-я баварская резервная) и одна кавалерийская (2-я).

С ноября Русский фронт превратился в «источник питания» для других фронтов Германии. Э. фон Людендорф в этой связи отмечал: «Восточный фронт должен был поделиться с Западным многими своими силами».^[534] Но ему пришлось также констатировать: «В то время на Восточном фронте находилось приблизительно 80 дивизий, т. е. одна треть всех наших сил».^[535]

Говоря о сосредоточенных против России в 1917 г. силах, необходимо отметить следующее.

На август 1917 г. (завершение операций на Юго-Западном и Румынском фронтах) на Русском фронте находилась 81 германская пехотная дивизия. Сравнительно с другими германскими силами (142 дивизии на Западном фронте, 5 – в Румынии (тоже частично против русских войск) и 1 – на Балканах) – это до 36 % активных германских войск.

На ноябрь 1917 г. (фактическая ликвидация Восточного фронта) против России немцы все еще держали 70 пехотных дивизий (при 143 дивизиях во Франции, 9 на Румынском фронте против русско-румынских войск, 7 – в Италии и 1 – на Балканах) – до 31 % всех германских пехотных дивизий. А если считать Русско-румынский фронт, то 34 %.

Австрийцы держали на Русском и Румынском фронтах в августе до 53 пехотных дивизий: 36 – на Русском и 17 – на Румынском (при 32 на Итальянском и 2 на Балканском) – до 61 % своих пехотных дивизий. В ноябре – до 43 дивизий (29 на Русском и 14 на Румынском при 43 на Итальянском и 2 на Балканском) – около 49 % активных пехотных дивизий.

Турки в августе держали против России 11 пехотных дивизий на Кавказе и 3 – против Юго-Западного и Румынского фронтов (по 6 – в Сирии и Ираке, 4 – в Аравии) – 46,5 %; в ноябре – 10 против Кавказской армии и 3 на других фронтах (13 – в Сирии, 6 – в Ираке, 4 – в Аравии) – 36 % активной турецкой пехоты.

Наконец, болгары в 1917 г. держали на Русском фронте две пехотные дивизии – 16,5 % от 12 пехотных дивизий (10 на Балканах).

Если в августе 1917 г. против России было сосредоточено 150 пехотных дивизий противника (из 358) – до 42 % (с германскими дивизиями на Русско-румынском фронте – 43 %), то в ноябре – 128 пехотных дивизий (из 366) – 35 % (с германскими дивизиями на Русско-румынском фронте – 37 %). Именно на август 1917 г. приходится количественный максимум соединений стран германского блока, выставленных против России.

Абсолютный рекорд войсковых перебросок на Русский фронт показали для всего германского блока – наступление Юго-Западного фронта 1916 г. (до 45 пехотных дивизий), для германцев – июньское наступление 1917 г. (привлечено до 13 германских дивизий), для австрийцев – Галицийская битва 1914 г. (10 дивизий), для Турции – август 1916 г. (14 дивизий).

Но не всегда количество перевозимых войск является первым показателем – по стратегическим последствиям перебросок первое место занимает Восточно-Прусская операция 1914 г. (4 дивизии) и Горлицкая операция 1915 г. (8 германских дивизий 11-й армии).

Если брать периодичность перебросок, для германцев в 1914 г. было переброшено 14 пехотных дивизий, в 1915 г. – 30, в 1916 г. – 36, в 1917 г. – 49 (если считать Альпийский корпус за усиленную дивизию). Налицо стабильность с тенденцией к нарастанию. Для австрийцев – 10, 3, 9 и 13 дивизий соответственно. Из 129 германских дивизий – 91 пехотная дивизия с Французского фронта, чем мы оказали нашим союзникам большую помощь.

Максимальное количество – 150 пехотных дивизий (155 с германскими дивизиями на Русско-румынском фронте) стран германского блока приходится на август 1917 г. Даже погибавшая Россия была опасным противником, что демонстрирует последняя цифра. В эти цифры мы включаем лишь соединения, на указанный период оставшиеся на Русском фронте; побывавшие же в течение какого-то времени позволят указать более внушительную цифру.

Общая тенденция была такова, что успешные операции русской армии осенью 1914 г. приводят к резкому притоку сил противника на Русский фронт, он усиливается весной—летом 1915 г. в связи с переносом главного удара против России, чтобы смениться оттоком осенью—зимой 1915 г. (осенние операции на Французском фронте и разгром Сербии). С лета 1916 г. по лето 1917 г. количество неприятельских соединений на Русском фронте увеличивается

(наступления А. А. Брусилова – А. Ф. Керенского, образование Румынского фронта), чтобы с осени 1917 г. начался окончательный отток соединений с Русского фронта на Французский.

Более всего германских пехотных дивизий (81) – в августе 1917 г., для австрийцев (53 дивизии) – тот же год и месяц, для турок (26 дивизий) – август 1916 г., когда две их армии (2-я и 3-я) были последовательно разбиты кавказской армией, для болгар (4 дивизии) – декабрь 1916 г.

Удельный вес Русского фронта (сравнительно с активными пехотными дивизиями противника на других союзных фронтах) никогда не был менее 35 % (ноябрь 1917 г.), но поднимался и до 48 % (декабрь 1914 г.).

Всего в августе 1914 г. – ноябре 1917 г. на Русский фронт (без учета находящихся на фронте к началу боевых действий) были переброшены 129 германских, 35 австрийских, 15 турецких, 4 болгарские пехотные дивизии – итого 183. За этот же период с Русского фронта убыло 80 пехотных дивизий Германии, 23 пехотные дивизии Австро-Венгрии, 1 пехотная дивизия Турции, 2 – Болгарии. Чистый прирост соединений противника на Русском фронте (оставшихся) – 77 пехотных дивизий, то есть тех, которые являлись (помимо войск к началу войны: для немцев – 18, австрийцев – 40, турок – 11 дивизий) основой сил германского блока на Востоке.

Эти цифры говорят как о грандиозности Русского фронта, так и о масштабах перебросок, а также о том, что лишь германская армия из войск наших противников показала нужную степень развития, внутреннего роста и мобильности. Только германская армия оказалась способной к широким оперативным перемещениям и маневрированию.

Причем если общее количество дивизий германского блока на Русском фронте возросло с 58 (в августе 1914 г.) до 150 (в августе 1917 г.), то на Французском фронте соответственно с 80 до 142 дивизий.

Немаловажен был и тот факт, что перевозки войск приводили к их утомлению, износу железнодорожного транспорта и, самое главное, к потере времени – снижался коэффициент полезного использования соединений противника. Так, 115 германских пехотных дивизий перебрасывались с одного театра военных действий на другой (41 дивизия один раз переместилась с Русского фронта на Французский или наоборот; 56 сделали два переезда; 4 были перемещены 3 раза; 12–4 раза; одна – 6 раз). Альпийский корпус побил рекорд передвижений (9 последовательных перебросок между Францией, Россией, Сербией, Италией и Румынией).^[536]

Таким образом, Русский фронт оттянул на себя большие силы противника – от 49 % (ноябрь 1917 г.) до 78 % (декабрь 1914 г.) австро-венгерских дивизий; от 18 % (август 1914 г.) до 41 % (август 1915 г.) германских дивизий; от 28,6 % (август 1915 г.) до 72 % (август 1916 г.) турецких дивизий; от 16,5 % до 33 % болгарских дивизий.

Средний удельный вес Русского фронта составил 42 % всех сил германского блока на фронтах Первой мировой войны. Более того, Русский фронт отвлек на себя почти всю неприятельскую конницу (к концу 1916 г. – 23 кавалерийские дивизии).

§ 3. Русский флот и его боевая эффективность

Говоря о вкладе русского флота в победу Антанты, будет уместным привести высказывания двух исследователей боевой результативности русского флота – советского (Н. Ю. Озаровского) и эмигрантского (А. П. Будберга). Их взгляды и оценки удивительно совпадают.

Н. Ю. Озаровский писал: «Несмотря на значительный перевес Германии в морских силах, русский флот сумел в течение трех с лишним лет напряженной борьбы сохранить свои стратегические позиции, поддерживать устойчивый и благоприятный режим в своей операционной зоне, успешно выполнить целый ряд наступательных операций и не позволить вражескому флоту достичь ни одной из поставленных перед ним оперативных целей. В ходе операций наши морские силы систематически наносили ущерб германскому флоту и заставляли его нести потери, удельный вес которых значительно превышал потери русского флота... Наибольшие потери враг понес на главном русском морском театре – на Балтийском море. Здесь перевес в силах на стороне германского флота был особенно резок, так как наличие внутренней операционной линии (Кильский канал) позволяло Германии по обстановке усиливать свой Балтийский флот путем перераспределения части своих сил с театра Северного моря на театр Балтийского моря (переброска двух эскадр линейных кораблей через канал занимала 7 часов)».^[537]

А вот мнение А. П. Будберга: «Насколько немцы ценили наш Балтийский флот и стоявшего во главе его адмирала Эссена и насколько их опасались, показал тот крепко забытый факт, что в начале войны, во время развертывания немецких армий, когда каждый батальон был на дорогом счету, на Померанском побережье был оставлен целый армейский корпус, как обеспечение против возможного там русского десанта. И даже... когда потерявшему душевное равновесие германскому командованию понадобились войска для спасения восточной Пруссии, то оно взяло их с французского фронта, не рискнув обнажить Померанское побережье, на котором так близко к Восточной Пруссии стоял вышеуказанный корпус. Немецкие адмиралы и генералы не могли не знать, что такое представлял из себя крупный десант на неприятельское побережье при наличии вблизи его нетронутого неприятельского флота, и, несмотря на это, они считали, что такое, в теории отчаянно безумное, предприятие могло быть предпринято и осуществлено русским флотом. Это обстоятельство дает нашим морякам неоспоримое право считать, что в “Чудо на Марне”, спасшее Францию, вложена и их доля... Наши крейсерские операции у Анатолийских берегов, где нами были потоплены десятки неприятельских пароходов и транспортов и тысячи парусных судов, пытавшихся подвозить войска и снабжение для Турецкой армии и снабжать Константинополь каменным углем из Зундулакских копей, имели огромное значение для сухопутных операций на Кавказском фронте, ибо принудили Турцию базировать снабжение своих кавказских войск на подвозе по длинным, трудным и скверным сухопутным путям».^[538]

В войне на море 1914–1917 гг. русский флот сумел не только сохранить свои стратегические позиции, выполнять поставленные задачи, но и нанести ряд чувствительных ударов противнику, регулярно оттягивать его силы и средства, перемалывать ресурсы.

Главной задачей, стоявшей перед русским Балтийским флотом, была оборона Финского залива и недопущение прорыва сильнейшего германского флота к Петрограду. Изначально обрекаясь на запирающие в восточной части Балтики, русский флот должен был действовать тем не менее максимально результативно. Была осуществлена эффективная установка русскими минно-заградительных позиций. Значительная часть немецких сил была отвлечена на борьбу с минной опасностью, нарушались морские коммуникации противника. Путем постановки мин, а также рейдами эсминцев и подводных лодок русские препятствовали сообщениям Германии со Швецией (учитывая нехватку ресурсов в Германии, эти действия были весьма болезненны для противника).

Русский Черноморский флот поддерживал Кавказскую армию и обеспечил господство на море. Велась борьба на коммуникациях, осуществлялись десантные операции, было оказано содействие союзникам в овладении проливами, готовилась своя соответствующая операция стратегического масштаба. Весьма значительной была роль Черноморского флота в обеспечении успешного наступления Кавказской армии, прежде всего в Эрзурумской и Трапезундской операциях.

Кампания 1914 г. характеризовалась тем, что Балтийский флот под руководством своего блестящего руководителя адмирала Н. О. фон Эссена осуществил быструю мобилизацию, развертывание и постановку минных заграждений. В результате важнейшая стратегическая операция была осуществлена, правый фланг Северо-Западного фронта надежно прикрыт, а Петроград обеспечен от противника. Таким образом «к моменту объявления войны Балтийский флот был отмобилизован и развернут, постановка минного заграждения центральной позиции – успешно завершена. Это стало возможным благодаря высокой боевой и мобилизационной готовности органов военного управления и сил флота, а также инициативе и настойчивости адмирала Николая Оттовича фон Эссена, правильно оценившего внешнеполитическую обстановку и заблаговременно принявшего целый комплекс упреждающих мер. В результате вероятность внезапного удара неприятельского флота, подобного нападению японцев на эскадру Тихого океана в январе 1904 года, была сведена практически к нулю».^[539]

Огромным успехом Антанты стало то, что один из лучших кораблей германских сил Балтийского моря – легкий крейсер «Магдебург» – при попытке прорыва в Финский залив 13 августа^[540] выскочил на камни у о. Оденхольм, под угрозой захвата был взорван экипажем и добит русскими крейсерами. В руки русских моряков попали секретные документы противника, включая сигнальную книгу и секретную карту квадратов моря. Это имело большое значение прежде всего для британского флота, возможности радиоразведки союзников многократно повысились.

Противник в первые полгода войны понес тяжелые потери на Балтике: в результате минной войны погибли броненосный крейсер «Фридрих Карл» (4.11.1914; вышедший ему на помощь легкий крейсер «Эльбинг» получил повреждения, а лоцманский пароход «Эльбинг» погиб в тот же день на той же минной банке), 14 грузовых судов (суммарной грузоместимостью более 20 тыс. брт), получили повреждения малые крейсера «Аугсбург» и «Газелле» (12. 01.1915; последний был окончательно выведен из строя) и миноносцы S 149, G 128 и G 144. Это сказалось и на оперативной деятельности германского флота – гибель «Фридриха Карла» повлекла за собой сворачивание операций крупных надводных кораблей противника и перенесение основного пункта базирования морских сил Балтийского моря из Данцига в Свинемюнде.

Фактически можно констатировать захват стратегической инициативы на Балтике к концу 1914 г. русским флотом, в чем огромная заслуга его блестящего руководителя. Как отмечал военно-морской историк М. А. Петров: «Кампания 1914 года представляет собой отдельный и светлый период в истории Балтийского флота, когда последний, будучи исключительно слаб, как он не был слаб потом, имел наиболее крупный стратегический успех».^[541]

Русский Черноморский флот не смог избежать неожиданной для себя атаки противника. В результате удара турецко-германского флота 16 октября по Одессе, Севастополю, Феодосии и Новороссийску он потерял минный заградитель и канонерскую лодку потопленными, эсминцев поврежденным (людские потери флота и Севастопольской крепости – 85 убитыми, 40 ранеными и 76 пленными).^[542]

В последующем боевые действия Черноморского флота свелись к оспариванию у германо-турок стратегической инициативы, использованию легких сил на коммуникациях противника и поддержке Кавказской армии.

Важнейшим столкновением этого периода стал бой 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч между русской линейной эскадрой и «Гебен» и «Бреслау». Четырнадцатиминутный бой практически свелся к дуэли головного русского корабля «Евстафий» с «Гебен» (остальные корабли были исключены из системы централизованного управления стрельбой прежде всего из-за плохой видимости). «Гебен» получил 3 попадания 12-дюймовыми снарядами и 11 попаданий снарядами меньшего калибра. В результате на корабле вспыхнул пожар, было убито 105 и ранено 59 человек. «Евстафий» получил 4 попадания 11-дюймовыми снарядами, серьезных повреждений не получил, потерял 58 человек команды – 34 (в том числе 5 офицеров) убитыми и 24 (нижние чины) ранеными.^[543] Не дожидаясь вступления в бой других русских линкоров, «Гебен» на максимальной скорости вышел из боя, в дальнейшем ремонтировался до первых чисел декабря, а уже 13 декабря подорвался на русской мине и вновь встал на длительный ремонт.

Стратегический паритет на Черном море продолжался. Хотя сам театр военных действий больше годился для маневренной войны, нежели Балтика, минная война также имела большое значение для Черного моря: за 1914 г. русскими кораблями было выставлено свыше 5,5 тыс. мин. Знаковыми были набеговые действия легких сил: так, 27.10.1914 русские эсминцы уничтожили три турецких транспорта (224 человека взяты в плен).^[544]

Нельзя не отметить особо значительного успеха, достигнутого в 1914 г. русским флотом на Дунайском театре военных действий. В этом проявилась прямая военная помощь русских моряков сербским союзникам. Успех был обеспечен энергией и храбростью посланной в августе на помощь сербской армии небольшой минной команды в составе 44 человек минеров и торпедистов Черноморского флота. Команда установила из р. Саве несколько торпедных батарей и ряд минных банок. С помощью торпедного оружия команде удалось вывести на длительный срок из строя два монитора противника. Монитор «Темеш» подорвался на русской мине и погиб. О. Р. Вульф так описывал эту трагедию с одним из лучших кораблей австрийской Дунайской флотилии: «Силой взрыва сорвало с места правую башню, пламенем охватило часть погребов; команды правой и левой башен и погребов погибли. Броневую палубу выпучило и едва не заклинило дверь боевой рубки... Оставшиеся в живых 3 офицера и 48 матросов были сняты сторожевым кораблем “b”. Из команды погиб 31 человек».^[545] Во многом благодаря именно этим действиям австрийцы активных действий на Дунае в 1914 г. не предпринимали.

Кампания 1915 г. на Балтийском флоте была насыщена разнообразными действиями сторон тактического и оперативного масштабов.

Германцы в марте—апреле осуществляли поддержку своих войск, наступающих в Прибалтике: содействовали контратаке под Мемелем, осуществляли бомбардировку Полангена

(для этой цели были переброшены на Балтику крупные соединения линейных кораблей, крейсеров и эскадренных миноносцев – одновременно это 2-я эскадра линейных кораблей, 2-я разведывательная группа, 4-я разведывательная группа, 7-я дивизия линейных кораблей). В рамках содействия операции в Курляндии германские корабли обстреливали позиции русских войск, береговые укрепления и портовые сооружения, высаживали диверсионные группы. Чтобы не допустить выхода русского флота из Финского залива в море, в апреле—мае противник выставил у устья залива дополнительно к прошлогоднему минному заграждению два новых.

Летом была проведена Ирбенская операция германского флота по прорыву в Рижский залив с целью уничтожения русских морских сил, закупорки минами южного выхода из Моонзунда и гавани Пернова, обстрела Усть-Двинска с целью всестороннего содействия приморскому флангу своих войск. Но прорыв германского флота в Рижский залив не достиг своей цели – уничтожения русских морских сил в заливе. Противник понес ощутимые безвозвратные потери: погибли 2 эскадренных миноносца, 3 тральщика и 1 прорыватель заграждений. Получили серьезные повреждения 2 линейных и 2 легких крейсера, 2 эскадренных миноносца и тральщик.^[546] Русские потеряли 2 старые канлодки, были повреждены другие корабли.^[547]

Главная цель Ирбенской операции – удержание господства в заливе для содействия войскам приморского фланга германской Неманской армии – не была достигнута даже временно. Генерал Э. Людендорф был вынужден констатировать это неприятное стратегическое обстоятельство: «Использовать порт Либавы для снабжения войск можно было лишь с большой осторожностью. Русские военные корабли и английские подводные лодки господствовали в восточной части Балтийского моря».^[548]

Необходимо также отметить русские операции Балтийского флота по поддержке приморского фланга Северного фронта – 12-й армии на рижском фронте осенью 1915 г. Борьбу на коммуникациях противника, поиски, рейды подводных лодок, постановку активных минных заграждений Русский флот осуществлял в целом успешно. Так, за кампанию были захвачены или уничтожены 29 грузовых судов,^[549] на минных заграждениях, а также в результате атак подводных лодок противник потерял 3 легких крейсера, 6 миноносцев, 7 тральщиков, 2 сторожевых корабля и 2 транспорта.

Русский Балтийский флот в кампанию 1915 г. выполнил все свои основные задачи: не допустил противника в Финский и Ботнический заливы; не позволил германскому флоту, прорвавшемуся в Рижский залив, остаться там; своей огневой поддержкой помог войскам 12-й армии предотвратить захват немцами Риги; активными действиями на морских сообщениях осенью заставил неприятельское командование отказаться от проведения даже демонстративных операций и направить все усилия на защиту важных для Германии коммуникаций.

Германский флот не решил ни одной из поставленных перед ним задач, конечной целью которых было достижение господства на Балтийском море. Интересно отметить, что стратегическая роль действий флота Балтийского моря в кампанию 1915 г. существенно возросла прежде всего вследствие переноса центра тяжести борьбы немцами на Русский фронт.

Впервые немцы активно использовали на Балтике основные силы своего флота (свыше половины всей корабельной группировки), при этом не добившись решительного успеха и понеся ощутимые потери: броненосный и 3 легких крейсера, гидроавиатранспорт, 6 миноносцев и эсминцев, минный заградитель, 7 тральщиков, подводная лодка, 3 сторожевых корабля, дирижабль «Цепеллин» (12.01.1915 сбит над Либавой зенитной артиллерией).

Как отмечал Н. Ю. Озаровский: «В результате систематически причинявшихся противнику потерь наш численно более слабый Балтийский флот не только запретил или пресек все наступательные операции германского флота, но и заставил германское командование сосредоточить все свое внимание на обороне. Нападение русских миноносцев на германский дозор на линии Люзерорт – Эстергарн и гибель... крейсера “Bremen” с миноносцем, приписанная немцами атаке подводной лодки, заставили противника снять свой дозор с линии между Готландом и курляндским побережьем. Осенние заградительные операции русского флота, причинившие неприятелю большой материальный ущерб, свидетельствовали о том, что германскому командованию не только не удалось обеспечить устойчивость оперативного режима в южной части Балтийского моря, но и пришлось значительно ограничить район плавания своих кораблей. Взаимодействие германского флота с армией было сорвано. Попытки немцев овладеть Рижским заливом для помощи армии потерпели полную неудачу».^[550]

Кайзер Вильгельм, характеризуя кампанию 1915 г. на Балтике, отметил, что «война на Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов».^[551]

Кампания 1915 г. на Черном море характеризовалась несколькими обстоятельствами. Со вступлением в строй новых мощных линкоров дивизия линейных кораблей Черноморского флота была разделена на три тактические группы, каждая из которых могла вести успешный бой с германским линейным крейсером «Гебен». Ответный ход германо-турецкого командования включал в себя переброску на Черное море немецких подводных лодок (с июня по октябрь пришли из Средиземного моря в Босфор 5 лодок – из них 2 подводных заградителя), ситуация усугубилась со вступлением в войну на стороне германского блока Болгарии.

Корабли Черноморского флота действуют на коммуникациях противника, борются с его судоходством, блокируют побережье. Так, только за январь было потоплено 4 парохода и около 120 моторных и парусных шхун. Корабли русской эскадры имели несколько боевых встреч с легкими крейсерами («Гамидие», «Бреслау») противника, однако неприятельские крейсера уклонялись от боя. Весной и летом флот осуществлял блокаду Босфора, периодически обстреливал укрепления пролива и портов так называемого Угольного района Турции (Зонгулдак, Козлу, Эрегли) и действовал на коммуникациях. Линкоры и крейсера обстреливают укрепления Босфора, гидросамолеты с авиатранспортов осуществляют бомбардировки и корректировки огня. Так, 19–20 апреля линейные корабли «Пантелеймон» и «Три святителя» обстреляли береговые укрепления Босфора, выпустив 865 снарядов калибром от 152 до 305 мм, 21 апреля линкор «Ростислав» обстрелял район Иниады (северо-западнее Босфора). Одновременно на Иниаду был произведен налет гидросамолетов.

Со вступлением в строй новых эскадренных миноносцев типа «Новик» на морских сообщениях противника у берегов Угольного и Нефтяного районов (от Босфора до Дуная) стали действовать отряды миноносцев (по 2–4 корабля): в июне—октябре они совершили свыше 30 боевых походов и нанесли противнику крупные потери в транспортных судах.

В июне на коммуникациях противника у Босфора и берегов Угольного района начали действовать подводные лодки (6 лодок). Против крупных транспортов они использовали преимущественно торпеды, малые суда уничтожались артиллерийским огнем. За четыре месяца они совершили 20 походов и нанесли противнику серьезные потери в судоходстве. 27 июня подводный заградитель «Краб» выставил в Босфорском проливе минную банку из 60 мин, на которых 3 июля подорвался и получил тяжелые повреждения крейсер «Бреслау».

Активность противника вынужденно сократилась: «Гебен» и прочие корабли опасались русских дредноутов, подводных лодок и минных заграждений.

Наиболее серьезными операциями противника на Черном море в 1915 г. были (кроме походов «Гебена» и «Бреслау»): 1) попытка сорвать готовящуюся русскую десантную операцию на Босфоре (набег силами крейсеров «Меджидие», «Гамидие» в сопровождении четырех эскадренных миноносцев под прикрытием «Гебена» и «Бреслау») – гибель «Меджидие» на одесской минной банке сорвала операцию; 2) действия германо-турецких подводных лодок.

Член Военно-морской исторической комиссии контр-адмирал В. К. Лукин следующим образом характеризовал крейсерский трофей Черноморского флота: «Крейсер “Меджидие”... попал на нашу мину заграждения в северной части минной банки... Оставление крейсера было поспешное, это видно из того, что кормовой флаг остался не спущенным, его по приказанию верховного главнокомандующего отправили в Петроград для представления государю... Турецкий крейсер был через некоторое время поднят и вступил в строй русских судов под названием “Прут”».^[552]

Вследствие подводной опасности русское командование временно прекратило выходы эскадры на коммуникации противника, были выставлены дополнительные минные заграждения. Осенью подлодки противника потопили транспорт «Патагония», танкер «Апшерон», небольшой пароход и восемь парусников. Одна немецкая лодка (UC 13) была штормом выброшена на берег (Угольный район) и затем уничтожена русскими миноносцами. Вышедшие из Босфора на помощь ей две турецкие канонерские лодки также были потоплены.

Вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав осенью 1915 г. было неприятно тем, что в портах Болгарии стали базироваться германские подводные лодки, а русский флот был вынужден охватить своими действиями новый значительный район в западной части моря.

Активные действия в кампании 1915 г. продолжала вести русская экспедиция особого назначения на Дунае, сформированная в 1914 г. для оказания помощи Сербии. В марте—мае судами экспедиции было доставлено из России в Сербию 319 вагонов муки, ячменя, овса, сена и других продовольственных и фуражных грузов. Русские моряки ставили минные заграждения, строили переправы на Дунае, другими действиями помогали сербской армии в ее тяжелой борьбе с превосходящими силами противника. После поражения Сербии отряды русских моряков, уничтожив береговые укрепления, торпедные батареи, минные станции, мосты и плавсредства на Дунае, отошли в Салоники и в Румынию.

В итоге главные усилия русского Черноморского флота в кампанию 1915 г. были направлены на нарушение морских сообщений противника (уничтожение судов, удары по портам и базам). Черноморский флот в кампании 1915 г. захватил стратегическую инициативу на театре военных действий, взаимодействовал с союзниками по Антанте и оказывал им прямую военную помощь.

В кампании 1916 г. на Балтийском море обе противоборствующие стороны решали пассивные задачи.

Корабли Балтийского флота действовали совместно с сухопутными войсками в Рижском заливе, обеспечивая фланг 12-й армии Северного фронта артиллерийской поддержкой (морские силы Рижского залива). Корабли, выделенные для огневой поддержки, разбивались на тактические группы. Прикрытие их с воздуха осуществлялось самолетами с авиатранспорта «Орлица» и временного аэродрома на острове Руно (12 самолетов). Самолеты с «Орлицы» и островов Эзель и Руно не только вели воздушную разведку и корректировали огонь кораблей, но и наносили бомбовые удары по германской авиастанции на озере Ангерн (Курляндский полуостров) и объектам противника на берегу, отражали налеты германских самолетов. При встречах с воздушным противником флотские летчики смело вступали в бой, не считаясь с его численностью.

Здесь необходимо отметить, что в борьбе на море в 1916 г. резко возрастает роль авиации. К началу года Балтийский флот имел до 40 самолетов разных типов (базирувавшихся на аэродромах в Нарве, Гельсингфорсе, Ревеле, Гапсале, на Моонзундских и Аландских островах). Русские летчики на Балтике в 1916 г. провели 20 воздушных боев, сбили шесть самолетов противника, потеряв три своих.

Командование Балтийского флота использовало для борьбы на коммуникациях противника 7 новых подводных лодок типа «Барс», 5 английских подводных лодок и 4 старые подлодки типа «Крокодил». Так, в первой половине мая 1916 г. были потоплены три крупных немецких транспорта общим водоизмещением 8600 т. Результатом второго похода (вторая половина мая) явилось повреждение германского миноносца. Из похода не вернулась одна лодка. С конца июня по ноябрь русские лодки потопили два транспорта и захватили один. Английские лодки в этот период успеха не имели. Рекордсменом по трофеям среди русских подлодок на Балтике был «Волк».

Организируются набеговые операции надводных сил, приуроченные ко времени выхода крупных германских конвоев из портов Швеции, о чем заранее сообщалось штабу флота агентурной разведкой. Отряды, состоящие из 2–3 крейсеров и 7–10 эскадренных миноносцев, должны были выходить на маршруты конвоев и уничтожать конвойные и дозорные корабли и транспорты. Для прикрытия отрядов надводных сил, а также уничтожения неприятельских кораблей и судов заблаговременно высылались подводные лодки. Стоит отметить бой 18 мая 1916 г. в бухте Норчепинг. Эсминцы «Новик», «Победитель» и «Гром» ночью обнаружили караван из 14 германских пароходов, шедших в сопровождении вспомогательного крейсера «Германн» и двух вооруженных конвойных судов, — русскими кораблями были потоплены конвойные корабли в полном составе (из команды крейсера были пленены 9 человек), но германские транспорты, пользуясь темнотой и отвлечением русских миноносцев боем с конвойными судами, скрылись. 30 мая 1916 г. эсминцы «Внушительный» и «Бдительный», совершив набег на неприятельские коммуникации у шведского побережья в Ботническом заливе, захватили немецкие пароходы «Вормс» (10 тыс. т) и «Лиссабон» (5 тыс. т) с грузом железной руды.

Для борьбы на морских сообщениях противника традиционно использовалось минное оружие (русские минные специалисты заслуженно считались лучшими в мире). Германцы в 1916 г. понесли крупные потери на русских оборонительных и активных минных заграждениях — 15

кораблей, в том числе 9 эсминцев и миноносцев, 2 тральщика, 1 подводная лодка (79 % потерь в корабельном составе на Балтике в 1916 г.).

Со стороны противника следует отметить: 1) осуществление мероприятий в рамках минной войны; 2) попытку прорыва в Финский залив силами эсминцев осенью 1916 г. Так, в ходе кампании он выставил мины у островов Эзель и Даго, в Ирбенском проливе, у Моонзунда, на входных фарватерах Або-Аландских шхер. Германские подводные заградители, прорвавшись в Финский залив, поставили несколько минных банок у островов Готланд, Б. Тютерс, Нерва, Сескар. На вражеских минах в 1916 г. погибли эсминец «Доброволец», тральщик «Щит», 1 военный транспорт, 3 вспомогательных и 1 торговое судно; подорвались броненосный крейсер «Рюрик» (у острова Готланд), 3 эскадренных миноносца, 1 тральщик и несколько малых судов.

В рамках операции по прорыву в Финский залив 10-я минная флотилия германцев (11 новейших эскадренных миноносцев) осуществляла набеговую операцию в западную часть залива с целью уничтожения там русских дозорных кораблей и обстрела Балтийского порта. Операция закончилась катастрофой, стоившей германскому флоту семи новейших эскадренных миноносцев, 10-я минная флотилия фактически была разгромлена.

За одну ночь германский флот потерял больше эсминцев, чем в крупнейшем морском сражении Первой мировой войны – Ютландском бою 1916 г.

Русский флот на Балтийском море в 1916 г. от воздействия противника потерял 2 эскадренных миноносца, 3 тральщика, подводную лодку (также погибла английская подводная лодка), несколько мелких судов; германский – 9 эсминцев и миноносцев, вспомогательный крейсер, 2 тральщика, несколько мелких судов, русскими было уничтожено или захвачено 12 грузовых судов.

Нужно отметить, что боевые действия на Балтийском морском театре в 1916 г. носили ограниченный характер. Крупных наступательных операций ни та, ни другая сторона не предпринимали. Основные силы русского флота, по существу, бездействовали в течение всей кампании. Пассивность пагубно сказывалась, в том числе, на морально-боевом духе моряков. Не отличались активностью и действия германского флота. Несомненным плюсом действий русского флота в кампании 1916 г. является то, что деятельность Балтфлота оказала существенное влияние на интенсивность и объемы морских перевозок противника (примерно на треть),^[553] введение германцами системы конвоев привело к напряженности их ВМС и отвлекало корабли противника от решения других задач. Вместе с тем противник не сократил, а даже увеличил объемы поставок стратегически важной железной руды.

Кампания 1916 г. на Балтике именуется как период «стратегического затишья».^[554] Тем не менее Балтийский флот с небольшими перерывами сохранял и в 1916 г. упрочил выгодный для себя оперативный режим в Рижском, Финском и Ботническом заливах, парализуя во многом усилия германских войск, действующих против приморского фланга Северного фронта.

Для кампании 1916 г. на Черном море определяющими были следующие обстоятельства: 1) активные действия русского флота тактического и стратегического масштаба; 2) возросшая подводная опасность со стороны германских подлодок.

Главная задача усилившегося количественно и качественно Черноморского флота – содействие войскам Кавказского фронта в наступательных операциях. Уже с начала года флот содействовал частям Приморского отряда Кавказской армии (Батумский отряд кораблей – «Ростислав», 4 эскадренных миноносцев и 2 канонерские лодки). Содействие выражалось в обстрелах укреплений и позиций войск противника в указанных районах (по оценке армейского командования – весьма эффективных), ведении контрбатареинной борьбы, высадке десантов и перевозке подкреплений. Причем содействие Черноморского флота войскам Кавказского фронта в эту кампанию приняло крупные масштабы, носило систематический характер и сыграло важную роль в наступательных операциях.

Помощь союзнику по Антанте – Румынии – проявилась в деятельности флота во вторую половину года. Прежде всего перевозки войск по Дунаю, оборона Дуная и румынского побережья Черного моря. Для действий на Дунае, помимо находившейся там с 1914 г. экспедиции особого назначения, были направлены отряд канонерских лодок и минно-артиллерийский отряд. Эти силы совместно с румынской речной флотилией оказывали огневую поддержку румынским войскам, осуществляли перевозку войск по Дунаю, ставили

минные заграждения. Для обороны черноморского побережья Румынии был сформирован отряд особого назначения.

Важнейшей задачей флота было усиление блокады Босфора, Угольного и Нефтяного районов противника, борьба на коммуникациях врага, защита своих коммуникаций. Основным средством блокады Босфора являлись минные заграждения. В течение кампании было выставлено 14 заграждений (2187 мин) – Босфор фактически был закупорен. Заградительные операции осуществлялись крупными силами флота с участием новейших линкоров, мины ставились эскадренными миноносцами и подводным заградителем «Краб». На минных заграждениях и от действий блокадных сил у Босфора противник потерял 1 подводную лодку, 1 канонерскую лодку, 1 миноносец, несколько тральщиков, 4 транспорта, 6 пароходов и несколько десятков мелких паровых и парусных судов.

Нарушение судоходства, вызванное блокадой Босфора, привело к серьезным затруднениям в снабжении столицы Турции электроэнергией, продовольствием и сырьем, а боевых кораблей и торговых судов – топливом. Германо-турецкое командование из-за большой минной опасности вынуждено было прекратить посылку своих крейсеров в Черное море. В значительной степени сократилась также боевая деятельность подводных лодок. Несмотря на энергичные действия флота, полной блокады Босфора достичь ему все же не удалось.

Действия флота на морских сообщениях противника в 1916 г. привели к срыву многих оперативных замыслов противника, нанесли существенный ущерб его экономике. Особенно большие потери неприятель понес в транспортных средствах. По далеко не полным данным, только в юго-западной части Черного моря турки потеряли в 1916 г. 6 угольных транспортов, 16 пароходов и несколько сот парусников. К концу года у них осталось всего 2 угольных транспорта.

Германо-турецкий флот мог противопоставить всем вышеозначенным действиям Черноморского флота тактику нарушения русских морских сообщений, мероприятия по защите своих коммуникаций, эпизодические выходы крейсеров «Гебен» и «Бреслау» для обстрела портов кавказского побережья и позиций русских войск, действия подводных лодок. Действия крейсеров носили больше психологический характер.

Подлодки же представляли главную угрозу – в ходе кампании они совершили 42 похода. Потери русского флота от действий немецких лодок в кампанию 1916 г. составили 6 транспортов, 2 госпитальных судна, 1 пароход и 13 парусных и парусно-моторных судов потопленными и 4 транспорта и 2 парохода поврежденными. Черноморский флот потерял на минах 2 эскадренных миноносца, транспорт, пассажирский пароход и несколько малых судов.

В 1916 г. противник потерял на Черном море 2 миноносца, 4 подводные лодки (UB 7 у херсонесского маяка потопил русский гидросамолет, 24 октября у Варны на русском минном заграждении погибла UB 45, предположительно 1 ноября пропала UC 15, в ноябре погибла у Босфора на mine UB 46), канонерскую лодку, 6 транспортов, 16 пароходов и буксиров, 4 моторных и 865 парусных судов. Германский военно-морской исследователь действий подводных лодок А. Гайер констатировал: «Итак, Черное море поглощало жертвы без достижения каких-либо значительных успехов».^[555]

Потери русского флота составили: 2 эсминца, 1 тральщик, 2 госпитальных судна, 9 транспортов, 3 парохода, 22 парусных судна. Погиб от внутреннего взрыва новый линейный корабль «Императрица Мария».

В ходе Первой мировой войны возник Северный русский морской театр.

В июле 1916 г. последовал приказ о формировании флотилии Северного Ледовитого океана. Она первоначально должна была иметь в своем составе отряд крейсеров, дивизию траления, отряд судов обороны Кольского залива, охрану водного района Архангельского порта, службу наблюдения и связи. В 1916 г. началось строительство Иоканьгской базы, а также новой базы в глубине Кольского залива у Семеновых островов. Одновременно сооружался торговый порт в Кольском заливе у села Романова (будущий Мурманск).

В 1917 г. в составе флотилии Северного Ледовитого числились 1 линкор («Чесма»), 2 крейсера («Варяг» и «Аскольд»), 4 эскадренных миноносца, 2 миноносца, 3 подводные лодки, 1 минный заградитель, 40 тральщиков и катеров-тральщиков, 2 морских ледокола и до 20 вспомогательных судов.

На Северном морском театре противник потерял 3 подводные лодки: U 56 (потоплена эсминцем «Грозовой»), U 76 (уничтожена тральщиками) и U 28 (погибла от взрыва атакованного ею транспорта с военными грузами). Молодой флот заявил о себе в полный голос.

Главной задачей флотилии Северного Ледовитого океана являлось обеспечение межсоюзнических перевозок. Этот театр военных действий – наиболее яркая иллюстрация взаимодействия с союзниками и обслуживания коалиционных интересов.

В 1917 г. на Черном море флот продолжал боевые действия на сообщениях противника, затруднял доставку оружия и продовольствия турецкой армии на Кавказском фронте, обстреливая береговые объекты, блокировал Босфор. Готовилась операция по овладению проливами.

Главным событием потрясенного революцией Балтийского флота в 1917 г. стало участие в Моонзундской операции. Даже после выхода России из войны противник продолжал терять корабли и суда на Балтике. Так, 3.11 и 6.11.1917 погибли на минах транспорты «Скардсей», «Марта» и «Нева». Транспорт «Клайделлей» был потоплен русской подводной лодкой.

Здесь необходимо отметить, что в кампании 1917 г. германский флот понес наибольшие потери именно в боях с русским флотом.

Итоговый вклад русского флота в победу Антанты выражается в следующих цифрах:

Потопленный корабль противника, класс	Причина и дата гибели	Год, театр военных действий, операция	Итого за кампанию
«Магдебург», легкий крейсер	13.08.1914 сел на камни о. Оденхольм, взорван экипажем и добит русскими крейсерами «Богатырь» и «Паллада». Погибли 15 человек, 55 захвачены в плен	1914, Балтика	
«Герда», вспомогательный сторожевой корабль	16.08.1914 подрыв на mine	1914, Балтика	
«Темеш», монитор	10.10.1914 подрыв на mine на р. Савва, погиб 31 человек	1914, Дунайский ТВД	
«Аугустенбург», вспомогательный сторожевой корабль	21.10.1914 подрыв на mine, погибли 6 человек	1914, Балтика	
«Фридрих Карл», броненосный крейсер	04.11.1914 подрыв на минах вблизи Данцигской бухты, погибли 7 человек	1914, Балтика	
Блокшивы «Элфи», «Юлия», «Марта», «Мартиал»	04.11.1914 затоплены экипажами у Либавы	1914, Балтика	
«Нилуфер», минный заградитель	06.11.1914 подрыв на mine	1914, Черное море	
«Рон», минный заградитель	17.12.1914 подрыв на mine	1914, Черное море	
			10
«Гогенцоллерн», буксир	03.01.1915 подрыв на mine, погибли 16 человек	1915, Балтика	
«Газелле», легкий крейсер	12. 01. 1915 г. списан после подрыва на русской mine	1915, Балтика	
«Невшехир», канонерская лодка	17.01.1915 подрыв на mine	1915, Черное море	
«Меджидие», легкий крейсер	21.03.1915 подрыв на mine в районе Одессы. Вошел в состав русского флота	1915, Черное море	

Т 57, тральщик*	23.03.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
Т 47, тральщик	16.05.1915 подрыв на mine минзага «Амур», погибли 20 человек	1915, Балтика	
Т 51, тральщик	16.05.1915 подрыв на mine минзага «Амур», погибли 20 человек	1915, Балтика	
«Гзиндер», гидро-авиатранспорт	21.05.1915 подорвался на mine и разоружен	1915, Балтика	
«Дора Хуго Стиннес 12», угольщик флота	23.05.1915 потоплен подводной лодкой	1915, Балтика	
«Бунте Кух», тральщик	15.06.191 подрыв на mine, погиб 1 человек	1915, Балтика	
«Урсула Фишер», транспорт	18.06.1915 подрыв на mine русских эсминцев	1915, Балтика	
«Альбатрос», минный заградитель	19.06.1915 после боя с русскими крейсерами выбросился на берег о. Готланд, погибли 28 человек	1915, Балтика, Готландский бой	
V 107, малый миноносец	26.07.1915 подрыв на mine у Либавы	1915, Балтика	
Т 52, тральщик	26.07.1915 подрыв на mine	1915, Балтика Ирбенская операция	
Т 58, тральщик	26.07.1915 подрыв на mine, погибли 17 человек	1915, Балтика Ирбенская операция	
Т 46, тральщик	03.08.1915 подрыв на mine, погибли 17 человек	1915, Балтика, Ирбенская операция	
V 99, эсминец	04.08.1915 погиб в Рижском заливе (во время артиллерийского боя с русским эсминцем «Новик» получил сильные повреждения и вынужден уйти на минное поле), погиб 21 человек	1915, Балтика, Ирбенская операция	
S 31, эсминец	06.08.1915 подрыв на mine	1915, Балтика, Ирбенская операция	

Блокшивы «Оук», «Сити оф Берлин», «Ирис»	07.08.1915 затоплены у г. Пернова	1915, Балтика, Ирбенская операция	
«Бреслау», транспорт	24.08.1915 подрыв на русской mine в Данцигском заливе	1915, Балтика	
«Вилькомен», танкер флота	30.09.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
U 26, подводная лодка	09.1915 подрыв на mine, погибли 30 человек	1915, Балтика	
«Принц Адальберт», броненосный крейсер	10.10.1915 торпедирован английской подводной лодкой E-8 близ Либавы, погибли 672 человека	1915, Балтика	
«Ундина», легкий крейсер	25.10.1915 потоплен подводной лодкой E-19, погибли 14 человек	1915, Балтика	
A 3, миноносец	25.10.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
«Бюргмайстер Петерсен», танкер флота	29.10.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
«Норбург», сторожевой корабль	07.11.1915 в результате набега русских эсминцев	1915, Балтика	
«Ташкопрю», канонерская лодка	27.11.1915 уничтожена артогнем эсминцев	1915, Черное море	
«Йозгат», канонерская лодка	27.11.1915 уничтожена артогнем эсминцев	1915, Черное море	
UC 13, подводная лодка	15.11.1915 штормом выброшена на берег, добита русскими кораблями	1915, Черное море	
«Бремен», легкий крейсер	04.12.1915 подрыв на русской mine, погибли 250 человек	1915, Балтика	
S 191, эсминец	04.12.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
S 177, большой миноносец	10.12.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	

«Фрея», сторожевой корабль (бывший крейсер)	10.12.1915 подрыв на русской mine, погибли 22 человека	1915, Балтика	
«Бинц», сторожевой корабль	12.1915 подрыв на mine	1915, Балтика	
			37
G 194, большой миноносец	13.03.1916 подрыв на mine	1916, Балтика	
«Гамбург», люгер	01.05.1916 подрыв на mine	1916, Балтика	
«Германн», вспомогательный крейсер и 2 вооруженных траулера	18.05.1916 потоплен торпедами в бою с русскими эсминцами, погибли 40 человек	1916, Балтика, бой в Норчепингской бухте	
U 10, подводная лодка	в мае 1916 подрыв на mine, погибли 30 человек	1916, Балтика	
Судно-ловушка Н	01.06.1916 потоплено эминцем «Новик»	1916, Балтика	
V 162, большой миноносец	02.08.1916 подрыв на mine	1916, Балтика	
«Сименс Шукерт 2», моторный катер	27.08.1916 подрыв на mine, погибли 10 человек	1916, Балтика	
«Шумни», эсминец	29.08.1916 подрыв на mine у Варны	1916, Черное море	
«Кютахия», эсминец	01.09.1916 подрыв на mine	1916, Черное море	
«Малатья», канонерская лодка	04.09.1916 подрыв на mine	1916, Черное море	
T 64, тральщик	10.10.1916 подрыв на mine	1916, Балтика	
F 2, тральщик	25.10.1916 подрыв на mine в Ирбенском проливе	1916, Балтика	
«Эркнер»1, моторный катер	25.10.1916 подрыв на mine в Ирбенском проливе	1916, Балтика	

S 57, эсминец	29.10.1916 подрыв на mine, погибли 2 человека	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
V 75, эсминец	29.10.1916 подрыв на mine, погибли 3 человека	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
S 58, эсминец	30.10.1916 подрыв на mine	1916, Балтика операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
S 59, эсминец	30.10.1916 подрыв на mine	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
V 72, эсминец	30.10.1916 подрыв на mine	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
V 76, эсминец	30.10.1916 подрыв на mine, погиб 1 человек	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	
G 90, эсминец	30.10.1916 подрыв на mine, погибли 11 человек	1916, Балтика, операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив	

U 56, подводная лодка	20.10.1916 уничтожена эсминцем, погибли 35 человек	1916, Северный морской театр (Баренцево море)	
UB 45, подводная лодка	24.10.1916 подрыв на mine у Варны	1916, Черное море	
UB 7, подводная лодка	10.1916 уничтожена гидросамолетом русского флота, погибли 15 человек	1916, Черное море	
UC 15, малый подводный минный заградитель	11.1916 подрыв на mine, погибли 15 человек	1916, Черное море	
Сторожевые катера № 12 и № 16	8.12.1916 уничтожены огнем крейсера «Память Меркурия у Босфора»	1916, Черное море	
UB 46, подводная лодка	26.11.1916 погибла на минах, выставленных ТЩК 234, погибли 20 человек	1916, Черное море	
			29
U 76, подводная лодка	12.01.1917 потоплена артиллерией надводных кораблей, погиб 1 человек	1917, Северный морской театр (Баренцево море)	
U 28, подводная лодка	20.08.1917 во время атаки транспорта погибли 28 человек	1917, Северный морской театр (Белое море)	
«Нейтцляйхтер V», сетевой лихтер	15.09.1917 подрыв на mine, погибли 13 человек	1917, Балтика	
T 54, миноносец	23.09.1917 подрыв на mine, погибли 7 человек	1917, Балтика	
M 31, тральщик	25.09.1917 подрыв на mine, погибли 2 человека	1917, Балтика, Моонзундская операция	
Миноносец типа S «Дельфин»	01.10.1917 подрыв на mine, погибли 22 человека	1917, Балтика, Моонзундская операция	
Миноносец типа S «Алтаир»	1.10.1917 подрыв на mine, погибли 10 человек	1917, Балтика, Моонзундская операция	

S 64, эсmineц	04.10.1917 подрыв на mine, погибли 6 человек	1917, Балтика, Моонзундская операция	
T 66, миноносец	05.10.1917 подрыв на минах в Рижском заливе	1917, Балтика, Моонзундская операция	
T 54, миноносец	06.10.1917 подрыв на mine	1917, Балтика, Моонзундская операция	
T 56, миноносец	03.10.1917 погиб от артогня, выбросившись на берег	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Роланд III», тральщик	08.10.1917. **. подрыв на mine, погибли 7 человек	1917, Балтика, Моонзундская операция	
Миноносец типа S «Гутгейль»	09.10.1917 подрыв на mine	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Глукштадт», миноносец типа S	09.10.1917 выбросился на берег	1917, Балтика, Моонзундская операция	
F 3, тральщик	11.10.1917 подрыв на mine	1917, Балтика, Моонзундская операция	
A 32, миноносец	12.10.1917 подрыв на mine	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Тараск», тральщик	13.10.1917 опрокинулся и затонул	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Кибвайдер», миноносец типа S	13.10.1917 выбросился на берег	1917, Балтика, Моонзундская операция	
M 68, тральщик	16.10.1917 подрыв на mine, погиб 1 человек	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Бине», тральщик	17.10.1917 расстрелян, затонул	1917, Балтика, Моонзундская операция	

Т 65, миноносец	13.10.1917 подрыв на mine	1917, Балтика, Моонзундская операция	
«Хамидабад», эсминец	17.10.1917 потоплен совместной атакой гидросамолетов и эсминцев у порта Инада	1917, Черное море	
УС 57, подводный минный заградитель	11.1917 подрыв на mine	1917, Балтика	
			23

* Корабли типа Т43 именовались миноносцами-тральщиками. В зависимости от задач в операции, когда корабль погиб, мы его именуем или миноносцем или тральщиком для удобства подсчета. Кстати говоря, из 12 кораблей серии 10 погибли от русского оружия.

** Германские исследователи приводят хронологические рамки операции «Альбион», несколько отличающиеся от отечественной Моонзундской операции.

Подсчитанные безвозвратные потери противника касаются факта прямого или косвенного участия в нанесении этих потерь русского ВМФ. Другие случаи гибели кораблей противника на Балтийском и Черном морях (например, в результате штормов, аварий, катастроф) нами не учитывались. Это касается и русского флота. Так, например, эсминцы «Исполнительный» и «Летучий» 29.09.1914 перевернулись во время шторма в Финском заливе, 14 сентября и 10 ноября того же года погибли германские миноносцы Т 50 (от шторма) и S 124 (от столкновения). Подводная лодка UB 25 погибла 6.03.1917 на Балтике в результате столкновения. Если считать косвенные потери противника, то получается, что германцы потеряли на Балтике единственный утраченный за войну дредноут – линкор «Рейнланд» 29.03.1918 во время операции у Аландских островов наскочил на камни, был отбуксирован, но из-за сильных повреждений не восстанавливался и был списан. И перечень можно продолжать.

Интересно отметить некоторые особенности потерь противника, противостоящего русскому флоту. Германские линкоры – новейший «Байерн», «Гроссер Курфюрст» и «Маркграф» – достаточно серьезно были повреждены, подрывавшись на русских минах в ходе Моонзундской операции 1917 г. Германские линейные крейсера типа «Мольтке» были неоднократно повреждены. Так, линейный крейсер «Мольтке» 6 августа 1915 г. в ходе Ирбенской операции был торпедирован и поврежден английской подводной лодкой Е-1 (в носовой торпедный отсек и два смежных с ним помещения поступило 435 т воды, при этом погибли 8 человек экипажа; два или три боевых зарядных отделения хранящихся торпед были разрушены, но детонации боезапаса не произошло). В ходе Моонзундской операции 1917 г. «Мольтке» также получил повреждения: русская батарея на мысе Хундава достигла накрытия при третьем залпе. Линейный крейсер «Гебен» в бою у мыса Сарыч 5 ноября 1914 г. получил 14 попаданий снарядами крупного калибра и потерял 164 человека. 27 апреля 1915 г. в бою у Босфора «Гебен» получил 3 попадания 305-миллиметровое снарядами (уничтожено одно 150-миллиметровое орудие, временно выведена из строя третья башня). 26 декабря 1915 г. «Гебен» участвовал в бою с новым русским дредноутом «Императрица Екатерина Великая». Получив попадание, воспользовался преимуществом в скорости и ушел в Босфор. Как минимум один раз корабль серьезно подрывался на русских минах (в декабре 1914 г. принял 600 т воды с обоих бортов и с большим трудом дошел до базы, ремонт проводился водолазами, прибывшими из Германии). Линейный крейсер «Фон дер Танн» в Ирбенской операции 1915 г. при попытке прорыва немецкого флота в Рижский залив получил одно попадание снарядом калибра 152 мм с русской батареи острова

Утэ, в дальнейшем еще один снаряд попал в носовую дымовую трубу; попадание причинило незначительные повреждения и обошлось без людских потерь.

Имели повреждения и многочисленные корабли более низких классов (например, легкий крейсер «Бреслау» в конце мая 1915 г. у Босфора подвергся торпедной атаке подводной лодки «Тюлень», 5 июля того же года подорвался на минах подводного заградителя «Краб»; турецкая торпедная канонерская лодка «Берк-и-Сатвет» 20 декабря 1914 г. получила серьезные повреждения от русской мины и т. д.).

Если говорить о безвозвратных потерях противника от прямого или косвенного воздействия русского флота, то получится следующая картина.

Были уничтожены все броненосные крейсера типа «Фридрих Карл» – 2 единицы («Фридрих Карл» и «Принц Адальберт», последний – британской подлодкой, действовавшей в интересах Балтфлота) – 25 % броненосных крейсеров Германии.

Противником также были потеряны 5 легких крейсеров (германские «Магдебург», «Бремен», «Ундина», «Газелле», турецкий «Меджидие»), 1 вспомогательный крейсер, 1 монитор (австрийский), 30 эсминцев и миноносцев (27 германских, 2 турецких, 1 болгарский), 3 минных заградителя (2 турецких, 1 германский), 4 канонерские лодки (турецкие), 11 подводных лодок и подводных минных заградителей, 15 тральщиков (германские), гидроавиатранспорт («Гзиндер» подорвался на mine 21.05.1915 и разоружен), 5 сторожевых кораблей, 2 турецких сторожевых катера, вспомогательные суда.

Из 99 поименованных уничтоженных боевых кораблей противника 10 потеряны в 1914 г. (около 10 % потерь, но в их числе два крейсера), 37 в 1915 г. (37 %), 29 в 1916 г. (29 %) и 23 в 1917 г. (23 %). Из уничтоженных 97 кораблей противника (болгарский эсминец и австрийский монитор не берем во внимание) – 11 турецкие (почти 11 %). С учетом болгарского эсминца, австрийского монитора и 5 германских подлодок, погибших на Черном море, получаем среднюю результативность для Черноморского флота 18 % от всех уничтоженных кораблей противника (оставшиеся – до 79 % Балтики и около 3 % северный морской театр). Русский флот нанес потери всем государствам германского блока (помимо германских и турецких кораблей уничтожены австрийский монитор «Темеш» и болгарский эсминец «Шумни»).

На крупнейшие операции противника приходится безвозвратных потерь:

ирбенская операция 26 июля – 8 августа 1915 г. – 2 эсминца и 3 тральщика (почти 5 % всех потерь противника в противоборстве с российским флотом);

операция с целью сорвать готовящуюся русскую десантную операцию на Босфоре 21 марта 1915 г. – погиб легкий крейсер «Меджидие» (один из двух крейсеров ударной группы);

операция 10-й минной флотилии по прорыву в Финский залив 29–30 октября 1916 г. – погибли 7 из 11 эсминцев флотилии (63,5 % состава флотилии и почти 26 % всех германских эсминцев, погибших на Балтике);

моонзундская операция 29 сентября – 6 октября 1917 г. – 11 миноносцев и эсминцев, 6 тральщиков (20 % всех потерь немцев на Балтике) – самые крупные потери противника в одной операции.

Самые тяжелые для противника месяцы – октябрь 1917 г. (17 кораблей) и октябрь 1916 г. (13 кораблей, из них 7 эсминцев, 2 тральщика и 3 подлодки).

Наиболее успешные (в плане безвозвратных потерь противника) активные операции русского флота – бой черноморских эсминцев 27.11.1915 у о. Кефкен – потоплены в артиллерийском бою турецкие канонерские лодки «Ташкопрю» и «Йозгат»; бой балтийских эсминцев 18.05.1916 с охранением германского конвоя в Норчепингской бухте – уничтожены вспомогательный крейсер «Германн» и 2 вооруженных траулера; Готландский бой 19.06.1915 – противник потерял минный заградитель «Альбатрос». Интересен бой 15.06.1915 в Ирбенском проливе 6-го дивизиона Минной дивизии и подводной лодки «Окунь» с германским отрядом (броненосец береговой обороны «Беовульф», крейсера «Аугсбург», «Любек», 2 миноносца и 6 тральщиков), сорвавший артиллерийский обстрел противником г. Виндавы.

Важно отметить, что в активе русского Черноморского флота – уникальная по результативности операция. К концу 1916 г. Черное море было очищено от германских подводных лодок – остатки подводной группировки были вынуждены уйти на Адриатику, чтобы избежать полной гибели.

Интересно также отметить, что Балтийский флот успешен в основном применением минного оружия, Черноморский – артиллерийского огня. Применяются таранные удары. Например, 22.03.1916 на Черном море германская подводная лодка U 33 при попытке атаковать два русских транспорта была таранена эсминцем охранения «Строгий», получив повреждения; 01.05.1916 подводная лодка «Морж» таранным ударом потопила турецкий парусник у м. Шали. Имели место настоящие воздушно-морские операции, например с 10 по 12 августа 1916 г. Варна бомбилась русскими гидросамолетами сразу с трех авиатранспортов, германцы, нанеся ответный авиаудар, повредили эсминца «Поспешный». Высаживались десанты и диверсионные группы, артиллерийский обстрел береговых целей преследовал цель не только поддержать наземные войска, но и нанести прямой экономический ущерб врагу (например, с 17.10 по 23.10.1916 крейсер «Память Меркурия», эсминцы «Быстрый», «Поспешный» и «Пронзительный» расстреляли нефтехранилища в Констанце – из 37 резервуаров сгорели 15).

Потери русского флота от воздействия или предполагаемого воздействия противника (как в случае с «Императрицей Марией», хотя факт не доказан, возможно, засчитывать этот случай за боевую потерю не совсем корректно) составили 1 новый и 2 старых линкора («Императрица Мария» 07.10.1916 погибла от взрыва погребов, «Слава» затоплен экипажем в результате Моонзундского сражения 04.10.1917, «Пересвет» подорвался на mine 21.12.1916 близ Суэца), 1 броненосный крейсер («Паллада» погибла от торпеды подводной лодки U 26 28.09.1914), 1 легкий крейсер («Жемчуг» Сибирской флотилии – 15.10.1914 в Пуло-Пенанге), 10 эсминцев (7 балтийских – «Охотник», «Доброволец», «Бдительный», «Лейтенант Бураков» погибли на минах, «Гром» – в Моонзундской операции, «Стройный» – от атак авиации, «Казанец» торпедирован подводной лодкой; 3 черноморских – «Живучий», «Лейтенант Зацаренный», «Лейтенант Пущин» погибли от подрыва на минах), 3 канонерские лодки («Сивуч» и «Кореец» погибли в Ирбенской операции 1915 г. 6 и 7 августа – один от огня противника, другой затоплен экипажем; «Донец» – при внезапной атаке турок 16.10.1914), 3 минных заградителя («Прут» погиб в результате внезапного удара германо-турецких сил по черноморским портам в 1914 г., «Енисей» 21.05.1915 торпедирован подводной лодкой, «Ладога» подорвалась на mine в 1915 г.). Также потеряно 3 сторожевых катера, сторожевое судно, транспорт, 7 пароходов, 9 подводных лодок («Акула» пропала в ноябре 1915 г. со всем экипажем; «Сом» погиб на Балтике в 1916 г., «Барс», «Львица», «Гепард» и АГ-4 – на Балтике в 1917 г., черноморский «Морж» погиб в конце апреля – начале мая 1917 г., также не уцелели английские подводные лодки E-18 и C-32), не менее 15 тральщиков (например, ТЩК 91 погиб во время минной постановки от своих мин в мае 1916 г., ТЩК 33 на Черном море сел на мель и уничтожен «Бреслау» и подводной лодкой U 33). Итого – 68 кораблей и судов. Русский императорский флот понес незначительные потери подводных лодок (большинство утрачено в революционном 1917 г.).

Баланс, как мы видим, явно в пользу российского флота (например, в основном классе кораблей-миноносцев мы потеряли 10 против 30 у противника). Русский флот нанес противнику более тяжкие потери. Об этом свидетельствует и Н. Ю. Озаровский (хотя и исследуя более ограниченный промежуток времени): «За два года войны потери русского флота как в военных, так и в торговых кораблях выразились в 29 000 т. За это же время соответствующие потери германского флота составили 105 000 т».^[556] Это тем более интересно, что русский флот, не идя ни в какое сравнение с британским и германским, в меру своих сил нанес противнику более высокие удельные потери, чем его оппоненты, то есть был более результативен. В частности, из сотни потерянных германцами за войну миноносцев и эсминцев^[557] 27 потеряны на Русском фронте (27 %), притом что Россия последний год войны уже не воевала. Война на востоке в 1917 г. была для германского флота главным делом – вышеприведенные данные это убедительно иллюстрируют.

Русский флот по количественному и качественному составу занимал четвертое место среди держав Антанты, но по боевой результативности был вторым после британского.

Заключение

Маршал Франции и верховный руководитель войск Антанты на Западном фронте в 1918 г. Ф. Фош писал: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим мы прежде всего обязаны России».^[558]

Аналогично мнение и представителя второго главного союзника России – Великобритании – У. Черчилля: «В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много... Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого... Россия оставалась верным и могущественным союзником... Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу. Эта выдержка России была важнейшим фактором наших успехов вплоть до вступления в войну Соединенных Штатов».^[559]

И это не случайно. Со дня объявления войны в 1914 г. и до декабря 1917 г. Русский фронт сыграл в общей борьбе Антанты весьма существенную роль. Русские армии, несмотря на свои потери и зачастую ограниченные возможности, постоянно вели активные операции, отвлекая на себя огромное количество войск противника, в частности германских. Поэтому уже после первого сражения на Марне и в течение всего 1915 г. Германия была не в состоянии вести крупные наступательные операции на главном (как она его понимала) театре войны – во Франции – и придерживалась там пассивного образа действий.

Лишь после выхода России из войны Германия смогла предпринять второе (после 1914 г.) большое наступление во Франции с целью сокрушения Западного фронта (весеннее наступление 1918 г.). Однако возможности у стран германского блока уже были не те, ведь время необратимо сработало на Антанту. И в этом колоссальная заслуга России. Три с половиной года ее участия в войне, когда русские армии отвлекали на себя значительные австро-германо-турецкие силы, позволили Франции, Англии, а затем Италии развить военную промышленность, усилить свою техническую мощь и привлечь на свою сторону почти весь цивилизованный мир.

Несомненно, что только передышки (сначала в 1915 г., потом в 1916 г.), предоставленные Франции и Англии активными действиями русских войск, дали этим странам возможность одержать победу в 1918 г., когда России, уже, к сожалению, не было вместе с ними.

Говоря о вкладе России в общую победу союзников, следует отметить следующие обстоятельства.

Первым была огромная роль России в осуществлении коалиционной стратегии Антанты. В такой стратегии даже поражение одного из союзников вызывает победу другого, и в этом смысле поражение может иметь иногда большее значение, чем победа. Германия одерживала победы, приведшие ее в конечном итоге к поражению. Россия зачастую терпела поражения, приведшие Антанту к победе в войне. Ярчайший пример – Восточно-Прусская операция Северо-Западного фронта 1914 г.: если бы русские войска ждали полного отмобилизования и сосредоточения и уже потом начали вторжение, то, вполне возможно, избежали бы поражения в такой тяжелой форме, но временной момент был бы упущен, Французский фронт разгромлен, а война Антантой проиграна.

Вообще, самые неудачные операции, проводимые русской армией прежде всего в интересах своих союзников и без ярко выраженных собственных целей, благотворно сказывались на положении всего блока (Восточно-Прусская операция 1914 г., операция на Стрыпе 1915 г., Нарочская операция 1916 г.). Соответственно, в течение всей войны Россия проводила боевые операции, призванные облегчить положение союзников, рискуя в случае неудачи моральным духом и материальными средствами своих войск, психологическим настроением общества. Такие операции при тяжелых потерях России положительно отразились на положении союзников.

В то же время боевые операции, проводившиеся в целях собственно российских интересов и на важных для России направлениях, приводили к важнейшим стратегическим результатам и большому успеху (Галицийская битва, Карпатская операция, Брусиловский прорыв, Эрзерумская, Трапезундская, Эрзинджанская, Огнотская операции). Но даже Брусиловское наступление началось раньше срока (что негативно сказалось на подготовительных мероприятиях) по прямой просьбе итальянского союзника. Соответственно, и операции, проводившиеся в собственных интересах России, также способствовали победе всей коалиции, поскольку отвлекалось внимание противника, перемалывались его дивизии, тратились вооружение и боеприпасы, под влиянием побед Антанты вовлекались в коалицию новые государства.

Как правило, операции, проводившиеся исключительно в интересах союзников (торопивших со сроками, навязывавших параметры операции), были в военном отношении неудачными, и наоборот – планировавшиеся последовательно русским командованием ради очевидной перспективы Русского фронта были успешными.

Россия трижды спасала Францию (Восточно-Прусская операция 1914 г., Нарочская операция 1916 г., июньское наступление 1917 г.), дважды Сербию (Галицийская битва 1914 г., Карпатская операция 1915 г.), Италию (наступление Юго-Западного фронта 1916 г.) и Румынию (специально создала для этого целый фронт), участвовала в образовании Салоникского фронта. Осенью 1914 г., сорвав германские операции на Изере и Ипре, Россия выручила британскую и бельгийскую армии. Боевые действия на Кавказском фронте оказали большую помощь Антанте (прежде всего Великобритании) в реализации периферийной стратегии блока. Наконец, кампания 1915 г. и Брусиловский прорыв 1916 г. способствовали улучшению положения всех союзников по Антанте.

Оттягивая на себя войска противника, русское военно-политическое руководство грамотно осуществляло стратегию коалиционной войны.

Но не всегда Россия могла рассчитывать на адекватную взаимную помощь союзников. Недостаточные поставки вооружения и техники, непродуманные требования узкоэгоистического характера, запоздалость проводимых для облегчения России операций – яркое тому свидетельство. Одной из самых неприятных историй стало присоединение Турции к германскому блоку (допуск прорыва в Дарданеллы крейсеров «Гебен» и «Бреслау»), что привело к экономической изоляции России. Не оказали англичане и французы действенной помощи России в 1915 г. По вине союзников был упущен шанс закончить войну в 1916 г. Англичане и французы, в отличие от русских, не любили менять свои планы и передвигать сроки операций – вследствие этого был упущен ряд благоприятных стратегических обстоятельств. Ни по объему оттянутых войск германского блока, ни по стратегическому результату союзническая помощь неэквивалентна аналогичной помощи русской армии союзникам. Лучшей помощью союзников России в 1915 г. в стратегическом смысле было бы успешное завершение Дарданелльской операции.

Итак, в коалиционной Первой мировой войне России приходилось разрываться между выполнением союзнического долга и реализацией собственных стратегических задач. Главные фронты для России, исходя из ее интересов, – Юго-Западный и Кавказский, в то время как Северный и Западный имели задачу прежде всего оттягивания германских войск, реализуя функцию выполнения союзнического долга. Во многом именно в этом кроется относительная пассивность Северного и Западного фронтов по сравнению с ударными Юго-Западным и Кавказским. Российское военно-политическое руководство правильно осознавало сущность коалиционной войны, жертвуя собственными узкоэгоистическими оперативными интересами ради достижения общей победы Антанты, ради общего дела. В грамотном ведении Россией коалиционной войны реализовался старинный русский воинский принцип «Сам погибай, а товарища выручай». Ведь в одиночку победить в коалиционной войне невозможно.

Вторым важнейшим аспектом вклада России в поражение германского блока была роль российской армии в захвате Антантой стратегической инициативы. В принципе наличие двух главных фронтов уже исключило для германского блока возможность выиграть войну как в боевом, так и в материальном аспекте.

Раздвоение стратегической мысли противника (Э. Фалькенгайн – Э. Людендорф с П. Гинденбургом даже без учета Ф. Конрада фон Гетцендорфа), оперативные метания, перевозки войск с одного стратегического театра военных действий на другой – реальность для стран Четверного союза, несколько облегченная удобством географического положения и возможностью маневрировать по внутренним операционным линиям. В целом для германского блока были свойственны маневрирование по внутренним операционным линиям и экономия сил на всех фронтах за исключением одного, где применяются все свободные силы, а для Антанты – блокада центральных держав и попытки одновременного наступления сразу на всех фронтах. Именно усилия русской армии в значительной степени повлияли на принадлежность стратегической инициативы той либо иной коалиции.

Можно выделить следующие этапы процесса перехода стратегической инициативы.

Летом 1914 г. неудачные для Антанты в военном смысле приграничные сражения на Французском фронте и Восточно-Прусская операция на Русском фронте привели к переходу стратегической инициативы к германскому блоку. Но в августе 1914 г. державы германского блока нарушают стратегию своей коалиции, рассредоточивая свои усилия во Франции, Пруссии, Польше и на Дунае, таким образом распыляя силы. Вторжение русских войск в Восточную Пруссию и Галицию сорвало планы А. Шлиффена и Ф. Конрада фон Гетцендорфа, германский блок столкнулся с реальностью войны на два фронта – воспользоваться разницей в сроках мобилизации и разбить противников поодиночке ему не удалось.

Осень 1914 г. – Марнская, Галицийская битвы, первая Августовская, Варшавско-Ивангородская операции, сражения у Ипра. Стратегическая инициатива перешла к Антанте и удерживалась ею до конца весны 1915 г. Фактически Россия выиграла кампанию 1914 г. за Антанту. Осенние операции в Восточной Пруссии и Польше явились важнейшей предпосылкой проигрыша Германией битвы за Фландрию и привели к окончательной стабилизации Французского фронта. Операции русской армии способствовали изменению стратегического планирования врага – германцы и австрийцы перенесли центр тяжести боевых операций своего блока против России и начали наращивать группировку на Русском фронте. Благодаря этому союзники по Антанте получили на Французском фронте годовую передышку.

С конца весны 1915 г. германский блок захватил и в течение года удерживал стратегическую инициативу в своих руках. Оттеснение русской армии на Восточном фронте, разгром Сербии, поражение союзников в Дарданелльской операции, наступление немцев под Верденом характеризовали этот период в целом. Ресурсы Германии распыляются на помощь союзникам и второстепенным фронтам (болгарам – в Македонии, туркам – на Кавказе, австрийцам – на Итальянском фронте). Русская армия не только приняла на себя главный удар объединенных сил германского блока, но и целым рядом боевых операций пыталась облегчить положение союзников.

В результате Брусиловского наступления и операции на Сомме стратегической инициативой вновь завладели державы Согласия. Летом 1916 г. была предпринята энергичная попытка Антанты координировать свои усилия: англичане и французы – на Сомме, итальянцы – в Альпах, союзные войска – в Салониках, русские – в Румынии, Галиции и на Кавказе. Началось ее общее наступление. Ответ германского блока заключался в натиске на наиболее слабого члена Антанты – Румынию, которая оказалась разгромленной. Но Румынский фронт был реанимирован действиями русских войск, внесших тем самым один из наиболее осязаемых вкладов в общую победу. Именно крупномасштабное наступление русской армии в 1916 г. позволило Антанте уже в который раз овладеть стратегической инициативой. Зимой—весной 1917 г. германский блок с тревогой ждал ее решительного наступления.

Революция в России (связанное с ней разложение войск вызвало спад боевой активности) резко изменила стратегическую ситуацию. Германцы смогли теперь сконцентрировать все усилия на Французском фронте и решительным рывком попытаться разгромить союзников до переброски главных сил американских войск. Разгром итальянцев при Капоретто в октябре 1917 г., германские наступления в марте—июне 1918 г. на Французском фронте характеризовали этот этап.

С июля 1918 г. стратегическая инициатива прочно находилась в руках англичан, французов и американцев. Австрийцы вместо помощи германцам на Западном фронте провели неудачное сражение на Пиаве. Имея централизованное управление, Антанта провела наступления во Франции, сражения при Виттория-Венето, Доброполе, Наплузе. Германский блок начал рушиться.

Большая координация усилий союзников по Антанте дала бы победу гораздо раньше. Но и при сложившейся ситуации выход России из войны был огромным несчастьем для всей Антанты, что признавалось и западными авторитетными специалистами.

Германскую военную машину ряд исследователей и участников войны называли пожарной командой германского блока: германские войска выправляли ситуации, помогали союзникам, перебрасываясь на угрожаемые участки, прежде всего из-за более высокой мобильности, лучшего качества войск, структурированности и способности к росту. Немцы воевали в Галиции, на Балканах, в Италии и т. д. Что касается русской армии, то ее можно назвать пожарной командой Антанты. По первому зову союзников русские войска начинали неподготовленные или

недостаточно продуманные операции, принося жертвы ради общесоюзных целей, воевали во Франции, на Балканах, в Румынии, действовали в Персии (Иране) и Месопотамии (Ираке).

Интересная закономерность – гибель России как военной силы Антанты и ее пожарной команды привела и к гибели германцев в том же качестве. Роль «пожарных» в коалиции для германских войск сделалась невозможной в 1918 г. вследствие их массового сосредоточения на французском театре военных действий: это способствовало ослаблению и постепенной гибели вначале союзников Германии, а в конце 1918 г. и самой Германии.

Тем не менее нужно отметить, что если германцы в рамках Четверного союза лидировали и германская пожарная команда помогала фактически своим сателлитам и тем самым себе, то роль России недооценивалась – союзники по Антанте считали уместными постоянные требования к России, а приход им на помощь русской армии по первому требованию расценивали как нормальную ситуацию. Большой ошибкой российского военно-политического руководства было то, что юридически ведущая роль России в Антанте не была оформлена в тот период, когда вполне возможно было это осуществить. На начальном этапе войны союзники в принципе не смогли бы воевать без России, и они это понимали.

Крупнейшие переброски войск противника на Русский фронт укладываются в пять крупнейших этапов: 1) август—сентябрь 1914 г. – срыв стратегических планов германского блока, переброски германских войск из Франции и австрийских с Балкан; 2) осень 1914 г. – переброски с целью предотвратить глубокое вторжение русских в Силезию и Венгрию. Перебрасываются не только войска с других фронтов, но и резервы; 3) весна—осень 1915 г. – серия перебросок как элитных ударных соединений, так и резервных войск с целью проведения комплекса операций по выводу России из войны; 4) лето—осень 1916 г. – переброски с Французского и Итальянского фронтов с целью локализации широкомасштабного наступления Юго-Западного фронта и противостояния вновь образованному Румынскому фронту; 5) лето 1917 г. – отражение во многом неожиданного последнего наступления русской армии, уже не принимавшейся противником в расчет.

Ради облегчения положения своих союзников Россия начала преждевременное наступление в Восточной Пруссии в 1914 г., заставив ослабить ударную группировку немцев на западе. Затем она предприняла ради облегчения положения союзников и по их просьбе перенос военных действий на левый берег Вислы. Это вынудило Россию отказаться от намечавшегося полного разгрома австрийских армий, но заставило германцев перебросить войска на восток и внести коррективы в свои операции у Ипра и на Изере. В 1915–1917 гг. была осуществлена серия перебросок войск германского блока на Русский фронт. Россия притянула на себя большую часть австро-венгерской армии, значительную часть турецкой.

Наиболее кровавые боевые операции Первой мировой войны также проходили на Русском фронте. Например, Карпатская операция 1915 г. оставила далеко позади Верденское сражение и другие битвы Французского фронта.

Соотношение кровавых и иных потерь русской армии составляет 60 к 40 (ровно противоположное соотношение у союзников). И это притом, что русская армия в основном избежала преступных «мясорубок» по образцу Западного фронта. Хотя в конце Первой мировой войны войска противника стояли в Прибалтике и Западной Белоруссии, но они же занимали и северные департаменты Франции и почти всю Бельгию.

Итак, вопреки встречающемуся в мировой исторической науке мнению, недооценивающему роль Русского фронта Первой мировой войны, необходимо констатировать обратное.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что боевой вклад русского участника Первой мировой войны больше любого из союзников по Антанте (свыше 50 % людских потерь германского блока – заслуга русской армии, до 42 % пехотных дивизий германского блока – на Русском фронте, значительная доля трофеев также взята русской армией) и вполне сопоставим со вкладом Англии, Франции и Италии, вместе взятых. Важным обстоятельством является то, что общая численность русской армии за войну (всего через нее прошло 15 млн человек) составила 37 % от численности армий девяти главных воюющих держав Антанты и ее союзников (Россия, Англия, Франция, Бельгия, Италия, Сербия, Румыния, США, Греция), а ее боевой вклад в победу Антанты оказался более значительным.

Отмечая объем нанесенного врагу урона, его оттянутые силы, стратегическую важность проводимых операций, значительная часть которых была призвана облегчить положение

союзников, следует констатировать, что Россия – ключевой участник Антанты, без ее боевого вклада была немыслима победа над Германией и ее союзниками в Первой мировой войне. Ее боевой вклад – РЕШАЮЩИЙ. И прав был военный теоретик и фронтовой офицер британской армии Б. Лиддел-Гарт, который утверждал: «Россия пожертвовала собой ради союзников, и несправедливо забыть, что союзники являются за это неоплатыми должниками России».^[560]

Примечания

1

Вест Э. Иллюстрированная история. Первая мировая война. – М., 2005. С. 85.

2

Wallach J. L. Uneasy Coalition. The Extended Experience in World War I. Westport, 1993.

3

Уткин А. И. Первая мировая война. – М., 2001. С. 102.

4

Под боеспособностью понимаем не только пригодность войск к широкомасштабным боевым действиям (включая вооружение, укомплектованность, боевую выучку и моральный дух войск), но и возможность восстанавливаться после тяжелых потерь и боевых потрясений при сохранении моральной упругости частей и соединений, нанося при этом значительный урон противнику.

5

Бекман В. Немцы о русской армии. – Прага, 1939. С. 10.

6

Блюментрит Г. Роковые решения. – М., 1958. С. 73.

7

Sir John Hanbury-Williams. The Emperor Nicholas II. As I knew him. London, 1922. P. 73.

8

История Первой мировой войны. – М., 1975. С. 56.

9

Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 гг. // Исторические записки. Вып. 77. – М., 1965. С. 61.

10

Сухомлинов В. А. Воспоминания. – Минск, 2005. С. 217.

11

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. – М., 2006. С. 138.

12

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. – Париж, 1936. С. 36.

13

Ситуация изменилась, когда не стало Русского фронта. Германское командование получило свободу действий лишь с началом выхода России из войны – это освободило массу германских войск на Русском фронте и позволило немецкому командованию сосредоточить в начале 1918 г. 4/5 всех своих сил на французском фронте. Союзники почувствовали отсутствие Русского фронта очень болезненно – лишь вступление в войну США позволило выправить ситуацию.

14

Валентинов Н. А. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч.1. – М., 1920. С. 13.

15

Прежде всего вопросы мобилизации и транспортной инфраструктуры.

16

Емец В. А. Указ. соч. С. 64.

17

Там же. С. 65.

18

Высказывание министра иностранных дел Великобритании Э. Грея.

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. – Париж, 1939. С.8.

19

На два фронта // *Нива*. 1914. № 52. С. 1012.

20

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте – начало войны и операции в Восточной Пруссии. – Прага, 1926. С. 103.

21

Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. – М., 2006. С. 379.

22

Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. – М., 2003. С. 41.

23

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. – М., 1936. С. 38.

24

Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя по опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. – М., 1920. С. 92.

25

Цит. по: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Восточно-Прусская операция. – М., 1939. С. 15.

26

Андреев В. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. – Париж, 1928. С. 28.

27

Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии. – М., 1923. С. 52.

28

Храмов Ф. А. Восточно-прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. – М., 1940. С. 20.

29

Там же. С. 31.

30

Там же. С. 31.

31

Там же. С. 31.

32

Там же. С. 46.

33

Там же. С. 35.

34

Там же. С. 55.

35

Евсеев Н. Указ. соч. С. 243.

36

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.).
Восточно-Прусская операция. С. 20.

37

Там же. С. 22.

38

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., Минск, 2005. С. 65.

39

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.).
Восточно-Прусская операция. С. 23.

40

Там же.

41

Цит. по: *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 73.

42

Евсеев Н. Указ. соч. С. 277.

43

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи. С.6.

44

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи... С.7.

45

Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). – М.: Воениздат, 1939. С. 186.

46

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи.

47

Кнох А. With the Russian army 1914–1917. London, 1921. P. 92.

48

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи...

49

Там же.

50

Людендорф Э. Указ. соч. С. 61.

51

Там же. С. 72.

52

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи. С.9.

53

Фалькенгайн Э. фон. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М., 1923. С. 20.

54

Там же. С. 29.

55

Емец В. А. Указ. соч. С. 76.

56

Перепеловский К. К. Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. 1971. № 111. С.9.

57

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи. С. 10.

58

Игнатъев А. А. 50 лет в строю. Т.2. – Петрозаводск, 1964. С. 45.

59

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М., 1923. С. 40.

60

Стоит сказать, что панические аспекты в поведении германского генералитета появлялись как в Первую, так и во Вторую мировую войну, когда происходили события, выходящие за рамки планирования и путающие решения при осуществлении боевых операций явления.

61

Признание выдающегося государственного деятеля Великобритании министра финансов (с 1916 г. премьер-министра) Д. Ллойд Джорджа. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1–2. – М., 1934. С. 252.

62

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. Berlin und Wien, 1920. S. 107.

63

Белой А. Галицийская битва. – М., Л., 1929. С. 55.

64

Там же. С. 82.

65

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. Первый

период до 1 сентября нового стиля. – Париж, 1930. С. 261.

66

Там же.

67

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса у Томашова в 1914 г. – М., Л., 1937. С. 22.

68

Цит. по: *Белой А.* Выход из окружения 19-го армейского корпуса. С. 22.

69

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreichs höhe und niedergang; eine Lebensschilderung. München, 1921. S. 296.

70

Кузнецов Б. И. Томашевская операция. – М., 1933. С. 43.

71

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса. С. 29.

72

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва / Сост. Я. К. Цихович. – М., 1922. С. 158.

73

Белой А. Галицийская битва. С. 145.

74

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. С. 505.

75

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. S. 248.

76

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Дни перелома Галицийской

битвы (1–3 сентября нового стиля). – Париж, 1940. С. 109.

77

Белой А. Выход из окружения 19-го армейского корпуса. С. 73.

78

Белой А. Галицийская битва. С. 292.

79

Feldmarchal C. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. B. IV. Wien, 1923. S. 663.

80

Белой А. Галицийская битва. С. 294.

81

Там же. С. 311.

82

Звегинцов В. В. Лейб-гвардии Московский полк 7.11.1811.–7.11.1936. – Париж, 1936. С. 48.

83

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 2. Die befreiung Ostpreußen. Berlin, 1925. S. 334.

84

Белой А. Галицийская битва С. 316.

85

Там же. С. 324.

86

Там же. С. 177.

87

Там же. С. 199.

88

Там же. С. 200.

89

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. С. 464.

90

Там же. С. 474.

91

Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. – М., 1994. С. 121.

92

Царев Н. Т. От Шлиффена до Гинденбурга (о провале военной доктрины кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.). – М., 1956. С. 171.

93

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы. С. 113.

94

Людендорф Э. Указ. соч. С. 61.

95

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 28.

96

Мозер О. фон. Указ. соч. С. 38.

97

Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01.–08.02.1915. – Сан-Франциско. С.5.

98

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. – Белград. 1924. Кн. 5. С. 248.

99

Там же. С. 250.

100

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 256.

101

Битва на реке Немане и разгром немецкой армии генерала Гинденбурга. – М., 1915. С. 19.

102

Швинк О. Бои на р. Изер и у Ипра осенью 1914 г. – Петербург, 1922. С. 17.

103

Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. – М., 1923. С. 109.

104

Там же. С. 125.

105

Там же. С. 276.

106

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 5. Der herbstfeldzug 1914. I. Berlin, 1929. S. 469.

107

Людендорф Э. Указ. соч. С. 94.

108

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Варшавско-Ивангородская операция. – М., 1938. С. 327.

109

Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. С. 251.

110

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 222.

111

Мозер О. фон. Указ. соч. С. 44.

112

Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. С. 206.

113

Швинк О. Указ. соч. с. 93.

114

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 38.

115

Новицкий Ф. Ф. Лодзинская операция в ноябре 1914 г. (из личных записок участника) // Война и революция. 1930. № 7. С. 126.

116

Корольков Г. К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. – М., 1934. С. 11.

117

Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта.

118

Генерал пехоты, командир 25-го резервного корпуса и одновременно начальник войсковой группы.

119

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. – М., 2007. С. 111.

120

Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Лодзинская операция. – М., 1936. С. 254–255.

121

Нокс А. Второе наступление Гинденбурга в Польше // Военный зарубежник. 1922. № 8–9. С. 426.

122

Там же.

123

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи. С.4.

124

Свечин А. А. «А» или «Г»? // Военное дело. 1918. № 25. С. 12.

125

Людендорф Э. Указ. соч. С. 109.

126

Гофман М. Война упущенных возможностей. – М., Л., 1925. С. 62.

127

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 6. Der herbstfeldzug 1914. II. Berlin, 1929. S. 345.

128

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 264.

129

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreichs höhe und niedergang; eine Lebensschilderung. München, 1921. S. 412.

130

Мозер О. фон. Указ. соч. С. 45.

131

Швинк О. фон. Указ. соч. С. 92.

132

Мозер О. фон. Указ. соч. С. 47.

133

Высказывание Лимана фон Сандерса О., генерала кавалерии, маршала Турции, германского уполномоченного при турецком Верховном командовании, командующего 1-й турецкой армией. Цит. по: *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт 1914–1917. – Ереван, 1971. С. 148.

134

Людендорф Э. Указ. соч. С. 113.

135

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 32.

136

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи. С. 39.

137

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 25.

138

Там же. С. 41.

139

Емец В. А. Указ. соч. С. 84.

140

Игнатьев А. А. Указ. соч. С. 80.

141

Вульф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. – СПб., 2004. С. 18.

142

Свечин А. А. Указ. соч. С. 12.

143

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 66.

144

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М., 1923. С. 57.

145

Хольмсен И. А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. – Париж, 1935. С. 13.

146

Каменский М. П. Гибель 20-го корпуса 8–21 февраля 1915 г. По архивным материалам штаба 10 армии. – Пг., 1921. С. 41.

147

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., Минск, 2005. С. 125.

148

Хольмсен И. А. Указ. соч. С. 201.

149

Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. – М., 2003. С. 76.

150

Мозер О. Указ. соч. С. 59.

151

Фалькенгейн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М., 1923. С. 64.

152

Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25. 01.–08. 02. 1915. – Сан-Франциско. С. 49.

153

Коленковский А. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. – М., Л., 1927. С. 146.

154

Там же. С. 16.

155

Там же. С. 60.

156

Риттер Х. Критика мировой войны. – Пг., 1923. С. 121.

157

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65–66.

158

Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. – М., Л., 1929. С. 270.

159

Борисов А. Праснышская операция // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 35.

160

Людендорф Э. Указ. соч. С. 132–133.

161

Гофман М. Война упущенных возможностей. – М., Л., 1925. С. 76.

162

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 65.

163

Корольков Г. К. Несбывшиеся Канны. – М., 1926. С. 36.

164

Корольков Г. К. Праснышское сражение. Июль 1915 г. – М., Л., 1928. С. 36.

165

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 66.

166

Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М., 1983. С. 113.

167

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931. S. 142.

168

Ebd. То есть – Там же. S. 133.

169

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 80.

170

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 64.

171

Трофеями войск Юго-Западного фронта стали свыше 123 тыс. пленных (в том числе 9 генералов) и 1 тыс. орудий.

172

Раушер В. Указ. соч. С. 71.

173

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 62.

174

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 313.

175

Борисов А. Д. Карпатская операция // Военная мысль. 1940. № 3. С. 103.

176

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 66.

177

Ж. Жоффр о подвиге русской армии в Горлицкой операции. Цит. по: *Бонч-Бруевич М.* Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть II. Катастрофа в 3-й армии. – М., Л., 1926. С. 201.

178

Келлерман Г. Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г. // Война и революция. 1934. Март-апрель. С. 67.

179

Роткирх Т. фон. Прорыв Русского Карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. – Пг., 1921. С. 37.

180

Там же. С. 38.

181

Там же. С. 174.

182

Мозер О. Указ. соч. С. 68.

183

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 141.

184

Энциклопедический словарь Гранат. Т. 46. – М., 1918. Вып. 1, 2. С. 76–77.

185

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 381.

186

Макшеев Ф. А. К вопросу о значении артиллерии в современной войне // Военное обозрение. 1921. № 1. С. 46.

187

Людендорф Э. Указ. соч. С. 145.

188

Там же. С. 150.

189

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 111.

190

Э. фон Фалькенгайн о ситуации в Прибалтике после Наревской операции. Цит. по: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 121.

191

Зайончковский А. М. Первая мировая война. – СПб., 2002. С. 414.

192

Евсеев Н. Свенцянский прорыв 1915 г. – М., 1936. С. 227.

193

Людендорф Э. Указ. соч. С. 169.

194

The Great World War. V.5. L., 1917. P. 84.

195

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 133.

196

Людендорф Э. Указ. соч. С. 164.

197

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 94.

198

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 109.

199

Там же. С. 134.

200

Из письма генерала от инфантерии, начальника штаба Верховного главнокомандующего Янушкевича Н. Н. от 20 марта 1915 г. Цит. по: *Бонч-Бруевич М. Д.* Указ. соч. С. 197.

201

Корсун Н. Г. Алашкертская и Хамаданская операции. – М., 1940. С. 22.

202

Людендорф Э. Указ. соч. С. 174.

203

Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). – Пг., 1918. С. 64.

204

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 142.

205

Людендорф Э. Указ. соч. С. 169.

206

Отклики войны // *Нива*. 1915. № 18. С.3.

207

Цит. по: *Ниман Г.* Указ. соч. С. 108.

208

Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1–2. С. 305.

209

Там же. С. 317.

210

Пуанкаре Р. На службе Франции. Т.2. – М.; Мн., 2002. С. 65.

211

Мозер О. Указ. соч. С. 77.

212

Вульф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. – СПб., 2004. С. 22.

213

Там же. С. 39–40.

214

Там же.

215

Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер «Аскольд» // Морская коллекция. 1996. № 1.С. 28.

216

Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914–1918 гг. – М., 1935. С. 185.

217

Мозер О. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М., 1923. С.9.

218

Там же. С. 93.

219

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., Минск, 2005. С. 209.

220

Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М., 1923. С. 220.

221

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 108.

222

The Great World War. V.6. L., 1917. P. 22.

223

Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. – М., 1938. С. 150.

224

Там же. С. 167.

225

Людендорф Э. Указ. соч.

226

Там же.

227

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. – М. 1940. С.3.

228

Петэн А. Ф. Оборона Вердена. – М., 1937. С. 62.

229

Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. С. 185.

230

Базаревский А. Указ. соч. С. 38.

231

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.5. С. 40.

232

Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. – М., 1937. С.5.

233

Людендорф Э. Указ. соч. С. 220.

234

Ветошников Л. В. Указ. соч. С. 125.

235

Людендорф Э. Указ. соч. С. 224.

236

Там же. С. 228.

237

Гофман М. Указ. соч. С. 116.

238

The Great World War. V.6. P. 33.

239

Гофман М. Записки и дневники. 1914–1918 гг. – Л., 1929. С. 214.

240

Там же. С. 218.

241

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы России... С. 18.

242

Гинденбург П. Воспоминания. – Пг., 1922. С.4.

243

Мозер О. Указ. соч. С. 96.

244

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. – М., 2007. С. 181.

245

Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. С. 185.

246

Там же. С. 186.

247

Черчилль У. Мировой кризис. – М., Л., 1932. С. 39.

248

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы России. С. 18.

249

Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. С. 186.

250

Там же. С. 43.

251

Риттер Х. Критика мировой войны. – Пг., 1923. С. 142.

252

Будберг А. П. Вооруженные силы России...

253

Игнатьев А. А. 50 лет в строю. Т.2. – Петрозаводск, 1964. С. 230.

254

Гинденбург П. Указ. соч. С. 38.

255

Гурко В. И. Указ. соч. С. 271.

256

Ступин В. Борьба за укрепленные позиции в условиях русского театра военных действий. Митавская операция 1916–1917 гг. // Военно-исторический сборник. Вып. 2. – М., 1919. С. 52.

257

Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917. – Ереван, 1971. С. 235.

258

Корсун Н. Г. Эрзерумская операция. – М., 1938. С. 11.

259

The Great World War. V.5. P. 177.

260

Ibid. P. 182.

261

Ibid. P. 186.

262

Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж, 1933. С. 419.

263

Там же.

264

Там же. С. 425.

265

Джемаль-паша. А. Записки 1913–1919 гг. – Тифлис, 1923. С. 145.

266

Вульф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. – СПб., 2004. С. 46.

267

Боевое расписание германской армии. – Пг., Разведывательное отделение штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта. 1917. С. 3–4.

268

Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. С. 185.

269

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 396.

270

Лиддел-Гарт Б. Указ. соч. С. 187.

271

Гинденбург П. Воспоминания. – Пг., 1922. С. 47.

272

Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 112.

273

Там же. С. 114.

274

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., Минск, 2005. С. 432.

275

История Гражданской войны в СССР. Т.1. – М., 1935. С. 140.

276

Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 151.

277

Людендорф Э. Указ. соч. С. 434.

278

Риттер Х. Критика мировой войны. – Пг., 1923. С. 165.

279

Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. S. 261.

280

Кавтарадзе А. Г. Июньское наступление. С. 116.

281

Гофман М. Указ. соч. С. 153.

282

Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1. – Минск, 2002. С. 54.

283

Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М., 1983. С. 239.

284

Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. – М., 2007. С. 370.

285

Гинденбург П. Указ. соч. С. 49.

286

Людендорф Э. Указ. соч. С. 435.

287

Там же. С. 436.

288

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи. С. 24.

289

Людендорф Э. Указ. соч. С. 482.

290

Гинденбург П. Указ. соч. С. 51.

291

Войтинский В. Падение Риги. – Пг., 1917. С.7.

292

Кавтарадзе А. Г. Рижская операция 1917 года // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 121.

293

Риттер Х. Указ. соч. С. 165.

294

Людендорф Э. Указ. соч. С. 486.

295

Войтинский В. Указ. соч. С.7.

296

Посевин С. Гибель империи. Северный фронт (из дневника штабного офицера для поручений). – Рига, 1932. С. 23.

297

Войтинский В. Указ. соч. С. 15.

298

Посевин С. Указ. соч. С. 29.

299

Коссинский А. М. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. – Л., 1928. С. 41.

300

Пухов А. С. Моонзундское сражение. – Л., 1957. С. 40.

301

Амирханов Л. И. Морская крепость императора Петра Великого. – СПб., 1995. С. 48.

302

Чишвиц А. фон. Захват балтийских островов Германией в 1917 г. – М., 1937. С. 170.

303

Дююи Р. Э., Дююи Т. Н. Всемирная история войн. Харперовская энциклопедия военной истории. Кн. 3. – СПб.; М., 2000. С. 899.

304

Мозер О. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М., 1923. С. 102.

305

Людендорф Э. Указ. соч. С. 297.

306

Гурко В. И. Указ. соч. С. 234.

307

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. – М., 1922. С. 110.

308

Вульф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. – СПб., 2004. С. 80.

309

Там же. С. 75.

310

Там же. С. 76–77.

311

Людендорф Э. Указ. соч. С. 284.

312

Из приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева. Цит. по: *Данилов Ю. Н.* Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916–1918 гг. – Париж, 1933. С. 126.

313

Игнатъев А. А. 50 лет в строю. Т.2. – Петрозаводск, 1964. С. 237.

314

Павлов А. Ю. Русские войска во Франции во время Первой мировой войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 95.

315

Будберг А. П. Вооруженные силы России... С. 43.

316

Данилов Ю. Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916–1918 гг. – Париж, 1933. С. 247.

317

Валентинов Н. А. Русские войска во Франции и Салониках // Военно-исторический сборник. Вып. 4. – М., 1920. С. 13.

318

Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. – М., 1966. Вып. 79. С. 118.

319

Керсновский А. А. История русской армии. Т.4. – М., 1994. С. 321.

320

Гинденбург П. Указ. соч. С. 47.

321

Там же.

322

Высказывание Э. фон Людендорфа. Цит. по: *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта по иностранным военным источникам. С.5.

323

Гринев Г. Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г. // Военная быль. 1974. № 128. С. 13–18.

324

Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914–1918 гг. – М., 1935. С. 255.

325

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи. С. 46.

326

Свечин М. Записки старого генерала о былом. – Ницца, 1964. С. 138.

327

Подполковник Ляшье. Некоторые статистические данные войны 1914–1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 128.

328

Будберг А. П. Указ. соч. С. 40.

329

Меликов В. А. Стратегическое развертывание. С. 364.

330

Цит. по: *Меликов В. А.* Указ. соч. С. 464.

331

Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2006. С. 173.

332

Урланис Б. Ц. Людские потери в войнах // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 44.

333

Сысин А. Н. Беженцы и военнопленные во время империалистической войны // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 9.

334

Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1920. С. 71.

335

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М., 1925. С.4.

336

Количество русских солдат – участников войны 1914–17 гг. (по архивным данным) // Военное дело. 1918. № 17. С. 19.

337

Павлович М. Итоги мировой войны. – М.: Московский рабочий, 1924. С.5.

338

Попов К. Лейб-Эриванцы в Великой войне. – Париж, 1959. С. 46.

339

Свечин А. А. Искусство вождения полка. С. 108.

340

РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–92; Д. 57. Л. 1–62 об.; Д. 58. Л. 1–105 об.

341

Hindenburg von. Out of my life. London, 1920. P. 87 etc.

342

Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien – Herold Verlag, 1993. S. 228.

343

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. – Берлин: Слово, 1924. С. 309.

344

Ронге М. Разведка и контрразведка. – СПб., 2004. С. 134.

345

Там же. С. 137.

346

Там же. С. 263

347

Там же. С. 264.

348

Д-ский М. Как производится подсчет пленных // Нива. 1915. № 46. С. 852.

349

Шапошников П. В Восточной Пруссии (1914 г.) // Военная быль. 1967. № 87. С.4.

350

Русские официальные сообщения о войне. № 22. 29 августа. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Морской сборник. 1915. № 10. С. 53.

351

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 543. Л.4.

352

Там же. Л.5.

353

Там же. Л. 5–6.

354

Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты. – Воззвания Верховного Главнокомандующего. – Донесения: от Штаба Верховного Главнокомандующего, от Штаба Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба. – М., 1915. С. 227.

355

Там же. С. 228.

356

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931. S. 166.

357

РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

358

Великая война / Под ред. Ф. К. Иванова. Ч.2. С. 110.

359

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931. S. 167. Прежде всего это войска 25-го резервного и 17-го армейского корпусов (особенно пострадали 1-я, 4-я резервные, 4-я, 36-я пехотные дивизии).

360

См.: *Олейников А. В.* Потери русской и германской армий в Восточно-Прусской операции 1914 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011. № 52. С. 201–219.

361

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.2. S. 230.

362

Reichsarchiv. Weltkrieg 1914–1918. Bd. 2... Ebd.

363

См.: *Олейников А. В.* Потери русской и германской армий в Восточно-Прусской операции 1914 г.

364

Потери противников в наступательных и встречных боях вполне сопоставимы, например британский агент при русской армии А. Нокс оценивал в бою у Франкенау русские потери в 4 тыс. человек, а германские – в 6 тыс. и т. д. (*Knox A.* Op. cit. P. 64), что говорит в том числе о равных боевых качествах войск противников.

365

Из них 145 тыс. пленными плюс 500 орудий. (См.: *Weltkrieg 1914–1918. B.2. S. 317.*) В дальнейшем эта цифра повторялась в ряде исторических трудов.

366

Feldmarchal Conrad. Op. cit. S. 768.

367

Белой А. Указ. соч. С. 321.

368

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. – Белград. 1924. Кн. 5. С. 256.

369

См.: *Олейников А. В.* Потери противников в осенних операциях в Польше – Варшавско-Ивангородской 15 сентября – 26 октября и Лодзинской 29 октября – 6 декабря 1914 г. на Русском фронте Первой мировой войны // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011. № 51. С. 166–171.

370

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.5. S. 500. 3 тыс. захвачены гвардейским резервным корпусом к середине октября. Ebd. S. 484.

371

См. *Олейников А. В.* Потери противников в осенних операциях в Польше – Варшавско-Ивангородской 15 сентября – 26 октября и Лодзинской 29 октября – 6 декабря 1914 г. на Русском фронте Первой мировой войны.

372

Корольков Г. К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. С. 198.

373

Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. С. 389.

374

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 426. Л. 7–7 об.

375

Там же. Л. 28.

376

Там же. Л. 21.

377

Там же. Л. 45.

378

Там же. Л. 84.

379

http://www.stahlgewitter.com/15_01_01.htm

380

РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

381

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931.

382

Редерн Г. фон. Зимняя операция в районе Мазурских озер. – Пг., 1921. С. 53.

383

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., Минск, 2005. С. 127.

384

Редерн Г. Указ. соч. С. 52.

385

Там же. С. 53.

386

Там же. С. 203.

387

Хольмсен И. А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. – Париж, 1935. С. 298.

388

Иванов Н. Удары по сходящимся направлениям // Война и революция. 1935, март—апрель, С. 15.

389

Корольков Г. К. Праснышское сражение 1915. – М., Л., 1928. С. 52.

390

Там же. С. 149.

391

Nowak K. F. Der Weg zur Katastrophe. Berlin, 1919. S. 76.

392

Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. – М., 1923. С. 66.

393

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 426. Л. 45.

394

Там же. Л. 50.

395

Там же. С. 203.

396

Роткирх Т. фон. Прорыв Русского Карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. – Пг.: Государственное издательство, 1921. С. 79.

397

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 7. Winter und Frühjahr 1915. Berlin, 1931. S. 428.

398

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8. Sommer und Herbst 1915. Berlin, 1932. S. 237.

399

Капитан Пэльман. Бои на реке Западном Буге летом 1915 года. – Пг.: Государственное издательство, 1921. С. 47.

400

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 122.

401

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 426. Л. 99, 100.

402

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 454.

403

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 471.

404

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 509.

405

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.5. Период с октября 1915 по сентябрь 1916 г. – М., 1920. С. 13.

406

Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. С. 394.

407

Haythornthwaite Philip J. The World war One Source Book. London, 1992. P. 22; *Киган Д.* Первая мировая война. – М., 2004. С. 302.

408

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.5. С. 73.

409

Кузнецов Б. И. Кампания 1916 года. С. 72.

410

Цит. по: *Мультатули П. В.* Господь да благословит решение мое... Император Николай Второй во главе действующей армии и заговор генералов. – СПб., 2002. С. 153.

411

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М., 1925. С. 32.

412

Wagner A. Op. cit. S. 260.

413

Виноградов В. Н. Румыния в годы Первой мировой войны. – М., 1969. С. 217.

414

Ронге М. Указ. соч. С. 222.

415

Игнатъев А. А. 50 лет в строю. Т.2. – Петрозаводск, 1964. С. 157.

416

Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. – М.: Редакционно-издательский центр МГОПУ, 1999. С. 36.

417

Гаврилов Л. М. Численность русской Действующей армии в период Февральской революции // История СССР. 1972. № 3 (май—июнь). С. 202.

418

Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2 (март—апрель). С. 89.

419

Потери турок // Кубанский казачий вестник. 1915. № 9. С. 14.

420

Потери наших противников // Кубанский казачий вестник. 1915. № 38. С. 16.

421

Потери Австрии // Кубанский казачий вестник. 1915. – № 36. С. 11.

422

Потери германцев // Кубанский казачий вестник. 1915. № 34. С. 14.

423

Подполковник Ляшие. Некоторые статистические данные войны 1914–1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 129.

424

Ниман Г. Поход Гинденбурга в Россию. – М., 1920. С. 44.

425

См.: *Олейников А. В.* Потери русской и германской армий в Восточно-Прусской операции 1914 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011. № 52. С. 201–219.

426

Der Weltkrieg 1914–1918. Band 2.S. 317, 346. В структуре своих потерь в Восточной Пруссии к началу сентября немцы засчитывают лишь крупные потери в 14 тыс. человек у Гумбиннена (из состава семи дивизий), 12 тыс. у Танненберга (из состава 11,5 дивизий). Причем потери у Танненберга они исчисляют за шестидневный срок, то есть, надо полагать, с 13 по 18 августа. При этом игнорируются более ранние бои 2-й армии (прежде всего у Орлау-Франкенау 10–11 августа), нанесшие противнику значительные потери, бой у Сталлупенена. Также забывают немцы и о первом сражении у Мазурских озер. Зато потери ландверного корпуса (8 тыс. человек в двух дивизиях за два дня боев у Тарнавки) засчитывают в общую цифру 37 тыс. потерь немцев в Восточной Пруссии. Хотя ландверный корпус воевал не в Восточной Пруссии, а взаимодействовал в Галиции с австрийцами. Но, с другой стороны, цифра 12 тыс. за шесть дней у Танненберга – это признание факта тех значительных потерь, которые нанесли противнику уже окруженные 2,5 русских корпуса.

427

Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. – М., 2003. С. 50.

428

Knox A. With the Russian army 1914–1917. London, 1921. P. 81.

429

Feldmarchal Conrad. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. B. IV. Wien, 1923. S. 903.

430

Ebd. S. 805.

431

Auffenberg-Komarow M. von. Aus Österreich-Ungarns Teilnahme am Weltkriege. – Berlin und Wien, 1920. S. 284.

432

Белой А. Галицийская битва. – М., Л., 1929. С. 276.

433

Гофман М. Война упущенных возможностей. – М., Л., 1925. С. 37.

434

Людендорф Э. Указ. соч. С. 77.

435

Битва на реке Немане и разгром немецкой армии генерала Гинденбурга. – М., 1915. С. 16.

436

Там же. С. 31.

437

Флуг В. Е. Указ. соч. С. 256.

438

Противник оценил общие потери 8-й армии к середине октября в 15–20 тыс. человек. См.: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 5.S. 535, 548. То есть за период более продолжительный, чем первая Августовская операция, например 1-й АК с 11 по 16 октября понес потери в 3470 человек.

439

Из них 1 тыс. под Сувалками-Августовым 20 сентября. См.: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 5.S. 525.

440

Олейников А. В. Потери противников в осенних операциях в Польше – Варшавско-Ивангородской 15 сентября – 26 октября и Лодзинской 29 октября – 6 декабря 1914 г. на Русском фронте Первой мировой войны // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2011. № 51. С. 166–171.

441

Присутствует цифра 110 германских орудий за всю операцию и 43 австрийских орудия, потерянных только между 10 и 21 октября. См.: Бои за Вислой. С. 7, 10.

442

Сами немцы старательно замалчивают свои общие потери в этой крупной стратегической неудаче. Обозначены лишь потери одного корпуса 9-й армии из пяти (гвардейского резервного) и только к 5 октября (то есть за половину операции) – 4 тыс. человек и даже более. См. Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.5. S. 469. Отмечая тяжесть боя с частями гренадерского корпуса 12 октября, противник отметил потерю 1-й гвардейской резервной дивизией за этот день 600 человек. (Ebd. S. 482) Кроме того, гвардейский резервный корпус потерял 12–13 октября 1 тыс. солдат. (Ebd. S. 484) За четыре недели боев немцы исчисляют потери 9-й армии в 15 тыс. человек. См.: Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.5. S. 500. Эта цифра вызывает большие вопросы: во-первых, сражение длилось не четыре недели, а почти шесть, во-вторых, даже если исчислять потери противника по корпусам (пример – гвардейский резервный), то и тогда получается более крупная цифра.

Потери австрийской 1-й армии немцы исчисляли к 14 октября до 50 тыс. человек. (Ebd. S. 484)

443

Рыбин Д. Н. Лодзинская операция на Русском фронте мировой войны в 1914 году. – М., 1938. С. 45.

444

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.6. S. 172.

445

Половина приходится на 3-ю гвардейскую дивизию. Ibid. S. 188.

446

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.6. S. 74.

447

Ibid. S. 263.

448

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.6. S. 360.

449

Knox A. Op. cit. P. 197.

450

Ibid. P. 199.

451

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. B.6. S. 248.

452

Special Cable // The New York times. 1914., 18 december. P.3.

453

Рыбин Д. Н. Лодзинская битва. – М., 1915. С. 23.

454

Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж, 1933. С. 133.

455

Неприятельские потери на нашем южном и юго-западном фронтах // Нива. 1915. № 10.

456

Подполковник Ляшье. Некоторые статистические данные войны 1914–1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 109–133; *Емец В. А.* О роли русской армии в первый период мировой войны 1914–1918 гг. // Исторические записки. Вып. 77. – М., 1965. С. 83.

457

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 543. Л.2.

458

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 426. Л. 10.

459

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd 6.S. 367.

460

Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. S. 79.

461

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 426. Л. 10.

462

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd 6.S. 367.

463

Подполковник Ляшие. Указ. соч. С. 128.

464

Там же. С. 125, 127.

465

Бекман В. Немцы о русской армии. – Прага, 1939. С. 18.

466

Около 4,5 тыс. человек. См.: *Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914–1918).* Chaumont, France. 1919. P. 296.

467

Иванов Ф. К. Великая война. – М., 1915. Ч.2. С. 110.

468

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd. 7.S. 167.

469

Der Weltkrieg 1914–1918. Bd. 7.S. 237.

470

Ebd.

471

Людендорф Э. Указ. соч. С. 126.

472

Гофман М. Указ. соч. С. 73.

473

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 291.

474

Корольков Г. К. Праснышское сражение. Июль 1915 г. – М., Л., 1928. С. 138.

475

Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. Bd. II. Wien, 1931. S. 270.

476

Иванов Ф. К. Указ. соч. С. 205–206.

477

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 426. Л. 25.

478

В Перемышле // Нива. 1915. № 17. С.4.

479

Роткирх Т. фон. Прорыв Русского Карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. – Пг.: Государственное издательство, 1921. С. 87.

480

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 236.

481

Ebd. S. 252.

482

Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 211.

483

Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций Русского Западного фронта. – Пг., 1916. С. 25.

484

Гурко В. И. Указ. соч. С. 147.

485

Бои в Рижском заливе и на Серете. – М., 1915. С. 10.

486

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Вып. 1–2. Т.

46. – М., 1918. С. 76–77.

487

В том числе 2 тыс. убитых, 4,5 тыс. раненых и 3,2 тыс. пропавших без вести. Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 591.

488

Война // Кубанский казачий вестник. 1916. № 1–12. С. 12.

489

Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Band 8.S. 509.

490

Ebd. S. 546.

491

Бои в Рижском заливе и на Серете. С. 11.

492

Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). – Пг., 1920. С. 328.

493

Подполковник Ляшье. Указ. соч. С. 125, 127.

494

Там же. С. 124.

495

Там же. С. 125.

496

Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. – М., 1938. С. 153.

497

Там же. С. 127.

498

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч.5. С. 108.

499

Wagner A. Op. cit. S. 194.

500

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 618. Л. 180.

501

Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. Bd.VI. Wien, 1936. S. 258.

502

Чишвиц. Захват балтийских островов Германией в 1917 г. – М., 1937. С. 176.

503

Виноградов В. Н. Румыния в годы Первой мировой войны. – М., 1969. С. 217.

504

Блюментрит Г. Роковые решения. – М.: Воениздат, 1958. С. 73.

505

Подполковник Ляше. Указ. соч. С. 125, 127, 129.

506

Пленные // Кубанский казачий вестник. 1915. № 51–52. С. 31.

507

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи. С. 30.

508

Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. – СПб., 2003. С. 470–473.

509

Меликов В. А. Стратегическое развертывание по опыту Первой империалистической войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны в СССР. Т.1. – М.: Воениздат, 1939. С. 306.

510

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. – Берлин, 1924. С. 180.

511

Храмов Ф. А. Восточно-прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. – М., 1940. С. 20.

512

Мозер О. фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914–1918 годов. – М., 1923. С. 32.

513

Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. План войны. – Париж, 1936. С. 253.

514

Флуг В. Е. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. – Белград, 1924. Кн. 5. С. 254.

515

Гофман М. Война упущенных возможностей. – М., Л., 1925. С. 55.

516

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. – М., 2006. С. 206.

517

Швинк О. фон. Бои на р. Изер и у Ипра осенью 1914 г. – Пг., 1922. С. 18.

518

Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01.–08.02.1915. – Сан-Франциско. С.5.

519

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. – Париж, 1939. С. 11.

520

Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 245.

521

Подполковник Ляшие. Указ. соч. С. 115.

522

Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 301.

523

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 58, 61.

524

Там же.

525

Мозер О. Указ. соч. С. 56.

526

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 62.

527

Вульф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. – СПб., 2004. С. 19.

528

Фалькенгайн Э. Указ. соч. С. 62.

529

Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917. – Ереван: Айастан, 1971. С. 171.

530

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. – М., 1940. С. 163–165; Генерал Бюа. Германская армия в мировой войне // Армия и революция. 1921. № 6. С. 102–103.

531

Цит. по: *Будберг А. П. Вооруженные силы. С. 19.*

532

Там же.

533

Риттер Х. Критика мировой войны. – Пг., 1923. С. 142.

534

Там же. С. 486.

535

Там же. С. 514.

536

Подробнее см.: Генерал Бюа. Германская армия в период войны 1914–1918. Расцвет и упадок. Маневры по внутренним операционным линиям. – Париж-Нанси-Страсбург, 1922. С. 78.

537

Озаровский Н. Ю. Германские потери на море от действий русского флота в 1914–1917 гг. – М., Л., 1941. С. 4.

538

Будберг А. П. Вооруженные силы Российской Империи в исполнении общесоюзных задач. С. 28–29.

539

Козлов Д. Ю. Флот Балтийского моря в кампании 1914 года // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 12.

540

Здесь и далее стиль старый.

541

Петров М. А. Обзор главных кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. – Л., 1927. С. 495.

542

Козлов Д. Ю. Странная война на Черном море (август—октябрь 1914 года). – М., 2009. С. 152.

543

Грибовский В. Ю. Черноморский флот в боях с «Гебеном» // Гангут. 1996. № 10. С. 27–28.

544

Апальков Ю. А. Боевые корабли русского флота: Справочник. – СПб., 1996. С. 110.

545

Вульф О. Р. Указ. соч. С. 12.

546

Погибли эсминцы V 99, S 31, тральщики Т 46, Т 52, Т 58, прорыватель заграждений «Аахен». Повреждены линейные крейсера «Мольтке» и «Фон дер Танн», легкие крейсера «Тетис» и «Аугсбург», миноносцы V 144 и V 183, тральщик Т 77; по германским данным, флот потерял 65 человек убитыми и ранеными.

547

Погибли канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец», повреждены линкор «Слава», эсминцы «Сибирский стрелок», «Войсковой», «Амурец», потеряно несколько грузовых судов и 2 гидросамолета; до 150 военнослужащих убиты, ранены и пленены.

548

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. – М., 2007. С. 80.

549

Козлов Д. Ю. Флот Балтийского моря в кампании 1915 года: новые проблемы и новые достижения // Военно-исторический журнал. 2007. № 10. С. 29.

550

Озаровский Н. Ю. Указ. соч. С. 15.

551

Там же. С. 16.

552

Лукин В. К. Указ. соч. С. 169.

553

Козлов Д. Ю. Стратегическое затишье. Некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 7.

554

Там же.

555

Гайер А. Германские подводные лодки в войну 1914–1918 гг. – Л., 1933. С. 152.

556

Озаровский Н. Ю. Указ. соч. С. 16.

557

См. *Трубицын С. Б.* Эскадренные миноносцы и миноносцы Германии. (1871–1918 гг.). – СПб., 2000. С. 111.

558

Цит. по: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской Империи. С.3.

559

Черчилль У. Мировой кризис. – М., Л., 1932. С. 39.

560

Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. – СПб., 2003. С. 187.